

Андрей Малышев

*Номинант на Нобелевскую премию
в области литературы*

1963

БОГ есть ЛЮБОВЬ!

Издательство «Перо»
Москва 2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Мальшев Андрей
М20 Познавая Истину: Избранное. – М.: Издательство «Перо», 2018. – 520 с.

ISBN 978-5-00122-733-5

Уважаемый читатель! Перед Вами книга, в которой с современной, понятной абсолютно всем точки зрения рассмотрены никогда не теряющие актуальности, силы влияния на людей и их души вещи: готовность совершить подвиг, человечность, искренность в верованиях, идеалы нравственности. Эта книга и её автор, номинант на Нобелевскую премию в области литературы Мальшев А. В., выступают за сохранность понятий мужественности, правдивости в изложении истории, ведь в современном мире людям так легко сбиться с верного пути и потеряться в водовороте множества событий, происходящих вокруг, политических интриг и навязывания самоназванной «элитой» лживых образов ведения жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-733-5

© Мальшев А., 2018

Аннотация

Уважаемый читатель! Перед Вами книга, в которой с современной, понятной абсолютно всем точки зрения рассмотрены никогда не теряющие актуальности, силы влияния на людей и их души вещи: готовность совершить подвиг, человечность, искренность в верованиях, идеалы нравственности. Эта книга и её автор, номинант на Нобелевскую премию в области литературы Малышев А. В., выступают за сохранность понятий мужественности, правдивости в изложении истории, ведь в современном мире людям так легко сбиться с верного пути и потеряться в водовороте множества событий, происходящих вокруг, политических интриг и навязывания самоназванной «элитой» лживых образов ведения жизни.

Книга русского писателя Малышева Андрея Валентиновича «Познавая Истину» – это сборник избранных произведений автора, написанных им на протяжении многих лет. Сборник объединяет в себе разные по жанру составляющие; вы сможете найти в нём рассказы, эссе, новеллы, повесть, притчу... Даже необычный для многих жанр, созданный самим автором и так точно названный им же, – роман-предупреждение! Но вне зависимости от формы изложения, произведения наполнены яркими самобытными образами и пропитаны уникальной атмосферой.

Красной нитью через всю книгу прослеживается идея духовного единства Русского Народа. В современном мире понятия «духовность» и «духовное развитие» потускнели, утратили свою первоначальную суть, так же, как и ценность исторически сложившихся нравствен-

ность устоев. Однако автор помогает придать им новые краски, наполнить их новым смыслом, понятным любому современному человеку. Так в открывающем сборник эссе «Гражданин неба» эмоционально повествуется о проблемах современного гражданского общества в России с точки зрения именно Любви к Богу. Автор рассуждает о милости Отца нашего Всевышнего, задаёт самому себе и читателям самые насущные вопросы, пытаясь найти Бога во всём: от политики до праздной жизни элит. Взывает осмотреться вокруг себя и заглянуть в глубины собственной души, чтобы найти в ней Любовь, Сострадание, Мужество, способность совершить Подвиг.

*Куликова Д. А.,
редактор издательства «Перо»*

*Посвящается
Маме Лии Вячеславовне и
Папе Валентину Николаевичу
Мальшевым*

Уважаемый Андрей Валентинович!

С интересом прочитал Вашу книгу.

По этому образцу Вашего творчества чувствуется, что Вы обладаете очень неординарным и самобытным литературным дарованием. Подкупает искренность, желание утверждать светлые идеалы, показывать правду современной российской жизни через яркие и типичные для нашего времени человеческие образы и характеры.

В общем, мне, как читателю, Ваша проза понравилась.

Благодарю Вас за верность нашей партии и за то, что своими произведениями, в сущности, помогаете нам утверждать идеалы нравственности, справедливости и духовности. От души желаю Вам крепкого здоровья, добра, благополучия и больших творческих успехов!

*Председатель Политической партии
СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ,
руководитель фракции «Справедливая Россия»
в Государственной Думе Федерального Собрания
Российской Федерации
С.М. Миронов.*

Уважаемый Андрей Валентинович!

Благодарю Вас за книгу, в которой Вам достоверно удалось изобразить настоящие примеры мужества и самопожертвования во имя светлых понятий, значимость которых в настоящее время часто несправедливо смазывается и осмеивается.

Также как и Вам, мне видится, что в периоды потрясений, когда нашу страну лихорадит, всегда появляются и будут появляться люди готовые на подвиг.

Позвольте от всего сердца пожелать Вам благополучия, здоровья и удачи!

*С уважением,
Генеральный директор
Киноконцерна «Мосфильм»
Кинорежиссёр
К.Г. Шахназаров.*

Уважаемый Андрей Валентинович!

Благодарим Вас за понесённый труд повесть «Истина лейтенанта Соколова»: ярко изложенное художественное произведение.

*Желаем Вам помощи Божией и всяческих благ!
Храни Вас Господь!*

*С уважением,
Московская Патриархия.*

Уважаемый Андрей Валентинович!

Очень горжусь тем, что Вы – наш соотечественник, выдвинуты на соискание Нобелевской Премии в области литературы. Желаю вам удачи! И уже этот факт говорит о том, что Вы Нашли себя в профессии и призвании! Очень рада за Ваши успехи!

Всего Вам самого доброго!

*С уважением,
телеведущая Ольга Марамы*

ГРАЖДАНИН НЕБА

Публицистическое эссе

*Мысли полёт, вот где свершенье!
Мысли полёт-вот красота!*

Вот говорят, выборы скоро....

И начинают у нас в России-Матушке «просыпаться» «патриоты», и те, что справа, и те, что левизной грешат.

Мол, выбери меня – несменяемую птицу счастья завтрашнего дня!

Сразу скажу, что я не самый большой поклонник «-измов», хотя обновлённый социализм мне ближе по душе.

Но только при условии, если он **НАСТОЯЩИЙ**.

Не Царствие Божие, конечно, но всё же....

Вот многие говорят про справедливость, про кремлёвский список, что мол будет справедливо объединиться с сильными и властями мира сего.

А так ли это?

Можно, конечно, ехидно ухмыляться, мол, я в своё время чёрную икру, омаров и лангустов с ними не наворачивал, на дорогущих яхтах море не бороздил, так чего же мне с ними «единиться»?!!

Да и в Гаагу, скажем прямо, путь у каждого свой....

Или вот, показывают на очередного чиновного олигарха во власти и кричат, как слепой Вий, которому дали наконец-то зрение: «Вот он! Ату его, бери его, робята!»

Мол, справедливо это. Защитники власти же вопят в ответку: «Ну как же брат, без него же Рассея рассыплется, да и несправедливо, один он что-ли такой на нашей Матушке-России уродился?!»

Да, не один. Много их, и легион имя всем им, служащих и раболепствующих перед ним.

И не уродился, а стал ТАКИМ.

Добровольно.

Коротко замечу для него, ну почему делам твоим противиться Господь?!!

В самом деле-почему?!!

Да потому, что дело твое разошлось со словами твоими, и Правды в делах твоих больше нет!

А по справедливости так скажу.

Справедливо это, когда население самой богатой страны в мире собирает своим больным и умирающим детям деньги на лечение за границей по телефонным СМС или сбрасывается на дрова старикам, живущим в умирающих холодных русских деревнях.

Справедливо это?!!

Вот почему богатый паразит Царствие Божие не наследует, и даже ближние его подлежат наказанию.

И милосердно ли поступает чиновный олигарх, выводя в очередной крысиный офшор «свои» уворованные от детей России деньги, не забывая трещать при этом про современный патриотизм, особенности России, и идеи объединения с ним обворованного же им самим россиянина?!!!

Или есть ли любовь у депутатов Государственной Думы, у чиновников Совета Федерации с охотой голосующих за любой закон, подкинутый им кремлёвской администрацией и явно ухудшающий жизнь людей?!!

О какой любви и единении идёт речь, если отдельные чиновники при реальной зарплате и пенсии рядово-

го россиянина в 10–15 тысяч рублей, получают в день до 5 миллионов рублей?

А депутаты?!!

Не стыдно вам иметь доходы в сотни раз превышающие реальные зарплаты и пенсии в России?!!

Про какой патриотизм и для кого вы поёте?!!

Вы хоть понимаете, кому продали душу вашу и кто спонсор ваш, тот, чьи дни на земле уже сочтены.

Вот поэтому верно сказано про тех, служащих злу, кого хочет наказать Бог, как о лишённых рассудка. И истинно молвлено об Ангелах – добрых Пришельцах с Неба.

Верно это, как и то, что попирающие Победу сорок пятого, глумятся над детьми и внуками Победителей, грабя Державу безудержно !

Не смей приватизировать Победу и обесценивать ее !

Вот говорят, Крым наш.

Ну, наш, успокойтесь, пожалуйста.

Вот те, кого в России презрительно кличут либерастами, бают, что мол, агрессия была, нехорошо всё это.

Была?!!

А с другой стороны, правильно ли, что Крым воссоединился с Россией.

Правильно?

Но посмотрите, пожалуйста, шире, братья мои, россияне и украинцы, и выше, если взор ваш не замутнён не прошедшей ещё обидой и горечью поражения.

Вспомните, ведь Отец наш Всевышний хоть и скрепя сердцем, но говорил, скажу это простыми словами, дабы всем понять и уразуметь: «Если же жена думает разводиться, дай ей разводное письмо, пусть уходит, чтобы не пролилась кровь, но, при этом знай, что тот, кто живёт с ней – прелюбодействует, равно как и отпустивший её и живущий с другой».

Поговорим о героях.

Много их настоящих или показушных ?

Тех, с топора которых стекала безвинная кровь или неизвестных, тех, кого отметил сам Господь?!!

Что ещё?

Вот говорят, кумиры мира сего, такие как Ален Делон, красавчик и киноковбой, что, мол, невозможно жить в мире без настоящих истинных героев.

А мы, граждане века грядущего, мы, что сделали мы, чтобы исправить мнение того, формирующего мнение тех, кто живёт сейчас?!!

Гутарят вот об истине, не понимая даже о чём говорят.

Вот появишься Господь, и Его заставят заплатить, если словом своим Он пожелает спасти всех!

Или спортсмены, едущие на очередную олимпиаду за своим «баблишком» под предательским белым знаменем.

Где ты, Мать-Россия, очнись! Ибо самые худшие олицетворяют имя твоё и прикрываются тобой!!!

Лучшие ли – «элита» знамени твоего указуют на самых худших и бездарных!

Очнись, Мать!

Ибо уроды захватили нас и паразитируют на имени твоём Святом.

Многие говорят о святости.

Сразу вам скажу, никто не свят, кроме как Единый Бог, и Тот, кого Он в Праведности своей и Любви назовёт святым!

Так что, братцы, ни Патриарх, ни Служитель Римский не святы подобно Богу, ибо Славы своей им Он не даст.

Это точно, как и Царствие Божие внутри вас есть, а не в жилищах каменных или деревянных, построенных в суетности вашей для Него.

Ибо Бог живёт там, где хочет!

И живёт Он в Святых Своих, говоря с людьми делами своими, преобразуя мир постоянно.

А Славу же Его наследуют Дети Его – Граждане Неба, те которые любили и не жалели себя ради Имени Его Святого и ближних своих, жертвуя собой в праведности любви, таким образом ИЗМЕНЯЯ мир в лучшую сторону, становясь Со-Творцами Отца Своего.

Ибо сразу скажем, что Истина одна – Любовь, ибо высшее имя Всевышнего таково, и пребывающий в Любви в Боге пребывает.

Человек же, наделённый правом выбора всегда может решить для себя кто он – сын Адама или Божий Сын?

Если Адамов, то наследует тень прошлогодней травы, если же Божий, то Славу Всевышнего восхищает Он, и многое будет дано Ему.

Можно знать разные тайны, такие как число имён Всевышнего – 72, и число Сына Человеческого – 27, и как именно выглядел Святой Дух – огненный светоносный шар с крыльями, подобно голубю, сошедший с Неба на Возлюбленного Моего и Нашего Христа. Да сбудется реченное Бенедиктом Шестнадцатым!

Ибо Бог Един и Один, и являя себя разным религиям и верам, Он являл себя так, что каждый видел Его по-своему.

Но все эти тайны НИЧТО, если не имеешь Любви и её сторонисься!

Вот поэтому каждое дело обречено на тлен свой, если не имеет объединяющей Силы, которая от Бога исходит – Любви.

Вот и будьте Гражданами Неба, ибо Царствие Божие ни для кого не закрыто, а не пленниками этой временной жизни, что в вас протекает.

Каждый, кто восхочет и приложит силу да будет
Гражданином Неба Святого и Любовь Божия в нём
воссияет!

Ибо Любовь – Имя Божие и с Ним – ПОБЕДИМ!!!

Русский писатель, Номинант на Нобелевскую Пре-
мию в области литературы, Андрей Малышев.

РОДИНА

(Родом из детства)

Рассказ

Я уже стал забывать, когда это было.

И память всё чаще теребит меня, словно бы спрашивая: а было ли?

Но было, правда, было.

Помнятся рыбацкие зорьки, дышащие медовым разнотравьем заливных лугов, и просиживание на ароматно пахнущих древесной смолой плотях – бонах, тех самых, подогнанных на буксирах по Сухоне-реке к берегу деловитыми речниками на неспешно идущих по чистой воде речными тягачами «РТ», из динамиков которых неслось раздольное и гремящее над рекой «Ох, как хорошо-хорошо!».

Помнится, стояли такие плоты и у нас в районе Печаткино нашего небольшого пятидесятитысячного города Сокол, что на Русском Севере Вологодской области. Стояли эти плоты у самого берега напротив деревянных, по сути, деревенских домиков, смотревших окнами на реку. Между берегом и плотами, как правило, находилось расстояние четыре метра и по брёвнам-мосткам рыбацки, идя в «атаку» на рыбу, штурмовали эту временную, зачастую ненадёжную переправу.

Среди рыбацков своим внешним колоритным видом выделялся пожилой рыбак «Бешеный Серёжа», как его называли рыбаки. Старый инвалид той самой страшной войны, участвовать в которой доводилось многим нашим дедам и близким.

Как-то я спросил его: – Дядь Серёж, а почему вас называют бешеный?

Старый рыбак, перезабрасывая уду, как-то по-своему, блаженно улыбаясь, простодушно изрёк: – Да не я себя так назвал, а соседи-рыбаки, видя, какой клёв у меня бывает – бешеный!

И действительно, на плоте, густо облепленном, словно птичками, рыбаками с удочками, донками и подпусками, клевало в основном у «Бешеного Серёжи», который то и дело выдёргивал довольно-таки крупную и разнообразную рыбёшку из таинственно поблёскивающих вод Сухоны. Другие рыбаки, что соседствовали с ветераном, довольствовались стандартным бесклёвьем, с завистью поглядывая на серебристую рыбку, то и дело снимаемую с крючка старым рыбаком. Чтобы не мешать, я отошёл в сторону и, уединившись, забросил свою удочку в водный прогал между берегом и плотом. К счастью рыбаков «Бешеный Серёжа» освободил своё клёвое место и неожиданно подошёл ко мне, расположившись поблизости. Учитывая, что у меня не клевало, я был рад такому соседству.

– Не помешаю? – обратился ко мне старый рыбак, – Не против моей компании?

– Нет, что вы, – смутился я, – располагайтесь, вон сколько места ещё свободного.

– Спасибо, – коротко поблагодарил меня ветеран и спросил, – как звать-то тебя, паря, величать?

– Андрюха, – робко представился я и отчего-то, по-предательски так, покраснел.

– Да не робей ты, паря, – добродушно улыбнулся «Бешеный Серёжа», явно увидев во мне не только мальчугана, но и собеседника, – давно я подметил, что ты по утранке со мной по соседству рыбалишь, молодец, хорошее это дело – рыбалка!

– А то! – горделиво согласился с ним я, – Рыбалка поинтереснее чтения Фенимора Купера бывает!

– Согласен, – кивнул мне по-приятельски так пожилой рыболов и затем, словно бы, спохватился, – постой, паря, вот я с тобой баю, да баю, а ты, чай, голодный, не завтракал небось?

Несмотря на все мои робкие и уважительные отказы, старый рыбак уверенно достал свою нехитрую снедь: несколько бутербродов с колбасой, зелёный лук, варёные яйца да две небольшие бутылочки с каким-то домашним компотом. Поделив по-братски свой завтрак на двоих, мой товарищ по рыбалке уверенно протянул мне мою долю:

– Кушай, паря, а то худющий, как грач! Смотри, какая жератушка то нажористая! Рыбалка – это работа, не только отдых, а коли робишь, то и есть должен.

Взяв предложенный завтрак, я коротко поблагодарил своего старшего товарища.

– А вообще-то, Андрюша, – нарушил недолгую паузу старый рыбак, – правильно делаешь, что рыбалишь! Сам-то я родом с деревни Казариново, что на Сухоне стоит, сейчас там тоже такие же плоты речники гоняют, а рыба там – загляденье! Лещи там крупные, не чета здешним, одно слово – Кубеноозеро рядышком, а там рыбы много! Да и вода там чище, хотя и здесь ещё не так плоха.

С этими словами мой старший наставник зачерпнул в ладони чистую воду матушки Сухоны-реки и с наслаждением испил её всю, до последней капли.

– Да, хороша водица, – улыбнулся ветеран, затем немного помрачнел, – правда вот заводы и комбинаты портят её, но может быть уразумеют люди, что нельзя губить то, что дано нам свыше!

– Дядь Серёж, – не утерпел я, – а в город вы давно перебрались из деревни, и вообще, как она жизнь деревенская?

– После войны, Андрей, – степенно отвечал старый рыбак, – после её, проклятой, и перебрался в город, хотя сейчас жалею об этом. Ну как тебе сказать? Ой, как не хватает мне порой нашей деревенской жизни, ранних утрешних покосов по юной росе, пения ленивых позаутрешних деревенских петухов, запаха русских полей, лугов, лесов, реки и озера, и всего того, что неуловимо, но правильно зовётся Родиной. Понимаю иногда, что снявшись, как птица, со своего гнездовия, утратил я какие-то истоки старой силы, которая во мне была. Хотя, вестимо, сила в другом есть.

При этих словах старик выразительно посмотрел на небо и замолчал.

Стало жарко и июльское солнышко, ласково пригревая, заставило нас снять свои рубашки, словно бы говоря «Позагорайте, ребята!».

Посмотрев на пожилого рыбака, я содрогнулся: по всей его обожжённой и сторевшей спине ужасными рубцами белели незаживающие раны той самой страшной войны.

Перехватив мой взгляд, старый рыбак печально улыбнулся:

– Не пугайся, паря! На Курской Дуге в танке пришлось гореть, бой был страшным! Когда кончались снаряды, ребята таранили «тигры» и «пантеры», и горели, горели...

Ветеран отвернулся от меня, и мне даже показалось, что одинокая слеза сиротливо блеснула на его щеке. Впрочем, отставной танкист быстро взял себя в руки, стряхнув не прошенную слезинку.

– Помнишь, – заговорил со мной, словно бы преодолевая себя, старый ветеран, – недорассказал тебе, почему уехал из деревни в город, так вот, слушай... Была у меня до войны зазнобушка любимая там, Шурочка... Баская такая, одно слово – красавица! Ох, сиживали мы с

ней на реке, и дролюшкой единственным она меня называла. Все туманы и рассветы, все утрешние и заутрешние певуны-соловьи, все были наши, уж и в сельсовет заявление подали, чтоб расписаться... А тут она, проклятая... война...

Помолчав немного, старый танкист горестно вздохнул. – Так получилось, – после недолгого молчания продолжил свой грустный рассказ ветеран, – что после того, как я ушёл на фронт, так и моя Шуручка записалась в медсанбат... Так вот, когда горел я в той самой «тридцатьчетвёрке», после того как «тигр» на таран взяли, смотрю, в кабине всё плавится, всё горит, а ребята из экипажа... Все до единого... Короче, один я из нашего экипажа остался... Вылез из танка, к нашим ползу, а всюду бой! И вдруг, словно бы из ниоткуда, сестричка наша милосердия, меня увидев, сразу же ко мне, укол вколола, бинтами кровь остановила... Посмотрел на неё и радостно содрогнулся: то ж Шуручка моя!

Ветеран посмотрел на меня и улыбнулся, вспоминая: – Обнялись мы с ней, и стала она значит меня на себе вытаскивать, потому что я и ползти-то как следует не мог... И вдруг «ишак» – фашистский реактивный миномёт накрывать нас стал, и Шуручка... короче, накрыла она меня собой, и все осколки, те, что мне предназначались, на себя приняла... Так-то вот, паря... А меня спасли, хотя лучше бы... Вот и не смог я жить без неё в нашей деревне, где всё бы напоминало о ней, так вот в город и перебрался...

Я заметил, как старый рыбацёк достал из своей рыбацкой сумки кусок хлеба и стал подбрасывать его в воду как прикормку рыбам и чайкам, налетевшим на дармовое угощение. Неизвестно откуда к нам прилетел и сел на плоты белоснежный голубь, который воркуя, пел нам свою простую и задушевную песню. Выслушав бесхи-

тростную песню белокрылого красавца, старый танкист накормил хлебом и голубя, и счастливо как-то улыбнулся. Тем временем, глянув на удочки, я заметил, что поплавок удочки ветерана неведомая рыба утянула на глубину, впрочем, это заметил и мой старый напарник, который подсёк и вытащил крупного горбатого, явно озёрного, килограммового окуня!

Наша рыбалка продолжилась!

– Скажите, в чём ваш секрет? – не утерпев, спросил я старого рыбачка, у меня под носом вытаскивающего на удочку одного за другим крупных подлещиков, – Может червя чем-либо смазываете, или слово какое заговорное знаете?

Старый рыбак хитро улыбнулся в свои усы и бороду, переабрасывая удочку.

– Хорошо, – нарушил ветеран войны и рыбалки своё недолгое молчание, обращаясь ко мне, – что ты видишь?

Я недоуменно посмотрел на него. Действительно, что я вижу?

Я посмотрел на поплавок, белеющий яркой точкой на зеркальной глади воды, в которой, кажется, отразилось всё: и растущие на берегу плакучие ивы, грациозно целующиеся своими ветвями с неспешно бегущей серебристой водой, и белоснежные облака, и деревенские избы, отражённые в таинственной глади воды.

Что я видел?

– Красоту, – робко и восхищённо ответил я старому рыбаку, – я увидел красоту!

– А что это? – улыбнулся старый рыбак, – как бы это ты иначе назвал?

Взглянув на расходящиеся круги от гуляющей рыбы у моего поплавка, я предположил: – Красивое место, в которое хочется возвращаться вновь и вновь, и которое запомнится навсегда!

– Родина это, парень, – с какой-то нездешней грустинкой дал определение всему тому прекрасному, что я и он сейчас созерцали, – просто родина, твоя земля., место, где ты родился, где род твой. Там, где тебе хорошо, где тебя всегда ждут, где сердце и душа твоя, там и родина твоя!

– Это я понял, – согласился с ветераном я, – а в чём ваш секрет?

У старого рыбака клевало: его поплавок внезапно лёг на поверхность, затем резко ушёл под воду. Точно выверенным движением «везунчик» подсёк рыбу и не торопясь подвёл и достал из воды серебристого килограммового леща!

– В чём секрет, паря? – переспросил меня, довольно улыбаясь, рыбак, – А он прост, вот скажи, а может быть дороже что-либо или кто-либо твоих родителей и даже Родины?

Я засомневался в своём ответе, честно признавшись, что, мол, не знаю. На нашем небольшом заливчике, перегороженном плотами, сверкая на солнце чешуёй, гуляла и плавилась на поверхности воды неведомая рыба.

– А весь секрет мой, – раскрыл-таки свою тайну старый рыбак, – в том, что я Бога поминаю и Родину. Прихожу на реку и прошу: Боже Святой! Помоги мне с рыбкой, и ты матушка-река не подкачай, вот всё у меня и получается! Таков мой секрет, паря, попробуй, не поленись!

Задумчиво посмотрев на старого рыбака и поняв, что он не шутит, я повторил про себя его слова. Не знаю, может и случайно, но в ту же секунду мой поплавок скрылся из виду, плавная подсечка и вот в моих руках играет на солнце серебром и исполняет свой танец долгожданный подлещик!

И пошло, и поехало!

Что ни заброс – поклёвка! Да, секрет старого рыбачка работает! Вот уже и полиэтиленовый пакет не вмещает пойманную рыбу, а она всё клюёт и клюёт!

Доставая и сматывая удочку, я со словами благодарности посмотрел на старого ветерана: – Спасибо за секрет, дядя Серёжа, он настоящий, истинный!

– Да я что, ничего, – простодушно улыбнулся в ответ старый рыбак, – пользуйся и запомни: по истине своей никогда не отступай от правды и не соглашайся со злом, иначе кровь Бога святого и на тебе будет, а этого допускать нельзя. Иди, паря, с Богом, иди.

Посмотрев вокруг, словно бы запоминая надолго, навсегда, неброскую красоту родной природы, глядя на зеркальную воду, в которой купалось как-то по-детски солнышко, я обернулся и посмотрел на счастливо улыбающегося старика.

– Да, теперь я понял, что значит Бог и наша ... Родина!

Неспешно как-то, словно бы по мановению чьей-то волшебной руки, на небе установилась, даже без капельки дождя, прекрасная радуга, таинственно отразившаяся в зеркальных водах матушки Сухоны-реки.

МОНАХ

Эссе

Где-то в дальних вологодских лесах стоял одинокий монашеский скит, где обитал монах-отшельник Егорий.

Вёл хозяйство своё, и на молитве стоял, творя её святую ежечасно.

И прибивались к нему раз за разом братия его – монахи, да странники-калики переходящие.

И вот напросился к нему как-то брат Андрей, посмотреть небольшую и небогатую келью его, да глянуть хоть глазком, да послушать скромную молитву, творимую Егорием.

Видя маловерие брата своего во Христе, соглашался брат Егорий на действие это, правда, просил затем ничего и никому не рассказывать.

Зайдя в небольшую каморку, Андрей с уважением покосился на неприметно висящий в уголке на вешалке военный китель с боевыми орденами и медалями, среди которых при свете свечей тускло поблёскивала Геройская Звездочка.

Встав посреди кельи, монах улыбнулся своему брату, когда тот спросил, что мол, не зажечь ли ещё свечей, ибо темно.

– Подожди, – кротко светился своим ликом Егорий, – есть тот, кто воспламенит свечу. Не волнуйся ничуть – Ангел Божий соделает это.

С этими словами он погрузился в себя и стал творить святую молитву.

Спустя какое то время, Андрей заметил, что сама атмосфера в келье монаха стала меняться, словно в каком-

то тумане засветились теплым матовым светом иконы на стенах.

И внезапно вспыхнули свечи.

Все.

Одновременно.

И в этот самый момент, к своему изумлению заметил Андрей, что стены кельи стали исчезать и растворяться и Небесный Свет залил все помещение.

И видел он в потрясении своем, как брат его Егорий воспарил и изнутри его сиял неведомый Свет, и какая-то Божественная музыка наполняла келью своим звуком и запахом мяты, ладана и смирны.

Затем, Светом стало ВСЁ, и даже он, видящий это Чудо. Счастье Абсолютной Любви охватило Андрея, и время и пространство потеряло значение.

Впрочем, через некоторое время всё вернулось на круги своя: и время и пространство.

Приходя в себя, Андрей слышал, как ласково гладил его по голове, приводя в себя, брат Егорий: – Ты только не сказывай об этом никому, ибо грешник я, и не достоин этого! А запомни одно: Бог Есть, и в Любви Его мы ВЕЧНЫ!

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Современная русская сказка

Любимой Жене посвящается!

Мир появился не вчера.

Это верно сказано.

И всегда в нём было и хорошее, и плохое, и сказочное, и самое-самое что ни на есть обыкновенное.

Вот об этом-то я и хотел напомнить, прежде чем рассказать вам эту незамысловатую современную русскую сказку.

В некотором Царстве, в современном государстве, в России-матушке жили и поживали Иван-Дурак да его суженая, молодая жена его – Елена Прекрасная.

И был Иванушка вовсе даже не дураком. Ну, а то, что прозвище обидное к нему прилепилось, не обижался он, так бывает, когда людям шибко помогаешь.

Жили как и все, бед особых не знали и любили друг друга.

Правда, было в обществе между людьми какое-то равнодушное и презрительное отчуждение, ибо каменные сердца многих были по причине оскудевания всеобщей любви и отсутствия всенародной цели.

И разделены были люди не только религиями, суть есть едиными, но и по социальному статусу и значению своему. И казалось многим, что равнодушные спасительно и целительно для душ их.

Да что и говорить, если ценность человека определялась не только по богатству его, но и по частоте его появления на телеэкранах страны, и не важно, кем был этот кумир – добряком или первостатейным злодеем.

Так же как и люди разделены были между собой и древние силы Добра и Зла.

Вот и жил Иван вместе со сказочной красой Еленой Прекрасной в тесной двухкомнатной хрущовке.

В то же время чах над золотом в своем позолоченном дворце бессменный Президент «Вечного Банка Бессмертия» Кощей Бессмертный со своей плутовкой старой ведьмой и бизнес-леди по совместительству – Бабой Ягой.

Ну, а коли начали рассказ сей с сил Добра, так давайте подробнее и расскажем о наших главных героях.

Был Иван к своим двадцати пяти симпатичным молодым человеком, и хоть жизнь его и застряла вот на этой самой цифре, он был вполне доволен и счастлив своей жизнью. Работал же наш Ваня простым участковым инспектором полиции и с гордостью носил на своих плечах лейтенантские погоны.

Отдельно скажем о его жене.

Подвезло Ивану с жёнкой! И красавица: юная, не дашь больше двадцати на вид, грациозная и хрупкая, с русыми, цвета спелой пшеницы волосами с запахом лесного

разнотравья и большими ясными светло-зелеными глазами. Она являла собой как бы некий символ завершённости и очарования настоящей русской северной красоты. При этом великолепно готовила и справно управлялась с любым домашним делом. Да, повезло нашему Ванюше с женой!

И частенько по праву называл Иван свою благоверную Еленой Прекрасной! А работала наша героиня в налоговой инспекции самым что ни на есть простым налоговым инспектором. И хоть числились на государевой службе оба наших героя, частенько так бывало, что не благодаря, а вопреки своей работе они помогали людям.

Хоть и не было детишек у Ивана с Еленой, а вот домашний любимец у них был. Вот и сейчас ластился у их ног огромный пушистый светло-серый кот породы мейн-кун с повадками настоящего телохранителя-собаки, которого именно за эти качества Лена назвала котопсом. И был у них в семье и лад, и Любовь была земная и небесная!

Всё бы хорошо, да позавидовали счастью их злыдни века сегодняшнего и обманчивого – Кощей Бессмертный и ведьма – жена его Баба Яга. И задумали они разлучить Ивана с Леночкой его. Как задумано, так и сделано!

Вот и встала у волшебного зеркала злая Баба Яга, посмотрела в него и криво улыбнулась: отразило зеркало неказистый и страшноватый вид её, который не смогли украсить ни бриллианты, ни золото с жемчугами да камнями драгоценными. И взмахнула рукой страхолудина: «Стань как она!» Вмиг обратилась злая ведьма в Елену Прекрасную, не отличишь!

И поменяли наших героев злые силы местами: Елену Прекрасную умыкнул в свой дворец Кощей Бессмертный, он же олигарх, бессменный Президент своего банка – Кощеев, ну а ведьма злая Баба Яга под видом благоверной жены-красавицы у Ивана очутилась.

И недоумевают Иван: вроде жена как жена, да вот готовить разучилась совсем, и уборки по дому не ведёт, сидит у телевизора, семечки лузгает да любимого кота пинает, который то и дело оцарапать ее норовит, словно бы не признавая в ней хозяйку.

Ну а настоящую Елену злой банкир Кощей тиранит: выходи, мол, замуж за меня, отдайся, натурально озолочу! Не век же с этим нищепородом Иваном маяться! Да вот не согласна Елена Прекрасная. И видя, что не преодолеть упорство её, заключил Кощей красавицу в темницу тёмную, не отапливаемую, затерявшуюся в бесконечных подвалах и застенках огромного дворца.

Ближе к ночи уже попыталась плутовка Баба Яга под видом Елены соблазнить Ивана. Да не тут-то было!

Висело над кроватью молодых супругов зеркало, да не простое, а волшебное. Всю правду показывало о том, кто отражался в нём. Глянул Иван в зеркало, надеясь полюбоваться отражением супруженицы своей, да ужаснулся: смотрела на него из зеркала не прекрасная женушка его, а ужасная страхолюдина, чёрные глаза которой сверкали недобрым огнём, и вместо очаровательного женского носика хищно лязгал страшный вороний клюв, из которого с шипением показывался длинный змеиный язык.

– Ведьма! – похолодев, догадался Иван и схватил обманщицу.

Поняв, что её коварный замысел не удался, и обман разоблачён, Баба Яга приняла свой обычный вид. Иван грозно посмотрел на плутовку.

– Где Елена? – тихо спросил он, и звуки металла жёстко послышались в его голосе.

– Где, где, в Караганде! – блудливо подмигнула ему старая ведьма. – Не скрою, юноша, у Кощеюшки жёнуш-

ка твоя! Правда, вот вопрос: по-прежнему ли она верна тебе?! Кощей он такой – дело свое туго знает...

Договорить она не успела по причине того, что большой мейн-кун, вопя, вцепился ей зубами в ногу, преобразаясь в говорящего кота: – Где моя хозяйка?! Отвечай, ведьма!!!

Не ожидая подобного поворота, испугалась старая чертовка, особенно когда Иван с силой потряхнул её.

– Да отстаньте вы от меня! – замахала она руками. – Сказала же: у Кощей! И не надо страшать да курошать меня, не из пугливых! Зуб я давно имею на своего прохиндея – Кощеюшку-изменника! Всё скажу, передых только дайте маленький!

– Не будет тебе передыха, ведьма старая! – еще сильнее тряс Бабу Ягу Иван. – Отвечай, как мне освободить жёнушку мою!

– Просто так, – зло улыбнулась незваная гостья, – в трёх часах езды от города есть село Кукуево, там дворец Кощеев, там Еленушка твоя в заточении! Путь же твой – через старое кладбище, где ждёт тебя встреча неожиданная. Там, по сиянию, исходящему из-под земли, найдёшь ты оружие на Кощей – меч-кладенец, да вот не просто взять его будет. И если справишься с первым заданием, ждать тебя будет и второе заданье: на мосту через реку Горыниха ждёт тебя Чудо-Юдо – страшный дракон Змей Горыныч. И если не убоишься и сразишься с ним, знай, на когте у страшилища окаянного перстень Вечности, и пока он на Змее, то непобедим он, ибо в нём и смерть Кощеева заключена! Третье же задание невыполнимо, ибо тот, кто бросит вызов Кощей, вмиг окаменеет, и не поможет даже перстенёк волшебный тот, потому как мудр Кощей! Вот и поэтому смирись Иван, не резон тебе с Князем тьмы тягаться! И времени тебе дано с этой минуты ровно три часа, и если опоздаешь хоть на минуточку, ввек тебе не видать жёнушки своей!

С этими словами ведьма, оттолкнув Ивана, превратилась в старую ворону и, взлетев, попыталась улизнуть. Но не тут то было: в прыжке огромный кот изловил хищницу и молниеносно расправился с ней.

– Так лучше! – хитро-мудро улыбнулся котяра и встал на задние лапы, уподобившись человеку.

– Ой! – не удержался его хозяин. – Так ты, пушистый, теперь и ходить, и разговаривать будешь?! Верно, котопес?!

Мейн-кун посмотрел на Иванушку и расплылся в широкой улыбке.

– Мда-а, – промурлыкал довольный котяра, – теперь буду, ибо время пришло... Да, просьбочку к тебе имею одну: ну не называй ты меня котопсом! Какой же я пёс?!

Иван скептически посмотрел на говорящего кота.

– Действительно, какой ты котопёс?! – согласился он и оценивающе посмотрел на него. – Но как же тебя называть? Пушистик? Нравится тебе? Скажи...

– Потянет с килькой в масле, – добродушно согласился котофей и, немного задумавшись, промурлыкал мечтательно, – только зови меня не просто Пушистик, а Капитан Пушистик! Понял, да?!

– Капитан так Капитан! – послушно кивнул головой Иван и помрачнел взором своим. – А теперь, друг Пушистик, если ведьма не солгала, в дорогу нам надо, три часа у нас! И это без дорожных приключений!

– Ну сказал же: «Капитан»! – ворчливо глянул на него говорящий кот. – Трудно что ли запомнить: Капитан Пушистик! А Елену надо выручать и поэтому поспешать, хозяин, к ней надобно весьма быстро! Подожди минутку, приоденусь слегка.

С этими словами словоохотливый кот натянул на себя старые шорты и рубашку Ивана и лихо так, молодецки посмотрел на него.

Скоро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

Ну вышли Ваня с Капитаном Пушистиком к старенькой своей автомашине, ладной такой белоснежной вазовской «девятке», быстро сели и отъехали от своего дома.

Эх, «девяточка»!

Старая семейная «девяточка»!

Песня, а не машина!

Что сказать, поспешал Иван очень быстро, ох, пристегнись, Пушистик! И поэтому не был удивлён, когда, выехав из города, на одной из заброшенных сельских дорог был остановлен вышедшим из патрульного УАЗа нарядом дорожно-патрульной службы, видимо, несущим службу на приличном отдалении от города.

Подшли к нему три добра молодца, три современных Чудо-Богатыря: дорожный полицейский, налоговый инспектор и судебный пристав.

Ладно так подошли, с достоинством – чай, не разбойнички с большой дороги!

Совместный пост, однако, что же вы хотели!

И насчёт богатырей не ослышались вы, ибо были эти государевы служащие настоящими былинными богатырями: Святогором, Ильёй Муромцем и Алёшей Поповичем.

Но, как вы понимаете, время не стоит на месте, и поэтому звались они сейчас просто: лейтенант ДПС Святогор, инспектор Муромцев и пристав Поповцев.

Подойдя к нему с явно очевидными намерениями, троица изменила их, узнав его и просияв улыбочкой богатырской: Да то ж Иван-Царевич, по совместительству – Дурак!

Ну, обнялись они, как старые друзья, руки друг другу пожали.

– Что так гонишь, Иванушка? – ворчливо немного так и не по-уставному, для порядка, значит, спросил Святогор-Святогор. – Так и разбиться можно!

– Эх, беда у меня братцы! – тяжело вздохнул наш герой. – Умыкнул у меня Елену Прекрасную злой волшебник и маг Кощей Бессмертный! Вот и поспеваю я!

Посмотрев с надеждой на богатырей, облаченных в соответствующую их нынешнему званию и положению форму, продолжил свою речь Иванушка: – И прошу вас, братия мои, помогите мне и Елене как в стародавние времена, ибо, вот, времени вовсе мало у меня...

Приздумались богатыри, крепко так и обстоятельно, по-мужицки.

– Извиняй, братан! – с огорчением развёл руками старший их – Святогор. – Рады бы, но не получится у нас... Сам понимаешь – служба! Да и место хлебное: дорога, знаешь ли! Время сейчас такое: добрым делом сыт не будешь и его как колбасу на бутерброд не положишь! Так что, поезжай потихонечку, видим, не один ты, справишься! Эвона у тебя кот какой баской!

– Папрашу без оскорблений! – взвился недовольный котяра. – Я вам, судари мои, не кот, а Капитан Пушистик! И вообще: не всегда можно судить о великане по его размерам, ведь даже он может иметь сердце мыши, а не льва!

Сказав это, говорящий мейн-кун с вызовом посмотрел на богатырей.

– О, да ты философ! – воскликнул Попович и, не удержавшись, продекламировал:

– Мысли полёт, вот где свершенье! Мысли полёт – вот красота!

Капитан Пушистик быстро глянул на богатыря-философа: – Хорошо, а для того, чтобы понять, что ты есть, надо «жить» или просто «выжить»? Не правда ли, что лучше «быть», а не «казаться», и с этим в небо подняться, а не упасть!

Смутился богатырь и ничего не ответил премудрому коту.

– Ладно, – махнул рукой Иван, – с вами, ребята, всё ясно! Боюсь, что вы стали просто людьми – холодными и равнодушными!

– Вот и не суди нас строго! – посмотрел на него Муромец. – Люди они и есть люди, не меряй всё по себе! И удачи тебе желаем, прощай, Иван!

Вздохнув, наши герои продолжили свой путь в сторону села Кукуево.

– Слова, слова! – возмущённо пробормотал кот. – Ну почему всегда так, много слов и мало настоящих Людей и их Поступков?! Неужели непонятно, что мы те, кто мы есть! Обидно, Вань...

Ничего не ответил ему Иванушка.

Было видно, что его мохнатый помощник задумался надолго и всерьёз.

Впрочем, весьма скоро вдоль дороги, ведущей в Кукуево, показались надгробия старого заброшенного кладбища.

Проехав совсем немного, Иванушка заметил яркий свет, исходящий из древнего кладбищенского склепа.

Плавнов остановил машину Ванюша, и наши герои вышли на дорогу.

– Не там ли волшебный меч-кладенец? – только и спросил Иван и с этими словами вместе с пушистым другом поспешил к месту таинственного сияния.

Не без труда проникнув в старый склеп, Иван заметил на старинном надгробии сверкающий всеми цветами радуги меч-кладенец.

И только взял в руки грозное оружие наш герой, как по кладбищу пронёсся какой-то зловещий свист, и наступила мёртвая тишина.

И птицы не поют, и деревья не шелестят.

Даже солнышко загрузило – тучами нахмурилось.

Выйдя из склепа, наши герои содрогнулись всем духом своим: словно бы повинуюсь этому ужасному призыву, зашатались позеленевшие и обросшие мхом надгробия, и из древних могил выползли страшные ожившие мертвецы – упыри и вурдалаки.

Распространяя повсюду ужасающий запах тления и зловония, современные зомби, хищно клацая зубами, двинулись на наших героев.

И было нечисти этой весьма много, и казалось, что всё кладбище восстало в попытке помешать нашим друзьям.

Впрочем, был Иван с древних времен не только Дураком, но и Царевичем, поэтому воинскую премудрость знал как никто другой.

Первых зомбяков, подошедших к нему, он сшиб приемами каратэ, ну а остальных крошил просиявшим на солнышке волшебным мечом.

Не отставал от него и Капитан Пушистик. Не смотрите, что кот, а так лихо прыгал и бил оживших нелюдей, что просто любо-дорого посмотреть!

Впрочем, силы были явно неравны, и вражеское кольцо из восставшей нежити плотно сжималось с каждой секундой.

– Да откуда же их столько прёт?! – кричал Иван, рубя и сокрушая нечисть и налево, и направо.

Казалось бы: всё, конец! Битва проиграна!

Но где-то вдалеке прозвучала боевая песнь полицейской сирены, и через пару минут на всей скорости, скрипнув тормозами, к месту сражения подлетел патрульный УАЗ.

Богатыри, а это и были они, преображенные, в сияющих доспехах, принялись крушить и разгонять нечистую силу.

– Что, братан! – кричал богатырь Святогор. – Чай не ожидал помощи молодецкой?! Поспешай, родимый,

к жёнушке своей, а уж этих мы сами как-нибудь утихомирим!

Глянул Ванюша на дела богатырские: и вправду, помощи им не надо никакой, а вот время бежит, скачет окаянное как белка в колесе, словно говоря: поторапливаться надо!

Крикнув друзьям: – Спасибо, братцы, за помощь богатырскую! – Иван с мохнатым другом-помощником, сев в свою «девяточку» весьма поспешно, отъехал от места сражения, где Добро уверенно побеждало Зло.

Проехав около получаса по пылящей дороге, Иван посмотрел на Капитана Пушистика, который как завзятый рэпер радостно и довольно напевал: – Ох и дали мы врагам! Мяу!!! По зубам, по зубам! И кто из нас сильнейший, а?!

– Молодец, молодец, Капитан, – поощрительно улыбнулся Иван и построжел взглядом, – но всё-таки не лезь на рожон! Поостерегись, потому как у нас, что герой, что дурак – едино!

– Не бойсь, Иван! – отвечал ему премудрый кот. – Эта война уже не первая на моём веку, и цену риска я знаю хорошо!

– Ты был на войне?! – недоверчиво покосился на мохнатого друга Иван. – В какой же это было жизни?!

– В той, которую я уже помню слабо! – улыбнулся котофей. – Да и кто запретит нам, котам, воевать где-либо? Ведь жизнь у меня не одна, сам понимаешь, это сегодня ты кот, а завтра собачка, а послезавтра еще какаянибудь животина... Не каждому дано быть Человеком!

На обочине пустынной дороги показалась фигура одинокого путника, который с надеждой поднял руку.

– А вот и попутчик! – обрадовался Капитан Пушистик. – Тормози, Иван! Подвезём бедолагу, глядишь, доброе дело сотворим да и про дорогу расспросим...

Сказано – сделано!

Посадив в салон машины пассажира, Иван с интересом посмотрел на него: ничем не примечательный человек, не худой и не толстый, и не лысый, и не рябой, и не великан, и не лилипут. Таких в стране миллионы, рядом пройдёшь – не заметишь. Вот такой был их не примечательный ничем попутчик.

Проехав некоторое время в полной тишине, наш герой нарушил затянувшееся молчание.

– Ну, и долго ли еще до села Кукуево? – коротко, но уважительно спросил Иван. – А то все едем и едем, и дороге нет конца...

– Скоро уже приедем! – многозначительно посмотрел на Иванушку попутчик. – Сейчас речка Горыниха будет, на ней Каинов мост, а далее и Кукуево...

– Эх, Куево-Кукуево! – задорно вмешался в их разговор молча сидевший до этого кот. – Скорей бы уж!

– Я бы попросил не выражаться! – сурово посмотрел на Капитана Пушистика наш герой.

– А что я сказал?! – закипятился Капитан. – Ну скажите мне, что?!!

Странно, но говорящий кот почему-то несколько не удивил попутчика, который, посмотрев на Ивана, авторитетно произнес: – А всё-таки я не рекомендовал бы вам появляться в Кукуево! Развернитесь у моста и обратно в город езжайте!

И замолчал, словно бы зная все наперед.

Но, естественно, Иван не послушал незнакомца и лишь прибавил газу.

Показался старый бревенчатый мост через реку Горыниху, где-то за мостом на живописных холмах виднелся

шикарный дворец с тускло мерцающими на солнце золотыми башнями.

У моста был установлен дорожный указатель: село «Кукуево».

– А у вас сейчас колесо лопнет! – нехорошо как-то и скучно произнес попутчик. – Разворачивайтесь, пока не поздно!

Куда там!

Как гнал на скорости свою «девятку» Ванюша, так и гнал, не сбавляя ничуть. И вдруг: Хлоп! Бах!!!

Вправду лопнуло колесо, и машина, не доехав немного до моста, остановилась. Все вышли из нее.

– Ну, говорил же вам, – немного извиняющимся тоном и одновременно угрожающе произнес попутчик, – не надо вам туда! А теперь всё, поздно!

Иван с недоумением посмотрел на незнакомца.

– Почему поздно? – только и спросил он. – И кто вы такой, чтобы так говорить?!

– Я?! – в чёрных бездонных глазах попутчика мелькнули какие-то горделивые жёлтые искры, и он вежливо представился: – Я – Горыныч! А поздно потому, что вы уже знаете, что я – Дракон! И будь вы умней, то не сажали бы в дороге к себе кого попало!

– Но, позвольте! – не выдержал Капитан Пушистик. – Ну что вы наговариваете на себя! Если вы и дракон, то какой-то дефективный, где ваши головы, хвост, лапы и крылья?!!

– Воздержитесь от оскорблений, мой пушистый незнакомец! – учтиво отвечал ему Дракон. – Всему своё время! Не разочаруетесь! Неужели не понимаете, что в моём настоящем облики как-то неудобно путешествовать и знакомиться с людьми! А то, что я – Дракон настоящий, вы убедитесь весьма скоро... Да, как и говорил, звать меня по-простому – Змей Горыныч, а если еще короче – Го-

рыныч! Служу же я Кощеюшке Бессмертному, вон, видите дворец его на холмах? Уж Бессменного я уважу, и по его указу вас не допущу! Хотя, отбросим условности, что мы, дамы что ли?!! Не видать вам Кукуево, как раку своего хвоста! И вот что, ребята, извините, конечно, но съем я вас! А что поделать?! Служба такая, долг!

С этими словами попутчик молниеносно трансформировался и превратился в огромного, покрытого чешуей, шипящего, как змея, трехголового тёмно-зеленого дракона с небольшими перепончатыми крыльями, огромным хвостом, уходящим в землю, и тремя лапами, на когте одной из которых тускло поблескивал золотом волшебный перстень.

По туловищу Змея Горыныча бегали воинственные блохи и славословили дракона. И чем больше славили его, тем больше грызли и поедали его, сводя дракона с ума. Но это еще не все, что можно сказать о нашем летающем монстре. Первая голова, как бы центральная, горделиво возвышалась над другими, и какой-то патриархальной древностью веяло от неё. Вторая как бы находилась на окраине туловища. Третья, малая, вся такая белая и пушистая говорила сама с собой, переходя

со старорусского на немецкий и английский. И было видно, что не в ладу сами с собой были головы эти, ибо в ярости грызли они друг друга и оплевывали смертоносным пламенем.

– Эй, ребята! – остановил Иван воюющие и разделившиеся между собой головы дракона. – Время подгоняет! Вы бы разбирались без меня! А то непонятка есть: будем биться али как?! Может, мне молча пройти?

Змей Горыныч заинтересованно посмотрел на Иванушку всеми своими тремя успокоившимися вмиг головами.

– Так чего же не прошёл, вежливый ты наш?! – прошипела главная голова. – Шёл бы, мы тебя бы и не заметили! Не видишь, что мы свои, братские вопросы решали!

– Не-е-ет! – угрожающе приблизилась к Ивану воинственная голова, та, что на окраине. – Хоть добыча и невелика, а сожрём мы тебя и пушистика про запас прихлопнем! Правда вот, раньше витязи были как витязи, а сейчас?! Где твоя большая и вкусная лошадь, герой?! А ещё рыцарь называется!!! Что нам с твоей железной развалюхой делать, на металлолом её сдать?! Так мы, чай, не пионеры-тимуровцы!

В разговор вмешалась третья голова, белая и пушистая.

– А пусть идёт, братцы! – прошипела она. – Кто нам Кощей? Сват, брат?! Начальник, да и тот худой: всё что мы ни добудем, всё на прокорм соседним драконам раздаёт и раздаривает! И вместо похвалы за дело слышишь от него: «Ступай вон, трехголовый мутант-переросток!» И за такого впрягаться?! А биться с витязем, так, посудите, себе дороже! Ведь газ и нефть ноне не дешевы! Да и курс рубля как белка в колесе скачет, за долларом не успевает! Что же получается, братцы?! Хвост наш

нефть и газ из земли добывает, а мы задарма огонь раздаем и мечем?!

– Не задарма! – отвечала младшенькой голове своей старшая и главная голова. – Не хотел раньше времени радовать, да порадую вас, неразумных собратий! Ведь награда за этого молодца от Кощея велика: от золота немеряного до войнушки, которую Царь Кощей развяжет ради нас, дабы насладиться нам повсеместно кровью и страданиями человеческими здесь, на этой грешной земле! Да и ордена за убийства человеческие на каждую головушку нашу пожалует!

– Ну так это меняет дело! – воскликнули головы поменьше, и все три головы чудовища потянулись к Ивану. – Вот и настал твой последний день, рыцарь!

И завязалась тут кровавая битва.

Славно рубил Иван головы дракону, да вот незадача: срубил одну из голов, а Змей вмиг прикасается к ней волшебным перстнем, и вместо срубленной вырастает новая голова, еще злее и страшнее.

Что и говорить: притомился Иван, пригорюнился. Ну как победить летающего монстра?!

Так ведь и Капитан Пушистик не промах!

Проскользнул каким-то чудом среди кучи срубленных змеиных голов и, ухитрившись, стащил с когтя дракона волшебный перстень, крикнув при этом: – Бей! Круши гадину, Ванюша! Нет уж перстня на нём!!!

И срубил Иван все три головы дракону, а перстень тот волшебный себе на палец надел.

Не удержался, глянул на него: а в перстеньке этом Вечность светом невиданным отразилась в глазах его.

Побежали они к дворцу Кощееву. От свечения перстня волшебного открывались все ворота и дверцы потаенные в зловещем дворце лиходея-похитителя.

И был Кощей в тот момент в тронном зале своего дворца, полностью украшенном зеркалами, бриллиантами и золотом, поставил перед собой Елену Прекрасную, вскочил на трон и, любуясь своим отражением в зеркалах, насмеялся над ней: – Ну что, принцесса, ждешь избавителя?! Вот увидишь сейчас, Елена, смерть своего мужа ненаглядного! Увидишь, содрогнешься и заплачешь! Что, несчастная, думала что как и прежде смерть моя в игле заключена?! Смерть моя в том, что только Герой с отважным сердцем, волшебным мечом и перстнем на руке одолеет меня! Но первый, кто бросит вызов мне – вмиг окаменеет, вот поэтому и бессмертен я!

– Победит тебя Иванушка! – с достоинством отвечала Елена Прекрасная. – И не будет победы Зла над Добром! Спасая меня, всех людей на земле он освобождает от власти твоей, карлик злой, ненасытный!

– Ага, победит! – смеялся злой Кощей. – Вот увидишь, Ленка, победа за мной будет, и никто не разбудит окаменевшие в царстве зла сердца людей! Все окутает и поглотит моя тьма! Да и ради кого сражаться?! Ну, я понимаю, за тебя! Здесь дело семейное, сурьезное, но за людей?! Лозунг которых: всё для себя и всё в дом! И верящих лишь в чудо, а не в Истину! Вся мечта которых стать бездушными машинами, посмеявшись над замыслом Творца!

– Увидишь! – отвечала ему красавица. – Царство тьмы рассыплется перед Светом!

– Шас! – засмеялся банкир Кощеев и внезапно осекся: в зал уверенной поступью вошли Иван и Капитан Пушистик.

– А, Иван! – как бы обрадовался нашему герою современный Князь тьмы банкир Кощеев. – Вот и ты в гости ко мне пожаловал! А я вот женушку твою, Елену Ненаглядную, для тебя, добра молодца приберег! Вот что, Иван! Не будем сражаться с тобой да губить друг друга

понапрасну, ступай ты ко мне, Ванюша, в тандем, вместе править будем! Сегодня я, завтра ты! Ну, как, годится тебе предложение сказочное мое, ась?!

Смерил взором презрительным наш герой своего искusstителя.

– Нет! – твердо ответил он. – С тобой, вражина, похититель чужих жен, не будет ни договора, ни тандема!

– Отлично! – хлопнул в ладоши Кощей Бессмертный. – Начнём же битву! Бросай вызов мне, Иван, и посмотри на своего губителя!

На какое-то мгновение в тронном зале застыла зачарованная в своем ужасе тишина.

– А не много ли слов, нечистый?! – практически в упор к Кощею подскочил Капитан Пушистик и смело посмотрел ему в глаза. – Я бросаю вызов тебе!

Договорить он не успел, так как моментально превратился в окаменевший памятник самому себе.

– Капитан! – в каком то отчаянии вскрикнул Иван и, подскочив к Кощею, видя лишь его отражение в огромных зеркалах, одним ударом волшебного меча отрубил злодею голову.

В тот же миг тело властителя тьмы испарилось прямо на глазах.

Дворец Кощей сильно тряхнуло, разлетелись вдребезги все зеркала в тронном зале, и он стал медленно разрушаться, превращаясь в руины.

Вместе с Еленой Прекрасной наш герой выбежал из злого места, держа окаменевшего мохнатого друга у себя на руках.

Положив погибшего Героя на землю, Иван не сдержался и заплакал.

Вместе с ним плакала Елена Прекрасная.

Чистые и хрустальные слезы их, смешиваясь, падали на окаменевшего кота.

Внезапно, казавшийся мертвым мохнатый герой чихнул, приходя в себя, отряхнулся от каменной крошки, просиял и с криком: Мы ПОБЕДИЛИ!!! – расцеловал изумленных Елену и Ивана.

И что-то ангельское было в нём и человеческое.

А на земле, где лежало тело отважного Капитана Пушистика, самым невероятным образом распустились дивные по своей красоте полевые цветы.

А он всё бегал вокруг Елены и Ивана и кричал: «Мы победили, и Любовь вернулась!!!»

В мир пришла Красота!!!

И надо же было такому случиться, что люди всей Земли Русской сбросили маски отчуждения и равнодушия, становясь по-НАСТОЯЩЕМУ – ЛЮДЬМИ!!!

ЛЕНА

Романтическое эссе-зарисовка

*Любимой Жене Елене Прекрасной!
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

И тихо так, над омутом и над обрывом, позвал он её
нежно: Лена!

Эхо тихо разнесло его глас над прибрежным плесом,
омутом и болотцем, встретилось с близлежащим лесом
и волной вернулось к нему: Л-е-н-а!

Тихо и вкрадчиво так звучало эхо, привольно и широко, наполняя душу неведомой радостью.

И раскатистое эхо, многоголосием небесных колокольчиков повторяло вновь и вновь: Л-е-е-н-а!

Он замолчал и зачарованно посмотрел на прекрасные белоснежные кувшинки и желтые кубышки, обрамленные зарослями рдеста, словно захватившими в плен все побережье.

Внезапно он услышал, как в горней хрустальной тиши зазвучали ангельские голоса, рассыпаясь на множество невидимых радужных капель, и всё Небо жило и дышало этой прекрасной мелодией.

Он вдохнул, сладко так вдохнул пряный медовый запах родной природы, пахнувший полетом шмелей, пчёл, роз, нектарного разнотравья и вновь тихо так произнес, прошептал, как молитву –

– Л-Е-Е-Е-Н-А!

Чарующая тишина была ему в ответ и только лесное эхо перешептывалось в ответ переливами сладкоголосых небесных бубенцов:

– Л-Е-Е-Е-Н-А!

Гулким эхом разносился его голос, и юные березки слушали его и радостно подхватывали его своими нежными ветвями, словно подпевая ему и шелестя своими листками, называли имя его любимой:

– Л-Е-Е-Н-А!

Солнце уже светило в закате и над рекой белым облаком клубился легкий туман, полный грез и несбыточных мечтаний!

– Л-Е-Е-Н-А! – как пар, как свою душу выдохнул зовущий и радостно посмотрел на красоты мира.

– Лена! – тихо шепнул он, словно бы чувствуя сладость губ своей любимой на своих устах – Лена!!!

Утренний густой пар мыльным облаком вздымался над просыпающейся рекой и потревоженные его пенным

дыханием, шумели и кружили над прихорашивавшейся рекой её всегдашние обитатели: бабочки и стрекозы.

– Л-Е-Е-Н-А! – очарованно выдохнул наш герой и увидев Ту, что ждал, мечтательно вздохнул: Лена!!!

В синеве неба отраженном зеркалом вод, по песчаному мелководью шла его Любимая, Та, которую он звал единственно и правильно:

– ЛЕНА!!!

Солнце сверкнуло и нимбом отразилось в Лике Той, которую он звал: ЛЕНА!!!

АНГЕЛ

Рассказ-притча

И вновь Он пришёл к нему.

Его Маленький светоносный Ангел.

Крылья прекрасного небесного создания ласково струились под лучами трёх инопланетных звёзд, и Его голос звучал сладкой прохладой лесного родника, дарящего своё богатство жаждущему воды путнику.

– Проснись! – лучезарно улыбнулся ему Ангел и нежно дотронулся до него.

Лейтенант милиции Орлов блаженно улыбнулся своему видению.

– Проснись! – вновь тихо попросил Ангел и нежно погладил его своей крохотной ручкой.

– Кто ты? – спросил маленького херувима Орлов, наверняка зная ответ. – И почему ты приходишь ко мне?

– Я твой Маленький Ангел, так ты меня звал всегда, – как-то печально ответил его Хранитель, – и я всегда буду с тобой...

Офицер недоверчиво покачал головой.

– Но я сплю, – недоверчиво посмотрел на маленького херувима лейтенант, – и ты спишь мне...

Ангел грустно посмотрел на него.

– Это не сон! – небесной музыкой прозвучал его голос, – Ты в коме, и твои врачи ничего не могут поделать с этим... Сегодня они отключат тебя от аппаратов жизнедеятельности и тогда я не смогу приходить к тебе...

– Какая ерунда, – запротестовал офицер милиции, – какая кома?! Я сплю...

– Нет, – грустно покачал головой его Ангел, – ты не спишь... Помнишь ли ты своё последнее задержание преступника?

– Помню..., – отозвался Орлов, – брал я тогда бандита Ларкина...

– Ну и..., – подтوراпливал его Ангел, – помнишь, что было дальше?

Милиционер с недоумением глянул на небесного херувима.

– Помню, – коротко сказал Орлов и продолжил, – при задержании, когда выбили дверь в притоне, где укрывался бандит, ему каким-то чудом удалось отскочить, он схватил топор и ...

– А дальше? – смотрел на него как-то печально Ангел, – Что было дальше, ты помнишь?

– Да, – выдохнул лейтенант, – я отскочил в сторону и, когда этот нелюдь бросил в меня топор, из соседней

квартиры выскочила маленькая девочка... и ... в общем, закрыл я её собой...

– Что же было дальше? – спрашивал Ангел и маленькие серебряные слёзы жемчужными каплями беззвучно текли по Его прекрасному лицу. – Ты помнишь?

– Конечно! – с воодушевлением отвечал лейтенант. – Чудо как бы произошло: топор, летящий мне прямо в голову, отклонился и угодил по моей ноге! Я даже от госпитализации отказался, вот как.

– Не произошло чудо, – не скрывая своих слёз, плакал его Маленький Ангел, – ты в коме, и если не произойдёт настоящее чудо, я никогда не увижу тебя...

– Встать! – скомандовал сам себе и попытался проснуться лейтенант Орлов.

Но безуспешно, тело абсолютно не слушалось его. И тогда он с любопытством посмотрел на своего Маленького Ангела.

– Почему ты плачешь? – с уважением спросил он Его.

Небесное создание кротко посмотрело на него: – Потому что люблю тебя!

И вдруг, как предвестник чего-то необычного и необъяснимого, прямо над ними просиял яркий божественный свет и, сияя небесной радугой, пред ними предстал Небесный Ангел, словно бы сотканный из лучиков солнечного света.

С любовью посмотрев на Орлова и его маленького Хранителя, Небесный Гость ласково дотронулся до милиционера своим крылом и чудно как-то молвил, как пропел: – Проснись!

Ослепительный свет озарил Орлова, словно какая-то мрачная зазеркальная пелена спала с его глаз, и он проснулся.

И видел он, как вдруг нежно прикоснулся к нему и поцеловал его Маленький Ангел.

Лейтенант Орлов открыл глаза и улыбнулся: в небе из окна его больничной палаты радостно и привычно подмигивали ему три ласковых огромных солнца.

А рядом с ним, лежащим на своей кровати в палате реанимации, стоял и улыббался Ангел – его маленькая дочь.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Рассказ

*«Слушай, Израиль! Господь, Бог наш,
есть Господь единый!»*

Иисус Христос. Евангелие от Марка.

*«В чем Истина ваша? Покажите мне все дела ваши, чтобы
Я, узрев, понял, насколько они хороши».*

72

Свет Абсолютного Океана Любви на Высшем Небе.

Прекрасная Песнь Высших Ангелов и Избранных
Рода Избранных, сливающаяся в один прекрасный ве-
личественный тон:

«Вначале было Слово, и слово было у Бога, и слово
было Бог.

Всемиловитив и милосерден Он.

Господь праведен, любит правду, лицо Его видит пра-
ведника. Непорочен путь Его, чисто слово Господа, щит

Он для всех, уповающих на Него. Воздайте Господу, сыны Божии, славу и честь, воздайте Господу, славу имени Его.

Славим Тебя Боже, Славим, ибо близко имя Твое, возвещают чудеса Твои.

Воспойте Ему, и пойте Ему, поведайте о всех чудесах Его.

Хвалитесь именем Его святым, да веселиться сердце, ищущих Господа.

Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда!

Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его!»

Сияет нетерпимым светом для грешников, но светом Вечной Любви для праведных, Престол Всевышнего и Сына Его, озаря Их Светом Святого Духа Божьего.

– Возлюбленный Сын Мой, – молвил Всевышний, склоняясь вправо, к Сыну Своему, – Вот, истинно Тебе говорю: Все человечество погрязло в грехах, и праведные Мои, возопили как в пустыне об Истине и Ты Сын Мой говорил им о том же, и что? Праведных моих казнили, побивая камнями, и убивая их всячески, даже над Тобой, Сын Мой Возлюбленный, не умилились, распяв тебя в жестокосердии своём!

– Отец Мой Небесный, – отвечал в сиянии кротости Своей Сын Его, – не о том молю, чтобы дать отсрочку недостойным, но молю, чтобы Ты и Я, а Мы едины, спустились вниз и Сами посмотрели дела на падшей земле. Ибо истинно сказано, гнали и убивали слуг хозяина сада и виноградника, даже Сына Его убили, но что делают они, когда Сам Садовник и Хозяин виноградника придёт к ним?

– Я услышал Тебя, Сын Мой Возлюбленный, – в благодати любви ответил Отец Всех, – истинно говорю Тебе, что пока не перейдёт на Небеса Удерживатель Духа Истины – ничто не поколеблется на грешной земле!

На Высшем Небе не умолкал Небесный Хор, славящий Создателя и все дела Его.

– Пока Я буду на земле, Сын Мой Возлюбленный, – медовыми колокольчиками звенел Глас Всевышнего, – Ты будешь следить и сохранять порядок Мой на земле и на Небе. Я же буду с Тобой един, и когда люди и Ангелы прославят Тебя, то прославят и Меня, Сущего в Вечности, а сказав доброе обо Мне, восхвалят и Тебя!

Плавно нисходил Всевышний с Высшего Неба на низшие, и везде Ангелы, встречая Его, не приветствовали Его и не воспевали Ему Песнь Славы и Почитания, достойных Его, ибо Он, как в зеркале отражал их и был подобен им.

Так спускался Бог до самого нижнего Неба и не был узнан ни кем из Ангелов Своих.

Спустившись же на землю, Он, преобразившись, стал человеком, и никто не воздал Славы Его, присущей Ему, и даже место, где Он родился, люди назвали грязным.

У КОСТРА

Рассказ

*(Основан на реальной истории
спасения человеческой жизни)*

*Посвящается
жене Елене Сергеевне
и родителям: Лии Вячеславовне и
Валентину Николаевичу Мальшевым*

В небольшом пятидесятитысячном городе Согда, что на Севере Вологодской области, есть улица Луговая, в центре которой находится Согдинский городской отдел внутренних дел, с которого мы и начнем наш рассказ.

На дворе после лихих девяностых, наступило время не менее «интересных» двухтысячных, когда к слову капитализм люди уже как-то и попривыкли, и понятие рыночная экономика у них уже не вызвала прежнего отвращения и удивления.

На исполнение старшему оперуполномоченному уголовного розыска Согдинского ГОВД майору милиции Северову поступило заявление от гражданки Мишулиной что, так, мол и так, но в июле сего года ушел в лес и не вернулся ее муж Мишулин Сергей Викторович, сорока лет отроду, бывший отставной сержант – афганец, инвалид второй группы, просим принять меры к розыску.

Заявление Мишулиной, завизированное, как и положено, подписью начальника ГОВД, и поставленной печатью регистрации в книге учета происшествий, занес молодой стажер Пахомов, робко постучавшись в двери

кабинета Северова: «Алексей Валентинович! Просили передать вам на исполнение».

– Что скребешься, как мышь? – улыбнулся Северов, – Ты мой стажер или как? Заходи!

Собрать группу и доложить начальству о предстоящем убытии не составило большого труда, к своей группе розыскников, кроме уже упомянутого стажера Пахомова, майор присоединил кинолога ГОВД старшину Анатолия Цыганова и начальника местной спасательной станции Николая Росина, водолаз, однако!

Подумав, Алексей позвонил в сельсовет и лесничество, где произошло исчезновение с просьбой отрядить на поиск людей, привычно обзвонил местные редакции радиовещания, телевидения и газет, дав срочную розыскную ориентировку, предварительно проверив пропавшего по всем видам учетов.

Озабоченно посмотрев на карту местности, понял, что место исчезновения «потеряшка» Мишулин, выбрал не из легких, здешняя тайга кишмя кишела медведями, водными преградами и болотами, и считалась труднодоступной.

Поэтому, вооружаясь, Северов взял в дежурной части не только свой табельный Макаров и пистолет сигнальный, но и АКС-74У, складной укороченный, десантный автомат Калашникова, так как понимал, что заведя людей в леса, он за них отвечал.

Хотя расчет велся, что все вернутся с поиска до вечера, тем не менее, предусмотрительный майор распорядился работникам группы взять сухой паек на трое суток, потому что понимал, лес – это дело такое...

Проехавшись пару часов по российской бездорожке на изматывающем своей тряской милицейском УАЗе, Алексей и его группа прибыли в деревню Котлакса, откуда пропал Мишулин.

Деревня как деревня, с десятков старых домов, ничего примечательного.

Приступив к осмотру места происшествия и опросу свидетелей, майор установил прелюбопытную деталь, что отставной сержант Мишулин, ушел в лес, из избы, после ссоры со своими деревенскими друзьями.

Майор не поленился даже осмотреть большую русскую печь, и все топоры и лопаты в доме, пока по его заданию кинолог Цыганов с неразлучным ротвейлером Каратом осматривал дом и прилегающую местность.

Но, увы – пусто!

Но в тоже время понимал майор, нет, не по грибы ушел в лес отставной сержант – афганец, не по грибы.

Прошедший все возможные «скрытые» и «закрытые» командировки в горячие точки, как боец группы «Омега» – сверхсекретного подразделения, когда-то могущественной страны, имевший и ранения и контузии и хранившуюся где-то в военных архивах, без права ношения, Звездочку, Северов понимал, что как сильно не осторожным словом был обижен отставной сержант и понимал, что вряд-ли он сам выйдет из леса.

Хорошо, если еще руки на себя не наложит...

За окном раздался шум подъехавших машин и в избу зашел лесник Ерофеич, и доложил, что на трех УАЗах прибыло подкрепление работников лесхоза, сельсовета, и местных жителей.

Выйдя из дома, и улыбнувшись ласковому солнышку, майор привычно разделил людей на две группы, в одну группу под командованием местного егеря, включил мужиков из лесхоза, сельсовета, придав им местных жителей.

Себе взял своих, проверенных: лесника Ерофеича, кинолога Цыганова, водолаза Росина, стажера Пахомова, куда же без него?

Пробовали к ним навязаться несколько молодых, девиц явно школьного возраста – родственниц «потеряшки».

Глазки горят, острые юные грудки под летними рубашонками топорщатся, короче настрой боевой!

Посмотрел на них так скептически Северов и отказал: «Нет, девчата, оставайтесь за старших в избе, вдруг пропащий вернется»

Ну не тащить же бедолаг по лесам, да по болотам – жестоко это, да и не каждый выдержать сможет.

Разметив по карте направление поиска, сверившись с часами и компасом, обе группы выдвинулись в направлении розыска.

Никому и никогда не верьте, что искать пропавшего в лесах легко и просто!

Северов в очередной раз убедился верности данной простенькой истины, когда пройдя пару другую километров по лесу, им преградили путь разливы лесной болотистой реки.

– Стойте! – ужаснулся стажер Пахомов, показывая рукой на заболоченную воду, – Товарищ майор, вы хотите сказать, что мы пойдём туда?! Неужели нельзя ее обойти?

– Нельзя Пахомов, нельзя! – покачал головой командир группы, хорошо знавший местные леса и решительно, первый шагнул в болотистую воду, которая громко хлопнув, цепко схватилась за его ноги, словно живая.

Где-то вброд, а где-то и вплавь, группа майора преодолевала преграды.

Подняв автомат, и все свое вооружение над головой, Северов шел по грудь в вязкой, болотистой, лесной жиже.

Ротвейлер кинолога Цыганова, пыхтя, плыл рядом с ним, подгребая воду всеми четырьмя лапами, и укоризненно поглядывал на командира группы, словно говоря: «За что ты завел нас в это погибельное место?»

Замыкал группу лесник Ерофеич, который кряхтя, шел, высоко подняв свой служебный карабин: как же, вверенное имущество необходимо беречь, как зеницу ока.

Наконец-то вышли на долгожданную сушу.

– Перекур! – коротко распорядился Северов, – Отдыхайте, ребята.

– Товарищ майор! – стирая болотную грязь и размазывая ее по лицу, ну чисто Рэмбо, подал свой голос стажер, – Часто у вас такой розыск бывает?

– Постоянно и периодически, – не моргнув и глазом, отшутился Алексей, – привыкай, товарищ стажер, к розыскному делу, мы с тобой людей спасаем, вот как! Пойдешь к нам после стажировки?

– Н-е-е-т! – уверенно протянул стажер, – Тяжелая у вас работа, Алексей Валентинович, но я, пожалуй, после стажировки к вам не пойду, устраюсь в прокуратуру или суд, там полегче, без вашего экстрима!

– Твое право, – согласился майор, и после их короткого диалога наступила звенящая тишина, прерываемая разве что пением птиц и писком вездесущей лесной мошки.

Немного отдохнув, поисково-спасательная группа продолжила свой путь вперед.

Пройдя еще с десяток километров по чащобе, группа вышла на открытую каменистую местность, где с незапамятных времен были разбросаны, еще вероятно с ледникового периода, огромные валуны, да камни поменьше, сплошная каменная гряда.

– Слава Богу! – выдохнул с устатка Ерофеич, – Вышли-таки на Николину гряду! Теперь чай, полегче будет...

Впрочем, Ерофеич ошибся.

Спустя пару часов группа вступила в какой-то страшный лес, красота вокруг неописуемая, но какая-то страшная, звенящая, даже птицы не поют и мошка не летает.

Прибавился вдобавок ко всему неприятный, мускусный, какой-то тяжелый, козлиный запах, словно бы кто-то, подобно хищному зверю скрадывал их группу.

– Группа, стой! – распорядился Северов и подошел к леснику Ерофеичу, напряженно всматривающемуся в лесную даль, и взявшему свой неразлучный карабин наизготовку.

– Вот что, командир, – устало произнес Ерофеич, – не скажу, что заблудились, но в этих краях я не бывал, и что-то скрадывает нас, точно не медведь, я охотник старый, косолапого за версту почуял бы!

– Что это? – испытующе посмотрел на лесника майор.

– Не знаю, – пожал плечами Ерофеич, – не знаю.

Приняв решение выходить из этого погибельного места, командир сгруппировал вокруг себя своих поисковиков, табельный снаряженный ПМ отдал кинологу, тот хоть с оружием умеет обращаться, командирскую ракетницу передал стажеру, а сам, сняв автомат, передернув затвор, и поставив переводчик огня на автоматический, пошел впереди группы.

Замыкал группу лесник Ерофеич, с карабином в руках.

Все шли, напряженно вслушиваясь в тишину.

То ли эти предупредительные меры, то ли что другое помогло, но страшный неприятный запах, преследовавший их, внезапно исчез, и к своему счастью, поисково-спасательная группа вышла из этого неприятного места.

Вмиг повеселевший Ерофеич докладывал, что они в лесу в районе деревни Гуриево, при этом добавлял, что каким-то макаром, прошли они немеряно сколько лесных верст, миновав лесные владения нескольких сельсоветов.

Быстро вечерело, вдали показалась речка Бушуиха, сверкнувшая синевой своих вод.

– Вот это порядок, это хорошо, – радовался старый лесник, – на реке и лагерь разобьем, помоемся и заночуем.

Подойдя к реке поближе, а лесная река была небольшой, они заметили огонек костра, у самой реки.

Ускорив шаг, в предвкушении долгожданного отдыха и тепла, розыскники подошли к лесному костру, у которого сидел человек, и не торопясь подкидывал лесные дровишки в огонь.

Говоря сухим языком милицейского протокола, на вид ему было все восемьдесят, белые-белые, как снег, волосы, борода и усы, простое чистое, светлое, нездешнее одеяние, и в то же время, взгляд его светло-карих глаз излучал какую-то юность и воздушность.

– Мир вам! – поздоровался первым незнакомец, и добродушно улыбнулся, – Добро пожаловать к моему костру.

– Спасибо! – за всех ответил командир группы, – Здравствуйте, дедушка! Как вас звать, величать?

– Зовите меня Странник, ибо живу я, – ответил ему хозяин костра, – странствую и встречаюсь с разными людьми, сегодня вот, с вами встретился! Не смотрите, что стар, ибо тело ветшает, дух – никогда!

– Может вы проголодались, дети? – как-то по-простецки так, спросил Странник и предложил, – У меня есть запеченная рыба, лесной мед и хлебы!

– О, это здорово, – не удержался и забалагурил стажер Пахомов, – и у нас, дедушка, найдётся чем тебя угостить.

Поисковики не торопясь шарили по своим рюкзакам, доставая к долгожданному походному столу различную снедь и закуску.

Под одобрительные возгласы поисковиков, предусмотрительный Ерофеич достал бутылку чистейшего деревенского первача, и заветная жидкость моментально была щедро разлита в подставленные кружки и стаканы.

Как и всем, немного угостили и хозяина костра, который, не капризничая и не жеманясь, поднял тост за их успех, после чего все выпили.

Эта печеная рыба с хлебами оказалась просто чудом каким-то кулинарным, такой вкусной рыбки никто еще не едал и не пробовал!

Они сидели у костра, и уже не было между ними ни русского, ни белоруса, ни украинца, не было между ними ни христианина, ни иудея, ни приверженца ислама, ибо они все были едины, и скреплены радостным чувством общего единения и радовались, словно бы напились легкого сладкого вина!

Разговор у костра плавно перетек на божественные темы, темы вечного правдоискательства и любви, как же на Руси без них?

– Вот скажите, – горячился стажер Пахомов, – вот был Христос, нёс людям позитив, и за что спрашивается, его распяли?!

– А за что убивали праведных иудеев, люди чтущие Тору и Танах? – вступил в беседу Странник, – Человек подменил слово Божие своими преданиями, не за это ли убили и Христа, указавшего людям на это?

– Но это же религии добра, – не успокаивался Пахомов, – а как же массовые распятия времен Христа и Иуды, крестовые походы, войны ислама с неверными?

– Но тебе же указали на очевидное, – вступил в разговор майор, поддержав хозяина костра и пошутил, – даже не сомневайся, Ватсон!

– Назовите имена Бога из Писаний, – испытующе посмотрел на них Странник, – знаете?

– Пожалуйста, – отвечал умудренный жизненным опытом командир группы, – из Ветхого Завета одно из Имен – Справедливый, из христианства – Любовь, из Корана – Милосердный!

– Пойдите, – вмешался в разговор неугомонный стажер, – а буддизм, восточные религии, скажите, как быть с переселением душ?

– У Бога много комнат в его доме, – улыбнулся так загадочно Странник, посмотрев на Пахомова, затем обернулся к майору, – правильно назвал, но скажи, когда иудей убивает кого-то, он справедлив? А в действиях христианина, убивающего кого-либо, найдешь ли ты любовь, и можно ли назвать милосердным мусульманина, убивающего ближнего своего?! Впрочем, есть верящие, есть знающие, но лучше всех – исполняющие!

– Теперь мы это поняли, – согласился стажер, – что убивающий подобного себе, далек от Бога!

– Только теперь поняли? – грустно покачал головой хозяин костра, – Неужели, чтобы человеку понять Истину – Любовь, необходимо перед этим убивать?

– Я полностью согласен с вами, уважаемый, потому что мы получили простые, ясные ответы, – почтительно посмотрел на старшего собеседника майор Северов, – но, сколько зла в мире: войны, болезни, правители, не верящие ни в Бога, ни в черта, и сосущие последние соки из своих народов и испытывающие к ним такую ненависть, которая медленно, но верно, убивает их, лишая всего!

– Расскажу вам притчу, – молвил Странник, оглаживая свою седую бороду, – вот некогда был насажен чудный сад, и все там было весьма хорошо. Но взяли власть в этом саду воинственные жуки, которые прислуживали неработающим жиреющим личинкам, и заставляли работать на себя бедных гусеничек, и гусенички весьма изнемогали от бед и трудов своих, а жуки и личинки радовались, полагая, что так будет всегда. Как вдруг, пришел Садовник, и бросил всех паразитов в огонь, а гусенички, преобразившись в прекрасных бабочек, взмыли ввысь!

– Интересно все это, – поблагодарил майор, – но есть вещи, которые постоянны, к примеру, мы россияне никогда не подадим руку фашистам, потому как мы – страна, победившая фашизм!

– Да, войны, тем более фашизм, – печально согласился Странник, – страшное зло, впрочем, пройдет немного времени, когда руководители ваши, будут здороваться с современными фашистами, в надежде торговать с ними, и иметь от них прибыль!

– Неужели такое возможно? – ужаснулся Северов, – Не верится в это!

– Все возможно на этом свете, особенно, когда человек ставит вместо Бога культ денег, – посмотрел на майора Странник, – у человека в руках, страшная игрушка – право свободного выбора! Вы всегда вольны выбирать между светом и тьмой, добром и злом, впрочем, ложись спать, Алексей, утро вечера мудреней, глядишь к утру, и поймешь кое-что!

Навалилась после этих слов на Алексея, какая-то тянущая к земле дремота, он лег головой на рюкзак и заснул.

Сны пришли моментально.

Были ли это сны или видения, Алексей не знал.

Вначале снилось ему что-то нехорошее, что-то тянуло его к земле, хотя душа рвалась ввысь.

Снилось, как будто бы прорвав воздушную пленку, как с телеэкрана, рвалось к нему чудовище, похожее на огнедышащего, как дракон, льва, на голове которого развивались ядовитые змеи.

Холодела от ужаса майорская душа, ибо эта тварь вознамерилась сожрать его.

Словно родниковый ключ, забила в нем животворящая молитва, да так, что Алексей исшел из своего тела и даже увидел у костра свою спящую группу, и свое собственное тело.

Вмиг появился над ним Ангел Господень, в сияющем белизней снега одеянии и каким-то образом вошел в него, и полыхнул Алексей светом, да так, что бежал зверь от него весьма быстро.

Затем чувствовал майор, что поднимает его наверх какая-то неведомая сила, и взлетев высоко-высоко над землей, Алексей попал, как бы, в «водный» мир, где стекались и соединялись реки времени, одновременно он видел, как в зеркале, прошлое, настоящее и будущее.

Он шел как бы по прозрачной воде, точно посуху, и видел многие чудесные события и явления.

Так видел он Христа, с кроткой улыбкой, сидящего в лодке, с рыбаками – Апостолами, вытаскивающими сети, набитые рыбой.

Затем он был вознесен на самое высшее Небо, где на Престоле Всевышнего ему явлен был Сам Бог, Который был огромен, как Океан Абсолютной Любви, и в то же время, был как Человек невиданной красоты и благородства.

Справа и слева от Него, находились два высших Ангела, сияющих небесной красотой.

Подходя к Его источающему Любовь Свету, Алексей почувствовал каждой клеточкой своей души, как и он сам стал частичкой этого божественного света и неземная сладчайшая радость слияния с Божественным, полностью захлестнула и захватила его.

Душа его пела и рвалась к единению, словно бы почувствовав возвращение в свой долгожданный дом, потому, как и он был с Богом, и Бог был с ним, и Он был Богом и Бог был Им.

Вмиг, Ангел – Защитник, от которого исходила волна кротости и милосердия, тот, что справа от Бога, показал ему все хорошие дела человечества.

Это так, как если бы моментально на большом экране прокрутить всю Книгу Судеб Человечества.

При этом, добрые дела людей были так хороши, что Алексей возрадовался – это к спасению человечества!

Второй Ангел – Обвинитель, от которого исходила волна справедливого обличения греха, тот, что слева от Бога, показал ему, весьма быстро все страшные дела и злодеяния человечества.

Ужаснулся и убоился тогда Алексей – к гибели человечества все это.

Показал ему Обвинитель и Страшный Суд, когда перед сияющим Престолом Всевышнего проходит бесконечное количество людей, в огненной реке, кипящей раскаленной магмой и паром.

Над Престолом Всевышнего, на котором находился Сын Человеческий, восходила радуга невиданной красоты, совмещающая в себе обычную радугу с радужным северным сиянием.

От Престола вверх, как от Солнца Правды, исходили лучи невероятной красоты.

Впрочем, Ангел-Защитник успокоил его, что в этой огненной реке одни грешники, ни один праведный на Суд Божий не приходит!

Правда, время Суда приближается, и неизбежно произойдет, стоит лишь Удерживателю покинуть грешную землю, перейдя на Небеса.

– Ну и что будем делать с людьми? – спрашивал у него Всевышний.

На это отвечал ему Алексей в простоте любви и кротости своей: – На все Святая Воля твоя да будет!

Улыбнулся так Всевышний, как любящий Отец радуется Сыну Своему и волна благодати, любви и счастья захлестнула Алексея и он проснулся.

Растолкав поисковиков, спавших сном праведников, Алексей и его группа увидели, что у догоревшего костра они одни, Странник исчез, оставив после себя самым неисповедимым образом бьющий ключ родниковой воды,

над которым самым чудесным образом расцвела белоснежная роза!

Испробовав родниковой воды и найдя ее прекрасной, группа набрала водицы во все фляги и пустые бутылки.

Целый день, вплоть до вечера, они провели в розыске, практически не отдыхая, прошагав по лесам да по болотам огромное расстояние.

Алексей вел свою группу по своему одному ему ведомому маршруту, словно бы зная наверняка, как идти и куда.

Эта практика увенчалась успехом, уже к вечеру второго дня розыска.

В кустах, у небольшой таежной речушки, они буквально наткнулись на своего разыскиваемого «потеряшку»!

– Мишулин, Сергей, – тормошил впавшего в забытьё пропавшего командир группы, – вставай, сержант!

С трудом открывая глаза, Сергей Викторович Мишулин увидел группу вооруженных мужчин, в полевых зеленых камуфляжах, и тормозящего его майора, со знакомым до боли, десантным автоматом через плечо.

– Наши, – улыбнулся непослушными губами сержант Мишулин, – нашли...

– Да, нашли, – подтвердил майор, отстреливая для порядка тройку разноцветных ракет из сигнального пистолета, – мы своих в беде не бросаем!

Дальше дело было обычное, вырубив топориком жерди и смастерив из молодых деревьев нехитрую, лесную носилку, обессилевшего отставного сержанта положили на них, взялись вчетвером и, испытывая привычную боль от врезавшихся в плечи жердей, понесли найденного пропавшего без вести Мишулина к автодороге.

Быстро темнело, поисковикам приходилось пробираться с носилками через чащобу непролазных кустарников, при подходе к вдалеке шумевшей проезжающими машинами дороге.

Внезапно группа натолкнулась практически в полной тьме на небольшую речку, густо заросшую ивой и прочим кустарником.

– Эх, подсветить бы, – мечтательно произнес стажер Пахомов, – да вот чем, когда купались в болотине, замочили мини-прожектор, не фурычит он ни хрена!

– Да, свет сейчас бы не помешал, – устало согласился командир группы, – правда, вот где его взять?

Внезапно, из леса, на небольшой высоте выплыл большой светящийся, серебристый шар, который на огромной скорости взмыл в космос.

На расстоянии высоты полета вертолета, шар произвел сверхмощную вспышку, от которой, волнами, разгоня тьму, по всему горизонту, образовалась чудная радуга, похожая на обычную, только соединенную с северным сиянием.

Стало светло, как днем!

Без всякого труда и заминки, поисковики вышли на автодорогу, где к ним приближалась с включенными проблесковыми маячками и сиреной, милицейская машина, которая давно уже разыскивала их, а над ними, высоко в небе, сияла, словно бы ВЕЧНЫЙ НЕПЕРЕХОДЯЩИЙ ЗАВЕТ, Божественная радуга, играющая всеми переливами красок и света.

БАНТИК

Рассказ

*Сестре Лиле
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

А приболела как-то Кешина младшая сестра Анютка Петрова.

И ничем-то, а ангиной-скарлатиной, никак не ниже!

Вот, и пока маялась малолетняя сестра то от жара температурного, то от озноба, и плакала даже от бессилия и заболевания своего, призадумался наш братец Кеша, оставленный мамой, ушедшей в магазин, присматривать за сестрой, о том, как бы развеселить сестрицу. Да вот ничто не шло на ум четырёхлетнему мальцу, пока его взгляд случайно не упал на коробку маминых украшений на столе: помады там всякие и бижутерия, на верху которых сиротливо красовался большой бант приболевшей Анюты.

Посмотрел так ещё раз на мамину коробку наш герой, затем глянул на больнявку, и таинственно как-то улыбнулся.

Буквально через несколько минут комната, где лежала приболевшая Анюта, огласилась индейским боевым кличем команчей, поскольку в неё влетел «друг индейцев всех времён и народностей» – маленький Кеша.

Это надо было видеть!

Абсолютно обнажённый и разукрашенный помадой с головы до ног, как боевой раскраской, увешанный дамскими цепочками и украшениями, маленький «команч» потрясал в воздухе лыжной палкой и издавал немисли-

мые дикие звуки, которые могли бы испугать даже дикого опоссума. На низу живота героя грозно поблёскивал и подпрыгивал в такт его танца большой сестрин бант – ну нельзя же индейцу быть полностью голым!

Незаметно как-то ясным солнышком вдруг улыбнулась болящая сестра и не выдержав, заразительно рассмеялась от души.

Радостно глянув на сестричку, облегчённо улыбнулся и наш грозный «команч» – братец Кеша.

Надо ли говорить, как быстро после этого «индейского цирка» поправилась маленькая Анята!

ЕФРЕЙТОР СУШЁНЫЙ

Рассказ

*Памяти бабушки Надежды Александровны
и дедушки Николая Павловича Малышевых
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Как-то в городе Грязовец, есть такой городок в Вологодской области, собрались детки поиграть в войнушку. И хотя ворчал их старый дед-фронтовик Коля, смотря как его военную гимнастёрку примеривал на себя один из «командировов» противоборствующего отряда, но особо не мешал, понимая, что есть такая замечательная пора у человека – детство. А раз так, разбившись по отрядам, одна группа детворы из трёх человек пошла прятаться во дворе их дома, а вторая терпеливо ждала и отчитывала минуты до своего выхода на поиск где-то затаившегося «врага».

Короче, «зарница» по-грязовецки!

Выйдя из дома, «командир» отряда, которому надлежало как следует спрятаться, заметил во дворе дома старую двухэтажную сараюшку, куда уверенно повёл своих «бойцов».

– Вы куда, поперешные, уж не в сарайку ли? – встретила вопросом их бабушка Надя, – Ох, вицей вас отхожу, чтоб неповадно было!

– Да, – скромно ответствовали «бойцы» и посмотрев на бабушку, улыбнулись, – но мы не варзаем, просто игра у нас такая, военная!

В самом деле, в руках у ребят грозно поблёскивали игрушечные автоматы.

– Ладно, – с любовью посмотрев на них, махнула рукой бабушка, – играйте, только чур, на второй этаж не смейте лазить, лестница там не ражая, плохонькая, доведена вся, с неё и убиться можно!

– Хорошо, бабушка, – хитро-мудро так, по-заговорчески улыбнулись её внучки и пошли в сарайку, – только ребятам не говори, где мы спрятались!

– Не скажу, не скажу, – засмеялась их бабушка и ушла по своим делам в огород, который находился за сарайкой.

Посмотрев на своих «бойцов» их «командир» не без юмора посмотрел на одного из своих младших братьев, играющего в «зарницу» под своим грозным именем: – Ефрейтор Сушёный!

– М-да, – улыбнулся как довольный котяра его выше-названный брат, в самом деле весьма сухощавого вида и сложения, – м-да, я здесь!

– Отвечать надо как в армии «Я!» – сухо посмотрел на него «командир», – Слушай боевую задачу: залезай как самый лёгкий на второй этаж, сиди там в засаде. Когда позову, спускайся и нападай на врага сзади. Как позову, значит ко мне!

– Понял, понял, – послушно закивал головой новоиспечённый «ефрейтор», – я как ястреб на них спущусь, мало не покажется!

После чего братьовья попрятались в сарайке, два брата затаились на первом этаже за грудой всевозможных вещей, а на втором этаже спрятался их грозный и беспощадный «боец» – «ефрейтор Сушёный», миновавший таки прогнившую лестницу и с трепетом сжимающий сейчас свой игрушечный автомат.

Дверь сарайки противно скрипнула и внутрь вошли противоборствующие им братья из «вражеского войска».

Зайдя в древнее строение, ребята с любопытством осматривались.

– Руки вверх! – нарушил недолгую паузу «командир» засадного отряда, выпрыгнувший с братом из своего укромного места.

Неприятель опешил.

О, сладостный миг победы!

Наслаждаясь своей победой, «командир» привёл в действие своё основное оружие – засадную «гвардию» в лице спрятавшегося на втором этаже сухощавого младшего брата.

– Ефрейтор Сушёный! – грозно позвал его командир.

– Я! – не менее грозно пискнул в своём ответе «боец» и поспешно спускаясь вниз, надломил обветшалые ступеньки лестницы и с воплем «й-я-а-а-а!» на заду съехал с лестницы к ногам изумлённых противников.

Смеялись все.

Но громче всех смеялся наш грозный Ефрейтор Сушёный.

БАБУЛЯ

Рассказ

Солнце смеялось, радовалось и пело, заглядывая в счастливое лицо десятилетнего мальчугана.

Десять лет исполнилось сегодня Серёже Ивкину.

Представляете, десять!

И вот по этому радостному поводу подарили родители нашему Серёже на юбилейный день рождения целых пять тысяч рублей, мол, купи себе что-нибудь хорошее и ценное, выбери себе подарочек, ибо папа с мамой люди занятые, на службу ходят, да и некогда им.

Так ведь и понятно же, среда, чай не суббота и воскресенье, одним словом не выходной.

Поблагодарил так радостно родителей своих наш Серёжа, да и в магазин побёг, что в аккурат неподалёку от их дома располагался. В супермаркете том, в детском отделе давняя мечта Серёжина на полках пылилась: настоящий большущий и летающий японский вертолёт с пультом дистанционного управления! Дорогущий! Аж целых пять тысяч стоит!!!

А что вы хотели, мечта она и есть мечта.

Прибежал, быстро так прибежал малец к магазину, да вот незадача, на улице, буквально у самого входа в магазин натолкнулся он на старую плачущую бабулю.

Стояла сиротливо так бабуля и плакала.

Посмотрел на неё Серёжа: старенькая, в латанном-перелатанном пальтишке, такая же седенькая, как и его родная бабушка. А вот глаза её поразили нашего мальчугана: большие такие, прям голубые озёра, глубокие такие, утонуть можно, как в омуте. И вот сейчас эти глаза дождали осенней непогодой.

Плакала наша старушка, вздрагивая от своего горя, как ребёнок: – Потеряла, почти всю пенсию потеряла... все деньги, как коту под хвост... Господи, как я жить-то буду... Чем за квартиру заплачу и что исть буду...

Серёжа с сочувствием посмотрел на плачущую старушку.

– Бабуля, а, бабуля, – тормозил пожилую женщину юный мальчуган, – что стряслось-то? Скажи толком?

Не переставая плакать, старушка пропела горестное: – Деньги я потеряла... все пять тыщ, такие деньжищи, одной бумажкой, пальто у меня старое, внучек, вот денежка и выпала... Сама-то я родом с Серговки, есть така деревня под Тарногой, по вашему-то вестимо Сергиевкой её кличут... Всю жизнь в деревне робила, а вот под старость городской заделалась... И что тут скажешь?.. Жизнь...

– А что же бабушка, – спросил Серёжа у бабули, – и без кошелька денежка-то была?

– Без него, окаянного, без него, – не успокаивалась бабуля, – уж затеряла его давеча, ишо под иванов день, дак и не нашла....

С состраданием Серёжа Ивкин смотрел на плачущую бабушку, как вдруг внезапно его осенило.

Словно бы принимая для себя какое-то очень важное решение, он улыбнулся НЕЗНАКОМОЙ ему женщине: – Да ты не плачь, бабуля! Не беда, что деньги обронила, нашёл я их, вот они, твои пять тысяч, как ты и говорила, одной бумажкой, на ступеньках магазина лежали, я и подобрал.

Бабуля опешила и, перестав плакать, удивлённо посмотрела на говорящего мальчугана.

– Что, бабушка, – улыбался Серёжа Ивкин, – от счастья дар речи потеряла? Вот твои деньги, у тебя сегодня как день рождения. Не теряй больше ничего!

С этими словами Серёжа передал СВОИ пять тысяч просиявшей бабуле, от счастья, кажется, утратившей всякий дар речи.

И сам счастливо улыбнулся, будто бы получил самый дорогой подарок на свой день рождения.

Солнце смеялось, радовалось и пело.

ЩУКА

Рассказ

Эх, семидесятые!

А пошли как-то дед Слава с внуком порыбалить на Сухону-реку, что вольготно несла свои чистые и прозрачные воды у деревни Сергиевка, раскинувшей свои приземистые, как жуки, избы-невелички на горах-угорах Тарногского района Вологодской области. Молча так они шли, слушая чистую, горную, по-деревенски беззаботную и безмятежную утреннюю тишину, прерываемую лишь пением утренних работяг-петухов.

Скажем прямо и честно, было какое-то негласное соревнование между хоть и старым, но не потерявшим своей фронтовой гвардейской стати дедом и его, от мозга до костей городским, внуком. Вот и шёл гордо и прямо высокий и жилистый дед Слава, несущий не без труда огромный «сак» – рыбацкую сетку-намёт, в отличие от городского «паука»-подъёмника, ловившего рыбу методом траления сети сверху и волочением пойманной рыбы по дну. За ним вприпрыжку, одолевая изгибы тропинки угоров, шёл, едва ли не бежал, его внук Андрюша, держащий в одной руке огромное по его меркам рыбацкое ведро и дивную для этих мест, городскую забаву: удочку-спиннинг. Подходя к реке, голубой лентой бегущей между угорами обоих берегов, дед с внуком вступили на каменистую, всю усеянную галькой и мелким камушком, прибрежную землю, обильно разбавленную хрустально чистыми водами родников и ключей, ниспадающих с деревенских угоров прямо в объятия реки.

Перво-наперво, дед в ему одному известном месте на реке проверил заброшенную и оставленную на ночь на речной яме донку и довольно улыбнулся – есть! Доставая из воды довольно-таки крупного леща с разноцветными плавниками и хвостом, сверкнувших водной радугой в брызгах воды, дед Слава степенно и коротко обращаясь к внуку, обронил: – Вот и обрыбились мы с тобой, Андрюша, с почином тебя!

После чего старый рыбак также проверил поставленную в укромном речном месте «морду» – плетёную корзину – ловушку для рыбы, и радостно просиял доставая из «мордушки» пару приличных налимов.

Его внук в это время с увлечением вытаскивал небольших пятнистых пескарей и радостно восклицал при виде каждой пойманной рыбы.

Улыбнувшись, дед Слава произнёс: – А вот теперь, внучок, робить станем по-настоящему, вестимо не зря тебе я баял, что рыбку намедни изловлю знатную!

При этих словах старый рыбак выразительно посмотрел на свой «сак», и взяв его в руки, зашёл по колено в сапогах-бродовиках в чистые воды реки, и бережно накрыл воду рыбацкой сеткой. Тут же, очень быстро, волоча по грунту реки свою снасть, он плавно подвёл её к берегу и выбросил содержимое сети на прибрежные камни. В сети трепыхались несколько крупных пескарей и небольшой бродяга-хариус, явно зашедший в Сухону из таёжной лесистой Саланги-реки.

К нему подбежал недоумённый внук: – Смотри, дед, я, кажись, змею на удочку поймал!

Глянув на пойманную внуком рыбу, дед Слава поневоле заулыбался: – Да уж какая это змея, стерлядку ты зацепил, да такую баскую!

И действительно, на крючке, отчаянно извивалась, как змея, небольшая светло-зелёная остроносая стерлядь.

Довольный дед помог своему внуку снять с крючка попавшуюся ему краснорыбицу, после чего вновь подошёл к реке и забросил сеть в воду. Подтаскивая «сак» к берегу, дед довольно улыбнулся, чувствуя, как бьётся рыба в сети. Так и есть, щука!

Вытащив на берег килограммовую щуку, дед победоносно посмотрел на маленького рыбачка, возящегося на берегу со своей снастью: – Обловил я тебя, внучок, с этой щукой не поспоришь, на уду такую не изловить!

– Посмотрим, – азартно глянул на старого рыбака его внук, прилаживая пойманного пескаря в качестве живца на большой крючок своей удочки, – я ещё своё слово не сказал!

– Давай, давай, – с любовью подначил маленького рыбачка его дед, – посмотрим, что ты изловишь!

Подойдя к быстро текущей воде, маленький Андрюша закинул свою удочку с пескарем в поисках ну очень большой рыбы.

Скажем прямо, рыбацкая удача не заставила себя долго ждать! Поплавок юного рыболова внезапно нырнул под воду и не растерявшийся Андрей подсёк свою долгожданную рыбу и с трудом стал подводить её к берегу. На поверхность воды, прямо к ногам мальчика, вышла довольно-таки крупная щука, заглотившая живца. Посмотрев на рыбу, маленький рыбак взболтнув ногой прибрежный ил и взмутив воду, ослепил рыбину, и аккуратно взяв обоими руками за её глаза, выбросил свой трофей на берег. Глотнув воздуха, пойманная рыбина, запрыгала по прибрежным камням, пытаясь уйти в родную стихию, но не тут-то было. Подбежавший Андрюша, как сокол, набросился на неё и цепко схватил пытавшуюся улизнуть от него добычу. Заметивший возню внука с рыбой, старый ветеран, подбежав, сильными руками, одно слово кузнец, в кузне работал, схватил

бьющуюся рыбу и поместил её в ведро. Куда там! Вмиг рыбина, которая даже не влезла в рыбацкую ёмкость, выпрыгнула наружу и продолжила свой танцевальный марафон к реке.

Озадаченно посмотрев на крупную рыбу, старый рыбак сильными руками кузнеца «успокоил» щуку и выдохнул: – Обловил ты меня, внучок! Знатная тебе щучина попалась, поди кило на четыре будет! Отменные пироги баба Анна напечёт, аж на целую неделю хватит! Спасибо тебе, Андрюша!

Радостно улыбнувшись в ответ, юный рыбак, пошарив в ведре с живой рыбой, поймал и насадил на большой крючок своей мощной удочки довольно-таки крупную красноглазую сорогу, поблёскивавшую серебром своей чешуи в лучах утреннего солнца, после чего забросил своего ну очень большого живца на быстрое течение.

– Ну ты даёшь, – с недоверием посмотрел на внука его дед, – посмотри, какая большая сорожина у тебя, да таких щук в нашей реке, которые бы клюнули на неё, отродясь не бывало!

– Посмотрим, – многозначительно посмотрел рыбак на своего деда, – местные старики мне рассказывали, что раньше, ещё при царе, здесь преогромные щуки водились!

– Да мало ли что старики бают, – недоверчиво посмотрел на Андрея его дедушка, – вестимо, сказки всё рыбацкие!

Увлечшись разговором со своим дедом, маленький рыбак, посмотрев на поплавок, не нашёл его на поверхности воды. Приподняв удочку вверх, пытаясь вытащить живца, он почувствовал неподъёмную тяжесть, словно бы поймал большой топляк или подводный камень.

– Ну вот, – разочарованно посмотрел Андрейка на деда Славу, – мёртвый зацеп, видимо живец под камень ушёл или под бревно-топляк!

– Да, жаль уду, – сочувственно посмотрел на него дедушка, – знатная у тебя снасть, городская, попробуй, может достанешь...

Попробуй!

Удочку и в самом деле было жаль...

Зайдя по колено в воду, рыбачок пытался под разными углами сдёрнуть с топляка своего живца и тем самым спасти удочку.

Правильно сказано, что у того, кто делает, всё получается.

Так и в этом случае, неподъёмная, огромная тяжесть поднялась с грунта реки и понукаемая усилиями рыбачка стала подниматься на поверхность. С большим усилием подтаскивая к себе нечто огромное, наш юный рыболов-спортсмен недоумевал, что же такое большое и сильное поднимается к нему с глубины реки. Когда это «нечто» полностью всплыло и показалось на поверхности воды, Андрей подумал, что вытащил большой топляк, которые, увы, были не редкость на этом месте как следствие потерь молевого сплава.

Но это был не топляк!

К ногам рыбачка подходила, как боевая торпеда, несурово огромная, гигантская щука!

Да, то ж была щука!

Большущая, действительно размером с бревно-топляк, древняя, светло-коричневая, вся спина которой была испещрена старыми ранами от острог и вил, из страшной пасти которой, наподобие крокодилей, свисали, как сомовьи усы, несколько старых блёсен с поводками. Подойдя к рыбачку, застывшему в ужасе в воде, едва ли не в упор, гигантская многометровая щука грозно посмо-

трела на юного рыбака, словно бы спрашивая «что тебе надобно от меня?».

Затем, так и не дождавшись ответа, смотря прямо в глаза юному рыболову, рыба не торопясь пошевелила своими чудовищными челюстями, перетирая в труху особо прочный, новый металлический поводок. После чего, ещё раз грозно, с неммым вопросом посмотрев в глаза юному рыбаку, «включила задний ход», и так же по-царски не торопясь растворилась в чистых водах Сухоны-реки.

Долго ещё стояли на берегу реки потрясённые рыбаки и как зачарованные смотрели на таинственные воды, только что явившие им настоящее чудо.

НА САЛАНГЕ-РЕКЕ

Рассказ

*Памяти близких:
Расторгуевых Вячеслава Ивановича,
Анны Кирилловны и
Мельничук Агнии Вячеславовны
Посвящается*

Ранним утром в одной из изб в северной деревне-деревушке Сергиевка, что затерялась на необъятных просторах Тарногского района Вологодской области, зажётся свет.

– Ну, куда вы ни свет ни заря, – укоризненно смотрела на своих внуков Андрея и Николая их бабушка Анна и продолжала своим певучим окающим вологодским говорком, – спали бы ишо, робята, сумерешно ишо так, что даже загороды не видно, а я вот робить буду, робота меня ждёт, на поскотине серавок обряжать буду.

С этими словами бабушка вышла из дома, подзывая к себе во дворе овец: – Чака, чака, чака!

– Ну что, орлы-орёлики, – с любовью посмотрел на своих внучков их дед Слава, – хоть и сумерешно ишо, но до Саланги-реки путь неблизкий, собирайтесь, Андрюша, Николаша, впрочем, вам мамани и без меня помогут.

Сёстры Лия и Агния споро и быстро одевали своих сыновей, подготавливая их в дальний рыбацкий поход, перед этим накормив рыбачков и приготовив им бутерброды – «тормозки», на дорогу.

– Всё, тятя, одеты, – улыбнулась своему отцу Агния и с любовью погладила сына Колю по его тёмным волосам.

– Ну ты, славнуха, пригожая, – привечал и в самом деле красавицу-дочь её отец, – быстро обрядились, молодцы! А чуни-то, чуни какие баские и знатные у внуков, одно слово – городская обувка, молодцы, девки!

– Спасибо, папа, – с любовью посмотрела на батяню красивая, как испанская цыганка, старшая дочь Лия, – до вечера-то хоть управитесь, мы к ужину ждать вас будем.

– Вернёмся, Лия, не беспокойтесь, – заверил их отец и одёрнул баловавшегося непоседу младшего внука, – счунься, остановись, Николаша, что ты как векша изгиляешься! Эвона какой увалень, а все шалишь! Зря что-ли тебе седни баял, если будешь варзать – не возьму на Салангу-реку! Смотри, в чулане будешь ночевать, поперешный такой, вместо реки-то, чтобы неповадно было! И зачем ты вчерась соседку вельмой обозвал, какая она тебе ведьма?!

Маленький Никола после замечания бабушки и в самом деле успокоился и перестал шалить.

– Ну а топерича, – испытующе посмотрел на детей дед, – уды и червяков возьмите и айда за мной, и чтобы не стонать и не шебуршать по дороге, хоть и неражая дорожка-то будет. За мной идти как маяка держаться, лесок там небольшой, в нём я как огломызда буду!

И в самом деле, их дед Слава был самым настоящим «огломыздой», то есть по деревенскому языку ну очень высоким человеком, и как только с его ростом он в кузне управлялся! Выйдя с внуками из избы, они пошли по направлению к дедовой бане, что стояла на отшибе деревни за загородой – забором околицы, в аккурат на границе колхозного поля. Идя по поспеваю-

щей ржи, любуясь синими-синими, как ясное небо, васильками, «младоотделение» деда уверенно вступило в лес и пошло по лесным тропам, известным только Богу и их деду.

– Вот ты падина, плохая какая, – беззлобно выругался дед, споткнувшись о лесной пенёк, и посмотрел на детей, – осторожней идите, робята, под ноги смотрите, тропинка неражая, плохонькая, да и в лесу сумеречно ишо, сам иду как слепой на перегороде, ничего не вижу.

Да, тропинка и в самом деле была неприметной, и в утренних сумерках идти по ней надо было осторожно. Впрочем, не успев как следует устать, рыбацкое отделение подходило к месту их отдыха и рыбалки. Саланга-река показалась внезапно, стоило лишь закончиться лесу. Вид её был очарователен и прекрасен: лесная красавица несла свои чистые и прозрачные воды посреди необъятной вологодской тайги. Где-то она была широка, а местами, минуя свои протоки и глубокие ямы-бочаги, превращалась в небольшой мелководный ручей, который весело журча, гнал свои хрустальные студёные воды по выступающим камушкам грунта реки. И в этих местах лесную речушку запросто можно было перейти вброд, несколько не рискуя при этом.

– Ну как? – спрашивал дедушка у детей, – Баско здесь?

– Да, красиво, – согласились с ним его внучата.

– Вот, робята, – поучал своих внуков дед Слава, показывая им таёжную речку и рассказывая про её рыбацкие секреты, – в этой яме, а здесь шибко глыбоко, щучина огромная живёт, здесь лучше не купаться, а вон там на малой воде пескариный рай!

Дед, посмотрев на внуков, широко улыбнулся.

– Впрочем, – нарушил недолгую паузу дедушка, – пришли мы сюда не за щукой или пескарями, этого до-

бра и в Сухоне-реке хватает! Ловить мы с вами, братцы, хайрузов станем, знатными хайрузятниками вас сделаю, даже не сомневайтесь, потому как хайрузов и хайрузят здесь немеряно!

Подойдя к мелководному и широкому ручью с быстрым течением и хрустально-чистой водой, старый рыбак забросил свою насадку в беловодье Саланги-реки. Не прошло и минуты, как рыбак подсёк неведомую рыбу и осторожно подведя её к берегу, выбросил её на прибрежные камни. На мелкой гальке прыгала довольно-таки крупная пятнистая, как форель, поблёскивающая на солнце своей чешуёй красивая и гордая рыбина, раскрывшая диковинный для детей свой парус-плавник.

Хариус!

– Ну, вот мы и обрыбились, робята! – радостно изрёк их дедушка, весело посматривая на внуков, – Знатного я хайруза зацепил, теперь и вы попробуйте такого же изловить, зря, что ли уды от самой деревни несли!

Подойдя к берегу искрящегося на солнце ручья-переката, дети обомлели: в чистоте родниковых вод Саланги-реки они заметили множество мелких и крупных хариусов, которые тыкались в камни и грунт реки, разыскивая свой утренний корм, лениво перекатываясь на быстринке ручья.

– Вот это да! – восхитился старший брат Андриуша, посмотрев на младшего, – В воде всё видно, как на ладони!

И действительно, наши юные рыбачки принялись ловить диковинную для них рыбу, наблюдая не сколько за поплавками, а ясно видя, как подходящая рыба брала в рот наживку и заглатывала её. Поэтому никакого труда не составляло удачно подсекать и выбрасывать на берег трепыхающихся на тонкой лесе изловленных красавцев-хариусов.

Да, рыбалка удалась!

Наловив большое количество разновеликих хариусов, которых они видели впервые, братья счастливо переглянулись – рыбалка удалась на славу!

– Слава Богу! – задумчиво посмотрел на небо и перекрестился их старый дед, – Не подвёл Святой, дал порадовать внучков! Ну что, ребята, есть Бог на свете, порыбалили мы, топерича пора и честь знать, да домой топать. Молодцы мы с вами, внучата, так и скажем, молодцы!

В небе над счастливо улыбающимися рыбачками, в ответ им улыбалось и светило ласковое солнышко, да где-то за лесом раскинулась широкая радуга, даря надежду, веру и любовь!

АКУЛА

Рассказ

А собрались как-то рыбачки в незапамятные времена порыбалить на Кушту-реку, которая несёт свои чистые воды в самой глубинке Русского Севера Вологодской области. Справно так собрались, и снастями различными, прям скажем, затарились, и провизией, и тем, что покрепче. Были у них и удочки, и спиннинги, и сети. Короче говоря, всё было. Дело было уже по летнянке, нерест уже закончился, поэтому кидали наши рыбачки свои блёсны и насадки куда ни попадя, да вот, правда, всё зря. И не клевало у них, и хищник, как говорится, на блесну не садился. Совсем заизнемогли рыбачки: как же вечер, а рыбы нет, даже на ушицу и на пробу коту не изловили они ничего!

Что делать?

– А если сеткой попробовать? – предложил один из рыбачков, – Зря что ли лицензию на сеть брали?!

Вначале было слово, это верно сказано.

Что ж, сказано – сделано. Накачали наши рыбаки резиновую лодку, хорошо так накачали, и столкнув своё плавсредство в воду, поставили-таки сеть от берега и до небольшого островка, в аккурат по самому мелководью. Правда вот с сетью вышла небольшая промашка у них: вместо того, чтобы выставить сеть на рыбу мелочь, поставили они сеть на самую, что ни на есть, крупную рыбу. В итоге ловила гигантская 80-миллиметровая ячея долго, упорно и безрезультатно. И там, где мелконькая 25-миллиметровая сетка была бы уже полностью забита мел-

кой рыбёшкой, их горделивая снасть под огромную и крупную рыбу царственно молчала и не шевелилась, поблёскивая на заходящем солнце своими непотопляемыми большими поплавками.

А раз на их рыбалке наступил, что называется длительный перекур, так наши рыбацки, разведя костёр на самом берегу реки, делились своими нехитрыми рыбацкими побасёнками.

– Вот у меня, братва, – вступал в разговор неугомонный дед Сидор, – в Тарноге и Тотьме родня есть, так вот случай от них знаю. К рыбалке отношения особенно он и не имеет, но рыбка в нём будет. Кстати, знаете как переводится со старого финно-угорского наречия Тотьма? Не знаете, эх вы! Тод – колдун, ма – река... Так вот и переводится: река, на которой живёт колдун...

Хитро посмотрев на всех и улыбнувшись в свои седые бороду и усы, Сидор Матвеевич степенно и не торопясь продолжил свой рыбацкий рассказ: – Давненько это было, ещё при царе-батюшке, по Сухоне-реке и до Тотьмы и до Тарноги и куда подальше ходили старые колёсные пароходы. Так вот, баюкала одна молодая мамочка на руках своего ребёнка на палубе парохода, да не удержала растяпа и обронила дитя прямо в воду...

– Ну и что, – нетерпеливо перебил его конопатый Гришка, – утоп малец?

– Эх, если бы утоп, – с сожалением глянул на молодого товарища дедок и с какой-то грустью продолжил, – нет, не утоп малец в тот час, видно планида така на роду ему зробрена была... Поднялась с глубины реки гигантская щука, прям большая белая акула, что по телику показывают, и заглотила ребёнка не хуже заправского крокодила, а потом вглубь ушла! Говорят, мамаша та, увидев такое, с ума сошла, вот как люди бают... Хотя, впрочем, даже по мне, чудно всё это и невероятно.

– Ну, старик, – с недоверием покосился Григорий на дедулю, – ты это загнул, дед Сидор! Чтобы у нас на Сухоне водились такие щуки и ели младенцев! В жизнь не поверю, пока сам такую рыбину самолично не увижу! Вот так!

– Эх ты, Фома неверующий, – огорчительно глянул на конопатого мужичка дедок, – не каждому дано увидеть её, если она и дожила до наших дней! Впрочем, всё во власти Божией!

После этого все замолчали. Кто-то поглядывал на блики костра, зачарованно подсвечивающего ранний вечер. Кто-то любовался прекрасными видами залива и речной панорамы, щедро приправленной сосенками и елями, окружившими все берега неспешно несущей свои чистые воды Кушты-реки.

Вдруг небольшое озерцо-залив между большой землёй и островом закипело от игры неведомо откуда взявшейся огромной рыбины, и внезапно на поверхности показался огромный, как у большой белой акулы, верховой плавник неведомой гигантской рыбы.

– Щука! – ахнули дружно рыбацки и их, словно ветром, сдуло на речной берег.

А рыбина действительно была хороша!

Залив буквально кипел от её охоты! Рыба, и даже щуки поменьше, до 2–3-х кило, едва ли не выбрасывались на берег, когда огромная щука принялась за своё царское пиршество!

– Ну, прям, акула! – с восторгом высказался один из рыбаков, приготовив невесть откуда взявшиеся у него в руках вилы.

Другой рыбак уже взял наизготовку охотничье ружьё, настороженно щупая двухстволкой ожившую от всплесков рыбины воду залива.

– Не надо! – небрежно остановил своего молодого друга с ружьём дед Сидор, – Сеть сработает, в аккурат, у неё ячея под эту акулу!

Видимо насытившись и всплыв на поверхность едва ли не полностью, гигантская щука, подобно боевой торпедо, устремилась к выходу из залива, надёжно перекрытому крупноячейной могучей сетью. Было видно, что эта щучина гораздо более двух метров в длину. На её спинном плавнике были чётко видны старые белевшие отметины от остроги, а от внушительных зубастых челюстей огромной хищницы, как сомовьи усы, отходили несколько старых блёсен с поводками.

Точно акула!

Без всякого усилия, даже без какого-либо разбега, огромная щука, подобно белой акуле, «торпедировала» словно гнилую нитку, крупноячейную, новую и крепкую рыбацкую сеть, оставив в ней огромную рваную дыру и, грозно посмотрев на рыбаков, словно бы запоминая их, горделиво взмахнула большим тёмно-зелёным хвостом и устремилась по направлению к Кубенскому озеру!

– Вот это щука! – восторженно сказал конопатый Гришка-рыбачок, протирая глаза, словно бы ему привиделось всё это, – Акула, просто акула...

АЙК

Рассказ

А снег был белый-белый.

Он кружил, заигрывая с утренним январским ветром, и казалось, что его белые полчища пленили целый свет, заменив его собой.

Выйдя из деревенской избы, старик закашлялся, но, тем не менее, отважно вышел на белый свет, атакуемый со всех сторон белоснежным войском. Вслед за пожилым человеком в белом армейском полушубке из тепла дома и веранды вышел огромный матёрый английский бульмастиф – очень большая собака палевой раскраски с чёрной маской на морде и большими умными карими глазами.

– Ну что, Айк, – обратился старик к своей собаке, которая выйдя на крыльцо поймала и слизнула языком летящую снежинку, – смотри, сколько снега сегодня намело, уборки нам, парень, хватит.

Пожилого человека, а это и был наш старик, звали Антон Кузьмич Подшивалов, старый армеец, майор в отставке, отслуживший всю свою сознательную жизнь в артиллерийских войсках и приехавший таки на свои длинные пенсионные выходные в гордом одиночестве в старый дом, оставшийся в наследство ещё от родителей.

Дом тот стоял в лесу, на самом берегу вольной и широко раскинувшейся Кубены-реки, что несла свои чистые и свободные воды в самом сердце северной Вологодской области. Не то что у отставного майора не было никаких дел в родном городе, дела были, но всё-таки оставив свою жену нянчиться с внуками, наш Кузьмич решил

таки после празднования Нового Года «встряхнуться» в родовом имени. Посмотрев на белый свет и подышав свежим воздухом, наш герой зашёл обратно в дом, где не торопясь, обстоятельно, по-деревенски стал растапливать русскую печь и подтопок. Убедившись, что огонь в печи ровный и хороший, он частично прикрыл печь заслонкой, чтобы не летели искры, и бросив своей собаке короткое «пойдём, погуляем», вышел из дома.

Взяв в веранде большую лопату для уборки снега, отставник принялся убирать снег, насвистывая ему одному известную мелодию. Весело посматривая на летящий со всех сторон снег, бульмастиф Айк степенно сопровождал своего хозяина повсюду, благо на улице было не так холодно, всего-то минус три, и поэтому, даже в своей короткошёрстной «шубке» Айк чувствовал себя вполне хорошо и комфортно.

Убирая снег от дома и расчистив его аж до самых ворот, Антон Кузьмич дружелюбно похлопал рукой стоящий у дома старенький японский внедорожник «Монтеро»: – Не замёрз, дружище?

И улыбнувшись, стряхнул снег со своего джипа. Вернувшись в дом с постоянно сопровождавшей его собакой, Кузьмич приготовил себе нехитрый завтрак, состоящий из пары бутербродов и вкрутую сваренных яиц, заварил свежий чай. Затем, убедившись, что русская печь и подтопок протоплены, посмотрев, что не осталось горящих угольков, старик скутал печь, закрыв все вьюшки-заслонки. Глянув ещё на печь и осмотрев её, ибо угореть никому не хотелось, отставник удовлетворённо улыбнулся, и включив дачную магнитолу, пошёл завтракать.

Позавтракав, наш герой засобирался на реку, как же рыбацкие жерлицы – донные удочки без поплавок с насаженными на тройники живцами, ждали своего хозяина на нескольких речных лунках ещё со вчерашнего дня.

Одевшись, Кузьмич по привычке пристегнул к портупейному ремню большой охотничий нож. Хотел взять и свой карабин «Сайга», но потом передумал, рыбалка – не охота! Да и лунки находились от его дома буквально в десяти минутах ходьбы, ибо дом стоял практически на самом берегу реки, окружённый мохнатыми соснами и елями. Просился с ним и его верный телохранитель, но на этот раз, сам не зная почему, Кузьмич решил не брать с собой пса. Закрыв дом и оставив собаку в веранде, благо света в ней хватало, окно большое, широкое, застеклённое, старик, выходя, закрыл для надёжности и веранду на ключ. А вдруг кто-нибудь придёт? Хотя, кто мог придти к нему в заброшенный в лесу дом? Поэтому Кузьмич, покряхтев так по-стариковски и потоптавшись в валенках на крыльце, прихватив с собой нехитрые рыбацкие принадлежности, пошёл к реке. Миновав расположенную рядом с лесом старую баню и не менее старый сельский пруд со спавшими там карасями и карпами, отставник уверенно шёл по тропе через редкий лес, направляясь к реке.

Она, как всегда, открылась внезапно, стоило лишь закончиться лесу.

Подходя к заметённым снегом старым рыбацким лункам, Кузьмич приподнял фанеру, закрывавшую лунку от снега, и нащупав лёску, стал неторопливо выбирать живца на поверхность. Есть! Лёска туго напряглась и, звеня в напряжении, заходила в пульсации мелкой дрожи в руках старика. Попался кто-то! Улыбаясь своей рыбацкой удаче, счастливый Антон Кузьмич подтаскивал сопротивляющуюся рыбину на поверхность.

– Щука что ли? – вслух подумал Кузьмич, лихорадочно выбирая лёску, – Хотя не похоже, тяжело и плавно идёт, практически без рывков.

Наконец в лунке показалась большая тёмная, извивающаяся как змея, усатая рыба. Налим!

– Ох и хорош! – не удержался и вслух возрадовался отставной майор, вытаскивая большого налима на снег, – Поди, килограмма на три потянет! Эх, знатный пирог внукам будет!

Смотря, как крупная рыба выплывает на льду свой танец, Кузьмич довольно улыбался, снаряжая жерлицу новым живцом и запуская маленькую рыбку в лунку, также заботливо закрывая её фанерой. Положив налима в свой рыбацкий полиэтиленовый мешок, старик перешёл к следующей лунке.

Всего их было три, но поставлены они были в самых удачных и проверенных местах. Подойдя ко второй жерлице и проверяя её, старик почувствовал на конце лесы тупые короткие толчки попавшейся рыбы. Насвистывая радостную мелодию, Антон Кузьмич подтащил к краю лунки и достал на свет божий трепыхающегося судачка весом около килограмма. Повторив свои нехитрые рыбацкие действия, старик подошёл к третьей лунке, где проверяя снасть, почувствовал, что рыбка попалась немаленькая и с ней придется повозиться. Чувствуя, как кругами большая рыба, напрягая толстую лесу, ходила из стороны в сторону, Кузьмич безошибочно определил клюнувшую и севшую на живца рыбу. Так и есть, щука! Счастливо улыбаясь, отставник не без труда доставал из большой лунки крупную щуку, которая, очутившись на поверхности, забила на льду своим пятнистым хвостом.

– Ох и хороша! – пропел старик, – До чего же знатные пироги получатся!

Поднимая крупную, весом около четырёх килограмм, рыбину, Кузьмич аккуратно поместил её в свой рыбацкий мешок.

За спиной послышался шум и чьё-то рычание.

Старик обернулся и заметил трёх больших матёрых волков, которые скалились в своих беспощадных улыбках.

– А, пожаловали санитары леса, – негромко сказал Кузьмич и пожалел, что не взял карабин и собаку, – так значит, проголодались, из леса вышли, ребята...

«Ребята» стояли в нескольких метрах от старика и скалили зубы на свою жертву.

– Вот что, ребята, – посмотрел на волков отставник, незаметно доставая охотничий нож и обнажая его, – я не торопясь пойду, всю рыбу вам оставляю, кушайте, то, что не доедите, я потом возьму, когда с карабином обратно приду. Согласны, ребята?

При этом старик вывалил хищникам пойманную рыбу, но «ребята», игнорируя угощение, жадно и плотоядно поглядывали на медленно отступающего от них старика.

– Что, рыбы вам не надо? – отходя по тропке спиной к показавшейся уже бане, спрашивал у хищников Кузьмич, – Кого же вам надо? А-а, меня... Подождите, ребята... Вот дойдём до дома, тогда поговорим...

Внезапно решившись, все три волка бросились на Кузьмича, так некстати запнувшегося, потерявшего равновесие и упавшего спиной на снег. Моментально выбрав и определив из волчьей троицы вожака, старик по самую рукоять большого охотничьего ножа вонзил клинок в упругую волчью плоть. И ещё когда два других волка стали терзать его, отставник двумя короткими ударами ножа добил вожака, который скуля, сполз с него, хрипя и разбрызгивая тёмную кровь на снегу. Волки отскочили, почувствовав смерть своего вожака, затем вернулись, подходя к старику.

Кузьмич тоскливо посмотрел на дом: далеко, даже истекая кровью, он не успеет доползти до него, как звери разорвут его. Тем более, разодранные зверьём ноги болели и сковывали его, причиняя острую боль при каждом движении. С огромным трудом, подползая к дому по снегу, обгабившемуся кровью, его кровью, старик вспомнил

в очередной раз, как он опрометчиво не взял с собой карабин и собаку.

Собаку!

Словно бы вспомнив что-то, Кузьмич позвал, привставая над снегом: – Айк! Ко мне, Айк!

Довольно улыбаясь своими людоедскими улыбками, волки заходили на свою последнюю атаку на человека.

Словно бы взорвавшись изнутри разбитым стеклом, из окна веранды, невероятным прыжком, разбиваясь в кровь от разбитого стекла, вылетел грозный бульмастиф!

Айк!

Одним мигом матёрый бульмастиф настиг волков и тут же верная собака, закрыв собой хозяина, приняла свой последний неравный бой с лесными хищниками. Крутясь в одном яростном клубке, в поединке с двумя огромными матёрыми волками, старый бульмастиф, не обращая внимания, как волки грызли и убивали его, делал свою работу, свою последнюю работу.

Вырвав глотку одному из волков, который захрипев, задрыгал лапами, агонизируя на снегу, истерзанный бульмастиф дрался с последним волком. Грызя и убивая друг друга в беспощадном поединке, собака и волк бились не на жизнь, а на смерть. И если волк хоть как-то пытался уже защитить только свою уходящую жизнь, собака билась с ним, умирая, защищая жизнь того, кого любила больше всего – своего хозяина.

Коротко, по-щенячьи завизжав, последний волк забился в предсмертных конвульсиях, когда умирающий бульмастиф мёртвой хваткой взял его за горло и сдавил своим последним усилием.

Всё!

Умирающий пёс, истекая кровью подполз к лежащему на снегу хозяину и доверчиво положил ему на грудь свою большую мужественную голову.

– Айк! – плакал в полном одиночестве старик.

Но ничего ему не ответил ни Айк, ни сумрачный лес, шумевший над его головой и поющий свою какую-то старую печальную песню.

КУЗЬМИНИЧНА

*Рассказ
Основан на реальных событиях*

Я услышал этот рассказ от случайного попутчика в поезде «Архангельск – Москва», мне приходилось направляться в Белокаменную из Архангельска, незнакомец подсел на станции «Вологда».

Обычный мужик, как и многие из нас, на вид под пятьдесят, доброе лицо, с изрядно поседевшей головой, и седыми, белыми – белыми, как у Деда Мороза, усами и бородой.

Сами понимаете, путь до столицы не близкий, вот и сблизились в дороге, словно бы почувствовав родственные души.

Моего случайного попутчика, как оказалось, звали Алексей Егоров, отставной капитан милиции. Слово за слово, за нехитрым мужским разговором, под «рюмку чая», рассказал мне Алексей историю из своей милицейской жизни, которая, видимо, до сих пор, трогала его сердце и тревожила память.

Дело было в начале двухтысячных, в маленьком поселке Шарденьга, что далеко на севере Вологодской области.

В тот день, заступил на дежурство Алексей Егоров в поселковом отделе милиции в качестве старшего следственно-оперативной группы, потому как из всего «доблестного экипажа» сотрудников он был старше всех и по чину и по званию – как же, старший лейтенант милиции, целый старший дознаватель поселкового отдела милиции.

В дежурной комнате находились дежурный, как его все звали по возрасту, уважительно – Петрович, его помощник, да молодой лейтенант оперуполномоченный уголовного розыска.

Сбоку от пульта, из небольшого цветного телевизора, важно вещал с экрана лысоватый мужик, по лисьи улыбаясь, что, мол, все вовсе даже хорошо в сельском хозяйстве, и жизнь в деревнях и малых городах налаживается, растет фонд национального благосостояния.

– Переключи его, – с пренебрежением указал Петрович своему помощнику, старшине, – надоел уже!

На других кнопках телеэфира на экране извивались как змеи, практически голые девицы, беснуясь в непонятном экстазе с мужеподобными особями.

Толстые и не очень, господа с лощеными, напомаженными лицами, ведущие себя, словно агнцы, в глазах которых застыл тусклый волчий блеск, настойчиво убеждали, что они элита, сливки общества, уверенно ведут страну к своему процветанию, ибо и курс доллара устойчив и с рублем у них все в порядке.

– Выключи эти смывки общества, – распорядился дежурный, – нашли блин буратин, – и в дежурке наступила долгожданная тишина.

Из происшествий разное произошло в тот день, где-то украли бензопилу «Дружба», на танцах, на местной дискотеке, поскандалил местный буян – хулиган Дворыкин, и тому подобная «мелочевка», а что еще могло произойти в этот жаркий августовский день, в их богом забытой Шарденьге?

Поэтому когда из деревеньки Ключевка поступил вызов, что, мол, запропала старожил Кузьминична, дежурный Петрович важно раздувая рыжие усы, изрек: – Не буду, хоть тресните, не буду отправлять в заброшенную деревню опергруппу, мало – ли где эта старушенция бродит.

Вошедший в помещение дежурной части зам.начальника поселкового отделения милиции капитан Сиволапов прервал своего подчиненного: – Вот что Петрович, потребуется сам на «потеряшку» поедешь, никого не будет, – я поеду, и разберусь, какие вопросы Петрович?

Ну, на такой оборот у дежурного сказать ничего не нашлось, поэтому в тот же час в Ключевку была снаряжена и отправлена аж целая оперативная группа милиции, где старшим был старлей Егоров.

Сказано – сделано! И вот уже трясется по запыленным сельским дорогам наш милицейский УАЗ, а из кабины машины видна привычная безрадостная картина: покосившиеся от времени, старые почерневшие деревенские дома, давно заброшенные здания медицинских ФАПов, полуразбитые церкви с пустыми бойницами окон, словно после мамаевского нашествия, да заросшие различным разнотравом и чертополохом, бескрайние российские поля, к которым уже давно не прикасалась рука человека.

– Да, – глубокомысленно заявил водитель УАЗа, – гибнет деревня, и что поделать тут? Кстати, кто нас встретит из заявителей?

– Увы, – безрадостно согласился старший группы и добавил, – звонил местный председатель сельсовета Петров, обещал встретить на развилке.

– Знаю Петрова, мужик обстоятельный, – вступил в разговор молодой опер угрозыска, – этот не подведет, обещал встретить, значит, будет на месте.

Действительно, при подъезде к межпоселковой дорожной развилке их подждал старый, тентованный «ЛУАЗ» председателя сельсовета.

– А, вот и Петров на своем «крокодиле», – оживился водитель, – так мы меж собой его луазик кличем, крокодилом.

Обменявшись крепкими мужскими рукопожатиями, Егоров и Петров договорились, что поедут к месту исчезновения на двух машинах.

Вновь затряслись на пропыленных сельских дорогах два внедорожника, сминая под своими колесами лесное разнотравье и глотая деревенские ухабы своими колесами.

– Приехали! – полуозадаченно протянул старшина-водитель УАЗа, когда милицейский автомобиль, вслед за председательским ЛУАЗом буквально ткнулся носом, в разлив местной реки, образовавшей целое озерко, с островом, на котором находились семь старых деревянных домов – деревня Клюевка!

– Ну и как переправляться будем? – с немым вопросом посмотрели на председателя работники опергруппы, – вплавь?

– Не бойсь, – усмехнулся Петров, – лодка у меня тут имеется!

– Вот поплывете, – продолжал балагурить председатель, – а щука не дремлет, кусанет вас за это самое место, кому вы будете нужны?

– Кончай бухтеть, Петров, – урезонил развеселившегося председателя старлей Егоров, – работать надо!

– Работать, так работать, – послушно согласился Петров, отстегивая навесной замок от лодки, которая не приметно стояла в кустах на берегу.

Общими усилиями столкнули лодку на воду, все загрузились на нее, и председатель кратко проинформировал Егорова, что в своем доме отсутствует местный житель, Елизавета Кузьминична Петергова, старый ветеран, разменявшая девятый десяток лет своей нелегкой крестьянской жизни.

– Ну и как она здесь жила? – подгребая веслами к острову, спросил председателя молодой оперативник.

– Плохо жила, – помрачнел Петров, – сам посуди, деревня давно уже безлюдная, как к весне разливают здесь, ни людей, никого нет, даже автолавка с хлебом изредка ездит, только к зиме почитай, дорога по льду и налаживается.

– Хоть какие-то удобства имеются? – интересовался опер.

– Удобства? Какие там удобства? – переспросил председатель, когда лодка ткнулась носом в берег, – заходи в избу, сам посмотришь на ее удобства!

На самом берегу залива, одиноко стояла старая изба, с тремя окнами, выходящими на озерко.

Ни газа, ни электричества, ничего в ней не было, даже отсутствовал необходимый для зимы запас дров, из «удобств» – лишь холодный туалет в пристройке к дому.

Составив протокол осмотра, который ничего не дал, потому как в доме было чисто, ни каких следов криминала, борьбы, крови не выявлено, дознаватель дал расписаться в осмотре, объяснении, и заявлении о без вести пропавшей председателю.

Да и обстановка скажем, была не богатая, пара старых икон в красном уголке, какие – то старые плакаты времен СССР, расклеенные, вместо обоев на стенах, да пустой горшок, сиротливо стоящий на плите подтопка русской печи.

– Где бабушка, Петров? – задирает председателя молодой опер, – куда дел старушку?

– Хватит! – успокоил своим взглядом молодого лейтенанта Егоров, и сухо распорядился, – Так, обходите весь остров, осматривайте все избы, и ко мне с докладом!

– Сделаем! – как-то не по уставному ответил оперативник, и работники опергруппы разбрелись по острову, пытаясь найти куда-то запропастившуюся бабулю.

Впрочем, через час они собрались, разводя руками, мол, нет ее нигде!

– Семнадцатый, семнадцатый, ответьте Шарденье! – вдруг зашебуршала, словно мышь, и проявила себя мини-радиостанция.

Не торопясь, обстоятельно, по-деревенски, Егоров щелкнул кнопкой манипулятора рации: – Да, на приеме семнадцатый!

– Алексей, – голос у дежурного был какой-то напряженный, – у вас по соседству с базой механизаторов угнан автобус ПАЗ, перекройте развилку!

– Я еще не закончил осмотр, – с легким раздражением в голосе проинформировал дежурного дознаватель, – не пришел к выводу об обстоятельствах исчезновения женщины!

– Мне некого больше отправить, – упрямо настаивал дежурный, – вы у меня одни в этом районе, а бабуля, может, она по грибы пошла!

– Грибы здесь не водятся! – не без ехидства иронизировал Егоров, – Остров здесь, а вокруг вода!

– Стойте ребята, не ссорьтесь! – вмешался председатель, – Давайте сделаем проще, я ребят на лодке на большую землю свезу, и сразу обратно, а они пусть угонщика ловят!

– Хорошая мысль, – одобрил дознаватель и доложил дежурному о таком раскладе, который он, в тот час же одобрил.

Оставшись один, Егоров еще раз внимательно осмотрел обстановку: старые фото, запечатлевшие еще молодую Кузьминичну с мужем и детьми, там были и более ранние фото Кузьминичны с ее молодым тогда супругом, фронтовиком-капитаном, с рядом орденов и медалей на груди и укоризненным взглядом, словно говорящим: «За что же мы воевали, ребята, за что же вы обрекли на участь такую, супруженицу мою?» На верху шкафа нашлись ее старые, запыленные благодарности и почет-

ные грамоты, в холодной подсобной комнате старые самодельные сети и верши.

– Осматриваешься? – поинтересовался у него за плечом вернувшийся председатель, – Не беспокойся Алексей, закончишь осмотр, я тебя обратно в поселок увезу, тем более дела у меня там.

– Да я и не беспокоюсь, – отмахнулся старлей, – ты мне лучше еще раз расскажи, как она жила здесь, одна?

– Вот так вот и жила, – начал свой печальный рассказ председатель, – мужа давно схоронила, а дети совсем забыли ее, даже на письма не отвечали!

– Смотри, – показал пальцем на пачку писем на столе председатель, – сколько не отправленных!

– Пробовали ее много раз направить в дом престарелых, – продолжал свой рассказ Петров, – да все отказывалась она, все надеялась, что приедут ее дети, и заберут ее, к себе в город, да вот не дождалась!

Они вышли из избы и встали на берегу залива.

Быстро вечерело, где-то озабоченно переговаривались лягушки, а в зарослях камыша и тростника в погоне за рыбьей молодью, гулко бухала крупная щука, в центре залива, среди зарослей белых кувшинок и желтых кубышек поднимала ил и пузырила воду неведомая крупная рыба.

Красота, да и только!

– Поди лещ, или карась крупный гуляет, – словно бы прочитав мысли Егорова сказал председатель, – насчет красоты ничего не скажешь, красиво здесь!

– Стой! – поймал себя на мысли дознаватель, – Я видел у нее в избе сети, она рыбалкой часом не промышляла? А если так, была у нее лодка?

– Даже не задумывался, – ответил Петров, – с другой стороны, да, если не рыбалить, с голоду ноги протянешь, хлеб допустим, она сама пекла, муки у нее в доме вдо-

воль, видимо закупалась в автолавке впрок, а консервов с нищей бабкиной пенсией много не купишь, да в доме ни холодильника, ни хрена нет! Короче, забыли все старую Кузьминичну!

– Вот что, – сообразил кое-что дознаватель, – давай-ка, на твоей лодке пройдем по заливу!

– Что искать-то будем? – улыбнулся председатель, – Вчерашний день, ой, как трудно найти!

– Должна быть у нее лодка, должна, – озабочено покачал головой Егоров, – я думаю и к автолавке на соседний берег, не вплавь она переправлялась!

– Мысль дельная! – согласился председатель, и оттолкнув лодку с берега, они пошли по заливу.

Как всегда верна пословица «Кто ищет, тот всегда найдет!», так и Егоров с Петровым буквально в первые минуты поиска обнаружили и достали из зарослей камыша и тростника маленькую самодельную лодку.

– Алексей, смотри! – ткнул в бок Егорова председатель, – В камышах сеть стоит!

Действительно, к древнему колу была подвязана старая, самодельная сеть, с крупной ячейей семьдесят миллиметров, в которой запутались пара уставших щук, по несколько килограмм каждая, да здоровущий трехкилограммовый золотой карась, вылитый лещ или карп.

Пройдя до конца сети, и не обнаружив ничего, поисковики выпустили живую еще рыбу в залив, смотали сеть, бросив ее на корму лодки.

– Стой! – остановил председателя, гребущего веслами по центру озера, глазастый дознаватель, – Что это?

Действительно, из воды выглядывал, а глубина там была около двух метров, фрагмент всплывшей веревки.

Потянув за нее, дознаватель обнаружил страшную находку: на конце веревки находился труп старой женщины, с камнем на шее, и предсмертной запиской, в двой-

ном целлофановом пакете, который она продолжала сжимать в своей исхудавшей руке.

– Кузьминична! – ужаснувшись, встал на лодке председатель и истово трижды перекрестился, – За что же это она себя так?

– Она?! – внезапно рассердился дознаватель, – А может мы все, своим равнодушием и безразличием убили ее?!!

– Окстись, Алексей, – отшатнулся от него, как черт от ладана, председатель, – при чем тут мы?

– Я не сужу тебя, – устало произнес старлей, – все, кто окружал ее, внесли свою лепту в ее смерть, каждый по-своему! Ты когда последний раз был у нее?

– Не помню, – признался председатель, – да и знаешь, сколько у меня таких кузьминичн в деревнях, да и формально это не моя работа, о каждой пенсионерке заботится!

– Одно меня еще заботит, – изливал свою душу председатель, – ну, похороним мы Кузьминичну, да вот кто за нее молиться будет? Ведь не положено же – самоубийца!

– Я буду! – отчеканил, как на строевом смотре, Алексей, – Ведь должна же быть справедливость и в этом мире, или хочешь сказать, что Бог менее милосерд, чем люди?!!

– Кто знает, – пожал плечами председатель, – кто знает...

На заливе, застывшим в своей красоте, все так же была хвостом щука, гоняя малька, и так же неугомонно и бестолково вели свою незамысловатую переключку лягушки.

ВСЁ.

ТИШИНА

Рассказ

*Всем павшим при исполнении
служебных обязанностей на Кавказе
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

О, августейший август!

Ласковый ветер весело играл с зелёной травой, робко обнявшей суровые камни предгорий Кавказа. В высоком по-южному небе от божественного пения порхающих птиц становилось светлее. Подлетевшая и севшая на камень большая тёмно-синяя стрекоза отразила в своих томных полных тихой неги огромных глазищах фигуру подошедшего человека.

– Какая красивая, – залюбовался гигантской стрекозой, маленьким аэропланом испуганно взлетевшим при его приближении, старший лейтенант Муромцев, – у нас на севере таких нет... И, господи, тишина-то какая!

И то верно, потому что было так тихо, что даже слышно, как звенел ледяной прохладой небольшой горный ручей поблизости.

Было лейтенанту на вид лет эдак тридцать. Светло-русская чёлка выбивалась из-под его пилотки, весело блестя голубые глаза, словно показывая, что всё хорошо у него, старшего лейтенанта милиции Муромцева Ивана Борисовича.

И хотя в этот августовский вечер он был далеко от своей любимой Вологды, но о ней ему напомнил стрекотнувший коротким звонком спутниковый телефон,

который он выпросил у подъехавшего на их блокпост земляка-вологжанина комбата Терещенко.

– Ало, ало, – отвечал на звонок молодой лейтенант, – как слышно?

Наконец-то трубка ожила и в ней послышался встревоженный голос жены, родной далёкий голос.

– Ваня, ты где? Всё хорошо у тебя?

– Хорошо, – прокричал в трубку Муромцев, – забросили, правда, в командировку, в Кандалакшу, со связью тут не очень... Не расстраивайся, всё хорошо у меня... Дома-то как?

– Да всё хорошо у нас, – оживилась его жена, явно поверившая в его командировку в «Кандалакшу», – мать, правда, болеет, но ничего... Все ждём тебя...

Связь, коротко затрещав, прервалась.

– Ало, ало! – не унимался Иван, тряся телефон, – Вот, черти, не слышно ничего ...

Одно, конечно, радовало, что жена не раскусила его маленькую военную хитрость, и поверила в его мифическую командировку на север страны.

Ну, не расстраивать же её, находящуюся уже на четвёртом месяце беременности!

К Муромцеву неслышно подошёл комбат Терещенко и взял у него телефон: – Связь здесь такая, успел хоть поговорить?

– Да, успел, – благодарно улыбнулся капитану старший лейтенант милиции, – спасибо тебе, Сергей.

– Не боишься снайперов, что лупануть по нам могут? – внезапно спросил его армеец, – Остерегаться, Ваня, надо, остерегаться!

– Тихо у нас, Сережа, спокойно, – посмотрел на комбата своими голубыми, как ясное небо, глазами Муромцев, – не командировка, а курорт!

– Ну, ты сказанул, курорт! – пытливо глянул на милиционера Терещенко, – Говорю тебе, остерегаться надо, а то с этого курорта можно и не вернуться!

– Сам знаешь, за нами аул, дружественный нам, – за-улыбался Иван, – его мы и прикрываем, как и эту дорогу, в свою очередь они помогают нам, всё на доверии. По вечерам с местными в футбол играем, хлеб, баранину от них получаем, короче, всё в ажуре: мы за них, они за нас.

Комбат с горечью покачал головой: – Не всё ты знаешь, Ваня, по свежим разведанным у нас в районе появилась банда Хасана, это до тысячи активных штыков... Не дай бог вздумают с твоим аулом за помощь федералам рассчитаться, не выдержите вы, на любой позиции не выдержите... Сам понимаешь, это не с местными красное вино деркалить. И хотя наши вертушки охотятся за ним, но найти пока не могут, зелёнка, брат, понимаешь.

– Понимаю, – согласился с земляком старлей, – но если что, твои ребята помогут нам, правда?

– Правда, – подтвердил комбат Терещенко, – но до моего подразделения около сорока километров, если что, поспеем ли?!

– Успеете, – улыбнулся Иван, – должны успеть... У тебя ж там небольшая армия: и танки приданы, и БМ-21 «Град», да и десантники с мотопехотой чего стоят!

– Да, «Град» штука серьёзная, это тебе не мотопехота! – кивнул головой в знак согласия Терещенко, – Так ведь, Ваня, посуди сам: разведка у них не хуже нашей работает, и «чехи» на нас по определению не полезут... Впрочем, как земляк земляку, поможем милиции, и блокпост ваш прикроем! Вот что, у меня на борту БТР отделение солдат, принимай его... Правда, молодые, срочники, молоко ещё на губах не обсохло, совсем недавно от мамок... Ну, да это ничего... Вернись в расположение,

в рамках единой дислокации я тебе роту Петрова с парой танков и «Градов» на усиление направлю. Годится такой расклад?

– А то! – с воодушевлением согласился с армейцем его земляк, – Спасибо, тебе, Сереж, за помощь, спасибо, что не делишь нас на своих и чужих...

– Одно дело исполняем, общее, – строго посмотрел на Муромцева комбат Терещенко, – а что касается спасибо, так ведь встретимся в Вологде, вот стакан мне и нальешь, и выпьем мы с тобой за наше боевое братство и содружество! Сам понимаешь, я не из таких, чтобы армию и милицию делить, одно дело делаем!

Ещё раз дружелюбно посмотрев на офицера милиции, капитан Терещенко подойдя к своему БТРу скомандовал молодым бойцам оставаться на охране блокпоста и поступить в распоряжение старшего лейтенанта Муромцева. После чего, сердито фыркнув двигателем, грозная машина, набирая скорость, громяхая всеми своими колёсами, отъехала от «крепости» Муромцева и вскоре скрылась на пылящей каменистой дороге.

Старший лейтенант Муромцев не без юмора оглядел приданое ему «войско».

Эх, срочники безусые! Дети ещё, годков по 18 каждому! И за что же вас, ребята, на Кавказ?! Понятно, он – кадровый офицер милиции, у него дело добровольное и осмысленное – Родину защищать! Так ведь и в сорок первом страну отстояли такие же молодые и безусые солдаты. И вот сейчас они стояли перед ним: отделение совсем ещё юных созданий, в громоздких, явно не по размеру, неподтянутых и не застёгнутых касках и бронезилетах, за спиной которых топорщились старые автоматы Калашникова.

– Так! – посмотрел на свою «гвардию» старлей, – В вашем отделении старший кто?

– Я! – из строя выступил молодой белобрысый сержант, – Сержант Приходько, командир отделения!

– Слушай, сержант, – обратился к нему Муромцев, – размещай бойцов по точкам, вместе с моими милиционерами и со мной нас теперь двенадцать! Два неполных отделения! Рация-то хоть имеется, а то наша иногда глючит...

– Так точно, имеется, – лихо доложил сержант и выразительно щёлкнул по ларингофону армейской радиостанции, – в полной исправности, товарищ старший лейтенант!

Подошедшие к срочникам милиционеры познакомились с бойцами и совместно занимали заранее оборудованные боевые позиции.

– Эх, жаль бэтэра нет, – посокрушался Муромцев, посмотрев на сержанта-срочника, – у нас только УАЗик. Вот что, Приходько, остаёшься со мной с рацией связь поддерживать со своим командованием.

– Будет исполнено! – браво козырнул ему сержант и благодарно как-то посмотрел на своего нового командира.

– Вот и молодец, – улыбнулся ему старлей, – как звать-то тебя, сержант?

– Алексей, – робко представился Приходько, – маманя меня Лёшей звала...

– Ждёт небось мамка-то? – глянул на сержанта Муромцев, – Поди дни отсчитывает, как со службы вернёшься...

– Ну а как же, – согласился со своим начальником сержант, – мать она и есть мать... И меня, и всех наших дома матери ждут...

Внезапно их разговор был прерван мальцом Русланом, чернявым парнишкой-горцем с того самого аула, который они и охраняли.

– Дядя Иван, – обратился к нему запыхавшийся от бега мальчуган, – я с зелёнки бегу... банда Хасана там...

огромная, не меньше тысячи боевиков... в наш аул идут... подслушал я их разговоры, говорят, что будут жечь и убивать за помощь русским!

– Спасибо тебе, Руслан, – тревожно посмотрел на юного горца милиционер, – беги в аул, пусть мужчины вооружаются чем могут, а старики, женщины и дети пусть уходят.

– Не успею я, дядя Иван, – едва не заплакал от бесильной злости мальчуган, – банда уже на подходе, а ваш блокпост её не удержит... Вас сметут, как сметает малую преграду разлившаяся полноводная горная река!

– Ты поспешай, однако, Руслан, – грустно улыбнулся старший лейтенант Муромцев, – мы не сдадим без боя ваш аул!

Ещё раз посмотрев на офицера милиции, мальчик заторопился в сторону аула.

– Отделение, к бою! – скомандовал старлей, – Банда Хасана на подходе, а там тысяча боевиков, сержант, связь!

По радиостанции Муромцев сообщил комбату Терещенко о приближении врага и запросил помощь вертушек.

Черной грязной рекой, грозно текущей на блокпост, навалилась на них банда Хасана.

И лопнула тонкой гитарной струной так долго радовавшая всех тишина.

Горы ожили от вспыхнувшей канонады автоматных и пулемётных очередей.

Было очевидно, что максимум десять-пятнадцать минут и их сомнут и чёрная грязная селевая лавина боевиков Хасана двинется на аул и уничтожит его.

Появились первые раненые: зацепило несколько срочников и его милиционеров-вологжан. Лёгкое ранение от шквала пуль получил и старлей и сержант Приходько.

– Где вертушки?! – едва ли не кричал, разрывая своим отчаянием радиоэфир, старший лейтенант Муромцев, – У меня половина личного состава ранены, сможете помочь нам?! Нам не удержать блокпост!

– Ваня, вертушки в другом квадрате, – по радиии тревожно звучал голос комбата Терещенко, – разворачиваем их к вам, но не успеют они...

– А тогда, Серёжа, – задумался на секунду милиционер и сказал, чётко проговаривая свои слова, – у меня нет иного решения, как отправить свой личный состав из-под обстрела к тебе на УАЗе... а я... остаюсь здесь... буду драться до конца и сдерживать банду пока твои гвардейцы не ударят по моему квадрату из всех своих градусов... а там, может, и вертушки поспеют...

– Ты вызываешь огонь на себя, Иван, – изумлённо и горестно выдохнул комбат, – не делай так, земля... бросай всё и уезжай на машине со всеми, и я через пять-десять минут перепашу твой квадрат своими «Градами»...

– Не получится, Серёжа, – просто ответил старлей, – если я уйду, кто подарит аулу эти минуты?! А там женщины, старики, дети... земля наша... Родина то есть, яснее и проще говоря...

– Что, один остаёшься?! – хрипло переспрашивал его комбат, – У тебя кроме твоих отделение срочников!

– Мамы их ждут дома, Серёжа, – коротко выдохнул милиционер, – пусть дождутся своих безусых пацанов... А ты будешь в Вологде... к моим зайди... скажи, что не мог я иначе... и передай им, что люблю их всех очень и прошу понять и простить... А за меня, Серёжа, ты выпей... потом... Обязательно...выпей... Прощай, комбат...

– Прощай, Ваня, – потрясённо прошептал капитан, – и прости, что не смог...

Переходя от одного автомата к другому, старший лейтенант сдерживал натиск наступающего врага, смотря,

как скрылся на горном серпантине его УАЗ, увозя всё его израненное войско и надежду на завтра, которое не наступит уже для него никогда.

Рубашка милиционера была уже не синей, а красной, как боевой стяг, от множества ранений, поразивших старшего лейтенанта.

Муромцев в последний раз посмотрел на синие-синие горы, словно курящие белыми облаками и совсем близкий аул, и печально как-то улыбнулся...

У нескольких грозно поблёскивавших на заходящем солнце боевых машинах реактивной артиллерии «Град» стоял комбат Терещенко.

По его щекам текли слёзы, и прежде чем отдать команду, он на секунду задумался, и коротко скомандовал: – По квадрату блокпост!

И замер по стойке смирно в отдании воинской чести своему воину-земляку: – За Ивана Муромцева, за Родину – огонь!!!

Оглушительно рывкнули в своей боевой мощи грозные «Грады», неся смерть и разрушение так и не взятому бандой Хасана блокпосту, разрывая на мелкие клочки подошедших к милицейской крепости бандитов.

И едва замолчали «Грады» в дело вступили всеми своими ракетами и пушками подлетевшие боевые вертолёты.

А потом наступила тишина.

ДОЛГ

Рассказ

*Посвящается памяти Друга,
старшего прапорщика
Офицера Владимира Степановича*

Долг!

Слово это каждый понимает по-своему: одни улыбаются «кому я должен, всем прощаю», другие бычатся, что, мол, никому ничего они не должны, а вот иные понимают слово долг не как слово, а как свою пожизненную обязанность, нести которую они должны с честью перед страной и перед людьми.

К таким вот иным относился и старший прапорщик милиции в отставке Лозовой Юрий Петрович.

Прослужил с честью чуть более двадцати лет, а потому как службу ставил превыше всего, семьи он так и не заимел, зато имел поощрения и боевые ранения при задержаниях местных отмороzków, и увольнение в запас по состоянию здоровья, а также «огромную» милицейскую пенсию около шести тысяч рублей.

Это в наши дни, когда даже его нищие гражданские коллеги получали несравненно больше!

Пробовал Юрий Петрович побороться за справедливость, но куда там! Везде, куда бы он ни обращался, его ждали сухие чиновные отписки, мол, не положено, инструкция такая-то запрещает, да «радовали» его вместе с отписками юбилейными памятными медальками, словно бы поощряли пса на собачьей выставке.

Хотя, даже к Дню Милиции и на День Службы забывали Юрия Петровича, и не поздравляли никак, даже открыткой, которую он иногда ждал с надеждой открывая свой почтовый ящик.

Благо пока бюрократы не изобрели инструкцию, запрещающую жить и дышать воздухом, устроился наш отставной прапорщик Лозовой по причине полного безденежья частным охранником, хотя здоровье и не позволяло, к местному «аллигатору-олигарху» Фролу Африкановичу Кузьменко, решившему сэкономить на услугах инкассации.

Посёлок Фирташи, что на севере Вологодской области, сравнительно небольшой, около одиннадцати тысяч населения, и почитай, все магазины от хлебного до бакалейного в их посёлке принадлежат Кузьменко.

Считался Фрол Африканович важным и нужным человеком у всей местной, как они сами себя называли «элиты» – горстки поселковых чиновников-бюрократов. Потому как у Кузьменко, кроме торговли, был ЗАГС, где работала его родня, хлебокомбинат, и даже кладбище, услуги на которое он успел «прихватизировать», хвастаясь при случае медалькой Парламента страны «Гордость нации», выданной за его предпринимательские, гробокопательские инициативы, и спонсорство церкви.

Так выходило, что все в посёлке были обязаны и зависели от Фрола Африкановича, от ЗАГСа, где регистрировали фирташчан, до кладбища, где этих самых селян и погребали, благо право на дыхание и саму жизнь Фрол Африканович ещё не догадался приватизировать.

Поэтому, даже умирая, фирташчане, продолжали работать на Африкановича, самим фактом своей смерти и погребения, принося ему прибыль.

Раньше Кузьменко, пока он ещё не «поднялся» на торговых делах, звали попросту Фролкой, но времена изменились, и теперь единственный на весь посёлок чёрный

новёхонький «Майбах» возил уже не Фролку, а уважаемого Фрола Африкановича.

Ведь и ежу понятно, что Африканыч и в Африке Африканыч!

– Ну-ка, Гришка, – солидно поглаживая редкую рыжую бородёнку, по-купчески командовал своим водителем Кузьменко, – к Нинке в промтовары не едем, я вчера вырубку снял, заворачивай к продовольственному!

Послушный водитель разворачивал машину туда, куда указывал его хозяин. Поди, послушайся Фрола Африкановича, где работу найдёшь в их нищенствующем посёлке?!

От нечего делать заводил словоохотливый предприниматель беседы со своим охранником, как он его солидно именовал при посторонних – «секьюрити»: «Вот скажи мне, Юрий, ну прослужил ты в милиции двадцать лет, ну и что она тебе дала? Пенсию в шесть тысяч рублей, да бесполезные побрякушки за выслугу лет, согласен со мной?»

– Ну как вам сказать, Фрол Африканович, – корректно отвечал умудрённый горьким жизненным опытом прапорщик, – в чём-то вы правы, в чём-то нет, самое главное, служил я за идею, верил в идеалы справедливости, в свой долг!

– Хм, идея, идеалы, долг, – нахмурил свой лоб Кузьменко, и хохотнул, щедро показав дорогие золотые зубы, – что они тебе дали, эти идеалы и долг? То, что живёшь сам в долг?

– Смотри, – воодушевлённо продолжал предприниматель, – сколько у меня магазинов, кафе, столовка, клуб, хлебокомбинат, всё на меня работает, даже кладбище прибыль приносит. В трёхэтажном доме бассейн с сауной и джакузи, в гараже, кроме «Майбаха», три джипа новых стоят, детки пристроены, учатся за бугром, и заметь, при этом я ни разу за кого-то в огонь и полымя не лез и не полезу! А что заработал ты?

– Пенсию, которую мне дают, – безрадостно кивнул головой отставной прапорщик, – государство оценило мой труд так, как сочло нужным!

– Но ведь ты сам согласился с этими условиями, – ядовито усмехнулся предприниматель, – зачем теперь жаловаться, поздно, батенька, поздно!

– Я не жалею ни о чём» – заверил своего работодателя Лозовой.

– Ой, ли? – усомнился Кузьменко, – Тебе жить...

Пока они говорили, машина подъехала к магазину «Продовольственный».

Привычно и быстро приняв от заведующей деньги, Кузьменко уже хотел уходить в сопровождении своего «секьюрити», как был остановлен заведующей.

– Фрол Африканович! – умоляюще обратилась к нему уже немолодая заведующая магазином, – Можно у вас попросить выдать мне деньги под зарплату пораньше, сынишке-школьнику пришёл заказанный в магазине недорогой компьютер, выручите пожалуйста!

– Вот что, Катерина, – остановился у прилавка предприниматель, – денег я тебе не дам, все они в обороте, а компьютер, эка невидаль, возьми и откажись от него!

– Помогите мне, Фрол Африканович, – не выдержав, расплакалась завмаг, – у всех школьников дома есть компьютер, только у моего нет!

– Подумаешь, – пренебрежительно отмахнулся от слёз подчинённой предприниматель, – подумай сама, раз нет, значит ему и не положено, раз денег нет, нечего о компьютерах мечтать! А то, ишь чего удумала, денег до зарплаты просить!

– Как же так, – расплакалась ещё пуще прежнего женщина, – сын мой, он, что, недостойн иметь для занятий свой компьютер?

– В школе пусть, на школьном компьютере занимается, – выкрутился хитрый предприниматель, и посуловел, – что слёзы зря расходовать? Иди, работай, а то у меня таких, как ты, желающих работать, очень много!

Увидев упаковки с соком «Добрый», разозлился: – Не люблю сок «Добрый», отказаться немедленно от этого поставщика!

С этими словами Кузьменко вышел из магазина.

Вместе с ним шёл отставной прапорщик Лозовой.

Разные мысли бродили сейчас в голове прапорщика, конечно, ему до слёз было жалко заведующую, и он сам поражался бездушию своего работодателя, и мысленно молился о смягчении его жестокосердия.

Сев в машину, предприниматель не выдержал: – Деньги ей подавай до зарплаты! Всем давать – разоришься! Моим деткам, которые в Англии учатся, если разорюсь, кто подаст?!

– Как считаешь, Юрий, – посмотрел на своего охранника Кузьменко, – Я прав?

– Вам видней, – уклонился от ответа благоразумный, много раз битый жизнью, прапорщик.

– Конечно, видней! – горячо ответил предприниматель и хитро улыбнулся, – Считаешь, что грешен я? А я вот свободные денежки отцу Алексею на постройку церквушки отвалю, и всё, безгрешен, простит мне священник все грехи мои!

– А я думал, грехи Бог прощает, – усомнился Лозовой.

– Что ты знаешь о Боге! – пренебрежительно махнул рукой Кузьменко, – Говорю тебе, заплачу денежки и безгрешным буду! Что ты знаешь о жизни?! Смотри, куда ни плюнь, везде наши – от нефти, газа, леса, заводов – кто денежки гребёт? Наш брат, предприниматель, даже президент, и тот наш, похож на нас, как две капли воды!

– Ой, ли? – не выдержав, засомневался отставник, – А я думал, что он гарант Конституции и прав всего народа!

– Ты что, – посмотрел на него Африканыч, как на пришельца с далёких звёзд, – думаешь, про кого он говорил, что своих в беде не бросит, про нас, про предпринимателей! Даже «братва» в предпринимателях ходит и вами, отставными ментами командует, забавно, да? А самим-то вам, волкодавам отечества, не противно волкам служить?!

– Но в любой момент президент может прекратить в стране бардак, – не сдавался патриотически настроенный Лозовой, – я в это верю!

– В это ты веришь, – с явным презрением посмотрел на него Кузьменко, – захотел бы, давно прикрыл бы нашу лавочку, а так все в деле и у дела! Каждый зарабатывает на ближнем своём, как может и умеет, что ты хотел, это рынок! Всё продаётся и всё покупается, даже совесть, и твой, как там его, долг! Так-то вот, братец!

– Но что можно построить на разграблении духа, чести нации и отечества?! – голос отставного прапорщика звенел как струна, грозящая вот-вот лопнуть, – Ничего!

Но ничего ему не ответил предприниматель, и в машине наступила холодная тишина.

Тем временем, «Майбах» подъехал к магазину «Бакалея».

Неспешно выходя из машины, Кузьменко с неизменно полной сумкой денег в руках, и Лозовой, сопровождавший его, пошли по дороге, направляясь к магазину.

Вдруг из-за поворота вылетели красные «Жигули», было видно, что водила, безуспешно пытался справиться с машиной, у которой явно отказали тормоза.

Опешивший предприниматель тупо смотрел, как кролик на удава, на летящую прямо на него машину.

Как вдруг, резко прыгнувший отставной прапорщик, коротким, но сильным толчком, буквально вытолкнул

из-под колёс «Жигулей», растерявшегося Кузьменко, а вот сам не поуберёлся: правым крылом автомобиля его ударило по ногам и отбросило далеко на асфальт.

Быстро вставая, целый и невредимый, Кузьменко, схватил с асфальта то, чем дорожил больше всего – сумку с деньгами, и запрыгнув в автомобиль, приказал водителю дать по газам и ехать побыстрей домой.

– А как же Лозовой? – недоумевал водитель, – Давайте ему хоть «Скорую» вызовем, вон бедолага лежит, не встаёт.

– У тебя есть мобила, звони, – сказал, как отрезал, предприниматель, – я за свой счёт звонить не буду никогда!

Одновременно управляя машиной, водитель по своему мобильному телефону вызвал «Скорую помощь» и милицию к месту происшествия.

В больнице, где Лозовой лежал с переломами обеих ног, его навестил только водитель шефа.

– Молодец, Юрий, лихо ты прыгнул, – улыбался водила, – я бы так не смог.

– А шеф, где он, придёт? – нетерпеливо спрашивал Лозовой, – Передавай привет ему от меня!

– Вот что, Юра, – помрачнел водитель, – свой привет лучше оставь при себе, шеф не придёт, в Англию к детям он уехал. Даже ни копейки на твоё лечение не дал, говорил, что ты и обязан так поступить, это долг твой! Ещё велел передать, как узнал, что у тебя ноги сломаны, в общем, уволен ты, Юра, больше не возьмёт он тебя, даже когда поправишься... А ты поправляйся, я вот тебе апельсинчиков от себя принёс.

Положив полиэтиленовый пакет с апельсинами, с оттопырившейся там бутылкой марочного коньяка, водитель поспешно ушёл, потому что ему было невыносимо больно смотреть на брошенного всеми и забытого, плачущего Человека.

МАЛОЛЕТКИ

Рассказ

*Моему брату,
майору Мельничуку
Николаю Николаевичу,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

На небе, словно бы щёлкнув невидимым рубильником, включилось северное сияние. Было бы понятно, если бы в это хмурое февральское утро небо озарилось бы игрой и причудливо бегающими всплохами где-нибудь на Севере или в Мурманске, но небо сияло и переливалось северной радугой над детской воспитательной колонией «Бобрики», что на севере Вологодской области.

– Ну и чудеса, – притоптывая ногами подмёрзший утренний снег у входа в КПП колонии подивился старший прапорщик юстиции Юденков, – смотри, Василий, как небосклон полыхает, как на настоящем севере!

Стоявший рядом с ним Василий Петров, начальник отряда данной колонии, он же по совместительству воспитатель-психолог, зябко поёжился: – Так у нас и есть север, Гриша, самый настоящий русский север! А то что чудо, да, согласен, северное сияние, да такое мощное, я вижу впервые!

– Смотри, смотри, как играет, – не переставая восхищался прапорщик, – красотень сумасшедшая!

– Всю жизнь на такое смотрел бы, – с сожалением посмотрел на небо капитан Петров, – но дела не ждут, пошёл к своим деткам-малолеткам, как они там...

– Деткам, – с укоризной глянул на капитана прапорщик Юденков, – и что тебе не спится в это воскресное утро, Василий Николаевич?! Своих детей по утранке бросил, а наших зверёнышей проведывать пришёл, выходной же, спал бы дома!

– Эх, прапорщик, – неодобрительно посмотрел на него Петров, –, для тебя может они и зверёныши, а для меня так дети малые.

– Дети?! Малолетки-то эти?! – не согласился с ним Юденков, – Да на них на многих клеймо некуда ставить, и убийцы, и насильники, и грабители! Бездушные твари, дай им волю, нас бы всех поубивали! Ты Фрозенкова помнишь, который отца родного уколошил? И таких жалеть?!!

– Не отца, а отчима, – не согласился с прапорщиком начальник отряда, – ты бы знал какой зверь был тот отчим! Я, конечно, Юрку Фрозенкова не оправдываю, но посуди сам, как измывался и издевался над ним и его матерью пьяный садюга-отчим: бил, выгонял из дома, и когда при Юре отчим стал душить и убивать его мать, Фрозенков и взялся за нож, защищая мать, а годков-то ему было всего четырнадцать! Силёнок не хватило, чтобы со здоровущим пьяным бугаём справиться, вот за нож и схватился!

– Ну ладно, – примирительно посмотрел на капитана Юденков, – с этим понятно, но и зверёнышей у тебя в отряде хватает!

– Хватает, – грустно согласился Петров, – но в каждом я вижу, прежде всего, и ребёнка и человека, пойми, от нас зависит, какими они выйдут на свободу! Сам знаешь, на «малолетку» попадают от 14 до 18 лет, и в моём отряде их 112, и за каждым из них своя особая изломанная и исковерканная судьба.

В небе над говорящими продолжало выписывать немислимые картины северное сияние.

– Хорошо, – нарушил недолгое молчание прапорщик, – но объясни мне, вещи-то свои из дома на кой леший тащишь к своим малолеткам?!

– А, это ты про видак? – посмотрел на него Петров, – так ведь сам понимаешь, наш зоновский видеоплеер сломался, а ребят без хороших умных фильмов я оставить не мог. Это я по должности начальник отряда, а так я для них и отец, и воспитатель, и психолог, не зря они меня батей называют, у многих из них и отцов-то не было!

Посмотрев на окна колонии, где в это раннее утро тихо и мирно спали-почивали его питомцы, капитан содрогнулся: из форточек спального корпуса, как из печных труб, валил густой едкий дым!

– Мать твою, пожар! – увидев задымление, ахнул прапорщик, – Горим, Василий Николаевич, что делать?!

– Срочно пожарных и медиков вызывай! – коротко приказал капитан, – Я в отряд, детей спасти надо!

С этими словами работники юстиции зашли в служебное помещение проходной.

– Только смотри, Николаич, чтобы не побежали твои, – выдохнул прапорщик и выразительно посмотрел на автомат Калашникова, лежащий на столе, а то ведь я меры приму, по инструкции!

– Попробуй только, – сурово посмотрел на прапорщика капитан, – знаешь, куда я тебе твой автомат тогда засуну?! Немедленно пожарных и медиков, а я в отряд!

С этими словами капитан бегом направился к своему отряду, где из окон, кроме дыма, уже показались первые язычки всепожирающего пламени огня. Прибыв на место, вместе с дежурной сменой капитан Петров стал выводить, спасая от неминуемой гибели, своих малолеток. Едкие клубы дыма мешали дышать, и буквально задыхаясь, капитан в кромешной туманной дымной мгле выводил из помещения отряда своих воспитанников.

Тяжело дыша, как загнанная лошадь, в очередной раз он выскочил на улицу, жадно хватая, как рыба, чистый воздух. Форменная одежда капитана была в копоти от дыма и дырках от огня, нос и рот были пропитаны и забиты едким и вонючим запахом гари страшного костра, который разгорался сейчас в спальном корпусе отряда.

Петров с тревогой осмотрел спасённых, все ли на месте, или остался кто?

– Так, – прокашлявшись от ядовитого дыма и гари, хрипло спросил у погорельцев капитан, – все вышли?

Из большой толпы, гораздо более ста человек, отозвался рыжий, весь в рыжих конопушках, 14-летний Юрка Фрозенков: – Да, все вышли, батя, не беспокойся!

– Батя, Василий Николаевич! – кашляя и чихая, как-то по-детски, от дыма, обратился к нему воспитанник Васька Северов, – в телевизионной комнате, кажись, Петька Фролов спит, день рождения у него был, а вы разрешили ему ночью видик посмотреть, так он не вышел...

Не дослушав своего воспитанника, капитан Петров бросился в открытое пламя, вырывающееся из дверей спального корпуса колонии. К счастью, телевизионная комната, или как её называли иначе, кабинет психофизической разгрузки, находилась недалеко от входа. Пробираясь буквально на ощупь в клубах дыма и пламени открытого огня, Петров нашёл кабинет психолога и почти вслепую зашёл туда.

– Петя, Фролов! – хрипло позвал офицер, – Ты здесь?

– Да, – плачущим голосом отозвался воспитанник Фролов, – я идти не могу, когда начался пожар, и все наши побежали спасаться, так и я дёрнулся на выход, но неудачно упал, ногу я, кажись, сломал...

– Ничего, Петя, – ободрил мальчика капитан Петров, – ничего, я здесь...вынесу я тебя...

С этими словами, тяжело закашлявшись, офицер неловко взял к себе на руки своего воспитанника, как родного сына, и, пошатываясь, как пьяный, пошёл к выходу.

Идя на блистающий где-то в конце дымной завесы свет, капитан не чувствовал, как у него плавилась от неперпимого жара волосы на голове и кожа на теле, как горели ноги, капитан не чувствовал ничего, он знал лишь одно, что ему надо идти, и идти не останавливаясь, любой ценой.

– Лишь бы дойти, – вспышкой молнии била одна и та же мысль в голове капитана Петрова, – только бы не упасть, иначе не встану!

С этой мыслью, вынося на руках притихшего воспитанника Фролова, капитан с огромным трудом вышел из здания на морозный воздух, и бережно передал спасённого мальчика на руки подбежавшим воспитанникам. После чего, тяжело закашлявшись, пошатнулся и упал на снег. Послышались звуки сирен, и в детскую колонию въехала целая вереница пожарных и «скорых», с разгоняющими утреннюю тьму, включёнными проблесковыми маячками и надсадно ревущими сиренами.

Подбежавшие медики и воспитанники колонии бережно положили на носилки потерявшего сознание капитана и спасённого им Петьку Фролова. После чего, взыв сиренами, спецмашины «Скорой помощи», быстро выехали из колонии.

За машинами медиков бежали, плача навзрыд, все воспитанники детской колонии, которые на бегу кричали: – Батя, не умирай, батя!

У ворот КПП стоял потрясённый старший прапорщик Юденков, словно застывший в отдании воинской чести машине, увозящей капитана. По щекам старого служаки, не таясь, текли слёзы скорби и радости, а на

служебном столе грозно поблёскивал ненужный автомат Калашникова, а в небе над спасённой детской колонией всё также играло и переливалось всеми цветами радуги, ненужное уже и неинтересное никому северное сияние.

ПОСТОВОЙ

Рассказ

*Сотрудникам
патрульно-постовой службы,
нашим при исполнении
служебных обязанностей
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Одинокó маячила на перекрёстке фигура усталого человека.

И хотя в этот тёплый июльский вечер время дежурства у сержанта милиции Иванова подходило к концу, всё равно ему было как-то неуютно и тоскливо. Сержант не торопясь посмотрел на часы: ещё немного и его очередная патрульно-постовая смена позади. Дома ждала ласковая жена Любаша, да трое ангелочков-сынишек, мал, мала, меньше.

Внезапно ожила и угрожающе зашипела его переносная радиостанция, из динамика которой послышался голос дежурного по райотделу: – Двенадцатый, двенадцатый, на связь! Серёжа, Иванов, ответь!

Привычным движением милиционер щёлкнул манипулятором радиостанции: – Да, на приёме двенадцатый!

– Сергей! – Иванов услышал знакомый голос лейтенанта Кравцова, – У ресторана «Надежда» пьяная буча, алкашня нормальным людям мешает отдыхать, хулиганят! Автопатрули я подтягиваю, но не успеют они, Серёжа... Ты поблизости, помоги людям, пожалуйста!

– Вас понял, исполняю, – привычно ответил постовой и грустно улыбнулся, – да, не было печали...

И хотя время его дежурства практически подошло к концу, сержант заторопился к увеселительному заведению, где и в самом деле гуляющей в ресторане свадьбе мешали отдыхать и приставали местные пьяные гопники, шпана, если кто не понял. Прибыв на место происшествия, благо оно было недалеко, сержант содрогнулся: у ресторана при свете редких тусклых уличных фонарей разыгралась целая баталия, драка, если проще говоря. Было видно, как на вышедших из ресторана подышать чистым воздухом жениха и невесту, которая явно была в положении, и их близких, напала местная шпана. Так бывает, слово за слово, первый удар, и вот она – первая кровь пролилась.

Но сейчас, а это сержант видел чётко, преступники избивали не только жениха и его близких, но даже невесту. Подбегая к месту происшествия, сержант Иванов увидел, как местный буйан-хулиган Петухов в пьяной удали саданул ногой прямо в живот беременной невесте, облачённой в своё белоснежное платье, которая охнув от его удара, плавно и медленно опустилась на асфальт.

Лихо влетев в кучу дерущихся, первым делом сержант разнял разбушевавшихся людей и пристегнул бандюгу Петухова наручниками к себе.

И вовремя: потому что преступник пытался ударить невесту чем-то блеснувшим в его руке. В ту же секунду сержант почувствовал острую резкую боль в боку и успел увидеть, как в руке у Петухова мелькнул выкидной нож. Умелым движением сержант выбил у преступника его оружие.

Как-то сразу из его раны по его светло-синей милицеской рубашке тонким ручейком потекла кровь.

Такая красная-красная.

Чтоб не тревожить окружающих, сержант прикрыл рукой свою рану. После чего попросил унести невесту, до сих пор не пришедшую в себя, в ресторан, и вызвать «Скорую помощь».

Двери ресторана широко раскрылись и оттуда выскочила разъярённая толпа пьяных гостей свадьбы. С воплями «наших бьют!» они подскочили к сержанту и не видя даже его раны, а видя, что из злодеев на месте преступления остался только один, тот, что был скован с сержантом браслетами наручников, толпа захмелевших людей требовала милиционера немедленно отдать им на расправу нелюдя, посмевшего ударить невесту.

– Спаси меня! – загнусавил в хмельном плаче протрезвевший вмиг бандюган, – Не отдавай меня им!

Потные, пахнущие алкоголем и дышащие злобой люди, стеной обступили сержанта, не замечая, как кровь с его рубашки стекала уже на асфальт. Пытались бить и плевать в преступника.

Правда вот их удары и плевки почему-то доставались бедному сержанту, но что поделаешь, есть такой долг у милиции – Родине служить!

Почувствовав, что у него плавно начинает отключаться сознание, сержант рванул из кармана своё спецсредство – десятую «Черёмуху», и круговым движением создал облако слезоточивого газа вокруг себя, и крикнул, теряя силы: – Всем назад!

Толпа дрогнула.

– Назад, я сказал! – едва ли не плакал в отчаянии постовой сержант, – Люди ли вы?!!

Вконец озверевшие люди отступили.

Победной музыкой послышались звуки милицейских сирен, и к месту происшествия подскочило четыре патрульных УАЗА. На троих красовалась надпись «Патрульно-Постовая Служба Милиции», на четвёртом

грозно блестел «ОМОН». Вслед за ними с включёнными маячками и сиреной подъехала «Скорая помощь».

Только сейчас толпа заметила кровь на работнике милиции и стыдливо замолчала.

Упавшего на руки своих товарищей и потерявшего сознание сержанта Иванова положили в «Скорую», где на него с тихой любовью и каким-то сожалением, роняя свои слёзы на пол машины, смотрела спасённая им невеста, ласково поглаживая рукой не рождённого ещё Человека.

ПРИСТАВ

Рассказ

Не светило солнышко через зарешечённые окна мирового суда, что в городе Копейске Вологодской области. Вздохнув, судебный пристав Ваняткин разочарованно отошёл от окна: ну не желает светило заглянуть к ним в гости и обходит их стороной! Что ж тут поделывать. Да и должность у Ваняткина Ивана Сергеевича, сорока лет от роду, была не просто пристав, а аж целый судебный пристав по обеспечению установленного порядка деятельности судов УФССП по Вологодской области. С утра от домашних хлопот и болезни сынишки болела у Ивана Сергеевича голова, то одно, то другое, наш читатель поймёт, что не просто, ой как не просто быть приставом в наш суматошный двадцать первый век!

Впрочем, жаловаться Ваняткину особо было не на что, жизнь текла и, как говорят, била ключом, и иногда даже по голове. На слушание по бракоразводному процессу подтягивались его первые участники: вечно обиженная своим мужем-пьяницей и драчуном разбитная девка Ирка Клевакина, пришедшая зачем-то со своими маленькими детьми и несколькими своими подругами в качестве боевого подкрепления. Чуть позже подошёл и сам Васька Клевакин с какой-то опухшей от постоянной пьянки физиономией, на которой выделялись хитро и блудливо бегающие серые глазки.

Пристав Ваняткин мысленно вздохнул: «Вот и ещё один рабочий день наступил, такой же серый и унылый, как и все предыдущие».

Из своего кабинета выглянул мировой судья Стафеев и приветливо глянул на Ваняткина: – Приглашайте, Иван Сергеевич, на слушание дела супругов Клевакиных.

Кивнув головой в знак согласия судье, дисциплинированный пристав пригласил в судебный зал заседаний разводящихся супругов Клевакиных. В зал прошли Клевакина с детьми и своими свидетелями-подругами, а также грозно улыбающийся пьяница Васька Клевакин, после чего двери зала заседаний плавно закрылись за вошедшими. Пристав Ваняткин сел за свой рабочий стол, что находился неподалёку от входных дверей в здание суда и полностью ушёл в свои грустные думы. Да, дел невпроорот, доставляли беспокойство болезнь сына, извечная нехватка денег вследствие маленькой зарплаты и невозможности подрабатывать, да и кредит висел на нём, точно дамоклов меч, и не успокаивалась пилящая его день и ночь стержожажена. Короче, всё было как у всех, хоть и понятно, что у кого-то лучше, а у кого-то наоборот. К тому же его начальник по работе требовал с него, с Ваняткина показатели и протокола на нарушителей, а какие у него могут быть показатели и протокола, чай не патрульно-постовая служба! Пристав презрительно усмехнулся и задумался.

Внезапно внимание Ваняткина привлёк какой-то гул и шум, доносившийся из зала заседаний. Так и есть, опять этот Васька Клевакин номера откалывает! А ведь был мужик ничего: и непьющий, и работающий, одно слово – перворазрядник-боксёр. Его наш пристав помнил ещё по горячей точке, когда вместе служили, хоть и в разных, но в десантных подразделениях доблестной Армии. Был такой период в жизни и у нашего героя. Прав-

да вот потом женился десантник Клевакин, дети пошли, казалось бы, живи да радуйся, но нет! Попалась Ваську жёнка в тыщи раз хуже его Зинки, и пилила и низводила мужика так, что он и подсел в итоге на стакан. А мог бы и не подсесть, если любила бы его Ирина, правда вот где она, любовь-то?! В зале продолжали шуметь. Из открывшихся дверей зала выглянул раскрасневшийся судья Стафеев: – Иван Сергеевич! Угомоните хоть вы этого хулигана Клевакина!

Пристав вместе с судьёй зашёл в зал суда.

Это надо было видеть: на судейском столе грозно притоптывая ногами стоял не протрезвевший ещё буян Васька Клевакин и кричал жене: – Ты послушай, я же любил тебя, и как ты смогла сделать из меня чудовище, законченного и не просыхающего алкаша?! Пилишь, пилишь «работы нет у нищеврода», а тебе интересно, что нищеврода сократили на работе и выкинули на улицу?! Тебе интересно, что я стал такой вечно пьяной мразью из-за тебя?! А ведь когда-то...

По грязным и небритым щекам Васьки Клевакина текли гневные слёзы боли и отчаяния.

Выдохнув коротко как-то: – Да пропадите вы все! – Клевакин дрожащими руками достал из кармана ручную гранату и зло выдернув чеку, бросил её на пол в аккурат на середину зала суда.

В зале повисла изумлённая в своём ужасе тишина.

Словно бы решив для себя что-то очень важное, посмотрев перед этим на детей Клевакиных, пристав Ваняткин оттолкнул в сторону опешившего судью, бросился на гранату и закрыл её своим телом.

Ахнул гулкий взрыв.

Тело Ваняткина вздрогнуло: казалось бы воспарило к небу, но тут же повинуясь законам гравитации, опустилось на пол, заливая его своей кровью.

Испуганно и тревожно заплакали дети, словно бы проснувшись от какого-то дурманящего сна, заверещали бабы.

Солнышко, обходящее их судебный участок, заглянуло-таки в зал суда, одаряя его и светом и теплом своей любви.

КОСТЕРОК

Рассказ-притча

А собрались как-то поздней осенью по грибы да ягоды два друга-друзбана.

Один из них спортивный молодой да сноровистый мужик Григорий Кузьмич, да доходя и хляга-неумеха Кузьма Григорыч. Справно так собрались и затарились, в общем пошли. До лесу доехали на машине, что принадлежала работающему и рукастому Григорию Кузьмичу. Вышли они в лес, идут. А коли грибов и ягод немного во все даже в лесу, завязался между друзбанами философский разговор.

– Вот, – говорит, Григорий Кузьмич, – и силушку я имею немереную, не зря на качалке штангой занимаюсь, и всё у меня в руках горит и спорится, да и по нраву я всамделишный герой, куда там киношному Брюсу Уиллису тягаться! Вот что-бы ни случилось с тобой, друзбан, из лесу на руках бы утащил, одно слово герой-спортсмен.

– А я вот, – отвечал ему друзбан, – и не качаюсь, да и с рук всё валится у неумехи, не зря который год уже на инвалидности сижу!

– То ли дело я! – не уставал восхищаться собой атлет, – И лося на себе понесу, и спичкой одной костёр разожгу, не зря на турслётах этому обучен!

– А я и не пробовал костёр разжечь одной спичкой-то, – виноватился перед ним его друг.

– Да что ты, зачем тебе и спички, – улыбался Григорий Кузьмич, – коли я с тобой, твой самый лучший всамделишный друг!

– И то верно, – блаженно так улыбался Кузьма Григорьич.

В общем, походили-побродили они по лесу и каким-то чудом Кузьма Григорьич вывел их на заветную поляночку, где вдруг такая пруха на них там навалилась, что не унести – грибов на поляночке им попало видимо-невидимо.

И все баские такие, знатные, как на подбор. Вот уже все корзины у дружанов были набраны, и рюкзаки наполнены, а грибы всё не кончались и не кончались.

Вдруг раненым птенчиком пискнул как-то дружан Кузьма Григорьич. Подлетел к нему как коршун друг его Григорий Кузьмич и ужаснулся: ох неумёха ты, неумёха, Кузьма Григорьич, что ж ты соделал с собой, ротопеля этакой, смотри, ноженька у тебя сломана, как вот теперь с тобой возиться?!

Посмотрел так бывалым взором атлет на пострадавшего, затем взгляд перевёл на корзинки и рюкзаки, полные грибов, ох и баские же, хорошие грибочки попались, такие на базаре денежек стоят! Одно слово, жаль бросать таких, а вдруг сгинут или испортятся.... Да и что говорить тут, выбор очевиден для любого мужика, особо если он рукастый и хозяйственный, всё в дом, а не из дома тащит.

Посмотрел так силач Григорий на своего дружанодохляка Кузьму и решил значит: – Вот что Кузьма, ты меня здесь подожди, я грибы к машине доставлю, а потом сразу за тобой. Ты не против, спички вот оставлю, костерок разожги, побалуешься и ни в чём себе не отказывай!

Конечно не против мнения дружбана своего Кузьма Григорьич, и то дело, Григорий Кузьмич бывалый, тёртый мужик, он слово держит, ведь обещал же вернуться, стало быть вернётся.

Поплутал-поплутал по лесу со всеми грибами Григорий Кузьмич, да и вышел к машине, которая, вот ин-

тересно, стояла совсем близко от той полянки, где он дружбана оставил. Посмотрел так по-хозяйски на грибы турист-отличник и смекнул, что готовить их надо, а то нечто испортятся поди, да и любой бы его понял, особливо рукастый и сноровистый, тот у кого не туман и запах тайги в голове гуляет.

А что до Кузьмы Григорьича, хоть и хиялга, а выдержит до утра, чай мужик, не тряпка. Порешал так, побаял сам с собой Григорий Кузьмич, да и уехал домой, жёнке удовольствие найденными грибами доставлять.

А уж под утро Григорий Кузьмич сделал всё как надо и правильно: к поискам милицию, скорую, МЧС приладил, одно дело – профессионалы, да и он что-ли из лесу доходягу на себе попрёт, в самом деле есть кому, зря что ли им деньги плотют!

Короче, добрались они до той полянки, и чего её искать, рукой подать!

А вместо костерка, которого так и смог разжечь его дружбан и лежало на сырой земле его тело, безрукого и неумелого Кузьмы Григорьича с россыпью разбросанных и мокрых спичек.

Врач, осмотрев его, авторитетно просветил: – Сердце у бедолаги не выдержало, да и замёрз он...

Улыбался грустно так «супермен» наш, молча так, про себя: «Ну что за неумёха, Кузьма Григорьич, и выжить даже не смог без меня один вечер и одну ночь... Эх, неумёха нерукастая... А за грибы спасибо, вовремя ты привёл на поляночку эту, горемыка ты наш!»

КОЛОБОК

Грустная сказка

Жил-был Колобок.

Хороший такой, толстый, румяный да нажористый.

От бабки и дедки он вовремя сбёг, иначе точно поели бы его пенсионеры с голодухи-то, и спасибо бы ему не сказали.

Впрочем, Колобок стариков и не винил, попробуй проживи на их пенсию, не только колобкоедом заделаешься, но и того гляди, чего похуже.

О чём это мы? Ах, да! В общем, топает наш Колобок по дорожке. Ножками топ-топ, губками чмок-чмок, правда, где и с кем он там причмокивает, Колобок просил особо не распространяться, ну, да и я не буду.

В общем, идёт Колобок по дорожке, а она, глянь, змеюка, по лесу идёт, а там страшно, тени всякие бегают, это в лесу значит, если кто не понял.

Ну, идёт Колобок, никого не трогает, а ему бах, Лиса Патрикеевна навстречу, рыжая, как Чубайс, и песенки зазывные ему поёт, прям Индия-фильм, да и только! Пойдём, мол, Колобок, ко мне, я единая со своей норой, вместе единничать будем! Что поделать, единение штука тонкая, малопонятная, а Колобок академиев не кончал, поэтому покумекал мал-помалу, по своему, значит, по-колобкинному, ну, да и пошёл с Лисой.

Идут они, идут, никого не трогают, и тут, бах, Волк навстречу. Большой такой, серый, клыкастый. Пойдем, григ, Колобок, со мной, и мы с тобой единничать будем.

Да что они таки чудные, всё о единении бают! Ну ладно, единничать, так единничать.

Идут, значитца, Колобок, Лиса и Волк по лесу, как всегда, никого не трогают.

Вдруг, трах-бах, Медведь косолапый им навстречу. Увидел Колобка, слюни запустил. Догадался наш Колобок, и этого на единение потянуло.

Что-ж, чем больше друзей, тем и лучше. Так ему Медведь объяснил, о сути, значитца, этого самого единения.

Короче, дошли они в лесу до норы Лисы, деревца Волка и берлоги Медведя, что рядом друг с дружкой стояли – вот оно единение в действии!

Ох, интересно стало Колобку, как же они все сейчас и единничать-то будут!

А вот так! Взяли звери, поделили и съели Колобка за милую душу, так, что от зубов отскакивало!

И понял напоследок Колобок, что плохая идея у него была единничать ему со зверями, ибо для них он просто вкусная еда.

А о вкусах, это я о зверьках, как известно, не спорят. Всё бы хорошо, правда жаль съеденного Колобка...

ПЕТЬКА

Рассказ-притча

Жил мужичок и звали его Петька.

Не то что умный, но и вовсе не дурак.

Жил вместе со старой матерью на её пенсию и на своё нищенское пособие по инвалидности, тоже называемое пенсией, вероятно по какому-то странному стечению обстоятельств. Жил-был, не тужил, да и бед особых не знал.

Как-то проходил спозаранку Петька по соседней улице, а там, глядь, дымище из форточки на первом этаже двухэтажной «деревяшки» столбится.

Понял мужичок, ну ведь не дурак, что беда приключилась у соседушек. Стал будить соседей, а те его матерят, не могут распознать бедушки своей, а он их ещё сильнее растормашивает, а те его ругают ещё больше. Пока не надумил их Бог, что не зря с утрайки их местный юродивый тревогу бьёт!

Поняли сограждане, что пожар в доме у них, вынесли двери квартиры, а там четверо детишек, мал, мала, меньше, вовремя вмешались. Спас их Петька, вместе со всем домом спас. Хоть спасибо Петьке и сказали, а денежку больному и сирому положить не догадались.

А кушать Петька хочет, как и все, да и больную матушку на ноги надо поднимать. Хотя лекарства нонче, страсть, как дорогие. Силёнок же работать, да зарабатывать у мужичка не было, вот поэтому и побрёл наш герой на паперть местной церкви у добрых людей денежку просить.

Люди нынче разные водятся, всё больше людишки, поизмельчал народ.

Кто-то стольничек даст, кто-то и рупь железный бросит в Петькину шапку, что в аккурат на крыльчке церкви стоит. Хотя бывали такие, что и обижали Петра, деньги отымали, да и коллеги по «цеху» – профессиональные попрошайки, особо нашего мужичка не жаловали. Чего жаловать-то? Конкурент...

Хотя вряд ли наш Петро знал такое заковыристое словечко. Вот и сейчас подходит к нему сам батюшка Георгий и гонит его взашей, едва ли не за шиворот берёт, мол, не порти вид церкви.

А как же её испортишь, вестимо, церковь – каменная, над ней только голуби летают, да делишки свои справляют.

Поплакал-поплакал Петька, да и пошёл домой, к мамке поближе. Чай, не каменный, понятка своя имеется, мамку беречь надо, ибо шибко хворающая она! Покалякал, побаял Петька с маманей своей, как с дролюшкой единственной, поплакался ей, что не получилось робить у него нонче.

Да не беда, успокоила его маманя, так ведь Петька взял и успокоился, и пошёл тихо-мирно спать-почивать, да хотя бы во сне добра наживать.

Странный и чудной сон приснился нашему мужичку, и за что ему такое – за его-то шибутную жизнь?!

Снилось ему, что Некто вводит его в огромный белый Храм на облаках, а там Ангелы Божии, все в золотом, баские такие, и одевают, значит, эти самые Ангелы Петьку в одежды белые, праздничные, и шапку белоснежную, чудную, более баскую даже, чем у Патриарха, на голову ему одевают.

И Сам Христос с улыбкой на него смотрит, улыбается Петьке, значит нравится Ему чего-то!

Ох и чудной нынче сон у Петьки приключился, чудной, впрочем, как и вся его шибутная юродивая жизнь!

ЖЕРТВА

Рассказ-притча

В городе Никодимовске, что, почитай, на самом Русском Севере Вологодской области, в самом центре населённого пункта, стоит церковь Преображения Господня.

При входе в большую каменную церковь стоял большой ящик для пожертвований для вновь возводимой церкви местночтимого святого. Рядом с ящиком сидел в неловкой и нелепой позе старый нищий, который бормотал про себя ему только ведомую молитву.

Богомольцы и люди побогаче брезгливо отворачивались от нищего странника.

И вправду, «амбре» от нищего было ещё то!

Даже свежий предпасхальный ветер не мог сгладить запахи странствий, которыми пропитались тело и одежда убогого.

Вышедший из церкви молодой священник, ревниво посмотрев на свою новенькую иномарку, равнодушно так цыкнул на нищего: – Шёл бы ты побираться куда подальше, не видишь, ящик для пожертвований на новую церковь, отойди от него, не мешай входящим!

Проходящие мимо нищего люди, степенно поздоровавшись со священником, клали в ящик пожертвований деньги, кто меньше, а кто и больше.

За это их священник благодарил улыбкой на своём лице.

Подъехавший к церкви богатый поблёскивающий «Бентли», священник встретил с особым почётом, как

же, из него вылез самый большой меценат и крупный предприниматель их городка Лев Вольфович Селев.

Подходя к церкви, предприниматель на виду у молящихся, демонстративно достал портмоне и положил пару крупных бумажек, по пять тысяч рублей каждая, в ящик для пожертвований.

– Благослави вас Бог за вашу жертву, уважаемый Лев Вольфович, – просиял священник, всячески благодаря и восхваляя Селева, – кто ещё лучше сможет пожертвовать для Бога?!

Незаметно подошедшая и никем незамеченная по причине своего не превосходства бедная рабочая женщина, мать четверых малолетних детей Вера Вячеславовна Голубева, стесняясь своего малого пожертвования, подала свои последние пятьсот рублей, но не в церковный ящик, как ожидали многие глазающие, а простому докучливому нищему, который до сих пор не ушёл от церкви.

Прихожане дружно зашикали на женщину: – У нас идёт сбор на церковь местнотимому святому, а ты кому подаёшь?!

– Ничего, ничего, братья и сёстры, – мигом успокоил собравшихся священник, – нет выше жертвы, которую внёс брат наш Лев, видит Бог, мои слова верны!

Пролетавшая над церковью птичья стая произвела прицельный «ракетно-бомбовый» удар, запачкав своим жидким помётом и священника, и Селева и многих прихожан.

Лишь одежда многолетней матери светилась своей нетронутой и непорочной чистотой.

Внезапно, откуда-то из-под купола церкви, к Вере Вячеславовне, слетел белоснежный голубь, и сидя у неё на плече, ласково ворковал свою простую песню.

Вмиг, одежда нищего странника просияла, и, Сам Господь, смотря на неё с чистой нежной любовью сказал, прежде чем исчез: – Истинно, истинно говорю, возлюбленная моя, твоя жертва больше!

ИСТИНА ЛЕЙТЕНАНТА СОКОЛОВА

Повесть
Основана на реальных событиях

Часть 1

Жесть

*Утешитель же, Дух Святой,
Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему
и напомним вам все, что я говорил вам
Когда же придет Утешитель,
которого Я пошлю вам от Отца,
Дух истины, Который от Отца исходит,
он будет свидетельствовать о Мне.
И Он придя, обличит мир о грехе и о суде
Иисус Христос. Евангелие от Иоанна.*

Истина: «Спасший одного человека – спасает мир!»
72

Городок Печаткин, что на самом Русском Севере Вологодской области, считался небольшим: производств немного, да и людей негусто, чай не Москва.

Старики баяли, что был ранее при царе-батюшке, капиталист Печаткин, вот по его фамилии и окрестили город, был, правда, рядом поселок Сокол, но не назвали город именем этой гордой птицы.

Ведь понятно, люди по земле ходят, а не как соколы по небу летают, ибо понятно, человеку деньгу надо зашибать, а не в облаках парить.

А так, город как город, как и многие малые города необъятной России.

На дворе стояли лихие девяностые, поэтому выживал народ с трудом.

Все таки крепок русский народ: им больницы убирают, сокращают, заводы прикрывают, а русские бабы, словно в отместку, как «вечные» батарейки «энерджайзер», детей рожают – эх, велика Россия!

Многие спорили тогда, как и сейчас, о национальной идее России, а идея-то проста: живи и дай жить другим, только живи достойно, чтобы не стыдно было потом помянуть молодость свою.

Так считали многие, не сломленные еще печаткинцы.

Именно так думал и участковый уполномоченный инспектор Печаткинского РОВД, младший лейтенант милиции Соколов, заступивший на очередное дежурство в этот летний день.

Работёнка у тридцатилетнего лейтенанта была «хитрая»: в виду отсутствия сотрудников, приходилось ему быть не только участковым, розыскником по добровольно взятым «потеряшкам», но и вести уголовные дела, по линии следствия и дознания.

Короче, ходячая следственно-оперативная группа, в лице одного сотрудника!

Так и сегодня, Соколов недоуменно вертел в руках заявление от Шустряковой Галины Федоровны, что пропал, вероятно, уехав на подработку в Москву, ее сын, Шустряков Вадим Григорьевич, двадцати пяти лет, холостой.

Сейчас гражданка Шустрякова сидела напротив его, ибо ее заявление начальник РОВД отписал на исполнение Соколову.

Можно было конечно, не тратя время, перенаправить заявление с первичными материалами проверки в Москву.

Любой чиновник так бы и поступил, ибо инструкции позволяли сделать это, но проблема Соколова заключалась в том, что он не был чиновником, а был человеком.

– Так значит, говорите, в Москву уехал ваш сын, – в очередной раз пылливо спрашивал заявительницу Соколов, – какие именно факты подтверждают это?

– Ой, подождите, – всплеснула руками Шустрякова, – у меня дома и записка от сына на столе лежит!

Это необходимо было проверить.

На квартире у Шустряковой, при составлении протокола осмотра, участковый изъял записку пропавшего Шустрякова, из которой следовало, что да, в полном здравии, взяв с собой все документы, он отбыл в Москву, поскольку в Печаткине с работы он рассчитался, в виду малооплачиваемости, поэтому будет жить в Москве, занимаясь частными подработками.

В квартире было чисто, никаких следов криминала, ни крови, ничего!

Опрашивая заявительницу и ее семью, участковый установил, что уехал в Москву, где и запропал потерявшийся Шустряков, после домашней ссоры, и ссоры с любимой девушкой.

Всё это навело Соколова на определённые грустные мысли, что не всё так просто, и однозначно в этом деле.

– Где работал Вадим Григорьевич? – в очередной раз уточнял лейтенант.

– Так я уже говорила, оператором в котельной, – как неразумному ребёнку, повторяла заявительница, – но я там была, вместе с милицией и коллективом осмотрели там всё: ничего! С работы действительно он уволился, не надо здесь искать, прошу подключить Московскую милицию!

– Подключим, – успокаивал Шустрякову лейтенант Соколов, – обязательно подключим, дайте проверить еще кое-что по обстоятельствам исчезновения!

– Вы уж проверяйте, пожалуйста, быстрее, – укоризненно посмотрела на него мать пропавшего, – я заявление поздно вато подала, долго в вашей дежурной части не при-

нимали, отвечали на телефонные звонки, мол, найдётся, не спеши, пока не пройдёт трое суток – заявлять нельзя!

– Надо было вам сразу ко мне обратиться, а не ждать, – ответил Соколов и пообещал, – успокойтесь, мамаша, найдём мы вашего сына!

После работы по месту жительства «потеряшки», Соколов на служебном «УАЗе» приехал в котельную, где ранее работал Шустряков, хотя мог этого и не делать, так как в первичном материале присутствовали и протокол осмотра котельной, объяснения и справки из отдела кадров данного предприятия, из которых выходило, что, действительно, Шустряков, рассчитавшись по месту работы и получив документы, убыл, по его заверениям, на халтуры в Москву.

Но что-то не сходилось в этом деле, и Соколова мучали неясные предчувствия, что не всё так ладно и просто в этом деле.

– Зачем вы это делаете, зачем? – непонимающе смотрели на милиционера работники котельной, когда Соколов приступил к повторному осмотру территории предприятия котельной, – До вас была целая опергруппа, так мы с ней все закоулки обшарили!

Осмотрев котельную и прилегающую местность, он действительно не нашёл никакого криминала. Затем он методично стал опрашивать каждого работника котельной.

Дальше выяснилась интересная картина: простого честного молодого паренька буквально третировали, гнали и издевались на работе.

– Сам посуди, лейтенант, – всплескивал руками бригадир, – бригада с устатка выпить садится, ему деньги дают, мол, сбегай как самый молодой за «портвешком», а он малохольный, отказывается! Да и с нами не пил никогда, дурашка. Трезвенник, блин, всё голубями своими занимался в свободное время!

– Чем, чем? – не сразу понял собеседника лейтенант, – Чем он занимался?

– Да голубями, – расплылся в широкой улыбке бригадир, обнажив вставные золотые зубы, – как перекур, так мы как люди, под водочку, селёдочку, а этот дурачок лез голубей своих кормить! Вот и не любил его никто у нас, да и не понимал!

– У него что, голубятня была в котельной? – переспрашивал лейтенант, – Где именно?

– Да, была, – хохотнул бригадир, – он, поди, только голубей и любил, его даже баба бросила, с другим рога ему наставила! А голубятня – так вот она!

Бригадир показал на здание двухэтажной котельной, где на крыше на уровне третьего этажа была видна какая-то пристройка, типа небольшой деревянной сараюшки.

– Проверяли? – сурово посмотрел на собеседника лейтенант.

– Да кто ж туда полезет, – всплеснул руками бригадир, – туда залезти сплошное смертоубийство, наверху все доски почитай прогнили, чебурахнешься оттуда, костей не соберёшь!

– Так, так, – посмотрел на словоохотливого собеседника Соколов, – значит, не проверяли.

Затем встал: – Ну что, пошли, посмотрим вашу голубятню!

Бригадир не ошибся, проход на уровень третьего этажа, который вёл на голубятню, состоял из довольно прогнивших досок, приходилось рисковать, идти вперёд.

Подсвечивая темноту пронизывающим лучом света американского подарочного фонаря «Мак», ну точь-в-точь как в «Секретных материалах», и держа в другой руке табельный «Макаров», Соколов подходил к лестнице, ведущей на голубятню.

Увы, самые худшие предчувствия не обманули его.

Подходя ближе, лейтенант почувствовал ни с чем несравнимый трупный запах гниения.

Так и есть: в центре голубятни, находился труп молодого мужчины, повесившегося на брючном ремне. Вокруг погибшего летали голуби, благо доступ для ветра, воздуха и птиц был свободный.

Смотря на позеленевший уже труп самоубийцы, Соколов заметил у него в кармане все документы.

– Так вот значит, где ты трудоустроился, – покачал головой участковый, и глаза его забились в привычном нервном тике, – жесь, жесь...

Самое трудное, а любой розыскник-спасатель понял бы нашего героя, это сообщать его родственникам о гибели их разыскиваемого близкого.

Но и эту работу Соколов выполнил до конца, сообщив заявительнице о своей страшной находке.

Прибыв в райотдел, Соколов по просьбе назойливого дежурного, на оперативной машине, выехал на бытовой конфликт на своём участке.

Тишь да гладь, да божья благодать!

– Ничего, Андрей, – добродушно балагурил милиционер-водитель, – обслужим этот вызов и домой!

– Лишь бы больше вызовов не было, – задумчиво ответил Соколов, – сейчас тихо, но что будет дальше?

– Да ничего не будет, – глянув на его погоны, поспешил, успокоить младшего лейтенанта водила, – не беспокойся, младшой!

Внезапно рация в автомобиле забулькала и зашипела, и в ней раздался голос дежурного, напряжённый такой голос: – Тридцать девятый, тридцать девятый! Срочно ответь первому!

– Да, слушаю, – быстро ответил на радиовывоз участковый, – на приёме тридцать девятый!

– Вот что, ребята, по семейке отбой, её обслужит экипаж ППС, вам срочно вызов в Литегру, где совершено нападение на участкового Романцова! По имеющимся данным, участковый ранен, с него сняты оружие и спецсредства! Ребята, срочно туда! «Скорую» и спецназ вам направляю!

Лихо совершив крутой каскадёрский поворот, милицейский УАЗ с включёнными проблесковыми маячками и сиреной, полетел к месту вызова.

Слава богу, находились они не так далеко от Литегры, и к раннему вечеру машина их уже подъехала к месту происшествия. Входя в деревенское каменное двухэтажное общежитие, где произошло ЧП, Соколов достал и привёл в боеготовность табельный пистолет, но никого в общежитии не было. Лишь в помещении общей кухни Андрей заметил на полу и на стенах бурые пятна, напоминающие кровь. На кухонку ворвалась молодая рыжеволосая деваха, лет этак двадцати, и бросилась к нему: – Товарищ милиционер! Я всё видела, у нас на днях в деревню вернулся после отсидки рецидивист Манков. Сегодня он устроил пьяную бучу прямо в общегае. Зашедший участковый Романцов пресёк пьяный дебош Манкова, тот обиделся, выхватил нож и несколько раз ударил инспектора ножом, после чего отобрал у него оружие.

– Где Романцов и Манков? – посмотрел на девицу Соколов, убирая пистолет в кобуру.

– Наш участковый пошёл домой к своей семье, – тараторила как пулемёт рыжая, – а бандюга Манков орал, что добьёт участкового его же оружием, как и всю его семью, затем сожжёт его дом!

– Жесть, – поморщился Соколов, – спецназ нужен!

– Да не дождётесь вы его, ему чай с Вологды вашему спецназу пилить, а путь неблизкий, – в ужасе всплеснула руками девица и добавила, – я сама видела, как пья-

ный Манков побрёл к дому нашего участкового с канистрой в руках!

Это сообщение кардинально меняло намерение Соколова ждать спецназ и никуда не влезать.

Выходя уже в полутьме из здания общежития, Андрей услышал шум подъезжающей автомашины.

Так и есть, к их милицейской машине подъехал «УАЗик-буханка» «Скорой помощи».

– А, вот и люди в белых халатах приехали, – улыбнулся Соколов появлению городских медиков, привычно останавливая рукой спецавтомобиль.

– Где дом больного Романцова? – обратилась к нему немолодая уже врач «Скорой», – Нам поступил вызов на ножевое ранение.

– Вот что, доктор, – посмотрел на медичку Андрей, – ситуация сложная, вы поедете, немного поотстав, за нашей машиной, как мигнём маячками, сразу подъезжайте, а до этого даже близко к нам не смейте приближаться!

– Хорошо, – согласно кивнула головой врач, – я вас поняла, мы едем за вами на расстоянии.

Посадив на борт рыжеволосую девицу, которая назвалась Катей, милицейский УАЗ начал своё движение к дому местного участкового. За ним, поотстав, ехала с ближним светом «Скорая помощь».

– Ну что, Сусанин, – хитро подмигнул Соколов Кате, – не заблудимся мы с тобой?

– Да нет, что вы, – зарделась девица в смущении, так, что посветлело в салоне машины, – скоро уже подъедем!

Объезжая деревенские колдобины и ямы, УАЗ подъезжал в вечерней тьме к освещённому уличным фонарём дому Романцова.

– Товарищ милиционер, – испугалась Катерина, – у столба Манков стоит!

В полутьме, под неясным светом деревенского фонаря, маячила фигура долговязого верзилы, в правой рук которого покачивалась милицейская резиновая палка «РП», а в левой руке тускло поблёскивал нож. У ног неприметно стояла канистра с бензином.

– Юра, дави на газ! – выдохнул Соколов водителю, – поравняемся с ним, резко тормози!

Газанув, милицейский УАЗ, вспахивая колёсами землю, буквально подлетел к преступнику, ударив по тормозам.

В прыжке, как парящий сокол настигает свою жертву, Андрей на лету приёмом каратэ, сбил бандита с ног, и молниеносно надел на него наручники.

– Юр! Мигни медикам, – вставая, попытался улыбнуться Соколов, – пусть подъезжают!

Засемафорил всеми своими проблесковыми маячками милицейский автомобиль, разгоняя полутьму вокруг себя. Ему как бы в ответ, мигнул синий маячок «Скорой», которая набирая скорость, подъезжала к месту задержания.

– Первый, первый, ответь тридцать девятому! – торопливо вызывал Соколов, – Отбой спецназу, отбой! Задержание преступника произведено, Романцова доставляют в больницу.

– Спасибо, тридцать девятый, – благодарно отозвалась рация, – оставайтесь на месте, до прибытия следственно-оперативной группы охраняйте место происшествия!

На следующий день, кроме привычных хлопот по административному участку, расследования уголовных дел, на столе у Соколова лежало очередное заявление о новом пропавшем. На этот раз в кабинете у Соколова плакала молодая женщина: «Пропал мой Колечка, мальчик-инвалид, восьми лет. Были на даче, отвернулись, а его и след простыл!»

Уточнив, что ребёнок пропал на дачном участке в районе лесопарка деревни Ерцево, Соколов понял, что осмотру подлежала огромная территория, там почитай и река поблизости, пруды, промзона небольшого заводика рядом, да и не так далеко раскинулось всё растущее кладбище. При этом, лейтенант выяснил немало важную деталь – ребёнок не мог говорить и слышать! Мимо такого пройдёшь, не заметишь. Да и он на помощь не позовет!

Поэтому, вкратце изложив в служебном рапорте данные обстоятельства, и запросив в тексте подъём всего личного состава РОВД на поисково-спасательную операцию, лейтенант бегом поднялся на третий этаж к начальнику РОВД.

Начальника на месте не было, исполнял его обязанности майор Федорцев.

– Так, так, – быстро ознакомившись с содержанием рапорта, посмотрел на участкового начальник, – значит, просишь подъём всего личного состава на розыск своего «потеряшки»?

– Да, прошу, – подтвердил лейтенант, глянув на майора, – считаю, что дорога каждая минута, иначе потеряем ребёнка!

– Может, ты на моё место хочешь? – сурово посмотрел на Соколова майор, – Так знай, парень, я на своём месте, а ты на своём! Со своего места я вижу, что в моём отделе каждый должен заниматься своим делом! Ты, что хочешь, чтобы я оторвал следователей и дознавателей от уголовных дел?! А оперов и другие службы передал в подчинение тебе?! Извини, парень, у них своей работы хватает! Ты понимаешь?! Каждый должен заниматься своим делом и не лезть в чужие! Тем более у отдела показатели и статистика «горят» – а это для меня святое! Ты за меня отчёты в УВД дашь?!

– Впрочем, – по-барски так махнул рукой начальник, – чтобы ты не обижался, дам я тебе людей, выделю двух человек с изолятора временного содержания, доволен?

– Разрешите идти? – рука Соколова нервно теребила застёжку кобуры, оттопыренную весом верного «Макарова», – Я свободен?!

– Да, свободен, – царственно согласился майор, – в ИВС я позвоню, двух милиционеров так и быть забирай себе на поиск!

На поиск ребёнка участковый поднял население, обзвонив редакции районных СМИ – радио, местного телевидения, газет. Активную помощь ему оказали водолазы Коли Росина, начальника местной водной спасательной станции. Хотя понятно, что не дело водолазов лесистую местность прочёсывать, но иного выхода у Соколова не было.

Воистину, мир не без добрых людей!

Попутно проверяя криминальность исчезновения малыша, теряя время на проверке домов местных педофилов, группа добровольных поисковиков расширяла поиск. Силами водолазов проверялись местные пруды и речушки. Все торопились, понимая, что время работает против них, так как и заявление подали поздно, да и народу, прямо скажем, было не густо.

Ребёнка нашли, довольно быстро, но поздно.

Безмолвный труп малыша был найден в лесопарковой полосе, в районе кладбища. Запутавшись в кустах, слабый ребёнок, так и не смог выбраться, равно, как и позвать на помощь.

– Жесть, жесть, – молча плакал Соколов в морге при опознании тельца крохи родителями, – прости, малыш, не спас...

Вспоминалось Соколову по этому поводу, как однажды при задержании опасных вооружённых преступников при проверке междугородного автобуса «Вологда-Пе-

чаткин», он увидел в числе пассажиров рейса свою мать. Неуклюже проверяя салон автобуса и его пассажиров в полной армейской защите, в тяжёлой армейской каске, бронежилете, с древним автоматом Калашникова, Андрей заметил, какой океан боли плескался в глазах его мамы, такую же боль и горе он видел в глазах родителей мальчика Коли. Снилось в эту ночь участковому, как разысканный, но не спасённый малыш был поднят Небесными Ангелами на Небо, и радовался Андрей Соколов этому весьма, проходила боль в его израненной душе и сердце. Затем он сам был поднят от тела неведомой силой и увидел светлый шар, который вспыхнул светом и преобразился в самого Христа, от которого исходила волна невероятной кротости и милосердия, за спиной Его сиял немислимым светом Град Небесный Иерусалим. Конечно, Андрей, как розыскник, хорошо рассмотрел Спасителя. Нет, он не такой, как на иконах, много краше и прекрасней!

Всё Его тело как бы светилось изнутри, и по сравнению с Ним, вид обычных людей был блекл и невзрачен.

Трепетала от счастья и радости душа Андрея, затем Христос кротко улыбнулся ему и исчез в вспышке света. Было ему ещё видение сияющего светом девяти свечного светильника, затем Андрей проснулся.

На следующий день Соколов был вызван в городскую прокуратуру, где прокурор коротко поприветствовав его, подал ему заявление гражданки Кузькиной, из которого следовало, что участковый Соколов опозорил честь милиции, что выразилось в совершении против неё им ряда тяжких преступлений. Выходило по бумаге, не участковый, а чикатило какое-то!

– Прочитал? – посмотрел на него поверх очков прокурор, – Вот и я прочитал! Сразу скажу, другого я закрыл

бы моментально, тебя знаю, ты не из нашего болота, ты все правду и истину ищешь!

– Да я, – привстал со стула участковый, – вообще эту гражданку не знаю.

– Посиди, отдохни! – улыбнулся ему прокурор, – Разобрался я в этом деле, конечно, ничего не было, а гражданка та пояснила, что господа офицеры ее подговорили на заявку эту! Что с нее взять?! Пожизненно на учете у психиатра состоит! Подстраховались мерзавцы!

– Впрочем, ты иди, работай дальше, Андрей, – посурил прокурор, – а начальникам этих прохиндеев, я вставлю по первое число! Только вот что, аккуратнее работай, сам понял теперь, не все тебя в РОВД любят!

Впрочем, и так, без всяких прокурорских предупреждений, старался Соколов работать «аккуратно».

Вспоминался ему по этому поводу особо опасный рецидивист Панков.

Как-то пришлось его брать Соколову по ориентировке, он пил с друзьями по зоне, на берегу реки. Дела за ним числились интересные и разнообразные: ночью вскрывал он с друзьями в районе сельповские магазины, и словно бы повторяя известный фильм, малевал в ограбленных им сельмагах чёрную кошку.

Пройти с милиционером, а участковый был один, не согласился, и в итоге, пока к нашему «Анискину» не торопясь подтягивалась подмога, всей толпой они успели окунуть Андрея в воду.

Участковый вспоминал о том случае с грустной улыбкой: открыв глаза, он увидел над собой пленку воды, в то время как чужие руки шарили в кобуре и душили.

Приемом дзюдо, Соколов сам притопил нападавших, а от остальных оборонялся, приподняв над водой пистолет, из ствола которого вытекала вода, ну чисто пограничник Карацупа из знаменитого фильма!

Увидев подъехавшую машину милиции, шпана, окружавшая в воде участкового, побросала палки, и сдалась на милость победителя.

Впрочем, даже не об этом случае знакомства с Панковым припомнил Андрей.

Ему вспомнилось, как однажды, когда он в очередной раз, задержал рецидивиста по ориентировке, Панков улыбнулся: – Слышь командир, когда ты вчера ночью со спецназом проверял притон, я мог бы тебя завалить, сам понимаешь, заховался я в погребке, с «ТТ» в руках, а ты надо мной ходил...

– Что ж не завалил? – грустно улыбался участковый.

– Так ведь пожалел, – посерьезнел Панков, – в тот раз, когда ты нас брал у реки, ничего лишнего на нас не возвел, а помнишь, брат у меня пропал, другой мент меня закрыл бы, отомстил по полной, а ты нашел его. Почитай, ты у ментов как последний ментозавр, рука на тебя не поднялась...

Вот и выходило, что его пожалел зек, но не жалели свои.

Очередное заявление пришло от знакомого отца, гражданина Серпухова.

Так, мол и так, но запропала его дочь, красавица-студентка, Серпухова Наталия Сергеевна, двадцати лет отроду, примите меры к розыску.

Соколов, конечно, все необходимые меры принял.

– Ты пойми, Андрей, – горячился ее отец, довольно известный в городе предприниматель, – она у меня одна, найди ее!

– А хочешь, – делал широкий купеческий жест Серпухов, – как найдёшь, я тебе квартиру и авто подарю!

– Да ничего не надо, – отнекивался Андрей, в то время бывший «безлошадным» и безквартирным, – нам го-

сударство деньги платит, найдём и так, не говорите больше про подарки, не надо!

Нашли пропавшую Серпухову, нашли, но увы, мёртвую, что называется с явными следами насильственной смерти.

Стал копать участковый с операми и докопался-таки до правды!

Оказалось, что те, кто громче плакал да рвал на себе волосы на похоронах красавицы–«потеряшки», её лучшие друзья и подруги, и оказались причастны к её гибели.

История была проста, как учебник по криминалистике, убили просто так, на почве внезапно вспыхнувших личных неприязненных отношений, так бывает, когда девочки мальчиков делят и наоборот.

Другое заявление вообще Соколову пришло из дальней деревни Сердюкино. По нему выходило, что запропала там старая учительница, ветеран труда Марфа Ивановна Глебова, вышла из дома – и с концами! Прибыл участковый в деревню, с людьми познакомился, связи, контакты наладил, местного участкового и опера к розыску привлёк.

Удалось-таки выяснить, что перед исчезновением контактировала пропавшая учительница с бывшим учеником Семёном Удальцовым, жителем этой же деревни.

Припёр к стенке Удальцова лейтенант показаниями соседей, видевших в день исчезновения пропавшую у него дома.

Хорошо осмотрел участковый дом Удальцова, не поленился проверить и чердак и подпол, подсвечивая темноту американским «МАКом». Осмотрел, ища следы крови, все топоры, лопаты и ломы в доме, но – ничего!

Удалось установить, не смог этого скрыть Удальцов, что да, приходила старая учительница к нему домой, и даже то, что выпивали вместе – этого он не отрицал.

– Что это у тебя? – указал на руки Удальцова глазастый опер угрозыска, – Ожоги, да?

– Да, обжётся малость, – виновато потупился Удальцов, – Печь разжигал неудачно.

– Андрей, – радостно зашёл в дом местный участковый, – есть свидетель!

По показаниям найденного свидетеля – местного жителя, следовало, что в вечер исчезновения он видел, как Удальцов вывозил на своей тележке что-то длинное, завернутое в ковёр, в близлежащий лесок.

Когда подозреваемому предъявили такие показания, он не выдержал, и «поплыл», раскололся, как говорят опера ОУР – «на раз»!

Показывая в лесочке, находившимся поблизости от деревни, место страшного кострища, Удальцов уныло давал показания, как после совместно выпитого, на почве внезапно возникшей бытовой ссоры, он не сдержался и ударил свою учительницу бутылкой по голове. Поняв, что убил старую женщину, он вывез её в лес, где сжёг дотла!

«Жесть, жесть...» – морщился, как от зубной боли, лейтенант Соколов, потому как не укладывалось у него в голове, как ученик мог поднять руку на учителя своего, который дал ему путёвку в жизнь!

Вспоминал при этом Соколов, как перед выездом в деревню, руководство РОВД, настойчиво просило его «слепить» из исчезновения старой учительницы «отказник», мол, пошла в лес и заблудилась, никакого криминала!

На следующий день Соколов получил на исполнение новое заявление о пропавшем в лесной местности. Со-

гласно заявлению, запропал, уйдя в лес местный житель – Согдин Павел Иванович, двадцати шести лет от роду.

Место, где пропал Согдин, считалось весьма трудно-доступным. В тайге на днях был установлен факт нападения на жителя близлежащей деревни медведем-подранком, которого не смогли добить егеря.

Поэтому, вооружаясь, Соколов взял, кроме табельного «ПМ» и ракетницы «ПС», складной укороченный десантный автомат Калашникова, потому что понимал, натолкнись они на медведя-подранка, пистолетиком его уже не остановить.

Позвонив в лесничество и сельсовет, с просьбой о выделении людей и подключив через местные СМИ людей на розыск, Соколов выехал на место исчезновения Согдина.

Прибыв в деревню и установив обстоятельства исчезновения Согдина, участковый помрачнел – один к одному как в случае с самоубийцей-«потеряшкой» Шустряковым.

Налицо был семейно-бытовой конфликт, ссора на работе и с любимой девушкой. Плюс, уходя в лес налегке, пропавший Согдин взял с собой моток проволоки. Эти установленные детали совсем не радовали Соколова.

– Так кто же убил Лору Палмер? – по телевизору в деревенском доме Согдиных показывали сериал «Твин Пикс».

– Зло, находящееся в людях, убило её, – высказал своё мнение в качестве комментария, умудрённый своим опытом небольшой, в общем-то, тридцатилетней жизни, начитанный Соколов, – стали человеку врагом домашние, ближние его! Что поделать, если в наше время дети ненавидят родителей своих, а те не любят детей!

Выходя из деревенского дома, Соколов заметил, что небольшая его группа была собрана.

Подъехав к лесу на «УАЗах», среди которых выделялась патрульная машина Юры Кузнецова, на крыше которого в составе сигнального громкоговорящего устройства находились синий, зелёный, красный проблесковые маячки, Соколов вместе с местным следопытом-лесником Ерофеичем, вышел из машины. Разделив людей на группы, где старшими назначил лесников и егерей, себе взял Ерофеича, который не расставался со своим неразлучным карабином, да пару здоровущих местных мужиков, и худышку маленького грузина Ваню, хорошо знавшего местные леса. После чего, группы дружно вошли в лес.

– Товарищ лейтенант, а товарищ лейтенант, – заговорил с ним старик Ерофеич, – вы слышали про подранка в наших лесах? Осторожней надо идти, а то неровен час косолапому на ужин попадём, потому как нет в тайге зверя хуже и лютее, чем шатун, испробовавший человеческой крови.

– Не беспокойся, Ерофеич, – успокоил своим взглядом лесника Соколов, и пошутил, выразительно показывая на своё оружие, – видишь, я сегодня не один, а нас целых трое! Я, Макаров и Калашников!

– Дай бог всё и обойдётся, – не совсем понял шутку Соколова старый следопыт, – я вот иду, а карабинчик свой наизготовку держу – мало ли чего!

Внезапно в нос поисковику ударил тяжёлый, мускусный, какой-то металлический, козлиный запах, и что-то крупное и хищное стало кружить вокруг группы Соколова, сбившейся весьма кучно по этому поводу.

– Что это, медведь? – шёпотом спросил лесника участковый, медленно поднимая автомат и переводя переводчик огня на «АВ», что значит автоматический.

– Не знаю, командир, – также шёпотом ответил побелевший внезапно Ерофеич, – медведем и не пахнет!

Внезапно, один из поисковиков наткнулся в кустах на что-то большое, мягкое и податливое. На земле лежал труп большого медведя в лужах собственной запекшейся крови.

Было видно, что «мишку» убила явно не чья-то пуля.

– Кто его так? – недоумённо спросил Соколов у лесника, – Смотри, как туша распластана, это явно не человек!

– Да, – ужаснулся Ерофеич, – охотниками тут и не пахнет, смотри, как разделали зверюгу!

На расстоянии десяти метров раздался ужасающий и холодящий кровь звериный рык. Посмотрев в сторону рычания, Соколов заметил огромное, высотой более двух метров, покрытое бело-серой шерстью, существо, которое, глядя на них яростным взором поблёскивавших красных глаз, двигалось на них!

Резко вскинув автомат, лейтенант дал несколько коротких очередей над головой существа, срубивших верхушки молодых сосенок. Ему вторил пару раз громыхнувший на весь лес карабин лесника.

Существо, не ожидавшее встретить от людей огневой отпор, бежало, бесшумно перескакивая через кусты, и вскоре скрылось в местной тайге.

– Вот это да! – не выдержал Ерофеич, – Чисто кино! Что ж это было, командир, ведь не медведь, правда?

– Не медведь, – согласился лейтенант, – но пусть лучше будет медведь, иначе, в дурдоме будем перестукиваться из соседних палат! Вот что! Будем считать, что это мышатуна завалили, иначе нам никто не поверит!

– Ты прав командир, – хоть и вразнобой, но согласились с ним мужики его группы, – для нас это лучший вариант.

– А всё-таки, командир, – с хитрецей улыбнулся старик Ерофеич, – сдаётся мне, что мы хозяина леса, лешака, от его добычи отогнали!

– Какой там леший, – не утерпел один из мужиков, тот, что покрепче, – «вот я с Колюней-дружком, в Афгане служил, там эта нечисть часовых по ночам в горах пугала, и звать эту нечисть по-научному Йетти – снежный человек!

– Йети его, это точно, – усмехнулся его друг-Колюня, стоявший рядом, – а по мне так этот гуманоид и вовсе инопланетянин, хоть и похож на обезьяну-переростка!

Все дружно посмотрели на говорящего.

– Не пропадать же добру, – по-хозяйски усмехнулся Колюня, отрезая большим охотничьим ножом медведю уши и часть мяса, складывая в свой рюкзак, – да и доказательства – вот они! Не тащить же тушу в деревню, далеко!

– Ты ему что-нибудь другое отрежь, – не удержался и съязвил старый лесник, – вот доказательство будет, большое такое доказательство!

– Отставить! – укоротил всех своим взглядом лейтенант, – Ты, Николай, с медвежатинкой заканчивай быстрой, мы на поиске или как?!

– Ты прав, командир, – послушно согласился Колюня, – но пойми нас, что в деревне, да и в городе, работы сейчас нет, дай хоть детишек свежим мясом порадовать, а то жёнка пилит, робить надо, дроля, робить, а где?!

– Заканчивайте этот мясной базар, – торопил свою группу лейтенант, – идти надо!»

– Найдём мы твоего потеряшку, – самоуверенно смеялись мужики, – найдём, да еще по шее ему накостыляем, не хрен в лесах пропадать да людей от дела отрывать!

Так получилось, что нашли они этого «потеряшку», причем довольно скоро.

Как и боялся Соколов, ни с чем несравнимый запах гниения человеческой плоти, они почувствовали издалека.

На кудрявой сосне, висело чудовище – удавившийся на проволоке, и разложившийся уже, пропавший Согдин.

Вид его был ужасен, как и его поступок.

Тело раздуло до невероятных размеров, на огромном, одутловатом, расплывшемся черепе, отсутствовали глаза. Страсть! Поисковиков буквально выворачивало при подходе и снятии трупа с сосны.

– Ну и кто его понесет?! – с ужасом и отвращением спрашивали поисковики у Соколова, усиленно зажимая носы и рты своей одеждой, – Мы ни за какие деньги его не понесем! Нет таких денег, что бы его хоть кто-то понес!

Лейтенант привычно нервно постукивал по кобуре.

Пытался предложить свои услуги старый лесник, но Соколов отказался: – Ты проводник, обратно нас пове-
дешь, да и куда тебе с твоим больным сердцем!

Вырубив жерди топориком, и приготовив Согдина в последний путь, лейтенант решительно взялся за жерди.

– Стойте, товарищ лейтенант, – маленький худышка Ваню подал свой голос, мужичок метр с кепкой, ветром шатает, – я помогу вам, помните, когда меня оклеветали деревенские, вы один не поверили им, прекратили уголовное дело в отношении меня, отдав под суд виновных, помните?

– Нет, не помню, Ваню, – хрипло выдохнул, внезапно тяжело закашлявшись лейтенант.

– Ну как не помните? – умоляюще посмотрел на него Ваню, – Давно это было, но вас я запомнил, милосердие в вас есть, спасибо за тот случай! Долг платежом красен, вместе Согдина понесем!

– Спасибо Ваню! – откашлявшись, поблагодарил южанина Соколов, – Спасибо, и в тебе милосердие есть, коли помогаешь мне!

Взяв в руки носилки, с невероятно тяжелым погибшим Согдиным, Андрей и Ваню стали с трудом выходить из леса, через непролазные кустарники и деревья.

Жерди всей тяжестью покойного впивались в плечи лейтенанту, от тяжести и ужасающего запаха кружилась голова, и перед глазами Андрея стояли, окружавшие его

со всех сторон, бесчисленное множество прозрачных светящихся шаров, тяжелый окопный кашель, буквально давил Соколова.

Но надо было идти, обратной дороги, путей к отступлению у него не было!

Вдали показалась деревня, заметно струсившие здоровячки, наперебой предлагали свои услуги Соколову, мол, им будет стыдно войти в деревню, когда их же соседа, принесет милиционер, а не они, опытные фронтовики-афганцы!

– Несите, – хрипло разрешил им лейтенант, – Ваню так же поменяйте, на нем лица нет!

Группа Соколова, со скорбным грузом на плечах вступила в деревню.

Когда лейтенант закончил свою бумажную работу и подошел к своему милиционерскому «УАЗу», он увидел, что над лесом в их направлении плавно и степенно по воздуху плыл НЛО.

НЛО представлял собой, большой светящийся шар, от которого лучами исходили световые волны. Объект имел вид эллипса, с сопутствующими ему зелёным и красным шарами.

– Давай поприветствуем братьев по разуму, – улыбнулся Соколов и включил СГУ, подсвечивая ранний вечер.

На крыше «патрульки» замигали разноцветные проблесковые маячки. Словно бы отвечая ему, вся поверхность НЛО, как экран, покрылась неизвестными Соколову символами и знаками.

– Во дают, бродяги! Интересно, почему раньше люди видели ангелов, а сейчас инопланетян?! – восхищённо воскликнул водитель машины, – Только нам, Андрей, если даже рассказать кому, никто не поверит!

– Это факт, – улыбнулся Соколов, – никто не поверит, а разве мы скажем кому?

– Но ты не ответил на вопрос, – не отставал водила, – почему?

Соколов, улыбнувшись, пытливо посмотрел на водителя: – Да разве это важно, ты сам себе ответил своим вопросом, правильно задав его!

Не знал участковый, что в это же самое время, рыбаки в Болгарии, вытаскивающие свои сети, набитые рыбой, видели над морем знамение: как бы человека, стоявшего у полицейской машины с включёнными на её крыше разноцветными мигалками.

Долго ещё не расходилось над морем столь интересное видение, и рыбаки, уже забыв про рыбу, стоя в лодке, не могли оторвать своих глаз от раскрашенной всеми цветами радуги, живой картины.

Часть 2

Тор

*На чём основана верность собаки,
не на любви ли?!
Автор*

Было это в начале девяностых, когда великая страна под названием СССР уже развалилась, а новая Россия, еще рождалась в муках и скорбях.

Невелик город Печаткин, что на севере Вологодской области, необъятной России, всего то двадцать тысяч населением, пара заводов, да лесопилка, вот и все предприятия.

На улице Советской, что в центре города, расположен районный отдел внутренних дел, где и работает наш герой, участковый уполномоченный инспектор младший лейтенант милиции Соколов.

Впрочем, сегодня наш лейтенант был, на так редко выпадающем ему выходном дне, и вместе с другими пассажирами трясся в плацкартном вагоне поезда «Москва-Вологда».

На раскладном столике, в открытой коробке, из-под обуви, на мягкой тряпице, шустро возился, маленький черный комочек, с рыжими подпалинами на груди и коротким купированным хвостиком.

– Как же тебя назвать? – поглаживал шерстку месячному щенку ротвейлера, Андрей Соколов, решение пришло быстро, – Тор! Назовем тебя Тором!

Щенок вопросительно посмотрел на своего молодого хозяина своими карими глазками, и словно в знак согласия, облизал пальцы его руки.

– Тор! И то, правда, – размышлял участковый, – название, имя собаки, должно быть короткое и точное, как выстрел, как удар молота по наковальне... Тор! Хорошее имя.

При этом молодой участковый не особенно вдавался при названии щенка, скандинавской мифологией и северными легендами.

Дома собачку встретили хорошо, и довольно быстро освоившись, щенок по-хозяйски помечал в квартире свою территорию.

Впрочем, время летело быстро, и уже через полтора-два года, маленький Тор превратился в грозного, шикар-ного, боевого ротвейлера, прошедшего, кроме ОДК и ЗКС и боевую подготовку.

Спорил как-то, на тренировках служебных собак, едва ли не до хрипоты, с кинологом Василием, наш участковый, доказывая, что ротвейлер ни в чем не уступит немецкой овчарке.

В ответ, кинолог Давыдов улыбаясь, говорил: – Далеко твоему ротвейлеру до чистопородного немца, овчарка и в Африке овчарка!

Тренировка происходила на заброшенной стройке.

Шикарно бегала по плитам и грациозно перемахивала через воду котлована немецкая овчарка уголовного розыска, впрочем, и наш Тор, ни в чем не уступал ей, так же бегал, прыгал, полз, преодолевал глухие и высокие заборы.

Посмотрев на плиту, на расстоянии двух метров закрывающую котлован с водой, как крыша дома, образовавшую водную ловушку, Соколов предложил кинологу ОУР: – Сможет твоя овчарка под водой преодолеть это препятствие?

Василий улыбнулся: – Да ты что, не сможет, она же не тюлень, и твой не сможет!

В подтверждение своих слов, кинолог подвел, к подводному препятствию свою овчарку, и дал команду: – Вперед, плыви!

Куда там!

Овчарка беспомощно закружилась на месте, вступив в воду, подняла свою узкую морду и непонимающе заскулила.

– Что я тебе говорил, – торжествовал кинолог, – никакая собака под воду не полезет, хоть зазовись!

– Посмотрим, – улыбнулся уверенный в своем «ротти» Андрей, запрыгивая на другую сторону водной преграды, позвал: – Тор, ко мне!

Подбежав к воде, умный пес остановился, поглядывая на хозяина любящими глазами, и резко поднырнул под плиту, которая возвышалась над водой.

Прошло несколько томительных секунд и вот мужественный ротвейлер уже выныривает из под плиты, как настоящий водолаз, и отряхиваясь прыгает к хозяину!

– Молодец Тор, молодец, – похвалил Андрей своего любимца, – не опозорил свою породу!

Даже на тренировках по взятию вооруженного учебного преступника, Тор успешно продемонстрировал свои незаурядные качества.

– Смотри! – самоуверенно говорил кинолог Давыдов, – Любая служебная собака атакует на руку, выставленную вперед, а я другой рукой резиновым муляжом ножа, поражаю ее. Сам понимаешь, я проводником СРС на границе служил, науку знаю!

– Так уж и любая, – усомнился участковый, – что они, дурные, пустую руку атаковать, не замечая в другой оружие?

– Ты хочешь со мной поспорить? – улыбнулся кинолог, – Смотри, проиграешь!

Заняв защитную стойку, кинолог, облаченный в усиленный дресскостюм, включающий в себя валенки, за-

щитную маску на лицо и дополнительную куртку с капюшоном, дал команду на атаку.

– Тор! – дал команду участковый, показывая рукой на кинолога, – Учебная атака! Фас!

Стрелой полетел на «врага» грозный ротвейлер.

Улыбаясь, Василий поставил защитный блок рукой, спрятав муляж ножа в другой, заранее замахиваясь им на собаку.

Но не тут-то было. Пролетев в полете, в яростном боевом броске, ротвейлер, изогнувшись всем телом, миновал обе руки кинолога, сбил его с ног.

При этом, выбив из его руки муляж ножа, мощный ротвейлер положил оперативника на землю и удерживал его.

– Тор, фу! – подбежал к месту учебного задержания Андрей, – Охраняй!

Послушный ротвейлер ослабил свою хватку, и сел наизготовку у кое-как встающего с земли кинолога.

– Ну и как? – без всякого сарказма и иронии, сочувственно спросил Соколов у розыскника.

Побелевший кинолог встал, отряхиваясь от земли: «Да, серьезная у тебя «машина», Андрей, после такого, коньяк надо пить, под него я больше в жизни никогда не пойду, и другим скажу, чтоб не смели!»

Впрочем, Соколов и сам понимал, что у его «Тора Ларсовича», по родословной отец у него был Ларс, очень серьезные задатки прекрасной служебной собаки.

Поэтому, даже когда на служебных тренировках по выборке, ошибались служебные овчарки и доберманы, Тор успешно проходил все испытания.

Коллег по службе потрясло, что по команде участкового, пес Соколова, заскакивал на ходу в открытые окна едущей легковой машины и брал в «плен» водителя.

Так что пес стоил тех кредитных денег, которые участковый взял у банка.

Работёнка Тору и его хозяину подвораживалась непыльная, в основном, патрулирование по охране общественного порядка, да пресечения хулиганств и массовых беспорядков, которые иногда происходили по пьяной лавочке в городе.

В этих ситуациях Тор был неподражаем, и стоил целого отделения ОМОНа, а то и более, потому как не находилось храбрецов противостоять ему.

Впрочем, в одну из летних ночей, Соколов был поднят по тревоге со своим ротвейлером и прибыл по вызову в опорный пункт милиции, у себя на административном участке, где и узнал, что в ночное время, группа хулиганов разоружила милицейский наряд и завладела боевым пистолетом Макарова.

Отдел, естественно подняли по тревоге.

С ночным происшествием, участковый и его коллеги из уголовного розыска, разобрались быстро, ночные хулиганы были установлены и задержаны.

Правда вот на допросе, шпана «героически» играла в несознанку, отказываясь показать место, где был спрятан похищенный «ПМ».

Как всегда выручил верный Тор.

Работая по обработке следа, ротвейлер успешно привел, к заброшенной на окраине города, металлической емкости с водой.

Открыв крышку и пошарив в люке, Соколов сразу же нашел завернутый в тряпки милицейский «ПМ» и похвалил свою собаку: «Молодец Тор! Умница!»

Ротвейлер благодарно посмотрел на него все понимающими глазами и как то по своему, по-собачьи, улыбнулся.

Впрочем, бывали у Тора задания и покруче.

Так, в одну из ночей на участке Соколова произошло убийство.

Покопавшись с операми в обстоятельствах дела, был установлен подозреваемый в совершении преступления.

Первичные меры розыска ничего не дали, преступник словно в воду канул.

Обходя с верным псом притоны на своем участке, Андрей обнаружил на одном из адресов скрывающегося беглеца.

Только тот хотел дернуться к оружию, как вступил в дело ротвейлер, который выйдя вперед грозно зарычал.

Убийца, отказавшись от нападения, испуганно сел и сдался, что называется на милость победителя.

Очень много было случаев, когда ротвейлер Соколова находил в лесах, да на болотах без вести пропавших людей, которые благодарно поглядывали на собаку участкового, не решаясь погладить ее или попросить «дать лапку».

Счет задержанных преступников и раскрытых преступлений у Тора рос с каждым днем, и хозяин не мог нарадоваться за своего питомца.

Погиб Тор можно сказать случайно, но не нелепо, до конца выполнив свой собачий долг.

Пришлось как-то Соколову на своем редком выходном, который выдался на неделе, сходить в свою сарайку за картошкой.

Сарайка находилась в подвале старой пятиэтажной «хрущевки».

Надо же было такому случиться, что именно в этот вечер, находящийся в бегах вор-рецидивист Прокудин, находившийся в наркотическом трансе, отключив свет в общем подвальном коридоре, обворовывал кладовки жильцов.

Услышав шум приближающегося человека, бандит выключил свой фонарик и, притаившись, ждал, бесшумно щелкнув выкидным ножом.

Увидев силуэт человека, преступник нанес удар на поражение, но удар принял не человек, а невесть откуда взявшаяся собака, которая видимо и шла с жильцом этого дома.

Добровольно приняв удар, предназначавшийся его хозяину, Тор в коротком яростном прыжке вмял в стену рецидивиста Прокудина, взяв его мертвой хваткой...

Опергруппа прилетела быстро. Помещая задержанного преступника в УАЗ, оперативники сочувственно смотрели на участкового и его умирающую собаку.

Ветер ласково гладил черную шерстку ротвейлера, лежащего на руках участкового, словно приглашая поиграть, а тот все лежал и не вставал, и только слезы безмолвно катились из крупных карих глаз собаки, соединяясь со слезами плачущего человека.

Истина лейтенанта Соколова

*Отче! Я открыл имя Твое человекам,
которых Ты дал Мне от мира.
Освяти их истиной Твоею, слово Твое есть истина.
И Я открыл имя Твое и открою, да любовь,
которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них.
Я на то родился и на то пришел в мир,
чтобы свидетельствовать о истине,
всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.
Иисус Христос. Евангелие от Иоанна*

Как и было сказано ранее, город Печаткин располагался на севере Вологодской области, и надо сказать, что был вовсе маленьким, всего то двадцать тысяч населения, с парой небольших заводов, и крупной лесопилкой в придачу, а вокруг города кипела и была ключом деревенская жизнь, окруженная голубым маревом местной тайги, болот и рек.

Впрочем, после горбачёвской перестройки наступили лихие 90-е годы, когда народ попёр, из гибнущих и заброшенных деревень в города, в поисках пропитания и лучшей доли.

В центре Печаткина, на протянувшейся через весь город улице Советской, в аккурат напротив мэрии, находился Печаткинский районный отдел милиции, где сегодня в один из майских дней на очередную смену заступил участковый уполномоченный младший лейтенант милиции Соколов.

Лейтенант, как лейтенант, и ничего особенного в нем нет, обычный, как и все милиционеры: в ладно подтянутой форме, тридцатитрехлетний кареглазый молодец,

моложавый брюнет, что называется без усов и бороды, с залихватски сдвинутой вправо фуражке и извечно торчащей из кармана форменной рубашки авторучке – примете настоящего милиционера – розысника.

Правда вот глаза у этого лейтенанта были какие-то усталые, и взгляд его говорил, да, этот парень повидал кое-что на своем веку, не зря при разговоре, у «младшего», как ласково его называли в районном отделе, предательски подергивалась левая рука и нервный тик бил на оба глаза.

Да и служебных обязанностей у Андрея Соколова было побольше, чем у обычного участкового. Так, по мнению руководства районного отдела парень «вез», поэтому и «пахал» он за троих. Кроме того, что тянул он на себе привычную ляжку участкового инспектора, на него возложили обязанности и дознавателя и следователя, так как народу в РОВД всегда не хватало. А кроме этого, покладистый лейтенант взвалил на себя и всю розыскную работу РОВД, нет, не уголовного розыска конечно, а поисково-спасательную, по местным «потеряшкам», ибо своего поисково-спасательного отряда в районе не было, да и первичную работу, по всем без вести пропавшим, он взвалил на себя добровольно. Потому что помнил наш лейтенант рассказ местного лесника, как до Соколова розыском лесных пропащих не занимался ну абсолютно никто! И баял ему старик, как плакал он, вынося умирающих у него на руках малых деток, которых не искал никто, и об их исчезновении, как говорится, не было ни слуху, ни духу.

Вот такой ни чем не примечательный лейтенант, заступил на дежурство в РОВД.

– Андрей! – остановил проходящего мимо дежурной части милиции Соколова дежурный помощник начальника отдела Карапетян, – Друг! Уважь меня, съезди в

Литегру, опять Левичев дебоширит, сожительница звонила, просит унять...!

– Что там? – уточнил для порядка Соколов.

– Да, ерунда, – отмахнулся дежурный, – правда в этот раз, похоже, переключило мужика, выпил лишнего, поругался с бабой, а сам знаешь, ранее судимые все нервные, вот и схватился за топор, да еще у сожительницы ребёнка вроде отобрал...

– Что ж ты раньше об этом молчал? – попрекнул дежурного Соколов, – Где дежурка?

– Да у подъезда уже, ждет тебя. Группу захвата и оперативников я тебе не дам, сам понимаешь, ерунда там, мало ли спяну баб мужики гоняют.

– Разберусь, – коротко бросил лейтенант, выходя из РОВД, где у подъезда его действительно дождался Юра Кузнецов, милиционер-водитель дежурного УАЗа с выцветшими надписями «Милиция» на обоих бортах, и целой кучей спецсигналов на крыше машины.

– К Левичеву? – для порядка переспросил водитель, – Путь не близкий, – и, получив утвердительный кивок, завел машину и плавно тронулся с места.

Ох, и красив Печаткин в мае! Словно белоснежными облаками, ласкали взор цветущие яблони, где-то на детских площадках играли дети, и блестела на солнце, разделяющая город с двух сторон красавица река, и абсолютно ни что не предвещало беды, и хотелось думать, что во всем мире так тихо и безмятежно.

– Тридцать девятый, тридцать девятый, ответь первому, – ожила и грозно затрещала рация.

– Да, на связи, – привычно ответил Соколов.

– Андрей, извини, что отправил одного, опять звонила сожительница Левичева, боюсь там дело дрянь, Левичев с топором захватил в заложники грудного ребёнка, угрожает убить! – на одном дыхании выпалил информацию

дежурный и добавил, – В область позвонил, обещали с ОМОНОм, в РОВД группу захвата соберу, кину к тебе, ребята продержитесь там!

– Подторопи спецов, – сухо попросил участковый, и выразительно посмотрел на водителя, тот понимающе кивнул, щелкнул тумблером СГУ, и, взыв сиреной, как знаком беды, с включенными проблесковыми маячками, УАЗ буквально выжимая из себя все силы на огромной скорости, обгоняя городские автобусы и авто, понёсся к месту вызова.

Быстро вечерело, а путь действительно был не близкий, деревенька-то была дальняя в их весьма большом районе.

Ну, вот мы и на месте, подъехали к стандартному двухэтажному панельному дому, где из нарастающей тьмы, к машине подбежала трясущаяся от ужаса и горя, заявительница: – Сделайте хоть что-нибудь, он убьет мою дочь...

Не давая возможности, даже спросить что-либо, женщина всхлипывала и повторяла: – Он захватил мою дочь Катю, топором угрожает расчленить её, и выбрасывать из окна по кускам....

Андрей заметил группу молодежи, стоящую на расстоянии от дома и с ужасом наблюдающую за происходящим.

Стук в дверь ничего не дал, соседи по дому пояснили, что двери плотно забаррикадированы. Из квартиры доносился детский плач и отборные угрозы пьяного Левичева.

Первый этаж – это уже полегче, размышлял Соколов, лестницы не потребуется.

Попросив нескольких сильных мужчин и милиционера-водителя барабанить в двери, отвлекая внимание преступника, Андрей проскочил под окнами дома.

В это время в машине надрывалась рация, Соколов подбежал к ней, коротко обрисовав ситуацию.

– Вот что, Соколов, – по рации скомандовал дежурный, – в квартиру не лезь, до приезда спецназа и нашей группы захвата охраняй место происшествия!

– Да некогда мне, – обрывая на полуслове дежурного, коротко выдохнул Андрей, – спецов подгоняйте скорее, плохо здесь...

Но что именно здесь плохо Соколов уточнять не стал, бегом вернувшись под окна дома, где в любой момент могла произойти чудовищная трагедия.

Картина, представшая перед глазами Андрея, осторожно заглянувшего в окно спальни, была похожа на фильм ужасов.

Верзила с остекленевшими от пьянства глазами, в одной руке держал как куклу, за ручонку голого грудного младенца, в другой большой заточенный окровавленный топор, и в ярости орал, что убьет ребёнка и разрубит его на куски, точно так, как до этого он рубил мясо, так при этом нелюдь с силой бросил кроху на кровать и замахнулся на нее топором, и Андрей, поняв, что сейчас на его глазах может произойти непоправимое, испугался, причем испугался так, что даже ему показалось, волосы у него на голове встали дыбом, хотя и в армии гвардии сержант, не раз был обкатан танками, да и по розыску пропавших насмотрелся всяких ужасов.

Сейчас он испугался уже по настоящему за бедного ребёнка, потом он разозлился, на себя, такого беспомощного, на спецов и группу захвата, которая, все не ехала, и он ясно понял, что помочь этому ребёнку, кроме него самого, никто не сможет, ведь понятно же, если тупо ждать, убьёт этот дурак ребёнка, а приехавший ОМОН его положит. Поэтому деревянными руками он извлек из кобуры верный пистолет Макарова, сухо лязгнув затвором,

дослал патрон в патронник, и приготовился работать на поражение через двойные оконные рамы.

Каким-то звериным чутьём, нелюдь даже не увидел, а почувствовал у себя за спиной кого-то, и, схватив ребёнка, сел на кровать, прикрывшись его тельцем как щитом, приставив заточенный топор к голове крохи.

Вариант стрельбы из штатного оружия исключался.

Убрав бесполезный «ПМ» в кобуру, Андрей попытался подтянуться на подоконник, но профессиональная реакция его не подвела, подсказав ему молниеносно спрыгнуть на землю, так как преступник вскочил, и прикрываясь ребёнком, лезвием топора сокрушил стекла, и оконный переплет там, где только что была голова милиционера.

– А, жить надоело, не возмёмшь! – бушевал пьяный.

В эти короткие, как сама жизнь, секунды, понял Андрей, что хотя он сейчас и один, но в то же время, за ним сейчас незримо вся Родина, все государство, с его церквями, пушками и пулеметами, и понял он, что вероятнее всего сейчас придётся ему умирать, коли он вмешается. В то же время нахлынуло на него такое чистое и светлое чувство любви, и сострадания к этому, в общем-то неизвестному и чужому, ребёнку, что он принял единственно верное решение.

– Что ж, поиграем в индейцев, – мелькнула несуразная мысль, и Андрей снова взглянул в окно и отпрянул: поджидавший его преступник, рубанул топором по окну, пытаясь задеть его, и так несколько раз, затем увидев милиционера, нелюдь, с силой метнул в него топор, пролетевший над головой Андрея.

Рванув из кармана баллончик милицейской «Черемухи», Соколов распылил у разбитого окна слезоточивый газ, и воспользовавшись тем, что преступник отошёл от окна, пробивая собой стекла и разбиваясь в кровь, Анд-

рей запрыгнул в комнату. Ошалевший от такой неожиданности, Левичев бросил младенца на кровать и схватил в руки нож и отвертку.

Вот где Андрею пригодились знания и навыки рукопашного боя! Вложил всю силу и ярость в одном коротком прыжке, приемом контактного каратэ – коротким ударом ноги в лицо, Соколов «выключил» несостоявшегося убийцу и одел на него наручники.

Посмотрев на ребёнка и убедившись, что он жив и здоров, Андрей закутал кроху в простынку, которая стала краснеть от его крови, и передал ребёнка в руки, не верящей в произошедшее спасение его матери.

Уже усаживая очнувшегося преступника в УАЗ, Андрей услышал сирены сразу нескольких спецавтомобилей, подъезжающих к дому.

– Бронежилеты не потребуются, отдохайте, – устало заметил лейтенант милиции.

– Это кто должен тут отдыхать? – забасил знакомый голос, и Андрей узнал, что сам начальник РОВД полковник Ужиков лично пожаловал на место происшествия.

– Так, пропустите-ка, меня к герою, – шуганул своим басом и полковничьими звездами на погонах начальник, собравшихся рядом с участковым, бойцов ОМОНа и местной Печаткинской группы захвата.

Соколов привычно козырнул начмилу, и готовился было доложить по всей форме, но Ужиков прервал его: – Знаю, знаю, но ты только скажи мне, почему ты не выполнил приказ не вмешиваться ни во что, и ждать нас?

– Я доложу вам, товарищ полковник, в форме рапорта, – попытался оправдаться Андрей, – нельзя было терять ни минуты.

– Ну ладно, ты это у меня брось, рапортами раскидываться, писатель нашёлся, – взглянул на него Ужиков, а затем смягчился, – впрочем, ты молодец, завтра же на тебя

начальник отделения составит рапорт о твоём поощрении, заслужил, можешь возвращаться к несению службы!

– Есть! – коротко козырнул Соколов.

Действительно, по прибытии дежурный буквально завалил Соколова, как старшего по автопатрулю всякой мелочёвкой: семейными скандалами, и прочей бытовухой, но как бы ни было, время дежурства подходило к завершению, как вдруг рация на «патрульке» ожила: – Тридцать девятый, тридцать девятый, ответь первому!

– Слушаю, – ответил водитель.

– Так, принимайте ориентировку, на улице Стаханова черный джип «Чероки» государственный номер три шестерки, совершил наезд на пожилую женщину, которая сейчас в больнице, примите меры к задержанию, разыскиваемый автомобиль может находиться в вашем районе!

– Ох, ничего себе! – выдохнул водитель, – Это же авто самого мэра Гадецкого, друга начальника нашего РОВД, интересно, как это дежурный не испугался?

– Не робей, Петруха, прорвёмся, – пошутил Соколов, затем вмиг посерьезнел, под конец смены, такая гадость прёт...

Впрочем, верна пословица: на ловца и зверь бежит, так и в этом случае, буквально через пару минут, навстречу им показался черный мэрский «Чероки» со всеми джиперскими «прибамбасами» на кузове.

– Юра, тормози, будем брать! – коротко приказал Соколов и выпрыгнул из машины, УАЗ остановился, завораживающе подсвечивая темноту включенными мигалками.

Встав посреди проезжей части, Андрей, поднял руку с гаишным жезлом, останавливая джип, который казалось, и не думал останавливаться, мигая светом дальних фар, требуя уйти, но милиционер и не думал уходить с дороги.

Недовольно фыркнув двигателем авто остановилось.

Подходя к джипу, Андрей заметил на машине явные следы ДТП, ревуче зажужжал стеклоподъемник, открывая окно в «хлам» тонированного джипа.

– Лейтенант Соколов! Предъявите ваши документы! – сухо представился и потребовал Андрей.

В ответ из прокуренного салона машины протянулась холеная рука, с золотыми кольцами с крупными бриллиантами на пальцах, которые вертели красные депутатские корочки.

– Выйдите из машины, – был неумолим Соколов.

– Ты знаешь, ты хоть догадываешься, с кем ты связался, сявка милицейская? – запинаясь в словах, прошипел водитель из машины, и из джипа кое-как вылез сам градоначальник, мэр и депутат Гадецкий.

Так и есть, пьяный, лыка не вяжет, моментально определил Соколов и вежливо предложил чиновнику: «Пройдёте в наш автомобиль!»

– Я тебе пройду, ты у меня сам сейчас пройдёшь, – заугрожал, заупрямился мэр, потом вспомнил что-то, – так твой начальник Ужиков на месте? Впрочем, знаю без тебя, на месте! Хорошо пойдем, но боюсь, ты завтра в моем городе работать уже не будешь! Понимаешь, мент? Нигде и никем!

Прервав грозные тирады, «слугу народа» все-таки доставили в РОВД, где Соколов с водителем написали подробные рапорта о задержании мэра города и района.

Не прошло и полчаса как Соколов был вызван к начальнику РОВД, где в кабинете начмил был отнюдь не в грустном состоянии, а даже в приподнятом, на что указывали пара пустых бутылок водки и остатки снеди на столе, в пепельнице дымилась несколько дорогих сигар.

– Так герой, допрыгался? – грозно вопрошал Ужиков, – Ты чего, охренел? Мэра задержал, у нас не кино, где

ковбои в справедливость играют, да по окнам скачут, дежурного я уже наказал, водитель твой рапорт уже отозвал, остался ты на закуску, ну и что делать с тобой прикажешь?

– Я не совершал ничего! – упрямо мотнул головой лейтенант, – Прошу по моему рапорту принять меры!

Вдруг начмил улыбнулся: – Да ты пойми, дурья твоя голова, мэр уже обо всем позаботился, потерпевшая претензий не имеет, сам факт ДТП под вопросом, тебе что, больше других надо?

– Прошу принять меры по моему рапорту, – был неумолим участковый.

– Ну что с тобой поделаться? – продолжал улыбаться Ужиков, – Пойми, ты у нас на самом лучшем счету, пора расти, со временем мое место займешь, да и по твоему вечернему задержанию у руководства есть мнение, представить тебя к государственной награде, а это сам понимаешь, медаль или даже орден! От тебя требуется одно, быть в команде, а рапорт – забрать, не было его, твоего рапорта, понимаешь!

– Прошу вас принять меры по моему рапорту, – был не подкупен Соколов, – при непринятии мер оставляю за собой право обращения в УВД области!

– Ах, так! В УВД? – зло выдохнул полковник, – Ну, хорошо, иди, только знай, ты у меня был лучшим, станешь худшим! Будем относиться к тебе беспощадно! Пошёл вон!

Соколов привычно козырнул, повернулся через левое плечо, и уже перед дверью остановился, посмотрел на полковника: – Мне стыдно, что я ношу такие же, как вы погоны. Такие как вы, забыли об офицерской чести!

– Иди отсюда, – устало махнул на него рукой начальник, – так ты ничего и не понял...

После этого действительно наступили у Соколова тяжелые времена, правда, он не унывал, с головой уйдя в работу.

Хотя разные «мелочи» действительно досаждали ему, вначале мэрия отказала в обещанной квартире его жене, как он ее называл Елене Прекрасной, затем без всяких объяснений и причин отказали в служебном жилье и ему, а это было весьма обидно и болезненно, потому как квартиры достались более молодым сотрудникам. Хотя многие сотрудники РОВД и одобряли позицию Соколова, но делали это в тайне, опасаясь мести руководства.

А работы действительно хватало: это и дела по участку, ведение уголовных дел, по дознанию и следствию, да и пропащие «потеряшки» не давали покоя.

Вот на днях поступило заявление от Васнецовой, что ушли в лес за ягодами и запропали аж семь человек сразу: две бабушки, дышащих на ладан, да пятеро их малолетних внучат, заявление как всегда припоздало, поэтому участковый со своей добровольческой внештатной командой из равнодушных милиционеров, горожан, селян, лесников, дневал и ночевал в лесах, да и на болотах, иногда приходя к ночи домой, по уши грязный, весь в болотной тине, не хуже лешака.

Ночью, у себя на частной квартире, печатал материалы уголовных и розыскных дел, в то время, когда кроткая и добрая жена, ночью стирала ему форму и подшивала дела, а дети, не видящие отца, давно спали.

Потому что времени в часах у Соколова было двадцать четыре, как у всех, и его, времени то есть, ему как раз и не хватало...

Розыск – оно дело понятное, людей надо спасать, но вот поди ты, найди сперва этих людей, легче иголку в стоге сена найти.

А так помощников много у него было по поиску пропавших, по пропаже бабушек и детей, пришлось ему самолично даже в храм, что на Николиной горе, в лесу стоит, приходить.

Объяснил все обстоятельства пожилому священнику, мол, в колокола бейте, и молитву творите, на что служитель церкви испытывал: «А, сам то ты в Бога веришь, есть ли Бог в тебе, коли за такое дело взялся?»

– Не знаю, – оробел вдруг участковый, – хочу верить в самое доброе, чистое, что есть Он в людях.

– Хорошо, – улыбнулся по отечески так священник, – за пропавших все будем молиться, и в колокола ударим, раз просишь, только и ты не робей, проси у Бога помощи в работе своей!

Уже на третий день безрезультатных поисков, удалось-таки Соколову выпросить у местного авиаотряда старый «МИ-8» на часок, пилоты вошли в положение, и старый вертолет, нарезая круги, барражировал и глушил горючее над бескрайней Вологодской тайгой под тревожно-набатное пение церковных колоколов.

Именно в тот час Соколов мысленно молился о нахождении пропавших и избавлении их от гибели.

Была ли это молитва, участковый не знал, слова лились как быстрый лесной ручей, и были чистыми и прозрачными, как колодезная вода, и до того его, наверное первая, по-юношески чистая молитва была горяча, что даже слезы беззвучно катились из его усталых глаз.

И надо же было такому случиться, что когда он отправил свой вертолет восвояси, именно он со своей группой, практически в течение часа, нашел и вывел из леса всех заплутавших!

Поразило то, что когда людей вывели из леса, старые женщины, увидев скопления людей-добровольцев и различную технику, бухнулись на колени и славили Господа за свое спасение и спасение детей, возносили молитвы во славу спасавших!

Впрочем, когда терялись большие группы людей, все было гораздо проще, легче выделялась запрашиваемая техника и люди.

Совсем другое дело, если пропадали в лесу один или два человека, особенно если в районе было несколько случаев одновременного исчезновения.

Так произошло и в случае с пенсионеркой Серовой, которая убрела с малой внучкой по ягоды, в леса, да на болота, и как говорится с концами.

А в районе и другие «потеряшки» не ждут, вот и приходилось едва ли не одновременно, крутиться и успевать.

Приходилось делить группу надвое, а самому искать людей и в одиночку.

Так и по Серовой, нашел старую пенсионерку и ее внучку участковый, тогда, когда она и ходить то не могла, как и ребенок.

Смастерил он подобие слег-жердей, положил ее на лесные импровизированные носилки, ребёнка подвязал, типа люльки, на грудь, жерди себе на плечи и понес.

По сырому болоту, проваливаясь по пояс в холодной воде, а кое-где вода доходила даже до груди, где то вода отступала, и трясина была похожа на гигантскую растянутую перину, по которой, раскачиваясь, идешь, не зная какой шаг станет последним.

Жерди больно впивались в плечи участковому, но кому тут пожалуешься?

Взялся за гуж...

Уже при подходе к городу оживала рация в кармане, лейтенант вызывал «Скорую», которая подъехав к распаханному полю, не поехала дальше, на недоуменный вопрос в «дежурку», в чем дело, «дежурный» пояснил, машина у медиков помыта, колеса боятся загрязнить, выноси сам.

Что ж делать, Соколов выносил, как же, внук фронтовика-комбата, дед его еще с измальства воспитывал, с ним же его роднил, такой же, как у его деда тягучий окопный кашель, приобретенный в лесах да на болотах.

Хотя бывали разные дела.

Розыск пропавших дело добровольное, так вот и Андрей объяснял своим, что мол орденов и медалей на этом деле не заработаешь, мы людей спасаем.

Иногда удивлялся, когда на поиске, ребята, прошедшие горячие точки и войну, «ломались», когда предстояло выносить с лесной местности разложившиеся останки погибшего без вести пропавшего, отказывались нести, и тогда участковый беззлобно хлопая кобуру верного «ПМ», выносил пропавшего на себе.

Ведь понятно, не тридцать седьмой год, не заставишь, дело добровольное!

Вот поэтому и говорил лейтенант своим, что вроде бы и не стреляют и время мирное, а люди продолжают гибнуть, потому что умирают зачастую из-за равнодушия человеческого, которое гораздо страшнее пистолета.

Иногда до такой поры ломало Андрея от усталости и тяжести перенесенного, что прикорнув на часок в лесу, он видел дивные, то ли сны, то ли видения, и виделся ему чудесный сад, весь поросший и благоухающий розами, в прекрасном водоеме, радовали взор водяные лилии и лотосы, и сам Христос шел к нему, с кроткой радостной улыбкой, и еще снились ему мать его, Мария, и бабушка Анна, словно будившая его своим певучим окающим вологодским говорком: – Робить, Андрюша надо, робить, вставай, работа тебя ждет...

После этого зачастую, деревенские мальчуганы заявляли ему: – Дядя милиционер, а вы светитесь, словно бы солнышко взошло над вами.

И что интересно, в эти моменты чувствовал Андрей на душе и теле удивительную благодать и спокойствие.

Впрочем, и на своей чисто милицейской работе случались удивительные вещи, которые он собственно приписывал везению.

Возвращаясь с дежурства, безоружным, на попутном бортовом ГАЗике, и видя в центре города агрессивного пьяного с карабином в руках, от которого в ужасе шарахались женщины и дети, Андрей давал команду водителю грузовика включить все сигналы, выезжать на тротуар и, пугая внезапной психической атакой преступника, в прыжке обезоруживал негодея.

А как-то в ночной группе, буквально случайно, отлавливал в ночной погоне безумного типа, с радиоактивным контейнером и желанием через очистные сооружения водозабора отравить целый город!

Естественно, Соколов не считал это за подвиг, не считал он и за подвиг, когда до прибытия пожарных расчетов, спасал с нарядом ППС людей из горящего двухэтажного дома, да так, что потом удивлялся, собственной везучести – сам целехонек, лишь форменная рубашка в копоты от дыма и дырках от огня. Не считал он за подвиг, когда попутно, типа михалковского дяди Степы, спасал тонущих на льдине детей, и в этот же день, выдергивал из-под колес поезда падающую девчущку.

Хотя конечно придирки чиновников в погонах весьма огорчали его, так над ним смеялись его начальники, говоря, других спасал, а сам даже без квартиры, пусть твои спасенные походятайствуют за тебя! Нечего не своим делом заниматься, блин, белая ворона!

Хотя когда работал Соколов чисто по охране правопорядка, удивлялся он, вот такие разные есть люди.

При этом вспоминал, когда его окликнула посторонняя девушка, мол, извините товарищ участковый, но ей показалось странно, что незнакомый мужчина повел в заброшенный лесопарк маленькую девочку.

Что и говорить, проверил эту информацию Соколов, иначе он не был бы самим собой. Так и оказалось, в лесополосе, у старого заброшенного туалета, лейтенант уви-

дел безобразную картину: молодой еще мужик, сняв штаны, пытался приступить к насилию над ребёнком.

С такими участковым особо не церемонился: коротким, безжалостным ударом ребра ладони по шее негодяя, Андрей отправил его в недолгий сон.

Впоследствии нелюдь «поблагодарил» участкового, говоря, что шансов на жизнь, у ребёнка не было, ибо это был соседский ребенок, знавший его, и жизнь его оборвалась бы там же, в старом туалете.

Так получается, что своим равнодушием спасла та девушка жизнь ребёнку.

Из этой же череды был случай, когда возвращаясь с дежурства, после ночной дискотеки, участковый услышал крик о помощи, и в лесопарковой полосе, буквально снял приемами каратэ и дзюдо с юной старшеклассницы группу мерзавцев-насильников. Что удивило, когда он задержал негодяев и попросил проходивших женщин, позвонить в милицию, те испугались, говоря, что это не их дело, хорошо, что мир не без добрых людей – позвонили другие.

Хотя временами, после той, «мэрской истории», участковый видел, как прессуют его родственников на работе, особенно мать – работника одного из отделов мэрии, что поделать, Гадецкий и Ужиков оказались весьма злопамятными.

Вскоре участковый принял одно «интересное» заявление: молодая пара уехала за иномаркой, и пропала, Соколов стал «копать» и «докопал» до раскрытия убийства, правда ему долго пришлось убеждать своих начальников об этом.

Особенно морщились они, когда он просил, организовать охрану для детей пропавших.

– Есть у тебя свободное время, охраняй сам, – говорили ему начальники, – это не наше дело, охранять людей по их квартирам, нет такого закона, нет!

На что Соколов ничего не отвечая, брал в дежурке пистолет и автомат, и охранял детей до тех пор, пока убийцы не были задержаны.

Потом на участкового свалилось еще и настоящее горе: умерла мать, ей плохо стало на работе, а скончалась практически в тот же день, в больнице.

Соколов, получив страшное известие, успел таки на последние земные минуты своей мамы, когда врачи в спешке кололи ей уколы, пытались реанимировать её электроразрядами, и последнее, что Андрей успел увидеть, это были глаза его мамы, смотрящие на него с всепрощающей любовью, и он явственно увидел, как свет исшёл из неё.

Вот и все.

Провожал ее целый район, ибо уважали ее очень многие, даже мэр Гадецкий умудрился побывать на похоронах, по какой причине Андрей тогда не понял.

Такой вот он запомнил ее навсегда, свою маму – доброй и родной, нежной, настоящей и кроткой, всегда излучающей радость и любовь к окружающему ее миру.

Маму, как и Родину в сердце держать надобно и никому не отдавать, ибо сдав мать, ты предашь и Родину, потому что верно говориться – Мама и Родина не делимы.

И вот он Ее потерял, Ее – свою Родину.

Впрочем, скучать Соколову не приходилось, ибо работы навалилось после этого весьма много, пошли случаи массовых исчезновений людей, в городе и районе.

Хотя многие бывшие знакомые, «выбившиеся в люди» не понимали его, говоря, что ты занимаешься не своим делом. Были среди них и «авторитеты», говорившие: «Командир, вот мы за ум взялись, на «джипах», да «мерсах» новых катаем, все стали предпринимателями, и депутатами, производство заимели, свои семьи на море не

по разу в год возим, а ты? Как ездил на старой дряхлой «Таврии», так и ездишь, и семью свою ты ни разу на море не свёз отдохнуть, ради чего живешь и работаешь ты?»

На что Соколов отвечал им: – Я живу и работаю ради истины, верю, что моя помощь нужна людям, а истина моя, это справедливость, милосердие и любовь, и без истины этой все мы мертвы.

Удивлялись ему на эти речи, пожимали плечами и отходили, да и как понять его, если все друг другу, мягко говоря, не друзья, и что взять с ментозавра, взявшего в кредит, дорогущего ротвейлера, для общерозыских целей.

Наметился у Соколова и определенный прогресс по розыску: так в одном случае сообразил он, что группа негодяев, отомстила пропавшей женщине, самым жутким образом, заманив ее в частный дом, на берегу реки, где убили ее, расчленив ее тело и утопили в реке, привязав кусок рельс к телу.

Был участковый ночью в том доме, с теми мужичками, и когда убийцы сообразили, что лейтенант догадался о случившемся, видя, что он один, глумились над ним: – Вот ты один, и без оружия, как выйдешь отсюда?

Впрочем, вышел оттуда участковый силой духа своего, не побоялся, и нелюдей за решетку определил.

По другому делу вообще все интересно выходило, пропадали у одного мужичка, раз за разом его приятели, догадался участковый в чем дело, осмотрел притон, где жил этот нелюдь на окраине города, а там ужасы – остатки расчленинных тел, да орудия преступлений – топоры и ломы со следами крови, никакого люминала не надо, а в холодильнике, вообще лучше не открывать! – головы «потеряшек».

Вызвал лейтенант опергруппу и спецназ, но не нашли нелюдя тогда.

Был у Соколова следующий день – выходной, в отделе строго, «ПМ» заставили сдать, и вот тебе незадача, получил он от своего доверенного лица информацию, где скрывался беглый преступник.

Ну, проверил участковый квартиру, да, подтвердилась информация, что беглый на притоне в этой самой квартире, на первом этаже пятиэтажки.

В ответ на стук в дверь, в лютой ярости кричал ему нелюдь тот: – Давай, участковый, заходи, на тебя и топор и ружье припасено, сегодня смерть твоя пришла, готовь гроб себе!

Вызвал Соколов тогда группу захвата, так как из оружия у него лишь форменная рубашка, да пустая кобура.

Прибывшая группа была малочисленной, всего два человека, зато в полной экипировке, с касками, бронежилетами, автоматами, пистолетами, и спецкарабином в придачу.

В общем, началась тут стрельба – пальба, Соколов только людей успевал отгонять от притона, затем штурм!

Во время штурма, когда Соколов и два бойца выбили двери притона, накрыв группу местных жуликов этой самой дверью, бандиту удалось вскочить, он схватил топор, видя перед собой беззащитного и безоружного участкового, с силой метнул в него топор.

Два бойца в полной броне, отпрыгнули по сторонам, конечно и Соколов мог уйти с линии атаки, но в данный момент, из соседней квартиры выскочили малые дети, и участковый в прыжке назад, отталкивая их, закрыл детей собой.

Участковый не особенно верил в чудеса, но в этот момент произошло необъяснимое: Андрей был готов поверить, что время остановилось, и летящий прямо в голову топор, застыл в воздухе, затем, словно пробудившись, время пошло очень быстро, топор-убийца неисповеди-

мым путем поменял траекторию полета, и больно ударил участкового в левое колено. Оставшись без оружия, преступник сдался милиции.

Что было дальше, Андрей никогда не забудет, нет, это не то, как его грузили на «Скорую помощь» ребята с автоматами, а запомнилось то, что когда его выгружали со «Скорой» перед больницей, к нему подошел один из замов мэра Гадецкого, толсторожий, рыжеволосый, Селев, и как-то по крысинному, плотядно улыбнувшись, поинтересовался: – Что здесь, учения?

Увидев набухающую от крови повязку, на ноге участкового, цинично поинтересовался, а знает ли он, что его мать до инфаркта довел именно мэр Гадецкий, сорвав на ней злость, а в больнице ее лечили, по указанию свыше не от инфаркта, а от болезни желудка!

При этом городской чиновник выразительно посматривал, на кобуру участкового, и взгляд его красноречиво спрашивал, как отомстишь ему за смерть матери?

Соколов не помнил, что ответил тогда этому чиновнику, помнится, что побелел весь-весь, и сердце свело от знакомой боли, нет, ничего он не ответил тогда этому человеку, да человеку ли?!

Даже когда зашивали рану, Андрей не чувствовал ничего, хотя на душе было невыносимо больно.

Еще больнее было, когда он, прогуливаясь на костылях на улице, вероятно случайно, повстречал полковника Ужикова, который «порадовал»: – Ну, что, довоевался? Против тебя начата служебная проверка, готовься к наказанию, рапорт за задержание, на твою госнаграду я порвал, и вообще, ты поступил, как свинья, нечего тебе было там делать! Выздоровливай, затем марш на медкомиссию, и вон из органов!

Что самое удивительное, даже те, кого он считал друзьями, предали, испугавшись проведать его на дому.

– За что? – молча плакал у прекрасного деревенского пруда лейтенант, горячие слёзы беззвучно катились из его усталых глаз по обветренному лицу и падали в чистые родниковые воды, – За что...?!

Впрочем, молился за своих обидчиков наш лейтенант, ибо воистину «не ведают, что творят!».

Но время шло, и действительно на участковом все зажило, как на собаке. Едва выйдя на работу, Соколова вызвал к себе начальник отдела кадров, и старательно пряча глаза, подал ему бумажку – направление на медкомиссию: – Бери, Андрей, не расстраивайся, там уже все решили за нас, готовься на гражданку, а так у тебя сегодня последний рабочий день, прогуляйся по участку...

Солнце светило ослепительно ярко и празднично, как и тогда, в тот день, когда началось наше повествование.

Участковый шел, слегка прихрамывая на раненую ногу, до дома оставалось не так уж и много. Переходя дорогу на светофоре на включенный для пешеходов зеленый свет, привычно поздоровавшись с неторопливо, гуськом переходящей «зебру» группой воспитанников детского сада с воспитателями, Андрей услышал рев несущейся автомашины.

Так и есть, нарушая все возможные правила, на светофор вылетел на огромной скорости, большой черный джип с тремя шестерками на номерах, мэр Гадецкий, как всегда пьяный!

Что думал и чувствовал в те минуты Андрей, мы уже никогда не узнаем, по словам очевидцев, он выскочил вперед и закрыл собой группу детей.

И – о чудо! Слово бы включилась какая-то неведомая сила, словно невидимой стеной, закрывшая участкового и детей от грозящей опасности, и чёрный джип, словно ревущий зверь, стал запрокидываться и ложиться набок, как игрушечная машинка, и тут случилось не-

предвиденное, от стайки детей, отделилась маленькая девочка – несмышлениш и бросилась в ту же сторону, куда падала машина.

В прыжке вырвавшись из-под щита спасительной защиты, Андрей сумел отбросить девочку в сторону, а вот сам уберечься не смог, многотонный ревуший джип, накрыл его, всей своей звериной тяжестью.

Когда приехала «Скорая помощь», все уже было кончено, у смятого, закопченного джипа, с отвалившимися и обгоревшими номерами, лежало два трупа, слева – обугленного, как головешка пьяного мэра, справа – абсолютно не тронутого огнем, нашего участкового, у которого стояла на коленях и плакала воспитатель детского сада, та самая юная школьница, которую когда-то он спас от насилия....

Хоронили участкового Соколова при небольшом скоплении народа, с утра шел дождь, омывший следы недавней трагедии, затем прояснило, и выглянуло солнце, ярко одаря всех своим светом и теплом, словно бы ничего и не случилось, говоря всем своим видом, жизнь продолжается, и жизнь удивительна и прекрасна.

Народ шушукался, мол, в этот же день, погребают мэра Гадецкого, там вся тусовка, куча «меринов», говорят даже приехал зам. губернатора, и даже есть решение назвать именем мэра одну из городских улиц.

Не многие пришли из РОВД, а те, что и пришли, пристыжено и сконфуженно молчали, и в глазах многих, читалось если не осуждение, то непонимание.

Из руководства присутствовал только начальник отдела кадров капитан Качанов, ему и предоставили слово, он подошел к гробу, хотел что-то сказать, но закашлялся, даже старого служаку пробил слеза: – Не могу, вы понимаете, я ничего не могу... ни сделать, ни тем более исправить...

В это время, небо полностью прояснилось, и вдруг на небе, над местом похоронной церемонии, показалось светлое облако, и в тот же момент, из гроба исшёл ослепительный, яркий свет, который был подобен свету сварки, и тысячи сверх ярких ослепительных прожекторов.

Откуда-то сверху, зазвучала строгая торжественная песнь, будто бы сам Небесный хор воспел, отдавая дань высших почестей Приходящему.

Когда гимн стал не терпимо громким, а свет – невозможно ярким, люди увидели ослепительный шар, как бы с крыльями, парящий над гробом, подобно голубю.

Многие тогда божились, что видели в этом шаре фигуру как бы светоносного Ангела, вид которого был дивен и прекрасен, и его одеяние блистало чистотой первого снега.

Когда потрясенные люди очнулись, первое, что они заметили, что все стоят на коленях, с молитвенно поднятыми руками, а над ними, по всему небосклону, сияет невыразимыми красками, ярче любых бриллиантов, радуга, и не сразу все заметили, что ГРОБ БЫЛ ПУСТ!

ЗВЕРЬ

Повесть

**Он же сказал им: Я видел сатану,
спавшего с небес, как молнию.
Иисус Христос. Евангелие от Луки**

**Иисус сказал ему: выйди,
дух нечистый, из сего человека
И спросил его: как тебе имя?
И он сказал в ответ: легион имя мне,
потому что нас много.
Иисус Христос. Евангелие от Марка**

**Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры
Вожди слепые, оцеживающие комара,
а верблюда поглощающие!
Змии, порождения ехиднины!
Как убежите вы от осуждения в геену?
Иисус Христос. Евангелие от Матфея**

**Трезвитесь, бодрствуйте,
потому что противник ваш
дьявол ходит, как рыкающий лев,
ищя кого поглотить.
Святое писание. 1 соборное послание,
Святого Апостола Петра**

Городок Согдинск считался маленьким провинциальным городком на севере Вологодской области. Населением не блистал, всего тысяч пятнадцать по последней переписи. Одна большая центральная улица Пролетарская, по которой раскинулись городские магазины и магазинчики. Пара небольших заводов с хлебокомбинатом в придачу, да вот, пожалуй, и все достопримечательности.

Хотя нет, была ещё в Согдинске «достопримечательность» – долгострой огромной для их небольшого городка девятиэтажки, возводимой едва ли не с времён царя Гороха. Но в последние годы стройка возводимого дома, действительно заканчивалась, ещё бы – возведением дома занимался самый «элитный» человек Согдинска, даже можно сказать «человечище» – предприниматель Цыпкин Лев Борисович.

Считался Лев Борисович самым «знатным» и нужным человеком в Согдинске, хотя на дворе и стоял май 2015 года, все понимали, что время таких, как Цыпкин, окончательно пришло и довольно-таки надолго. Поэтому многие местные чиновники, не стесняясь этого факта, «состояли» на службе у Льва Борисовича.

На конец мая сего года в городке планировалось провести торжественную сдачу в эксплуатацию первой в Согдинске девятиэтажки под деятельным руководством Цыпкина. Правда, злые языки поговаривали, что дом сдаётся и принимается с огромным количеством недоделок и огрехов, что довольно-таки опасно для будущих жильцов.

Всё это прекрасно знал и понимал предприниматель, «освоивший» и недовложивший огромную кучу бабла при строительстве данного дома. Не то что Лев Борисович был злым человеком и веры не имел, нет, натальный крестик, как и все, он носил, конечно. Даже помогал возводить в угоду нынешней моде каменную дорогущую церковь в городке, не хуже, чем в Москве! Правда вот, в глубинах своей души, он поклонялся лишь одному своему богу, а им был культ бабла, очень большого бабла.

Так и сейчас, довольно посмотрев в зеркало в своём офисе, Цыпкин засобирался по делам сдачи дома в мэрию.

...На смотрящего в своё отражение зеркало смотрел страшный зверь, с огромной чёрной гривой, львиной пастью вместо головы, и страшными ядовитыми змеями,

которые шипя, закрывали лысый череп чудовища вместо волос. Страшные огненные глаза зверя с блудливой мерзкой улыбкой вперились своим омерзительным взором в смотрящего, заставляя его отшатнуться...

Подъехав к мэрии, предприниматель Цыпкин уверенно и без очереди зашёл, даже не подав «дежурной» шоколадки секретарше, в кабинет к мэру.

В кабинете у градоначальника Велесова Вольфа Борисовича размазывая слёзы, сидела старая бабуля, которой только что без всяких там угрызений какой либо совести, понятия, незнакомого и чуждого современному чиновнику, было отказано в получении аварийного жилья.

– Но вы поймите, Вольф Борисович, – плакала пожилая женщина, и в такт её рыданиям грустно позвякивали на её груди медали и ордена за нелёгкую трудовую жизнь, – никто и не предполагал, что мой деревянный домишко сгорит из-за треклятого соседа-алкаша! Поймите меня, пожалуйста, мне просто негде жить, хоть руки на себя накладывай!

– У нас в стране полная свобода выбора для всех, – не без ехидства комментировал её слезливую речь мэр, – но я уже сто раз объяснял вам, что согласно подпункта пункта соответствующей статьи законодательства, не заложившего материального обеспечения именно в ваш житейский вопрос, не представляется возможным выделение вам аварийного жилья! Возможностей у нашего маневренного фонда нет, денежки отсутствуют!

Закончив длинную, по-чиновному малопонятную и витиеватую речь, взятую прямо скажем «с потолка», мэр Велесов довольно посмотрел на плачущую бабулю: – Вам всё понятно, Вера Станиславовна?

– Я на вас прокурору, начальнику полиции и председателю суда пожалуюсь! – обидчиво поджав губы, по-

смотрела на мэра старая женщина, – Нельзя так с людьми обращаться!

Показывая «великолепное чувство юмора», мэр встал, театрально оглядевшись в поисках неведомых «людей» и сухо пресёк дальнейшие жалобы вредной старушечки: – Жалуйтесь куда угодно, не поможет! Теперь наша власть пришла, ступайте, ступайте вон, и больше не возвращайтесь! Решение по вашему вопросу принято, и ничто его уже не изменит!

– Так что мне, руки на себя наложить?! – в отчаянии и с вызовом посмотрела на чиновника старая женщина.

– Как вам угодно, – улыбнулся холодной, равнодушной и пустой улыбкой чиновника мэр, – как я уже говорил, у нас свобода, каждый может поступать по своей совести, но хотел бы сказать вам, что вы говорите недостойные слова для человека вашего возраста, как вам не стыдно ваших государственных наград?! Рекомендую сходить в церковь, покаяться и запомнить, что надо терпеть!

– А если это невозможно?! – с грустью и с каким-то надрывом посмотрела на него бабуля.

– Всё в вашей власти, – цинично и безжизненно улыбнулся в ответ мэр, – считаю, что любые переговоры и переписку с вами необходимо прекратить ввиду нецелесообразности, прощайте, я не смею задерживать вас более...

Не попрощавшись, согнутая горем старая женщина вышла из кабинета градоначальника.

– Видал? – презрительно показал рукой в сторону ушедшей женщины мэр, обращаясь к предпринимателю, который по-хозяйски сидел напротив его, – Что они всё ходят, чего-то ищут?

– Люди надеются, – усмехнулся в ответ предприниматель, – верят...

– Оставь надежду всяк сюда входящий, – не без удовольствия процитировал известную фразу градоначаль-

ник, – неужели им, всем этим людишкам не ясно, что их время прошло раз и навсегда!

– Какое время? – не без интереса посмотрел на Велезова предприниматель Цыпкин.

– То время, когда ещё им можно было надеяться хоть на что-либо, – с жаром ответил мэр, – здесь все свои, не на отчёте и на съезде! Все мы одинаковы! И я, посмотрев в зеркало увижу себя, так и любой высший госчиновник – олигарх с Москвы глянув в зеркало, увидит то же самое, что вижу и я – самого себя! О чем это я?! А, о народе! Им больницы, предприятия, школы закрывают – а они молчат! Им цены поднимают на всё – а они молчат! Бессловесный скот, который ведут на бойню, и то мычит в недовольствии своём, удобный у нас народец попался! Даже Бог у нас удобный – молчаливый... Впрочем, по мне так его и нет, потому что, если бы был, то было бы страшновато... Сами понимаете, мистика, ад, черти... Но мы с вами люди современные и прикидываться умеем, в угоду времени и любой власти!

Мэр цинично посмотрел на Цыпкина и продолжил: – Как я и говорил, все мы одинаковы! И у меня, да и у вас, как я знаю, прикуплен на народные денежки островок в чужом море, где не будет ни этих вечно стонущих терпил, ни этой грязной вонючей страны с её холодами и вечно разбитыми дорогами, а будет прекрасный пляж с пальмами и с юными, на всё согласными мулаточками, разносящими вечерний бренди в бикини!

– Не очень-то ты жалуешь Россию, – зевнув как лев, усмехнулся предприниматель, – а родные берёзки, к ним тебя не потянет?

– Нет, – с презрением и каким-то отвращением ответил мэр, – не потянет, как и к этому народу, который словно зомби ходит и просит у нас то, что мы ему дать не в состоянии!

– А не жалко народец-то? – посмотрел на Велесова предприниматель, – А вдруг вымрут все и не будет ма-тушки-Расеи, которая, кстати, и кормит нас, и на остро-вок, и на прочие шалости подкидывает, ась?

– Пусть сдохнут! – с какой-то злостью и яростью выдал своё сокровенное мэр, – И страны этой ничуть не жаль, если она позволяет делать с собой то, что де-лаем с ней мы! Впрочем, извини, Лев Борисович, от-влёкся, довела-таки бабка по непоняткам своим! Что у тебя ко мне?

– Суцая ерунда, Вольф Борисович, – улыбнулся предприниматель, – по планам, в этом месяце, я сдаю долгострой, и в городе впервые появляется элитная де-вятиэтажка для простого народа, ведь избирателей сво-их мы любим?

Глянув на Цыпкина, градоначальник плотоядно улыб-нулся.

– Так вот, уважаемый Вольф Борисович, – продолжал Цыпкин, – необходимо ускорить дело по вводу дома, а то злые языки в своих жалобах-писюлях к вам, прокурору, начальнику полиции и председателю суда утверждают, что дом не готов, и вселение жильцов небезопасно! Тре-буется ваше вмешательство!

– Но вы понимаете... – стал набивать себе цену мэр и осёкся, увидев, как с улыбкой предприниматель подтал-кивал к нему толстый конверт с купюрами явно не рос-сийского производства и происхождения.

Взяв конверт и отпустив его в нижний ящик своего стола, мэр тоже улыбнулся, отвечая предпринимателю: – Не сомневайтесь, уважаемый Лев Борисович, по вашему вопросу будут приняты все исчерпывающие меры! Ваш дом будет сдан и принят в срок! Кстати, не забыли, при приёмке дома планируется участие самого губернатора? Всех благ вам, уважаемый наш!

С этими словами радостный градоначальник лично проводил до дверей предпринимателя и довольный встал у зеркала, рассматривая свою физиономию.

...На смотрящего в своё отражение зеркало смотрел страшный зверь, и одобрительно и плотоядно улыбался, показывая в своей ужасной усмешке свои огромные жёлтые клыки...

Не торопясь, на своём личном «Бентли» предприниматель Цыпкин подъезжал к трёхэтажному зданию местных правоохранителей.

На первом этаже здания располагалась полиция, на втором – прокуратура, на третьем – федеральный суд, что было весьма удобно, как и для предпринимателя, так и для жителей данного городка.

Уверенно заходя в кабинет начальника городского отдела полиции, не удостоив даже взглядом секретаршу, предприниматель изобразил дежурную улыбку: – Приветствую вас, уважаемый Марк Борисович!

На него приветливо смотрел полковник, начальник всей местной полиции Медведев, который кого-то сердито отчитывал по телефону. Закончив разговор, полковник посмотрел на Цыпкина, который уже уверенно занял место напротив его.

– Что, какие-нибудь проблемы? – спросил у Медведева предприниматель, – Могу ли я чем помочь?

– Да ерунда, – пренебрежительно махнул рукой начальник, – в туалете мэрии только-что удавилась старая бабка! Дежурный-фуфлыжник не мог решить, как и кого послать, пришлось объяснить первогодку, что некоторые выезды, даже совместно с прокуратурой, можно делать не выходя из кабинета! Эка невидаль – бабка удавилась, ты проживи на её пенсию! И из-за такой ерунды опергруппу гонять?!

– Я рад, что ничего серьёзного не произошло, – понимая кивнул головой Цыпкин, – пришёл же я к вам, уважаемый Марк Борисович, вот по какому поводу...

– Знаю, знаю вашу проблему, – посмотрел на него полковник, – но она легко решаема...

– Не сомневаюсь в этом, – глянул на начальника предприятия и осторожно протянул ему пухлый конверт, который взяв, полковник аккуратно положил в служебный сейф.

– У вас нет проблем, уважаемый Лев Борисович, – услужливо улыбнулся полковник Цыпкину, – ваши проблемы, это наши проблемы, а следовательно они устранимы!

– Благодарю вас за службу, – поблагодарил главного городского полицейского предприниматель, – с вами приятно иметь дело!

– С вами тоже! – вытянулся, встав едва ли не по стойке смирно бравый полковник, – Заходите, мы всегда рады вам!

Посмотрев, как Цыпкин вышел из его кабинета, полковник встал перед зеркалом у стола и залюбовался...

...На смотрящего в своё отражение зеркало глядел ужасный зверь, довольно улыбающийся и пускающий кровавую пену из-под своих страшных клыков...

Выйдя из кабинета начальника отдела, Цыпкин поднялся на второй этаж, и игриво хлопнув рукой по заднице молодой, вставшей при его виде, секретарше, по-хозяйски зашёл в помещение городского прокурора.

– А, Лев Борисович! – приветливо улыбнулся, увидев его, пожилой мужчина с прокурорскими звёздами на форменном кителе, – Заходите, заходите, мы всегда рады вам.

По-хозяйски расположившись в кресле напротив прокурора, предприниматель улыбнулся: – Вы знаете, уважаемый Александр Борисович, мои маленькие проблемки по сдаче дома, знаете, что на меня сыплются грязные кляузы по качеству строительства дома? В этом, так сказать дельце, мне нужна и ваша помощь!

Прокурор города Рысев Александр Борисович приветливо кивнул головой: – Не беспокойтесь, Лев Борисович, ваши проблемы решаемы, не впервой!

Открыто, не таясь, предприниматель подал большой конверт с деньгами прокурору, который он взял, коротко поблагодарив Цыпкина: – Всё будет хорошо, прикрою вас и на этот раз!

Проводив предпринимателя до дверей, прокурор встал у старого трюмо, где поглядывая в зеркало, причёсал свои волосы.

...На смотрящего в своё отражение зеркало поглядывал ужасный зверь и довольно улыбался...

Поднявшись на третий этаж, Цыпкин, уверенно миновав секретаршу, зашёл в кабинет председателя федерального суда Зайцева Виктора Борисовича.

– Заходите, заходите, присаживайтесь, – жизнерадостно встретил Цыпкина председатель суда, – наслышан о ваших небольших проблемах.

– Да, слухи бегут впереди меня, – усмехнулся предприниматель, – и насколько серьёзны мои проблемы?

– Ерунда, – заверил его Зайцев, – как всегда, все ваши проблемы решаемы...

– Так давайте же решим их и на этот раз, – не дрогнувшей рукой предприниматель подсунул деньги в конверте председателю суда, – ведь не впервой же!

– Не впервой! – согласился с ним Зайцев, и взяв деньги, небрежно положил их в ящик служебного стола, – премного благодарны вам, Лев Борисович!

– Спасибо вам, – встал со своего места Цыпкин, – всегда приятно иметь дело с умными людьми.

С этими словами предприниматель вышел из кабинета председателя суда.

Довольный Зайцев посмотрел на себя в зеркало, да всё у него хорошо!

...На смотрящего в своё отражение зеркало поглядывал страшный зверь, на голове которого шевелились ядовитые змеи и яростно шипели...

Жизнь в Согдинске шла своим чередом.

Правда вот в последнее время, в городке стали исчезать и пропадать люди, в основном несовершеннолетние школьницы, и в городе, обрастая слухами, распространилась весть о страшном нелюде-маньяке, который крадёт и убивает детишек. Именно об этом думала и болела сейчас голова у старшего оперативного уполномоченного уголовного розыска капитана полиции Василия Петровича Куликова. Маньяк, не маньяк, но то, что двое шестнадцатилетних школьниц бесследно исчезли в их городке, это был непреложный факт. Равно, как и то, что до сих пор их тела не были найдены.

Размышления капитана прервал телефонный звонок внутренней связи в его кабинете.

– Василий Петрович, – капитан Куликов узнал в трубке голос молодого дежурного Козлова, – собирайтесь на выезд, у нас опять потеряшка!

Получив в дежурной части адрес заявителя, Куликов вместе с ребятами следственно-оперативной группы выехал на дежурном УАЗе к месту происшествия.

Весь Согдинск был осыпан разлетающимся на ветру яблоневым цветом от множества яблонь, высаженных в городке в своё время, и дежурная машина, пробирающаяся по узким улочкам, белела, как от снега, сброшенной отцветающей красотой. Прибыв по адресу улица Гоголя, дом 73, опергруппу встретила у одноэтажного деревянного дома заплаканная пожилая женщина: – У меня пропала дочь, Маша, 16 лет!

Выяснив все детали, предшествующие таинственному исчезновению школьницы, Куликов установил, что запропала Мария Доронина, возвращаясь поздним вечером от своей подруги домой. Выхав к её подруге, дотошный опер установил все обстоятельства исчезновения.

– Скажи мне, Виктория, – в очередной раз «пытал» он подругу Маши Викторию Соловьёву, – в котором часу Мария вышла из твоего дома?

– Ну, я точно не помню, – осторожничала в своём ответе подруга-одноклассница потеряшки, – примерно около 10 вечера, или чуть позднее, уже начинало темнеть.

– Скажи мне, – настороженно смотрел на юную девушку сыщик, – ты кого-нибудь подозреваешь в её исчезновении?

– Ой, да кого? – с удивлением смотрела на розысника Соловьёва, – Никого я не подозреваю!

– Скажи, Виктория, – не отставал от неё неугомонный Куликов, – были у неё враги, недоброжелатели?

– У Машки-то? – грустно улыбнулась ему Виктория, – Да какие у неё могут быть враги? Обычная девчонка, как и все...

В дом вошли эксперт-криминалист, участковый инспектор и инспектор-кинолог.

– Ну как у вас дела? – с надеждой спросил коллег по следственно-оперативной группе розысник, – Есть что-нибудь?

– Нет, ни следа, ни единой зацепочки, – не порадовали сыщика работники опергруппы.

– Так, ребята, – вмешался в разговор старший следователь Петров, – я по месту жительства и здесь все протоколы оформил, просьба продолжить установку свидетелей с проведением подомового обхода жильцов данных улиц.

– Это мы и делаем, – посмотрел на следака опер, – всё равно все материалы на розыскное дело начальник отпишет мне, поэтому не сомневайся, делаем всё на совесть!

– Да я и не сомневаюсь, – пожал плечами Петров, – просто знаю, что эта потеряшка уже не первая в Согдинске, городок кипит, надо шевелиться быстрее!

– Так мы и шевелимся, – заверил следователя сыщик, и с этими словами оперативники вышли из дома, исполняя свою рутинную работу.

Проведя около часа на подомовом обходе и не обнаружив ни реальных свидетелей исчезновения, ни вообще чего-либо стоящего по данному делу, работники следственно-оперативной группы были отозваны дежурным по отделу на заброшенный пустырь в перелеске за городом, где со слов дежурного обнаружены части человеческих тел.

В полном составе под поющую музыку сигнально-громкоговорящего устройства полицейской сирены и проблесковых маячков, группа выехала на место происшествия, благо и располагалось-то оно буквально в 10 минутах езды от города.

Прибыв на место, они заметили местного жителя Фрола Кузьмича Петренко, который, увидев их машину, останавливал полицейских поднятой рукой.

– Так, это вы вызывали? – выйдя из машины, обратился к Петренко сыщик Куликов, – Показывайте, что и где вы нашли.

– Да я их буквально случайно нашёл, – словно бы оправдываясь, залепетал пожилой мужчина, явно находившийся в состоянии шока, – проходя мимо, отошёл по малой нужде к пустырю, а там... Впрочем, идите, смотрите сами...

Петренко уверенно повёл их на заброшенный пустырь, густо заросший травой перелеска. Увиденное заставило содрогнуться видавшего виды Куликова, как и всех его коллег по опергруппе: под разлапистой елью валялись расчленённые и распотрошённые, словно чудовищным зверем, тела его разыскиваемых потеряшек, всех троих.

Вид их был ужасающ: руки и ноги валялись вперемешку, три человеческих туловища, бесстыдно обнажённых, лежали тут же. То, что это были юные девушки, розыскник понял, лишь разглядев в груди мяса, распотрошённые женские груди.

Кроме этого, у всех трёх тел отсутствовали головы!

В воздухе отвратительно пахло разлагающейся человеческой плотью.

– Вот что, Куликов, – обратился к сыщику следователь отдела полиции, – связывайся по рации с отделом, пусть следователь прокуратуры подъезжает, это не наша юрисдикция – здесь убийство!

Послушно кивнув головой в ответ, розыскник из салона служебной машины, стоящей рядом, по радиостанции связался с дежурным, подтвердив страшную находку на пустыре, и затребовав выезд на место происшествия следака городской прокуратуры...

На следующий день, хоть и неприметно городок Согдинск буквально кипел: как снежным комом, обрастая всё новыми и новыми фантастическими подробностями, расширялся слух о согдинском звере-маньяке.

На планёрке в городском отделе начальник объявил о режиме всеобщего усиления и постоянных ночных де-

журств работников всех служб от подразделения профилактики правонарушений несовершеннолетних до уголовного розыска!

– Так! – сурово обращался полковник к своим подчинённым, – Пока не поймаете звероманьяка, соделавшее такое с детьми, ни один сотрудник ни одной службы не уйдёт ни в отпуск, ни на выходной! По розыску зверя приказываю вывести на улицы города сто процентов личного состава отдела и весь служебный транспорт полиции! Мне уже сам мэр звонит по этому поводу! Обстановка в городе – хуже некуда! Родители своих детей в школу и в гости боятся отпускать! И это где?! В нашем тихом провинциальном Согдинске!

В зале стояла настороженная и угрюмая тишина.

– Как хотите, – сердито продолжал начальник, – чтобы мне этот нелюдь был пойман в самые кратчайшие сроки!

В ответ на его слова среди сотрудников пронёсся гул удивления и возмущения.

– Начальник розыска! – поднял с места полковник начальника ОУР майора Тимофеева, – Хватит бить баклуши, Леонид Сергеевич! Вы чем там у себя занимаетесь?! У вас пропавших детей убивают! Это вам не Голливуд! Что, звёздочки на погонах жмут?! Смотрите, всех оперов бросить на раскрытие!

– Будет исполнено! – коротко согласился вставший майор, – Приложим все усилия, товарищ полковник, зверя обязательно найдём!

– Не сомневаюсь, садитесь! – сухо посмотрел на начальника розыскников полковник, и продолжил, – Начальник по работе с несовершеннолетними! Вы подтверждаете информацию, что все погибшие были на вашем учёте?

– Так точно! – встав, отрапортовала начальник службы капитан Морозова, – Все состояли на учёте как гу-

ляющие хулиганистые девчонки! Наглые, до обурения! Сама бы убила!

– Есть ли в этом связь? – спросил настороженно, неодобрительно посмотрев на неё начальник, – Как вы считаете?

– Не могу знать, – доложила капитан Морозова, – но в качестве версии проверить необходимо! Они вполне могли бы подсесть к кому-либо в машину по причине своего, мягко говоря, лёгкого нрава и поведения!

– Проверяйте! – приказал полковник и продолжил, – Приказываю в вечернее и ночное время досматривать весь автотранспорт, за исключением нашего служебного и высшего руководства города! Руководителям оперативных служб дополнительно провести служебные планёрки и совещания по розыску!

Вслед за общей планёркой прошла планёрка сотрудников уголовного розыска, участковых и подразделения по работе с несовершеннолетними.

В кабинете начальника ОУР вёл совещание сам начальник розыскников майор Тимофеев.

– Так, – обратился он к капитану Морозовой, – что у вас на погибших, Вера Сергеевна?

– Стандарт, – грустно улыбнулась моложавая ещё Морозова, – как всегда, Леонид Сергеевич: хулиганство, непотребное поведение и прочие цветочки...

– Товарищ капитан, – официально так обратился к ней майор, – даю задание на проверку всех связей погибших подучётниц. Совместно с участковой службой отработать полностью весь круг их общения, кроме этого, проверить всех подучётных девочек по вашей линии! И самое главное – постарайтесь установить возможную машину, на которой могли подвезти погибших детей!

– Исполним, – согласно кивнули головами начальники подразделений, – все сотрудники будут задействованы в розыске!

– Куликов! – посмотрел на опера майор, – Василий Петрович! Коли ты у нас главный по всем потеряшкам, тебе и флаг в руки! Дуй сейчас в морг и к психиатру, устанавливай детали и почерк маньяка!

– Есть вопросы? – посмотрел на всех майор, вставая, – Нет вопросов! К работе, товарищи офицеры!

Выезжая от отдела на служебной машине ОУР, Куликов понимал, что до наступления вечера он ещё успеет опросить городского судмедэксперта бюро судебно-медицинской экспертизы и местного психиатра.

– Ну, что вам сказать, Василий Петрович, – посматривал на опера судмедэксперт, – потеряшки – да, ваши, те самые шестнадцатилетние девушки...

– Уточните ещё раз причину смерти, – просил сыщик, – подробнее, пожалуйста.

– Хорошо, – соглашался паталогоанатом, – у всех троих смерть наступила в следствии удара шилом в область сердца, впрочем, это могла быть и спица, смерть наступила у всех мгновенно... По расчленению могу вам со стопроцентной уверенностью доложить, что в качестве рубящего орудия использовался топор. Да, именно топор. Время смерти каждой я отразил для вас в акте судмедэкспертизы. Каких-либо иных следов, указывающих на преступника, не имеется.

– Скажите, – интересовался розыскник, – было ли изнасилование жертв?

– Нет, – уверенно ответил судебный медик, – я это отразил в акте экспертизы, ничто не указывает, что перед смертью девушки вступали с кем-либо в интимные отношения. Впрочем, и девственницами они тоже не были...

Паталогоанатом достал сигареты и нервно закурил.

– Кстати, – спросил медик, – головы погибших не нашли?

– Нет, – с огорчением покачал головой сыщик, – их мы не нашли...

– Жаль, – посмотрел на него судмедэксперт, – они бы могли многое прояснить по этому делу.

– Найдём, – заверил «пата» Куликов, выходя из его кабинета, – обязательно найдём!

Посмотрев на часы, сыщик понял, что успевает ещё попасть на заканчивающийся вечерний приём городского психиатра Тимофеевой Ольги Сергеевны, кстати, жены начальника уголовного розыска.

– Здравствуйте, Ольга Сергеевна! – заходя, приветливо поздоровался с симпатичной, голубоглазой, сорокалетней брюнеткой, Куликов, – Я вам не помешал?

– Нет, что вы, проходите, у меня приём закончен уже, – добродушно пригласила его врач-психиатр, – присаживайтесь, пожалуйста.

Присев, вкратце Куликов рассказал о цели своего прихода, при этом попросив уточнить возможные характеристики преступника.

– Не буду вдаваться в медицинскую терминологию, Василий Петрович, – улыбнулась хорошо поставленной улыбкой медика Тимофеева, – как минимум, у вашего клиента усматривается садизм и жестокость, граничащая с раздвоением личности, это болезнь! Впрочем, мне надо осмотреть самого пациента, который страдает этим, но как я понимаю, ваш преступник ещё не пойман.

– Не пойман, Ольга Сергеевна, – посмотрел на психиатра сыщик, – нам нужна хотя бы самая маленькая ниточка, которая могла бы привести нас к нему! И ещё один вопрос, отдаёт ли он отчёт в своих действиях, понимает ли что творит?

– О, психика это тонкая штука! – заулыбалась врач, – Есть такие состояния, когда человек не понимает, что делает, а сделав дело, наутро не помнит, что делал вечером или ночью! Это такого рода чудовищное расщепление и раздвоение сознания, при всей своей редкости, эта форма заболевания, увы, существует.

– Неужели такое возможно? – удивился сыщик.

– Да, – ответила ему психиатр, – и не такое возможно, как говорится, это из вашей оперы, когда преступник не осознавал своих действий и не руководил ими, поэтому, говоря языком психиатра, вряд ли ваш клиент, будет признан вменяемым и подлежащим суду и наказанию!

– Прошу вас, – подавая заранее подготовленный официальный запрос от отдела в руки врачу, попросил Куликов, – подготовить и составить для нас список всех особо опасных психически больных, склонных к совершению подобных действий. Сами понимаете, имеющийся список в отделе, давно не корректировался.

– Хорошо, мы поможем вам, – согласилась с ним врач-психиатр и попросила, – скоро вечереет, чтобы не волновался мой муж – ваш начальник, подвезите меня, пожалуйста, до дому, а то, честно говоря, мне самой неприятно и страшно идти одной по вечерним улицам. Вы знаете, какие страшные слухи ползут по городу! Мне даже муж, когда не может встретить сам, свою служебную полицейскую машину даёт, лишь бы я одна не ходила по вечерам!

– Хорошо, подвезу, – послушно согласился сыщик, – как и ваш муж, я своей жене тоже служебную машину даю, когда сам не могу её подвезти.

После чего они вышли из больницы и Куликов подвёз до дома жену своего начальника.

Прибыв уже вечером в отдел, Куликов уединился в своём кабинете, работая по служебным материалам...

...На смотрящего в своё отражение в зеркало, как всегда, смотрел страшный зверь, с которым смотрящий был един, и поэтому зверь был не только в зеркале, но и в самом смотрящем...

В этот раз жажда убийства овладела зверем вновь. Жадно облизав свои губы, потрошитель завёл машину и отправился на вечернюю охоту.

Как всегда, проезжая вечерний город, зверь подивился, сколько много полицейских охраняло порядок на улицах города. Чудовище презрительно усмехнулось, когда выехав из города его машину остановила размахивавшая руками стоящая у обочины школьница в фриловольно короткой юбчонке и блузке, зазывно и соблазнительно открывавшей её юные женские прелести.

– Проститутка, прелюбодейка, – как приговор, произнесло существо, сидящее за рулём, подтормаживающее машину у голосующей шестнадцатилетней школьницы.

Переднюю дверь машины с усилием открыла сама школьница: – Подвезите меня, пожалуйста, если вам по пути, тут недалеко.

– Конечно, подвезу, – плотоядно улыбнулось чудовище и, выждав, когда школьница села на сиденье, точным, выверенным движением, вогнало спицу ей глубоко в сердце, – не волнуйся, дорогая, на наше место приедем без опозданий!

Школьница, дёргаясь в предсмертных конвульсиях, в ужасе посмотрела в глаза зверю, не увидев в них ничего, кроме чернеющей пустоты. Дёрнувшись всем телом ещё раз, девушка умерла.

– Жаль, – искренне пожалел зверь, – рубить вас живыми интереснее!

Приехав на свой знакомый пустырь, зверь безжалостно отрубил большим заточенным топором, валявшимся в машине, руки и ноги девушки. С каким-то особым вожделением вспорол ей живот, доставая внутренности, затем, махнув топором, одним ударом отрубил бедняжке голову, и как охотничий трофей унёс к себе в машину.

Фыркнув, как голодная пантера, двигателем, машина зверя отъехала от пустыря и скрылась в наступающей тьме ночи нового дня.

Прикемарившего в своём кабинете после ночного автодежурства в городе сыщика Куликова разбудил зашедший дежурный: – Вставай, Василий Петрович, очередная потеряшка у тебя.

– Что случилось? – встряхиваясь от короткого сна, переспросил Куликов, – Кто пропал и где?

– Звонила Будилова Светлана Владимировна, – тускло и буднично отрапортовал дежурный, – у неё дочь не вернулась домой!

– Да, не было печали, – окончательно проснулся розыскник, – надеюсь, что её дочь всё-таки жива. А где заявитель?

– Уже в отделе, тебя ждёт, – сумрачно сказал дежурный и позвал, – заходите, Светлана Владимировна!

В кабинет уголовного розыска зашла плачущая молодая женщина.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – Куликов сочувственно показал на стул вошедшей, – кто у вас пропал и когда?

– Моя дочь, Будилова Катя, 16 лет, не пришла из гостей от подруги, к её знакомой мы уже ездили, она пояснила, что Катерина давно ушла от них, это же подтвердили и её родители.

– Успокойтесь, Светлана Владимировна, – посерьезнел сыщик, – не расстраивайтесь раньше времени.

Приняв от Будиловой заявление, опросив её, заполнив бланки протокола о без вести пропавшей и опознавательную карту на потеряшку, Куликов собрал опергруппу, и уже хотел ехать осматривать дом пропавшей, как вдруг страшная догадка молнией мелькнула в его голове. Вместо дома потеряшки дежурный УАЗ напра-

вился к уже знакомому пустырю, у которого, увы, никто не догадался и не удосужился выставить охрану. Подъехав к пустырю и попросив всех находится на месте, сыщик вышел из машины и уверенно, словно зная наверняка, пошёл к месту предыдущего нахождения страшных находок.

Увы, и в этот раз оперативное чутьё не подвело Куликова: в том же самом месте, под той же самой одинокой разлапистой елью, валялись останки расчленённого человеческого тела. Присмотревшись, розыскник уверенно опознал по многим приметам в найденной погибшей девушке пропавшую Катю Будилову.

Как и у предыдущих жертв, у убитой отсутствовала голова, словно бы неуловимый безжалостный охотник собирал свою чудовищную коллекцию жертв!

Проявив милосердие и успокоив заявительницу, пошептавшись с опергруппой, Куликов отправил заявительницу к себе домой на служебной машине, а сам остался ждать группу со следователем прокуратуры на месте происшествия.

Наутро на общей планёрке начальник отдела полковник Медведев устроил показательный разнос всему личному составу.

– Ну что, дармоеды?! – грозно вопрошал он, – Весь город перекрыт, а убийца у вас под носом творит свои чёрные дела. Вы что все, офонарели?! Мне уже звонили с области, с управления МВД и прокуратуры, всем объявляю своё неудовольствие и устное замечание! Начальники служб, встать!

В актовом зале уныло встали все начальники служб и подразделений от ГИБДД до уголовного розыска.

– Ваши подчинённые, что – спят на постах? – устроил им жёсткий разнос полковник, – Ночной автотранспорт и граждане досматриваются, проверяются?

– Так точно, досматриваются, – от имени всех доложил начальник ГИБДД, – как и все проходящие граждане, досматривается весь проходящий транспорт в вечернее, ночное и утреннее время, за исключением служебного транспорта отдела и высших руководящих лиц города!

– Ладно, – махнул рукой начальник отдела, – садитесь! Прошу уяснить всех, что мало нам не покажется, если ЧП произойдёт вновь! В городе слухи о втором чикатило уже ползут! Вам что, проверку из МВД хочется?! Приказываю всему личному составу: удвоить, утроить усилия по поимке нелюдя!

После чего полковник Медведев отпустил весь личный состав отдела на работу по розыску так некстати объявившегося в Согдинске серийного убийцы. Получивший очередной разнос от руководства, опер Куликов самолично учинил допрос с «пристрастием» всем суточным нарядам полиции, дежурившим в эти тревожные дни и ночи.

– Ну за кого вы нас держите?! – обиженно смотрели на него сотрудники, – никто из нас не спал и не филонил! Понятка же есть, что в любой момент зверь может убить и наших близких!

– Ещё раз спрашиваю, – сурово смотрел Куликов на собравших по этому случаю всех дежуривших постовых и офицеров, – весь ли автотранспорт и люди проверялись, особенно в вечернее и ночное время?

– Все проверялись, все, – обиженно встали со своих мест также приглашённые начальники служб, – у нас подробные рапорта от сотрудников о проверке машин и граждан. Не проверялись только по приказу начальника полиции авто руководства города и техника отдела полиции!

– Хорошо, хорошо, – успокаивающе поднял руку Куликов, – все свободны, товарищи! Просьба всё-таки быть повнимательнее!

Смотря на расходящихся сотрудников, оперативник задумался: всё это усиление нарядов не даёт действенных результатов, нет, что-то здесь не так! Но что именно? Опер хмурился, размышляя. Весь круг знакомых и близких убиенных потеряшек проверен и перепроверен не по одному разу, но зверь продолжает убивать, значит где-то был прокол, допущена непростительная служебная ошибка! Зачем начальник дал команду о том, чтобы не проверять транспорт руководства, зачем?

Как виделось розыскнику, проверять необходимо было всех, чтобы отмести любые подозрения от кого либо. И ещё понимал Куликов, ясно так понимал, что маньяк может продолжить свои злодеяния, а место, где он мог ночью появиться наверняка со своей очередной жертвой, и был заброшенный пустырь, на котором, увы, не догадались выставить полицейскую засаду.

Приняв своё решение, получив в дежурной части закреплённый за ним «АКС-74у» – автомат Калашникова десантного типа со складывающимся прикладом и укороченным стволом, и не уведомив о своих действиях абсолютно никого, оставив свою служебную машину с мигалкой своей жене, за которую он боялся и переживал, Куликов на своей личной машине выехал в район пустыря. Уже по наступающей тьме вечера, он приехал к месту своей ночной засады. Как следует замаскировав свою «девятку», оперативник с автоматом занял огневую позицию недалеко от разлапистой ели, где зверь расправляется с телами своих жертв.

Несмотря на майское тепло, залёгшему в кустах капитану, было как-то неуютно и холодно. Какой-то тянущий, зыбкий, колющий страх охватывал нашего оперативника. Где-то пронзительно вскрикнула вечерняя птица, совсем близко от него вроде бы хрустнула ветка. Опер напряжённо вглядывался в стремительно наступающую мглу.

Нет никого, показалось. Куликов с облегчением вздохнул, пытаясь успокоить сердце, едва ли не выпрыгивавшее из груди отважного полицейского.

Над пустырём зависла звенящая и пронзительная кладбищенская тишина...

На город стремительно напал очередной вечер, подгоняющий за собой кошмар новой тревожной ночи. Весь город Согдинск, пропитанный флюидами панического страха, жил в ощущении абсолютного ужаса и понимания, что для кого-то из сограждан завтрашний день может не наступить никогда.

Улицы города обезлюдели: даже днём, при свете заботливо улыбающегося солнца, согдинцы боялись отправить в школу своих детей. А по вечерам, поддерживая негласно введённый комендантский час, по улицам расхаживали, охраняя покой граждан, усиленные вооружённые патрули полиции, которые бдительно проверяли документы у всех незнакомых граждан и досматривали все проезжающие автомашины.

...На смотрящего в своё отражение в зеркале, как обычно, смотрел дикий зверь, почувствовавший вновь неодолимую жажду крови.

В сгущающейся темноте чудовище привычно село за руль автомашины и поехало по ночным улицам города, выискивая очередную жертву.

Но улицы города встретили зверя пугающей пустотой: абсолютно никого в тиши замершего в испуге городка не было, за исключением то и дело попадавших на глаза усиленных нарядов полиции. Зверь разочарованно развернул свою машину – никого!

Под его ногами, также как и он, жаждал крови заточенный топор. Внезапно чудовище улыбнулось: в одном из частных домов его призывно манил, как бабочку на огонь, включённый электрический свет. Зверь, тормоз-

нув машину и спрятав в одежде топор и спицу, кровожадно улыбнувшись, пошёл на так зазывно манящий свет.

Находящийся у себя дома с семьёй пенсионер Гурков Иван Станиславович, смотрел по телевизору увлекательный боевик. Было уже поздно. Жена посапывала на кровати, видя уже второй сон. В детской комнате на своих кроватках спали двое малолетних внучат, а у печки добродушно мурлыкала кошка Дуся. В уличные двери внезапно кто-то коротко постучал.

– Иду, иду, – кряхтя, поднялся старик Гурков.

При этом старый пенсионер был отнюдь не дурак, и тревожные известия о местном маньяке конечно же знал. Поэтому, старый охотник взял заботливо приготовленное и стоящее у телевизора двуствольное охотничье ружьё, снаряжённое убойной картечью, и пошёл открывать дверь.

Открыв двери с ружьём наизготовку и увидев зверя, удивился: – А, это вы? Не ожидал вас...

При этом отложил в извинительном жесте своё ружьё в сторону, приглашая зверя зайти в дом. Заходя в дом, кипя жаждой крови и предвкушая наслаждение самим фактом убийства, зверь безжалостно вогнал прямо в сердце старика спицу, моментально лишая его жизни, и, ухмыльнувшись в кровожадном оскале, прошёл в жилую комнату.

Увидев спящую жену Гуркова, чудовище, улыбаясь томной сладострастной улыбкой, вогнало ей спицу в сердце. Бедная женщина умерла прямо во сне.

Завидев спящих, как ангелочки, внуков пенсионеров Гурковых, зверь довольно ухмыльнулся, доставая заточенный топор.

В каком-то упоении кровавой вакханалии чудовище мгновенно отрубило головы так и не успевшим проснуться малышам, затем сбросило их тела на пол, безжалостно рубя их топором и заливая дощатый пол лужами крови. После чего то же самое зверь проделал с телами

стариков-пенсионеров. Заметив в прихожей на тумбочке большой чёрный полиэтиленовый пакет, чудовище запихнуло головы погибших туда, как свою охотничью добычу, и зарычало, почувствовав полное удовлетворение от содеянного им.

Затем, уходя, чудовище подожгло дом, и ещё раз сумрачно по-звериному улыбнувшись, отъехало от дома на своей машине.

Спустя полчаса, по факту возгорания и пожара частного дома Гурковых, поступил вызов в дежурную часть отдела и пожарную охрану. Прибывшие на вызов огнеборцы довольно быстро справились с огнём, и подъехавшие работники опергруппы с заранее вызванным следователем прокуратуры, с ужасом констатировали факт, что в данном случае имел место не просто пожар, а групповое, массовое убийство, при котором у погибших вновь отсутствовали головы! Был чётко виден почерк согдинского маньяка-убийцы!

На следующее утро планёрку в отделе уже проводило руководство управления МВД и прокуратуры области. На всех руководящих сотрудников отдела были наложены служебные взыскания.

Это ещё ничего, потому что в этот день в городе планировалось грандиозное мероприятие – сдача девятиэтажного жилого дома и одновременное заселение его жильцами!

Планировался и приезд в город самого губернатора! Впрочем, приемка дома прошла без сучка и задоринки, благо все акты были согласованы и подписаны заранее, даже мебель и всё имущество жильцов находилось уже в квартирах построенного дома! Всё это делалось по той простой причине, что очень хотелось местной «элите» покрасоваться перед губернатором, что кроме торжественной приёмки дома, произошло одновременно и вселение жильцов!

Прибывший губернатор под кино– и фотосъёмку местного и областного телевидения торжественно разрезал ленточку, и мэр Согдинска подобострастно согнувшись в поклоне перед областным начальником, дал команду столпившимся согдинцам заходить в свои заранее занятые и даже немного обжитые квартиры. Через 10 минут улица перед домом была пуста. Горожане-жильцы и просто любопытствующие зашли в новостройку.

Стоя не так далеко от дома перед накрытыми на улице праздничными столами для областного и городского начальства, мэр Велесов, открыв бутылку шампанского и налив губернатору, себе, предпринимателю Цыпкину, строившему этот дом, прокурору, председателю суда и начальнику отдела полиции, произнёс торжественный тост.

– Дорогие и уважаемые господа! – при этом он покосился на собравшихся и продолжил свой тост, – Мы все собрались перед этим великолепным домом, чтобы отметить знаменательное событие – приёмку первого в городе многоэтажного дома и его заселение! Я должен сказать спасибо губернатору, правительству области, руководителям города и района, а особенно нашему главному строителю Льву Борисовичу Цыпкину за его прекрасно сделанную работу...

На этих словах, прервавших дальнейшую хвалебную речь, по всему дому прошла трещина и без шума, как в страшной замедленной съёмке, дом осел, и в этом жутком молчании развалился весь, как карточный домик.

Приглашённые остолбенели, нелепо держа в своих руках красивые красные бокалы с празднично переливавшимся внутри их шампанским, которое по цвету стекла напоминало жидкую пузырящуюся кровь.

На следующий день Согдинск не напоминал уже тихий сонный спящий провинциальный городок.

В городе работало, кроме областного, центральное телевидение. Все отделы и службы города проверяла компетентная специальная комиссия из Москвы, срочно созданная и направленная в Согдинск по факту массовой гибели людей в новостройке.

Никто даже и не вспоминал про согдинского маньяка, куда ему до местных чинуш! Московская прокуратура и следователи МВД накопили столько такого, что руководство городка было отстранено от занимаемых должностей.

В городе и области был объявлен трёхдневный траур, поговаривали, что такой же траур будет объявлен и по всей стране.

Исполняющий обязанности начальника отдела полиции майор Трофимов, назначенный вместо отстранённого полковника Медведева, вызвал к себе старшего опера Куликова и ещё раз поздравив его с назначением на должность начальника ОУР попросил: – Не в службу, а в дружбу, съезди, пожалуйста, Василий Петрович, на моей старой служебной машине с женой Ольгой Сергеевной до моей дачи! Увезите туда кой-какие припасы да электроотопление в доме включите. К приезду завтрашних гостей по случаю моего назначения дом должен быть тёплым и прогретым. Сам понимаешь, Ольгу я одну боюсь туда отправить, нелюдь-то до сих пор на свободе! Ну а под твоей охраной пусть едет, ты не против?

Конечно Куликов был не против, ещё бы, попробуй откажи, хоть и знакомому, но всё-таки начальнику отдела. Да и жена Трофимова, Ольга Сергеевна, давно чисто по-человечески нравилась сыщику. Поэтому, заведя служебную машину, начальник угрозыска, выехал от отдела и поехал за Трофимовой. По дороге его служебной машине привычно отдавали честь постовые. Взяв на борт

жену начальника отдела, он повёз её к ней на дачу, благо она была в 10 минутах езды от города.

По дороге Ольга Сергеевна мило щебетала, приглашая Куликова на завтрашнее празднество. Приехав на дачу, Трофимова открыла дом, попеняв себе, что давно не была здесь и, попросив капитана занести мясо для праздника в дачный холодильник, пошла включать электроэнергию в доме.

Зайдя в дом с пакетами мяса в руках, и подходя к холодильнику, розыскник открыл его и остолбенел: со всех отделений на него посматривали, жутко поглядывая пустыми глазницами все восемь голов ранее убитых людей!!!

В какой-то момент сыщик едва не сошёл с ума, присмотревшись, он увидел на низу холодильника заточенный топор и спицу с запёкшимися бурыми пятнами крови.

Резко обернувшись, он увидел, как к нему подошла Ольга Сергеевна, которая непонимающе посмотрела на него, затем случайно посмотрев в большое зеркало в старинном деревянном обрамлении, дико закричала: на неё смотрел, радостно и кровожадно улыбаясь, тот самый страшный зверь, которого она видела всегда в своих ужасных ночных кошмарах.

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Повесть

*Я есмь корень и потомок Давида,
звезда светлая и утренняя.
Иисус Христос. Откровение –
Апокалипсис апостола Иоанна Богослова.*

*Всем павшим при исполнении служебного долга и
отдавшим душу свою за други своя
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Часть 1

Побег

Невелик город Согда, расположенный на севере Вологодской области.

И населением не блещет: всего-то тысяч пятьдесят, и предприятий немного, пара заводов по лесо– и деревоо-

бработке, хлебокомбинат, большая лесопилка, сеть магазинов – куда же без них, да вот, пожалуй, и всё.

Город со всех сторон окружала ещё нетронутая лесорубами голубовато-зелёная тайга, щедро дарящая горожанам и свежий воздух, и лесные фитонциды.

В трёх часах езды от города располагалось лесное озеро Белавинское, в окрестностях которого находился детский оздоровительный лагерь «Зорька», да вот, пожалуй, и все местные достопримечательности.

На дворе стоял июнь 2015 года, поэтому жили согдинцы весьма «интересно», впрочем, как и вся страна.

В центре города на улице Луговой находится Согдинский городской отдел внутренних дел, где и работает наш герой, старший участковый уполномоченный майор полиции Смелов.

Майор как майор, с рано поседевшей головой, кареглазый сорокапятилетний крепкий и коренастый мужчина с доброй улыбкой на лице и неизменным Знаком «Отличник милиции», поблёскивающим на груди тёмного полицейского кителя.

Впрочем, и сейчас, с утра пораньше торопился наш майор на общую планёрку всего личного состава ГОВД.

Ручеёк из сотрудников полиции, весело журча, перекатывая на ходу разные полицейские байки, стекался в актовый зал ГОВД, где сотрудники чинно рассаживаясь, занимали свои места.

– Товарищи офицеры! – встав, поднял личный состав с насиженных мест, подполковник Артамонов, как же, в актовый зал зашёл сам начальник ГОВД – полковник Севрюгин.

– Товарищи офицеры! – войдя, махнул приветственно так рукой начальник отдела, – Садитесь.

Заслушав суточную сводку дежурного помощника начальника отдела, где дежурный офицер отчитался

по всем происшествиям в городе и районе, полковник Севрюгин прервал своего подчинённого: – Так, спасибо и хватит, капитан!

Затем испытующе посмотрел на личный состав, собравшийся в актовом зале: – Ну что, товарищи офицеры! Есть важная ориентировка с соседнего района, все доста-ли ручки, записываем. Так, вчера ночью из исправитель-ной колонии в соседнем районе бежали, подняв бунт и убив четырнадцать охранников, тринадцать особо опас-ных заключённых. При побеге бандиты захватили три-надцать автоматов Калашникова, все ранее судимы по са-мым тяжким статьям: убийства, разбой, изнасилования, есть даже сбежавший людоед! Также имеется оператив-ная информация, что бандиты несут с собой «общак» с огромными суммами в долларах и в золоте!

Выдержав паузу, тяжело вздохнув, полковник зачит-тал всему личному составу наиподробнеешую ориенти-ровку с описанием на каждого из сбежавших бандитов.

– Но это ещё не всё! – сурово посмотрел на всех пол-ковник, – сами понимаете, соседи на ушах стоят, к ним подтягиваются ввиду особой важности чрезвычайного происшествия подразделения внутренних войск и даже спецназ ВДВ! Ввиду того, что зэки с автоматами ло-манули в леса, руководство области в тамошних лесах планирует провести широкие оперативно-розыскные мероприятия, с подключением наиболее подготовлен-ных сотрудников всех соседних городских и районных отделов!

В актовом зале в звенящей тиши шуршали своими служебными книжками офицеры, записывая ориенти-ровку.

– Так, всем начальникам подразделений и служб, со-гласно приказу начальника управления МВД области, – продолжал Севрюгин, – немедленно, ещё раз повторяю,

немедленно, прямо сейчас подготовить список личного состава, не менее пятидесяти процентов от каждой службы на направление в зону чрезвычайной ситуации!

В зале пронёсся ничем неприкрытый шум недовольства. На его волне, со своего места поднялся начальник службы участковых инспекторов, майор Караваев: – Товарищ полковник! Разрешите! Если я половину службы направлю к соседям, то кто будет перекрывать танцы и дискотеки на приближающихся выходных?!!

Его поддержал вставший с места командир роты ППС старший лейтенант Делягин: – В самом деле, товарищ полковник, представляете, на танцах не будет ни участковых, ни ППС! А если что случится?!!

– Отставить, товарищи офицеры! – жёстко прервал своих подчинённых начальник ГОВД, – Приказы генерала не обсуждаются, а подлежат исполнению! Всем службам от ППС до участковых, повторяю для особо одарённых, выделить пятьдесят процентов личного состава, вооружить, сбор направляемых к соседям сотрудников объявляю через три часа, здесь же! Направление будет осуществляться служебным транспортом отдела. Командировка рассчитана минимум на трое суток, с собой взять сухой паёк на эти дни, хотя, впрочем, может и затянуться командировочка. Пока не поймаете беглых, службу придётся нести там до победного конца! Во всей области, не только у соседей, объявлен режим усиления! Впрочем, общежитием и столовкой там вас обеспечат! Всё!

– Да! Чуть не забыл, – улыбнулся так полковник Севрюгин, – по линии УФСИН и УМВД области к нам на выходные на охрану правопорядка и на перекрытие танцулек выделены курсанты Вологодского института права и экономики, так что никто нас не бросал, о нас помнят. Это – реальная помощь! В основном там будут девчата, местные, город и молодёжь знают. На этом всё!

– Товарищи офицеры! – по команде руководства личный состав встал и неторопливо разошёлся по кабинетам служб и подразделений, обсуждая свалившуюся, как снег на голову, тревожную новость и задание.

На скорую руку проведённой в кабинете начальника участковых планёрке было решено, какие именно участковые инспектора поедут в командировку. Естественно, начальник службы постарался выбрать сотрудников по-моложе, да поздравее.

Просился было в командировку и наш герой, да куда там!

– Сиди на заду ровно, Владимир Андреевич, – с грубоватой улыбкой осадил его начальник, – ты у нас без пяти минут пенсионер, отвоевал своё, завтра на выходном с девочками из ВИПЭ на танцах дежурить будешь, да вызова обслуживать, вот твоя задача!

С начальством, как говорится, не поспоришь. Не стал спорить и наш герой.

Жизнь старшего участкового Смелова, достигшего-таки своего пенсионного полицейского рубежа – сорока пяти лет, была обычной, как у всех.

Красавица-жена Елена, всего-то на три года моложе его, да двое сыновей, грызущих гранит науки в учебных заведениях области.

Ранее была у Смелова и служба в элитном подразделении спецназа ВДВ, где он был обучен разным хитростям и премудростям военной науки, почитай мог обращаться с любым оружием, как нашим, так и стран НАТО, даже из трофейного оружия времён великой отечественной войны приходилось стрелять тогдашнему гвардии сержанту.

Отдежурив дневную смену, и мысленно прославив Бога за то, что не было вызовов и беготни по служебным материалам, Смелов привычно отзвонился жене: – За-

кончил смену, дорогая, по пути зайду к другу Владимиру Майорову.

Был Володя Майоров, самым что ни на есть настоящим другом у Владимира Смелова, раньше вместе служили и в армии и в милиции. Делили вместе все радости и невзгоды, выпадающие на нелёгком жизненном пути служивому человеку. Даже женились едва ли не одновременно, у Володи, в отличие от него, тоже родились в своё время двое детей, правда, девочек. Оба шутили, подгадывая, вот мол, растут невесты для сыновей Смелова. Были у Володи Майорова, как и у него, и травмы, и ранения при исполнении служебных обязанностей. При одном из задержаний получил его друг тяжёлое ранение, вследствие чего, по состоянию здоровья и вышел в отставку, в звании старшего прапорщика милиции.

Вот и сейчас, коротко позвонив в дверной звонок, участковый заходил в квартиру своего друга, как всегда незапертую.

– А, Володя! – заулыбался, встречая его в коридоре, старый друг, – Проходи, у нас и стол накрыт! Вовремя ты!

– Что так? – в ответ улыбнулся Смелов, – Приехал, что ли кто? Так вроде праздника нет, сегодня пятница, девятнадцатое июня.

– Бери выше, – как майская роза, расцвёл в улыбке Майоров, – не приехал, а приехали! Дочурки на побывку прибыли! Маша, Катя, выходите, смотрите, кто к нам пришёл!

Из своей девичьей комнаты вышли сёстры-близняшки, девятнадцатилетние Мария и Катерина Майоровы, студентки ВИПЭ.

Замечательно похорошели девицы за последние годы, их Смелов знал с самого их детства, приходилось даже нянчиться с ними, когда подменял в качестве «запасного папы» друга и его жену.

Мария, молодая прелестница, юная синеокая блондинка, чуть ниже среднего роста, с коротенькой полувоенной причёской, с приятно округлившимися остренькими девичьими грудками, оттопырившими домашний халатик. Ох, хороша, девка!

Не уступала ей и внезапно смутившаяся красавица Катерина, такая же синеокая, чуть повыше росточком, с небольшой русой косой, опускавшейся на очаровательные юные девичьи округлости.

Впрочем, смотрел на них Смелов, больше по-отечески, хотя и по-мужски отмечая женские достоинства дочерей друга.

– Здравствуйте, дядя Владимир! – едва ли не хором поприветствовали его юные прелестницы.

– Здравствуйте, здравствуйте! – поприветствовал сестёр Смелов, – Рассказывайте, как старушка-Вологда, жива ли? Как ваша учёба, товарищи курсанты?

– Всё нормально с Вологдой, дядя Владимир, жива, что с ней делается, – не без юмора, лихо так, отрапортовали сестрички, – и с учёбой у нас всё хорошо.

– Ну ладно, хватит вам трещать, – понарошку нахмурился Володя Майоров, – а ну живо руки мыть и за стол!

– Люся! – позвал свою жену Майоров, – Иди команду за столом!

Из комнаты вышла, поздоровавшись со Смеловым, Людмила Майорова, и приняла бразды правления, привычно поднося на праздничный стол салаты и закуски.

Стол и в самом деле был хорош: кроме салата оливье и селёдки под шубой, на скатерти щедро были расставлены ещё с десятков различных салатов и разносолов. Кроме этого хозяйственная Люся поставила на стол горяченькую отварную картошечку, щедро посыпанную укропчиком, куриные крылышки в медовом соусе и горячую томлёную печёнку в сметане. Ничего не скажешь, хозяй-

ственная и умелая жёнка у Майорова. Впрочем, жена Смелова, Елена, ничуть бы не уступила Людмиле пальму первенства в кулинарном мастерстве.

– Так, а теперь по маленькой, за приезд дочек, – открывал запотевшую бутылку «Пшеничной» Майоров, и щедро разливал водку по рюмкам, – как говорится, сам Бог велел!

– Хватит, хватит, – останавливал друга Смелов, – мне в субботу и воскресенье на дежурстве быть, да и танцы на дискотеке надо перекрывать!

– Дядя Володя! – радостно всплеснула руками Катерина, – Так это нас к вам отправили? Всех местных студентов ВИПЭ на выходные прикомандировали к ГОВД, дежурить по охране правопорядка и на танцах!

– Вот это номер! – не удержался Смелов, – Никогда бы не подумал, что дочери друга будут со мной служить!

– Мы к вам не одни придём, – вступила в разговор Мария, – в вашем ГОВД, кроме нас, на ваш административный участок выделены ещё курсантки Светлана Белицына и Оксана Лазарева, все местные!

– Детский сад! – заулыбался Майоров, – Целое отделение тебе на шею, Володя, сдюжишь?

– Запросто! – коротко улыбнулся участковый, – у меня шея крепкая!

– Кстати, – продолжил разговор Смелов, – вы хоть в курсе, что в соседнем районе зэки с автоматами сбежали, перебив охрану?

– Конечно, – поддержали разговор близняшки, – всё ВИПЭ гудит, многих преподавателей и парней-курсантов отправили туда в командировку!

– Ну и дела, – покачал головой Майоров, – до чего дожили, зэки с автоматами, едва ли не взводом убегают! Хорошо хоть не у нас это, а у соседей! Впрочем, в новостях по ящику я слышал, туда спецназ и десантников на-

правляют, по одному каналу передали, что туда легендарная группа «Альфа» вылетела из Москвы!

– Да не робей, Володя, – успокоил своего друга Смелов, – где мы, и где соседи? Там весь район едва ли не полком полиции и спецназа перекрыт, леса прочёсывают, ни одна мышь не выскользнет! А у нас что? Тишь да гладь, да танцы по выходным!

– Всё равно, Володя, – попросил его друг, – даже на танцах присмотри за моими девочками!

– Всё будет хорошо, – заверил своего друга участковый, – а сейчас вынужден откланяться, скоро на службу, да и дома дела ждут!

– На службу? – понимающе улыбнулся старый друг и сокрушённо покачал головой, – Служба – дело хорошее, правда вот как подумаешь что раньше была милиция, в которой служили мы с тобой трудовому народу, так и задумаешься поневоле – а что сейчас? Одно слово – полиция, как в старые времена, хорошо хоть не жандармерия!

– Ну ты хватанул, – не согласился с Майоровым Смелов и задумчиво посмотрел на него, – как нас не назови, а всё равно служим мы народу и закону, по крайней мере многие, кого я знаю! Надеюсь в их числе и я. Да, вот ещё что: очень надеюсь я на детей как на будущее наше, может они станут лучше нас и сделают то хорошее, что не смогли сделать мы.

– Ты это понятно, ясный перец, язви тебя холера, – усмехнулся Майоров и задумчиво посмотрел на друга, – но смотри, до какой свистопляски довели страну инсургенты эти! Ящик жутко смотреть, коррупция, насилие, деревни и малые города умирают, всюду повсеместный обман вся и всех, народ спивается от безнадёги! Да вот ещё и эки сбежали, как будто без них не было заботушки! Хотя всё цепляется одно за другое! А новые хозяева жизни?! Неужели сейчас таких наш брат охраняет?!

– Всяких охраняем, – кротко и спокойно ответил майор, – не скажу, что нравится мне всё это... Сам понимаю, несправедливо всё это и бессовестно! Но представь себе, это как бульон, суп, который варит домохозяйка. Так вот, в каждом супе бывает накипь, и добрая хозяйка, если она действительно добрая, убирает накипь и выбрасывает её вон из супа. А о себе скажу, если надо спасти, встану на защиту всякого, и не будет для меня разницы, кого убивают на улице, к каждому приду на помощь, потому что не будет для меня различия олигарх ты или рабочий с соседнего завода, человек он и есть человек, я так свой долг понимаю! Да и может изменится мною спасённый олигарх в лучшую сторону, задумается о многом, впрочем, кто знает?

– Старая школа, – улыбнулся его друг, – как говорится, опыт милицейской работы не пропьёшь и не потеряешь, как и совесть, потому что, братишка, мы с тобой помним о чести солдата правопорядка. Но вот помнят ли о ней сегодняшние дяди Стёпы и Анискины?

– Помнят, – заверил Майорова участковый, – а если кто и забыл, то есть кому напомнить и о долге и о чести! Так – лучше?!

– Лучше! – уважительно посмотрел на Владимира Майоров и понимающе улыбнулся.

– В таком случае разрешите откланяться, – приветливо улыбнулся Смелов, после чего встал и, попрощавшись с гостеприимными хозяевами, пошёл к себе домой, как же, надо готовиться к службе.

Придя домой, Смелов привычно поцеловал красавицу-жену Елену, и, отказавшись от ужина, благо ел у Майоровых, погладив любимого ротвейлера, стал приводить в своей комнате в порядок рабочую форму. После чего, разложив на столе служебные материалы, стал работать с ними.

В комнату зашли сыновья: – Папа, ты завтра с нами на рыбалку на Кубену едешь?

Участковый оторвался от своих бумаг и вздохнул: – Рад бы, но, увы, завтра и послезавтра дежурство, в отделе объявлено усиление, да и танцы надо перекрывать вечером.

– Жаль, – сказали дети и вышли, пожелав ему удачи на предстоящем дежурстве.

Тихо и скромно, по-северному, не торопясь, зашла его жена, Лена, которую он всегда всерьёз и с любовью называл Елена Прекрасная.

Подвезло Смелову с жёнкой!

И красавица: моложавая, не дашь больше тридцати на вид, грациозная и хрупкая, с русыми, цвета спелой пшеницы, волосами с запахом лесного разнотравья и большими ясными светло-зелёными глазами. Она являла собой, как бы некий символ завершённости и очарования, настоящей русской северной красоты. При этом великолепно готовила и справно управлялась с любым домашним делом.

Да, повезло Владимиру с женой!

Вот и сейчас, зайдя, она с любовью посмотрела на него: – Если захочешь, ужин готов, на плите.

– Спасибо, – поблагодарил жену Владимир, – у Майоровых сегодня отужинал. Да, дочки к нему на побывку из института приехали! Близняшки-очаровашки! Подросли, девоньки, и чего только сыновья на них не смотрят, а за другими бегают!

– Так ведь, каждому своё, – улыбнулась жена участкового, – вспомни себя в юности, вот тебя родители за другую сватали, а ты такой непослушный, на мне женился!

– Так не прогадал же! – подойдя к любимой, поцеловал её в лоб майор, улыбаясь, – Я прав?

– Да, не прогадал, – неотразимо так улыбнулась Елена, и попросила, как бы предчувствуя что-то, – ты бере-

ги себя на службе, пожалуйста. И зачем ты только в эту полицию пошёл? Уходил бы на пенсию! У тебя на лице написано, кто ты...

– Ну и кто? – с любопытством воззрел на жену Смелов.

– Кто, кто, – с иронией улыбнулась жена, – дядя Стёпа-милиционер ты, вот кто! Всех спасаешь и любишь, настоящий дяденька милиционер!

– Спасибо за сравнение, – рассмеялся Смелов, и, махнув жене рукой, приветливо так и с любовью махнув, участковый углубился в изучение своих материалов.

Двадцатое июня, в субботу, прибыв в ГОВД за получением табельного оружия – пистолета Макарова, на инструктаже, действительно, начальник участковых подвёл к нему четырёх молодых девиц, в ладно скроенной военной форме курсанток ВИПЭ, и с пилоточками на головах. Двоих из них наш герой уже знал: это были дочери его друга Майорова. Двое других курсанток, как и близняшки, подходя к нему, рапортовали, представляясь.

– Товарищ майор! Курсантка Белицына Светлана прибыла в ваше распоряжение! – это рыжеволосая деваха, озорно улыбнувшись и тряхнув своей девичьей чёлкой из-под пилотки, отрапортовала ему.

Другая, жгучая молодая брюнетка, также коротко представилась: – Товарищ майор! Курсантка Лазарева Оксана прибыла в ваше распоряжение!

Познакомившись с девчатами, вкратце рассказав о себе и, порасспросив о родителях подчинённых, майор успел составить собственное мнение о военных студентах. Та, смешливая, Белицына Светлана, так у неё отец довольно известный в городе предприниматель, и чего её в ВИПЭ потянуло!

Понятно дело, у Оксаны Лазаревой отца нет, одна мать, её путь понятен.

Не вызывали вопросов у Смелова и близняшки Майоровы, их отец, почитай, всю жизнь службе отдал, гены, понимаешь, работают!

Прибыв на административный участок, участковый зашёл с курсантками в свой опорный пункт, где принялся оформлять служебные материалы, благо не вызовов, ни происшествий на участке не было.

– Товарищ майор! – с девчачьим каким-то вызовом, улыбаясь, обратилась к нему рыжая Светлана Белицына, озорно подмигивая ему, – А вы женаты?

– Женат я, курсант Белицына, – сухо посмотрел на неё участковый, оторвавшись от кипы служебных бумаг, и дополнил, как бы упреждая смешливую курсантку, – и дети есть, и в доме всё хорошо!

– Перестань, Светка, – вступились за майора близняшки, – Владимир Андреевич не тот человек, чтобы с ним так шутить!

– Да ладно, – улыбнулся участковый, – пусть шутит.

– Кстати, скажи вот мне, – продолжил свою речь Смелов, – давно хотел спросить у вас, курсант Белицына, отец у вас известный предприниматель, любой ваш каприз в состоянии удовлетворить, а вы вместо гражданского вуза, в ВИПЭ махнули, это же не Гарвард и не Сорбонна!

– Конечно, ВИПЭ не Оксфорд! – перестала улыбаться рыжая, – Просто захотелось испытать себя, товарищ майор, что я стою сама, без папиных денег! Вот и поступила в ВИПЭ, по-честному, благо училась в школе хорошо! Да и родина моя здесь, а не в Англии, глядишь, и здесь пригожусь.

– Молодец, – скупно так похвалил Светлану майор, – все бы так думали и поступали из вашего сословия!

– Да вы не думайте, товарищ майор, – посмотрела на него чернявая Оксана Лазарева, – Светлана у нас больше на людях рисуется, а так она девушка хорошая.

Майор задумчиво посмотрел на курсантку Лазареву и привычно улыбнулся, кто бы ожидал, что у бойкой Белицыной окажется в защитниках скромняга-тихоня Лазарева: – Ну а вы как живёте-бываете, курсант Лазарева, чай трудно без отца?

– Трудно, Владимир Андреевич, – благодарно как-то посмотрела на него Оксана, – но с мамой уже привычные мы, жить-то надо. Отца-то практически и не помню я, во-все маленькой была, когда погиб он в автоаварии... Вот и поступила в ВИПЭ по батиным следам, он у нас тоже в органах юстиции служил...

Смелов уважительно посмотрел на говорящую: – Ты это, Оксана, молодец, что и говорить, правильно ты поступила, когда выбрала службу как и твой отец когда-то. Знавал я его раньше, правильный человек был твой батя, одно слово – настоящий!

– Спасибо на добром слове, – в карих глазах Оксаны мелькнули искорки, – и я вас помню, Владимир Андреевич, когда-то вы приходили к нам вместе с отцом, хоть и маленькая была, но вас я запомнила по милицеевской форме...

Майор сочувственно глянул на курсантку: – Давненько это было, а ты помнишь, хорошая у вас память, курсант Лазарева. Да, вот ещё что, будете дома, обязательно кланяйтесь и передавайте привет от меня с наилучшими пожеланиями вашей мамане.

– Обязательно передам, – благодарно ответила Лазарева и с уважением посмотрела на него, – а всё-таки я рада, когда выбрала ту же службу что и мой отец.

– Вот это лучше! – одобряюще кивнул ей майор и погрузился в изучение своих служебных материалов.

Короче говоря, отдежурили они на субботней дискотеке, и даже так подвезло им, что не только вызовов в этот день не было, даже ни одной мало-мальски значимой драки или хулиганства на танцах не произошло.

Проводив поздно ночью с перекрёстка разошедшуюся с танцев по домам молодёжь, участковый на своём служебном УАЗ-Хантер развёз по домам своих курсанток, попросив их не опаздывать на утренний воскресный инструктаж нарядов, заступающих на охрану правопорядка.

Заступив в воскресное утро двадцать первого июня на дежурство, майор ревниво осмотрел строй суточного наряда, построившегося перед зданием ГОВД, и улыбнулся: все его четыре курсантки стояли в общем строю, словно бы и не было субботнего дневного и ночного дежурства.

Как говорится, тишь да гладь, да божья благодать!

Как ни странно, ни вызовов, ни происшествий на участке не было.

Радостно предвкушая обед, который уже был не за горами, участковый даже радостно пообещал: – Вам в понедельник с утра на учёбу, так я вас всех к вечеру пораньше отпущу, а на дискотеке так и один отдежурю!

Но, увы, и ах! Привычно ожила и затрещала рация в салоне служебного Хантера: – Ноль седьмой, ноль седьмой! Ответь Согде!

Не торопясь, участковый ответил дежурной части: – Ноль седьмой на связи.

– Володя, – майор узнал знакомый голос дежурного Пименова, – с детского оздоровительного лагеря «Зорька» поступил вызов: запропали там, наверно пустились в побег, двое детей, съездите, разберитесь!

– Вас понял, – как всегда, подтвердил своё радиозадание майор, – исполняем, выезжаю в район исчезновения детей!

Стоит напомнить, что детский оздоровительный лагерь «Зорька» находился в лесу на берегу красивейшего озера Белавинское, в трёх часах езды от Согды. Об этом наш майор и рассказал своим подчинённым.

– А как же обед? – только и спросили девицы.

На что майор ответил: – Привыкайте к службе, девчата, а обед – будет, правда в «Зорьке», повара там хорошие.

Скомандовав и усадив своё девчачье отделение в УАЗ, майор, улыбнувшись летнему ласковому солнышку, завёл свой Хантер и не торопясь отъехал от опорного пункта.

Да, красив город Согда в июне!

Мимо проплывали городские многоэтажки, растворяясь в зелёной листве местных стариков-тополей, да радовала взор красавица-река, разделяющая город с двух сторон. На детских площадках привычно копошились дети, и душа радовалась, понимая, что жизнь прекрасна и удивительна, и ничего дурного в ней произойти не могло, потому что это было бы величайшей несправедливостью по отношению к самой жизни и тому тихому счастью, которое было в тот миг в душе майора.

Впрочем, проехавшись почти три часа по шоссе и свернув на российскую бездорожицу, петляя по лесным дорожкам, УАЗ въезжал на территорию детского лагеря «Зорька», со всех сторон горделиво окружённого вековыми соснами и елями. Не так далеко от лагеря призывной прохладой манило озеро Белавинское.

– Так, девчата, приехали, – объявил майор, тормозя свой Хантер у здания столовой, и пошутил, – станция Дерезай, кому надо вылезай!

– А кому не надо? – не осталась в долгу острая на язычок задира Белицына.

Подходя к машине, их встречала старая знакомая, молочавая ещё директор лагеря Вера Алексеевна Барсукова.

– Здравствуйте, здравствуйте, – улыбалась она, – мы ждём вас! Милости просим к нам на обед!

– Подождите, Вера Алексеевна, – остановил женщину участковый, – дети, что, нашлись?

– Нет, – приветливо ответила Барсукова, – но вы не волнуйтесь, Владимир Андреевич! Мы знаем примерно, куда они пошли и к кому! Сейчас просим вас отобедать с нами.

Подчиняясь назойливой директрисе, участковый и его курсантки прошли в здание столовой. Обед и вправду был недурён: борщ с мясом и со сметанкой, паровые котлеты с тушёной капустой, блинчики со сгущённым молоком и любые напитки от кофе до чая, угостили даже фруктами и мороженым на десерт.

Смотря на раскрасневшиеся и довольные лица своего «войска», майор тихо радовался, что не оставил голодным своё девчачье отделение.

После чего приступили к делу.

У себя в кабинете, отогнав от дверей назойливую детвору, директриса кратко доложила, что сегодня утром ушли в побег двое воспитанниц детского лагеря: сёстры Стрелковы, Юля девяти лет и Оля десяти лет.

– Так, – многозначительно произнёс майор, – вы говорили, что догадываетесь, Вера Алексеевна, куда они могли пойти.

– Конечно, – подтвердила Барсукова, – я практически уверена, что они пошли на кордон к своему деду – леснику Ерофеичу, извините, Стрелкову Леониду Ерофеевичу.

– Да ладно, – махнул рукой участковый, – знаю я хорошо Ерофеича, нормальный старик! Избушку на кордоне тоже знаю, это почитай на Белавинский остров по лесу надо пёхом чесать.

– Да, – подтвердила директриса, – но до острова вы и на машине по каменной гряде можете доехать.

– Я знаю, – улыбнулся Смелов, – коса каменная там знатная, бывал там! Красотень страшная! Для рыбалки и охоты места там, на острове, первостатейные, да и от вашего лагеря этот проход на остров недалеко.

– Значит провожатых вам не надо, – ответно улыбнулась Барсукова и встала, – надеюсь, до вечера вы привезёте к нам беглянок.

– Конечно, до вечера управимся, – пообещал майор и попросил, – Вера Алексеевна, разрешите позвонить с вашего телефона, домашних предупреджу, чтобы не ждали к обеду, да видимо и к ужину.

– Конечно, звоните, – приветливо пододвинула к участковому стационарный телефон директриса, – а насчёт ужина, не беспокойтесь, сегодня мы берём вас на полное довольствие.

Подняв телефонную трубку и поднеся её к уху, майор нахмурился: ни гудков, ничего.

– Странно, странно, – удивилась Барсукова, – я утром в ГОВД звонила, когда вас вызывала, связь была.

– Владимир Андреевич! Товарищ майор! – в разговор вмешалась Катерина, – Вот мой сотовый, звоните, пожалуйста!

– Нет, Катя, не получится, – покачал головой Смелов, доставая и показывая свой мобильный телефон, – нет в этих краях сотовой связи, даже рация на Хантере не возьмёт из этих мест.

При этом глянул на курсантку и буквально утонул в синем васильковом море её преданных и кротких, как у горной газели, глаз.

– Да, – подтвердила директор, доставая из своей дамской сумочки свой мобильник, – ни один оператор здесь не ловит.

– Ну, это не страшно, – сказал майор, вставая, – до вечера управимся и беглянок к вам привезём, а к вечеру, если связь у вас не появится, в городе свяжемся со связистами по ремонту телефонной линии.

– Спасибо и удачи вам! – пожелала на прощание Вера Алексеевна, – Будем с нетерпением вас ждать, а то без

связи и правда, как без рук, ни полицию, ни скорую, никого не вызвать! В лагере ни одного авто нет, да и из родителей сегодня никто не приехал, потому как родительский день был вчера.

День был в разгаре!

Выйдя на улицу, участковый увидел у своей машины множество играющих «карапетов» – детворы лет семи-двенадцати. Улыбнувшись, он попросил детей отойти от автомобиля. Детишки с любопытством посмотрели на майора. Один из них, семилетний зеленоглазый сорванец, уверенно подошёл к нему:

– Дяденька милицианел, а вы нас охланять пलिएхали?

Посмотрев в глаза мальцу, в которых безмятежно отражалось небо, участковый, вспомнив своё детство, по-приятельски улыбнулся мальчугану: – Конечно, а как тебя звать, малой?

– Лёша, – доверчиво, как маленький оленёнок, посмотрел на стража порядка ребёнок, и тоже в свою очередь, улыбнулся инспектору, просияв, как маленькое солнышко.

– А вы нас спасёте, дяденька милицианел, если злыдни плидут?

Что-то дрогнуло на сердце у Смелова, он дружески коснулся рукой плеча малыша.

– С чего ты взял, что злые придут? Ничего не бойся, Лёша, я с тобой, и ничто тебе не угрожает, и никто из злых к вам не придёт, мы их не пустим.

После чего, посадив своё «войско» в «патрульку», он завёл Хантер и плавно, не торопясь, выехал с территории детского лагеря.

Также не торопясь, виляя по извилистой лесной дорожке между вековыми соснами и елями, участковый выехал из внезапно кончившегося леса на каменистый берег озера.

Озеро Белавинское в этом месте было особенно хорошо: на усеянном, как у моря, у самой воды, бело-серыми валунами и камнями поменьше, на расстоянии полукилометра от большой земли тянулась коса – каменная гряда, соединяющая берег с островом Белавинским, густо поросшим такими же соснами и елями.

По данной косе можно было проехать на легковом автомобиле, чем иногда пользовались охотники и рыбаки. Впрочем, сегодня весь берег был безлюдным, понятно дело, завтра рабочий день, да не каждый отважится забраться в подобную глухомань.

На водной глади озера призывно манили к себе белоснежные кувшинки и жёлтые кубышки, шевелящиеся от игры гуляющей рыбы. Воздух был наполнен каким-то особым ароматом хвойного леса и чистых вод озера.

– Ну как, девчата, нравится здесь? – спросил Владимир у своего «войска», направляя Хантер на каменистую косу, – Рыбалка и охота здесь знатные, да и воздух, не хуже, чем в Сочах!

– Красиво, – согласилась с ним от имени всех Катерина, – места красивые здесь, мы раньше рыбачили тут вместе с отцом.

Полицейский автомобиль уверенно двигался по каменистой гряде, мелкая галька разлеталась по сторонам и приятно шуршала под колёсами внедорожника.

Приехали!

УАЗ ткнулся носом в разлапистые ели да сосны, словно взявшие в плен весь остров.

Смелов заглушил машину и попытался проверить рацию, которая отозвалась лишь скрежетом и хрипом из динамика, связь напрочь отсутствовала на этом острове.

– Ну что, девчата, – по-простецки так объяснил служебную задачу майор, – видите тропинку в лес, вот по ней и пойдём.

Посмотрев ещё так скептически на туфельки «бойцов», майор горестно вздохнул: – Эх, девочки, вам бы в такой обувке на танцы бегать с парнями, а не по лесу шагать!

Впрочем, Смелов намеревался пройти с девочками до избы Ерофеича по самой тропке, ни сходя с нее никуда. Старшей у машины он оставил Оксану Лазареву, а вдруг «потеряшки» на неё выйдут. С собой соответственно взял сестёр-близняшек Майоровых – Марию и Катерину, да рыжую хитровку Светку Белицыну, напросившуюся с ними прогуляться по лесу.

Как следует проинструктировав остающуюся у машины курсантку Лазареву, и вручив ей все свои специальные средства, хотя бы для вида: баллончик с «черёмухой», наручники и палку резиновую, премудрый майор свой табельный Макаров оставил при себе, всё-таки оружие девице не доверишь! Да и какая опасность могла подстергать их здесь, на далёком заброшенном острове посредине небольшого озера.

Углубившись в лес, небольшая группа майора, не торопясь шла по лесной тропе, направляясь к домику Ерофеича. Все шли, вдыхая пряные ароматы лесного разнотравья, слушая тишину и наслаждаясь пением невидимых птиц. Рай да и только!

– Товарищ майор! – жалобно так подала свой голос рыжая Белицына, – я каблук сломала!

Подойдя к хитровке, участковый увидел, что она действительно сломала каблук на одной из своих изящных дорогущих туфельках.

– Эх, что ж ты так оделась-то, как на прогулку, курсант Белицына? – сурово посмотрел на неё Смелов, – Посмотри на сестёр Майоровых, любо-дорого посмотреть, видишь, что у них на ногах? Обувь как обувь, никаких там платформ и каблуков!

– Так ведь девушкой хочется себя чувствовать, – поджала капризно и обидчиво губки так Светлана, – а не солдаткой в казарме!

– Ладно, ты у меня эти разговоры брось, – сердито приказал майор, – мы на службе, что вот с тобой теперь делать? Считай, один курсант из отделения выбывает!

– Товарищ майор, – не растерялась Белицына, – сломайте мне, пожалуйста, каблук у исправной туфли, и будут они как пара – одинаковые.

– Жаль порушать такую красоту, – с сомнением произнёс участковый, вертя в руках изящную туфельку Светланы, – поди, денег стоит больших, немецкая, чай, обувь-то?

– Итальянская, – с достоинством поправила своего начальника курсантка, – да не робейте, вы, Владимир Андреевич, ломайте, папа мне новые купит, ещё лучше этих.

– Твоё право, – согласился майор, и хрустнул сломанным каблучком, – принимай, курсант, обувку, теперь бегать по лесу сможешь!

– Так уж и бегать, – озорно сверкнула глазками Светлана, – вот бы мне найти кого, кто за мной бы здесь в лесу побегал! Так ведь нет никого, одни белки по веткам прыгают!

– Отставить разговоры! – прервал развеселившуюся курсантку майор, – Группа, вперёд! Нам ещё час по лесу мотаться.

Впрочем, как и предвидел участковый, где-то примерно через час, отделение майора, продираясь через разлапистые сосны и ели, подходило к деревянной одноэтажной старой избе – домику лесника Ерофеича.

Схватка

Вдруг какое-то чувство заставило насторожиться майора.

Что это было? То ли подозрительно, нараспашку открытые двери дома лесника, то ли разбитое изнутри стекло в избе, и какое-то неясное давящее предчувствие чего-то нехорошего и ужасного заставило остановиться участкового: – Группа, стой!

Не торопясь, растёгивая кобуру, Смелов обнажил свой пистолет: – Вот что, девчата, что-то здесь не так! Ерофеич мужик аккуратный, двери он всегда закрывает, вот что, Мария, остаёшься за старшую, к дому не подходить, я разведу и обратно вернусь! Как поняли?

– Ясно, поняли, – попыталась улыбнуться Мария, – а разве нельзя всем вместе зайти?

– Неправильно отвечаешь, товарищ курсант, – одёрнул Майорову участковый, – отвечать положено, так точно! Устав-то хоть читаете?

– Читаем, Владимир Андреевич, – примирительно улыбнулась Мария, – не беспокойтесь, мы вас здесь пождём.

Не беспокойтесь!

– Эх, слава тебе боже, что ситуация пустяковая, не боевая, – думал майор, подходя к избе лесника, не особо скрываясь и надеясь, что всё, что он сейчас делает, лишь пустая перестраховка.

Однако, входя в избу, по оперативной привычке, майор таки привёл свой Макаров в боевое положение, сухо лягнув затвором, и дослав патрон в патронник.

Зайдя, в избу, он ужаснулся: на полу лежал, хрипя и захлёбываясь собственной кровью, старый лесник Еро-

феич. На его белой рубашке, в области живота, виднелась дырка от удара заточкой, из которой сочилась кровь. Посмотрев на ноги лесника, майор ужаснулся ещё больше – они были подрублены топором, который валялся тут же в луже крови. Дальше было ещё страшнее. На кровати он увидел старую жену лесника, бабу Маню, мёртвую, это Смелов понял сразу же, взглянув в её безжизненные глаза, в которых застыл ужас отчаяния. Подойдя поближе, участковый заметил, что юбка на старушке была задрана и весь живот и то, что ниже, исколоты заточкой в каком-то неопишемом зверском экстазе. Проходя мимо, машинально майор закрыл полуобнажённую жену Ерофеича одеялом. Далее, видевший всякие ужасы и привычный ко всему, майор содрогнулся всей душой, едва не потеряв сознание: на полу, в лужах крови, лежали абсолютно нагие и мёртвые, его разыскиваемые потеряшки, Юля и Оля.

Мёртвые настолько, насколько это только возможно: их отрубленные головы лежали тут же, рядом с телами, и детские тонкие ручки, повинувшись чьей-то дьявольской «шутке», держали их своими тонкими пальцами, и какой-то нелюдь выписал свой злой страшный рисунок кровью на их мёртвых обесчещенных телах.

Присмотревшись, он с содроганием заметил на телах крох страшные раны от укусов, словно бы их терзал бешеный зверь.

В какое-то мгновение майор едва не потерял сознание, непослушные слёзы полились из его глаз. Рванув нагрудный кармашек, участковый достал и разжевал три таблетки валидола, которыми его снабжала заботливая жена.

– Майор, – раздался в избе страшный хрипящий голос умирающего Ерофеича, – Володя, подойди ко мне...

– Что здесь произошло? – встав на колени и приподняв с пола голову старого лесника, спросил майор, кото-

рый уже пришёл в себя, глаза его жёстко блестели, – Какой нелюдь сотворил это?!

– Слушай, не перебивай, – закашлялся Ерофеич, – слышал, что у соседей ээки сбежали? Так вот, это были они... все тринадцать, с автоматами... звери... меня они не добились лишь потому, что получали удовольствие, заставляя смотреть, как скопом насилуют мою жену и внучек... а потом, эти звери...

Старик не выдержал, даже умирая, он плакал: – Володя, это не люди, это даже не фашисты, это зверьё... надругавшись, они отрубили внучкам головы, а один из них... жрал их... Господи, да неужели такое возможно!

Смелов почувствовал, что в глазах у него темнеет, слёзы от ужаса увиденного капали на грудь умирающего лесника.

– Куда пошли эти... мрази? – только и смог выдохнуть майор.

Сердце билось так, что стучало в висках, невыносимая боль отдавалась по всему телу.

– В зимник пошли... в конец острова, – безучастно прошептал старик, – там припасы... потом я слышал... их старший сказал... к ночи пойдут в детский лагерь... возьмут заложников... На острове они сейчас, заперты как в мышеловке... Майор, ты не один? Не выпускай их к лагерю, Володя... Ты представляешь, что они там сделают с детьми?!

– Не выпущу, – пообещал, судорожно вздохнув, майор, – ни одна мразь не уйдёт.

– Это ещё не всё, Володя, – продолжал умирающий, – помнишь, у меня в сарайке, самогон и наливка где... там ящик с песком... отодвинь его, всё поймёшь...

– Что я пойму? – только и спросил Смелов.

– Давно это было, – чуть слышно, прошелестел губами Ерофеич, – сбрасывали в годы войны фрицевский

десант... то ли мост рвануть, то ли железку, не знаю... . Двоих мёртвых фрицев тогда я нашёл... разбились они, парашюты, видимо, не раскрылись... . Их я похоронил, что я, нехристь что-ли так бросить... . Кое-что от них осталось, подарок тебе, Володя, от той войны... ты меня извини... всё хотел сдать... не получилось...

Дёрнувшись в предсмертной конвульсии, старик Ерофеич захрипел, кровавая пузырящаяся пена пошла из его рта, и последние слёзы выкатились из его настрадавшихся глаз.

Всё.

Майор с почтением, уважительно, положил на пол седую голову старого друга.

Отмучался, сердешный...

В избу робко вошли люди, майор вскинул пистолет.

– Тьфу ты, чёрт!

Его девчачье отделение, нарушив приказ ждать, зашло в избу.

– Я где вам приказал быть, уставные вы мои, – горько покачал головой Смелов, – кто вас сюда звал?

– Что это?!! – в тихом ужасе вперились взглядами в избу его отделение, – Что здесь было?!!

По глазам девиц было видно, что все они в полуобморочном состоянии. Даже у всегдашней «веселухи» Светланы Белицыной не скрываясь, злые слёзы текли ручьём по её щекам.

– Они это, – негромко так сказал майор, и курсантки поняли, о ком или о чём идёт речь, – вот что, девочки, была война, были фашисты, а сейчас... этих ... их зверями не назовёшь... нелюди они, мрази, короче...

Выведя свой личный состав на воздух, построив их, всё ж таки какие-никакие военные, распорядился: – Вот вам сказ и приказ, дуйте, девочки, в лагерь, детей спасать надо, нелюди на лагерь пойдут!

Молча так стояли девчата, не отвечали ничего.

– Вам приказ ясен? – повысил голос майор, – К лагерю отходить!

– А что же вы, товарищ майор? – робко так переспросила Мария, – Вы здесь остаётесь, один и без оружия?!

– Да есть у меня пистолет, – попытался успокоить их майор, – какое-никакое, а всё ж оружие!

– Без вас мы никуда не пойдём, – упёрлись девчата, – вместе отходить будем.

– Что ж вы делаете, девчата, – помрачнел он, – что ж вы делаете! Хорошо, вместе к лагерю отходить будем, только от меня в сторону ни на шаг, и в этот раз на тропиночку нашу мы даже не шагнём, лесом пойдём.

Вспомнив последние слова Ерофеича, участковый зашёл в находившуюся поблизости с домом сарайку. Найдя там на одной из полок армейскую флягу лесника с первачом, предусмотрительно пристегнул её к ремню. Затем его взгляд упал на древний ящик с песком, что стоял в полутьме у стенки. Было видно, что его много лет не трогали и не передвигали с места. С большим усилием майор отодвинул ящик в сторону. Под ним находилась яма, обитая прогнившими уже досками, и заботливо прикрытая старой замасленной ветошью. Сдёрнув её, Смелов радостно опешил: в глубине ямы стоял на раздвижных сошках старый немецкий, времён великой отечественной войны, пулемёт МГ-42, промасленный, с заправленной лентой. Сбоку от него лежал немецкий автомат «Шмайсер», а точнее пистолет-пулемёт МП-40 с парой запасных коробчатых магазинов. Отвернув тряпицу, майор заметил на дне ямы пару немецких «толокушек» – ручных гранат с длинной ручкой, и цинковую коробку с запасной пулемётной лентой.

Всё найденное было в отличном состоянии.

– Эх, Ерофеич, Ерофеич, – добром помянул старого лесника участковый, – спасибо тебе за подарок...

Майор задумался, и тут же, быстрее молнии память подсказала ему, что да, читал он ранее про свой город, что в годы войны мост через реку Сухону бомбили фашисты, а их отгоняли огнём девушки-зенитчицы, которые располагались в Лесобазе. Вспомнил Владимир из прочитанного, что немцы, поняв, что им не удалось разбомбить мост с железной дорогой, выбросили свой десант с самолётов. Подняли тогда на их поиск тех самых девушек-зенитчиц вместе с местной милицией.

Половину диверсантов переловили, а другая половина сгнула и пропала без вести в непроходимых лесах и топких болотах района. Слава Богу, никто не погиб тогда, ни зенитчицы, ни милиционеры, что прочёсывали леса, а оружия фрицевского и, правда, находили в лесах тогда после войны немало, особенно местная ребятня, грибки да ягодники.

Да и ещё бы не знать ему про ту историю, потому что он не только читал про неё, но и про те события ему рассказывали его бабушка-зенитчица и дед-фронтовик, в то время бывший командиром милицейского взвода, того самого, что и прочёсывал с зенитчицами здешние леса.

Выйдя из сарайки, участковый показал удивившимся весьма курсанткам «дедов арсенал»: – Вот смотрите, это пулемёт, это автомат, а вот это гранаты, видите, снизу колпачок отвинчивается, и вот здесь у гранаты запал.

Вкратце показав как пользоваться древним оружием, объяснив, что самое дальнобойное из всего этого музейного оружия именно пулемёт, заметил, впрочем, что подпускать врага всё равно надо ближе.

Отдав Марии как старшей немецкий автомат и убедившись, что она научилась пользоваться «машинкой», свой пистолет передал Катерине, так же объяснив правила обращения с оружием.

Подумав, передал девочкам запасные обоймы от пистолета и автомата.

Себе оставил, само собой разумеется, тяжёлый пулемёт, для девах штука неподъёмная, а в бою против урок, вещь самая нужная.

Рыженькой Светлане Белицыной доверил нести запасную цинковую коробку с пулемётной лентой: – Принимай, Светлана, оруженосцем будешь! Гранаты тебе не дам, хоть и две штуки всего, а кто знает, взорвёшь себя ещё, не приведи Бог! Сколько им лет, этим гранатам... взорвутся ли? Одно слово – эхо войны!

После чего, организованно они стали выходить из леса, направляясь к оставленному Хантеру и Оксане Лазаревой.

– Эх, девочки, – простодушно выдохнул майор, продираясь сквозь лесные заросли, – связь! Была бы связь! Полцарства за сотовую связь бы отдал! Тревогу надо бить, а как?!

– Подождите, товарищ майор, – обрадовано показала свой дорогой сотовый с выкидной антенной Белицына, – у меня, кажется символ связи на дисплее телефона мелькнул, место бы повыше...

Заметив в лесу довольно-таки высокую горюшку, Светлана положила цинк с лентой на землю и побежала наверх: – Я сейчас, мигом, только проверю, есть ли там связь!

– Стой! Назад! – запоздало шикнул на неё майор, ибо кричать в лесу нельзя, далеко разносится звук, – Назад, Белицына!

Куда там! Молодое создание умчалось так, что только разбуженные ветки проскрипели, плавно покачиваясь в такт.

Поставив на землю пулемёт, майор короткоскомандовал сёстрам Майоровым: – Так, вам ждать меня на месте! Катерина, пистолет!

Схватив «Макарова», участковый побежал вслед за Светланой на горушку.

Когда он прибежал, всё было уже кончено, но не для нелюдя, только что, бесшумно, по-воровски, заколовшего заточкой насмерть, в самое сердце, Светлану, всё самое «интересное» для него только начиналось.

Отложив автомат Калашникова в сторону, нелюдь в серой зэковской робе, по-звериному скуля и принюхиваясь, раздевал мёртвую курсантку, при этом заранее скинув с себя портки.

На бегу, вложив свой ПМ в кобуру, безжалостно, без всякого сожаления или удовольствия, подбежавший майор моментально свернул и сломал шею не успевшему насладится мёртвым девичьим телом нелюдю.

С яростью отопнув, так не пинают даже бешенную собаку, тело зэка, участковый накинул на обнажённое тело мёртвой уже Светланы, её одежду. Взял с земли автомат Калашникова. Подобрал с травы и её телефон, на котором дисплей сухо информировал, что связи здесь нет: – Эх, девочка, загубил я тебя, прости, милая...

Приодев и закидав тело погибшей Светланы ветками, майор вернулся к сёстрам: – Погибла Света, когда всё кончится, вместе придём за ней, место то заметное...

Ещё не понимая до конца смысл сказанного Смеловым, сёстры не выдержали и заплакали.

– Поплачьте, поплачьте, девочки, – плакал вместе с ними майор, – за неё можно, геройски она погибла, так и скажем, при исполнении... .

– Кать, а Кать, – обратился к Катерине Смелов, – я у тебя пистолет забирал, отдаю и пистолет и автомат, наш, Калашникова... . Умеешь ли пользоваться?

– Умею, Владимир Андреевич, – судорожно кивнула головой Катерина, – папа на службе во время обеда или ужина часто домой такой приносил...

– А теперь, поторапливаться нам надо, девочки, звери на лагерь пойдут, а там дети..., – подторапливал свою многочисленную группу майор.

Едва ли не бегом они вышли к УАЗу.

Но и здесь их ждало жестокое разочарование.

Было видно, что чужаки вдоволь покуражились над полицейской машиной: рация была разбита вдребезги и все четыре колеса были проткнуты заточкой и спущены, что называется, в ноль. Двигатель был раскурочен и разломан.

Охранявшая Хантер Оксана Лазарева пропала без следа.

Поискав в перелеске, майор наткнулся под разлапистой елью на мёртвое обезображенное ударами заточки тело Оксаны.

Сзади хрустнула ветка.

– Спокойно, мент, – со спины раздался сиплый голос и одновременно с ним жестко клацнула затворная рама автомата, – смотри, ты не один, а с ментовочками... вот славно позабавится братва... каждую на себя оденем...

Впрочем, договорить бандит не успел.

Неуловимо крутанувшись в каратистском круговом маятнике, заранее уходя от не успевшего раздаться выстрела, майор привычно рубанул нелюдя ребром ладони по шее.

Насмерть.

Одновременно подхватил падающий снаряжённый Калашников и поставил автомат на предохранитель.

Всё.

Также молча подал автомат Катерине, прибежавшей с сестрой на этот неясный лесной шум.

– Попрощайтесь с Оксаной, – едва сдерживая слёзы, сказал майор подошедшим сёстрам, – я пока её ветками закидаю, потом придём за ней, и это место запомните! Погибла Оксана геройской смертью, при исполнении!

Рыдая, близняшки помогли участковому замаскировать тело погибшей.

– Так, а теперь вон с этого проклятого острова, – торопил сестёр майор, – лагерь надо эвакуировать, помощь вызывать. Потому как, хоть двое из бандитов и уничтожены, одиннадцать их осталось, и все с автоматами и заточками! Лютее любого лютого зверя!

Едва ли не бегом, майор с оставшимися в живых курсантками, вернулся на большую землю.

– Вот что, Мария, Катя, – командовал сёстрам участковый, – один калаш мне оставляйте, себе берите «немца», Калашникова и Макарова, и бегом в лагерь, видите вечереет, лагерь спасайте. Если даже связи нет, пешком в город идите! Как хотите, к утру помощь должна быть, потому что отступать некуда мне!

– Товарищ майор, а как же вы? – едва ли не плача вопрошали девицы, – Мы не оставим вас!

– Да поймите же вы, – объяснял им майор, – вы видели в избе лесника, что делают с детьми эти твари, поэтому, если не дай Бог, все погибнем здесь, вы знаете, что они сделают с лагерем... звери вкусили крови... Да на острове они как в мышеловке, поторапливайтесь, девчата.

Наконец, уразумев очевидное, сёстры всё-таки побежали в сторону детского лагеря.

– Вот это лучше! – согласился сам с собой майор, и пошёл выбирать себе огневую позицию на берегу.

Завидев два больших валуна поблизости с каменной грядой, участковый довольно улыбался, оборудуя меж двух этих довольно-таки больших природных заграждений, огневую позицию для пулемёта. Сюда же он подтащил цинк с запасной лентой, осмотрел автомат Калашникова – магазин практически полный. Осмотрел две старые немецкие гранаты, аккуратно снизу ручки отвинтил у обеих гранат колпачки-крышки, осторожно доста-

вая выпавшие шнуры с фарфоровыми шариками – гранаты к бою готовы, правда, если они боеспособны.

Участковый не питал особых иллюзий по поводу своего будущего, он отдавал себе отчёт, что если нелюди ползут, один против одиннадцати рыл с автоматами, он просто не потянет. В то же время понимал он, что весь долг его и вся Родина, служить которой он клялся вечно и беззаветно, сузились до размеров одного единственного детского лагеря. Хорошо, если лагерь эвакуируют, правда, как, куда?

И когда поспеет помощь?

Да и насчёт МГ-42 он не испытывал особых иллюзий – с сороковых годов, хоть и в масле, но в земле лежал, заработает ли?!

Стремительно вечерело, майор посмотрел на свои командирские часы, вот уже пару часов, как он кукует здесь на берегу один. Есть надежда, что даже если лагерь не эвакуировали, то хоть детей где-либо укрыли.

А помощь, всяко к утру понедельника приспееет, правда вот дожить надо до рассвета...

Совсем близко, на озере, радостно переговаривалась утица со своим селезнем, да где-то в лесу высвистывал свои вечерние песни соловей. На озёрном плёсе, гуляя, звонко ударяла хвостом крупная щука. На бок что-то неудобно давило от земли.

Улыбнувшись, майор отстегнул с ремня фляжку Ерофеича, отвинтил крышку. В нос шибануло первостатейным первачом. В очередной раз по-доброму так, мысленно помянув убиенного Ерофеича и всю его семью и своих погибших девочек, участковый отхлебнул из фляги, и поморщился. Ох, и крепок самогон у лесника!

Мысленно участковому захотелось курить, но тут же он посмеялся над собой, и не курит давно, да если бы и курил, грех раскрывать такую огневую позицию.

– Что-то подозрительно тихо, – забеспокоился вдруг участковый, – а вдруг нелюди давно ушли с острова и творят беспредел в лагере, а он туда девчат послал.

Гнал от себя Смелов такие мысли, гнал, потому что не будет ему прощения, если звери-нелюди уйдут, и что-то похуже в лагере с детьми соделают...

Но хоть и гнал майор такие мысли от себя, от них ему точно лучше не становилось. Хотя, что это, птицы в лесу раскричались, идёт кто-то.

Так и есть, из леса, по вечерней темноте, вышли неясные фигуры в зоновских робах с автоматами наперевес. Только вся ли банда здесь, или отстал кто?

Участковый взял в руки автомат Калашникова и приготовил его к работе, передёрнув затвор и поставив, переводчик огня на автоматический.

– Сейчас, мы вас посчитаем!

Да, все одиннадцать вышли из леса! Первые трое с калашами на изготовку пошли в его сторону, остальные замерли в ожидании, обшаривая противоположный берег рыскающими туда-сюда дулами автоматов.

– Ну ладно, – решил майор, – пусть подойдут поближе, этих я приласкаю!

Правда вот, обойма в калаше одна, а на пулемёт надежды мало...

Подпустив нелюдей на стрельбу, что называется в упор, участковый расстрелял длинной автоматной очередью всю бандитскую троицу, выпустив по ним весь магазин. Было видно, как они попадали с косы, роняя автоматы в воду.

Обнаружив огневую точку противника, бандиты открыли шквальный автоматный огонь по нему из всех калашей!

Владимир залёг под валунами, над ним в бешеном танце чирикали пули, выбивая искры и рикошетируя, взрывали гальку у его ног.

Вдруг, левую ногу в районе колена молнией полоснула острая боль.

Попали-таки, хоть и на шальном излёте...

Майор снял с себя ремень и затянул рану выше раневого канала. Так, слава Богу, рана сквозная, кость не задета. А то, что кровь, ерунда, не страшно, жаль промедола нет...

Участковый, оторвав форменный рукав, попытался остановить кровь, сооружая давящую повязку. Пули продолжали чирикать, как птички, над его головой, разлетаясь по сторонам злыми осами.

– Стреляйте, уроды, стреляйте, – в бессильном отчаянии подумал участковый, – мне по вам всё равно нечем, а вы, глядишь, по мне свой боезапас порасходуете, меньше на людей останется...

Была, конечно, надежда, что, не поняв, сколько в засаде у каменной гряды людей, зэки побоятся лезть дальше в открытый бой, и отойдут в лес, вглубь острова.

Хотя не дурные они, походили уже по острову, поняли, что это хоть и большая, но всё-таки мышеловка.

– Эй, мент! – раздался голос с острова, – Сколько вас там?

– Много! – не удержался и крикнул в ответ участковый, – С вами говорит командир спецназа, майор Смелов! Сдавайтесь, вы окружены! На подлёте, на вертушках десант и ОМОН! Вам деваться некуда, на воде наши катера!

– Банкуй, ментяра! – отозвался невидимый голос с острова, – Вас купить можно? Рыжевьё и баксы при нас, не пустые идём, лимон долларов каждому менту, согласны? Вы же деловые люди? Сейчас всё продаётся и покупается!

– Нет! – крикнул в ответ Смелов и добавил, – Впрочем, дай время подумать.

– Пахан! – по щенячьи радостно заскулил чей-то голос на острове, – Да там ментяра один засел, да и патрончиков у него нет!

– Блин, – подумал участковый, отодвигая бесполезный автомат, – просекли таки тему, изверги...

– Он прав, ментяра? – спросил его с острова невидимый пахан, – Ты там один, и без патронов?

Смелов в ответ благоразумно промолчал.

– Слушай, мильтон! – крикнул ему с острова главарь, – Бери лимон зелёными с рыжевём и разойдёмся! Мы к тебе не подойдём, да и ты нас не видел! Идёт?

– Не идёт, урод! – не сдержался и крикнул в ответ майор, – Окружены вы, и некуда вам деться, сдавайтесь!

– Ну, это мы посмотрим, мент, кто кому сдастся, – угрожал пахан, – я сейчас мальчиков на тебя натравлю, ты знаешь, что они с тобой сделают? Ты, мент, ещё живой кишки свои будешь есть!

– Давайте, гниды, идите! Шкрапотники чёртовы, всех встретим! – огрызнулся участковый

На каменную косу уверенно вступили очередные четверо урок с автоматами, и не торопясь, пошли к нему на встречу. Один из них шёл и, прикуривая, отпуская нецензурные остроты в адрес где-то притаившегося мента.

– Эй, мент! – крикнул он, находясь уже на половине пройденного к нему пути, – Там, на острове, ты наших завалил?

– Я, – отозвался раненый Смелов, – и вас всех завалю, мрази адовы!

– Ты был в избе лесника? – фраерился зэк, поигрывая автоматом, – Видел мои автографы на детишках? С тобой я то же самое сделаю!

Ловким движением фокусника, бандит извлёк из-под робы заточенный окровавленный топор: – Ментяра, мне не нужен автомат, и так ясно, ты пустой, без патронов. Готовься к харакири!

Обернувшись в сторону острова, прокричал: – Пахан, ментяра пустой! Кончать его до тебя или мышку ментовскую тебе оставить?

– Кончай мента, Шкет, кончай, – отозвался пахан с острова, – валить отсюда надо, стрельбу далеко слышно!

Давненько Смелов не обращался к Господу. Не из-за того, что веры в нём не было. Нет, вера была! Но понимал он, что нельзя ничего просить у Отца Небесного, если ты при этом убиваешь людей.

А сейчас Смелов просил: – Отче Святый! Не гневайся на меня, убил я сегодня, и не одного! И я знаю плату за грех свой! Но за моей спиной детский лагерь, и если убил я тех, кого и ты не считаешь людьми, дай силы мне отстоять детей сих, и покарай нелюдей моими руками! Да будет воля Твоя, а не моя!

– Пахан! – подходя ещё ближе, духарился зэк, поигрывая топором, – Спёкса мент, сейчас ты услышишь его вопли...

Договорить это уголовник не успел.

Решительно поймав мразь на мушку прицела, грозно поблёскивавшего МГ-42, майор передёрнул затвор, и, придерживая левой рукой за приклад пулемёта, а правой рукоятку со спусковым крючком, участковый плавно нажал на спуск.

Как в далёкие военные сороковые годы, вся окрестность была взбудоражена и потрясена, прогремевшей, как гром, длинной очередью ожившего немецкого пулемёта!

С визжащим грохотом циркулярной пилы, режущей по живому телу, майор первой же длинной очередью, буквально распилил на части нелюдя.

– Пахан! – трусливо завизжал, бросая автомат и убегая на остров вместе с подельниками, молодой зэк, – У него пулемёт!

Впрочем, далеко они не ушли.

Мстительными и длинными очередями «немецкая циркулярка» буквально раскромсала на кровавые ошметки их тела!

Уничтожив бандитов на косе, майор перенёс огонь по сосенкам и елям, где засели оставшиеся нелюди. От мощных пуль разлетались вдребезги и падали срезанные верхушки деревьев. Пулемёт бил врага, только в этот раз он был на правильной стороне!

Гильзы разлетались, со звоном отлетая на каменный берег. Воздух горчил отвратительным и страшным запахом пороха и сгоревшего оружейного масла, с леденящим привкусом всего того, что называется смертью. Набрав самую высокую ноту, пулемёт вдруг захлебнулся и стих. Кончилась лента с патронами.

Поспешно Смелов стал менять ленту на МГ-42.

Бандиты, поняв, что с пулемётом вышла заминка, все оставшиеся, все четверо, открыв по нему бешеный огонь из автоматов, бросились вперёд по косе!

Майор ясно понял, что пропал, ибо он не успевал привести пулемёт в боевое положение оставшейся в цинке лентой.

Вдруг, за его спиной, слева, сухо застучал длинными очередями немецкий автомат, а справа гулко загремел, словно заколачивая гвозди, пистолет Макарова!

– Девчата вернулись! – понял майор, и посмотрел по сторонам.

Так и есть, слева от него привставая над валуном, Мария щедро поливала врага длинными очередями из «Шмайсе-ра», а справа, отстреляв боезапас Макарова, перешла на короткие, экономные очереди из Калашникова, Катерина.

– Ох, девчата, молодцы! – не выдержал и прокричал им майор, пытаясь перекрыть шум перестрелки, – Но когда всё кончится, уж я и задам вам, непослушные! Ваш отец точно меня убьёт за такую смену!

Так, с пулемётом полный порядок. Передёрнув затвор, майор оживил свою «циркулярную пилу» – пулемёт в ярости стал отстреливать свой боезапас по врагу, который бросился наутёк в спасительный лес острова!

Посмотрев на косу, участковый увидел ещё одного убитого бандита: трое их осталось, всего трое!

Смелов прекратил стрельбу и глянул на ствол своего МГ-42, словно курящего белым дымом.

К нему подползла Мария, а затем и Катерина: – Мы выполнили ваш приказ, товарищ майор! Лагерь частично эвакуирован, не смогли эвакуировать только самых малых, их попрятали с воспитателями в лагере. Двух воспитателей-вожатых отправили пешком за помощью в город, к утру должны дойти!

– Эвакуировали, значит... что ж сами-то не ушли, – горько попрекнул их майор, понимая очевидное, – я надеялся, что вы уже на подходе к городу.

– Ой, да вы ранены, товарищ майор, – всполошилась, уйдя от ответа, Мария, – а мы йоду и бинтов в медпункте лагеря набрали, сейчас по-настоящему вам повязку наложим, по всей науке, не зря в ВИПЭ учили!

Умелыми движениями девочки наложили повязку на раненую ногу участкового.

– Ох, спасибо, девочки, – поблагодарил Смелов, – я никогда не забуду, как вы вернулись, все в отца! Останемся живы, лично рапорт за проявленное вами мужество напишу...

Майор уважительно посмотрел на близняшек.

– А пока, родные, – Смелов бережно достал флягу Ерофеича, – помянем наших павших, с любовью помянем.

Не капризничая и не жеманясь, сёстры пригубили первача, остаток живительной влаги допил майор. После чего наступила звенящая и неловкая какая то тишина.

– Товарищ майор, – спросила его, внезапно зарумянившись, Катерина, поглядывая на редкие ночные звёзды белой ночи, – знаете, сегодня какая ночь, необычная...

– Ну и какая? – переспросил участковый, – Самая обычная ночь... Сколько ещё таких ночей впереди...

– Нет, – улыбнулась вдруг Катя, – сегодня двадцать второе июня, много-много лет назад была страшная война...

– Да, – посерьезнел Смелов, – и сегодня эта война повторилась, и в войне этой мы похожи на тех пограничников-воинов, что дрались тогда с фашистами. А граница наша, которую мы держим, это раздел между добром и злом, и держать её мы будем до последнего, так-то вот, девоньки... Хотя уже и нет тех немцев-фашистов, а есть нелюди, похуже фрицев, да вот парадокс, как это ни странно, немецкое оружие тех лет бьёт сегодня врага...

С неба, по небосклону белой ночи, словно белоснежная тающая снежинка, пролетела падающая звёздочка, отразившаяся в водах озера, и словно разбудившая пламенеющую восходящую утреннюю зарю нового дня.

– Смотрите, Владимир Андреевич, звёздочка падает, загадывайте желание! – заулыбалась Катерина, – Только скорее! Эта звёздочка ... ваша звёздочка... и наша...

– Загадал, – простодушно ляпнул участковый, – хочу, чтобы мы все живые остались...

– Зачем вы вслух его сказали, – по-девчачьи так обиделись близняшки, – вдруг не сбудется...

– Сбудется, – заверил майор, – должно сбыться...

– А всё-таки, – сурово улыбнулся участковый, – почему вы вместе с лагерем не эвакуировались? Ведь приказал же вам отходить, а вы?! Эх, дочки...

– Так ведь дети там остались, – простодушно так посмотрела на Смелова Катерина своими синими-синими, как небо, глазами, – как же мы могли уйти!

– Не знаю, Катя, – грустно покачал головой майор, – не знаю, но понимаю, что не должно так быть, что вы молодые, не целованные, под пулями здесь... Неправильно всё это...

– Так кто ж поцелует? – с надеждой посмотрела на него Катерина, и в смущении зарделась так, что просветлела, как ясная зорька, – Меня, кроме папы и мамы никто и не целовал... ни разу...

– Поцелуют ещё, – заверил девушку Смелов, – обязательно поцелуют...

– Хорошо бы, – послушно так согласилась Катерина, и загадочно как-то замолчала.

– Да, девчата, сколько уже время? – поинтересовался Смелов, – А то ночи белые, разобрать не могу, а часы мои в бою разбились, словно бы время остановив...

– Так уже три часа ночи, – посмотрела на дисплей сотового Мария, – даже больше уже, полчетвёртого утра.

– А связь как? Не ловит? – с надеждой посмотрел на курсантку майор.

– Нет, нет связи никакой, – с огорчением продемонстрировала цветной дисплей телефона Мария, – видите, ноль сигнала! В лагере телефон тоже не фурьчит, как нарочно, словно бы кто-то обрезал... Эх, была бы машина, хотя бы попутка, так ведь ни одной во всей окрестности нет! Как помощь вызвать...

– Как вы думаете, Владимир Андреевич, – с надеждой посмотрела на него Катерина, – поспеет помощь к утру или нет?

– Да уже утро, – простодушно ответил майор, – около четырёх, должны поспеть... Кстати, девчата, какое время! Вспомните ещё раз, как в такое же утро двадцать второго июня, много лет назад, началась страшная война, и никогда не забывайте про это!

– Как такое забудешь, – прошептала Катя, – нам дед-фронтовик про ту войну рассказывал...

Где-то в лесу проснулась и затянула свою утреннюю заунывную и неуместную песню кукушка. Лёгкий ветерок разогнал горячий запах пороха, и вновь от леса и озера пахло какой-то первозданной свежестью и ароматом, который кружил голову и успокаивал тревожные мысли, беспокоящие сейчас майора. Внезапно чуткий слух участкового уловил какие-то неясные звуки с острова, словно бы кто-то, подобно хищному зверю, подкрадывался к косе.

– Так, подруги мои боевые, – скомандовал Смелов, – совсем рассветает, давайте по огневым позициям, и чтобы не высовываться! И помните, главное, дожить до рассвета, до завтрашнего рассвета!

Правильно скомандовал майор, едва только сёстры залегли на своих позициях, бандиты со стороны острова, открыли шквальный огонь из автоматов.

– Лишь бы никого не задело, – как молитву, как мантру, повторял и повторял майор, – лишь бы они уцелели...

Короткими перебежками, видимо уразумев, что в капкане острова им делать нечего, бандиты, стреляя на ходу, все трое, приближались к косе.

Девчата открыли огонь из автоматов. Сухо трещал, отстреливая раскалённый град пуль, немецкий «Шмайсер», гулко и звонко пел русский Калашников.

Немного выждав, и поймав на мушку пробегающих бандитов, майор плавно нажал на спусковой крючок своего МГ-42.

Пулемёт задрожал, выплёвывая огненный вихрь в сторону врага, моментально перекрыв весь шум выстрелов, своим визжащим, как у циркулярной пилы, звуком длинных очередей.

Бандиты, отступая, отстреливались. Было видно, как один из них уже не встанет никогда. Только двое нелюдей, отстреливаясь, отходили к лесу.

Провожая их длинными очередями из пулемёта, майор даже не заметил, как к нему подползла под огнём Мария: – Товарищ майор, Катя...

Содрогнувшись, майор подполз к Катерине, и увидел, что дела плохи: кинжальной бандитской очередью из Калашникова у девочки была беспощадно разворочена и разорвана форменная рубашка в районе груди, обнажившая запретную белизну, из которой хлестала кровь.

Сестра судорожно перематывала её рану бинтами, пытаясь остановить кровь.

– Да что ты, – заплакал вдруг майор, – выше рану перетягивай...

– Ой... Владимир Андреевич..., – всхлипнув от боли, прошелестела, чуть слышно, Катерина, – знаете, а я вас любила, и не только как отца...

– Что ты говоришь, Катя, – ужасаясь и понимая причину её откровений, произнёс майор, – не говори, тебе силы надо беречь...

– Ноги холодеют, тела уже не чувствую, – прошептала умирающая девушка, – обнимите меня, пожалуйста...

Не выдержав, участковый обнял Катерину.

– Зачем, зачем вы вернулись, – не скрывая своих слёз, плакал майор, – не положено вам умирать в таком возрасте, не война же...

– А вам, положено? – переспросила, сияясь улыбнуться, Катерина, – А то, что вернулись, не жалейте, не смейте жалеть нас! Мы детей вернулись защищать и ... Родину... и саму жизнь... ведь она...

Смотря на отходящую в вечность девушку, от которой с каждой каплей её крови уходила жизнь, майор содрогнулся, и не в силах сдержать эмоции, отвёл свой взгляд от Катерины. Каждой клеточкой своего тела участковый чувствовал пульсирующую незаживающую рану, покалывающую своим острием разорванное серд-

це майора и пронизывающую правый бок кровоточащей болью.

– Слушай, Мария, – спросил у сестры умирающей Смелов, – у вас боезапас хоть какой остался?

– Калаш пустой, в «Шмайсере» пара патронов, и всё, – глянула на него плачущая Мария.

– Вот что, Маша, – скомандовал майор, – выполняй мой последний боевой приказ: выноси сестру, к лагерю выноси, там медики... если что, укройтесь в лесу, а я вас прикрою, тем, что осталось...

Послушно кивнув, Мария стала вытаскивать сестру к вдалеке шумевшему лесу.

Смелов открыл огонь из пулемёта, бандиты огрызались в ответ автоматными очередями.

Глянув назад на ползущую Марию, вытаскивающую из-под огня, уже умершую сестру, майор похолодел: злая длинная очередь из бандитского автомата безжалостно полоснула по спине Марии, разрывая её юную плоть фонтанчиками брызнувшей крови, и моментально убивая её.

Пулемёт участкового стих, кончились патроны, и в ту же секунду злой осой хлестнула по левому плечу автоматная очередь с острова, перебив руку, которая тут же беспомощно повисла, как плеть. Хлынула кровь, которую участковый уже не останавливал, зачем? На долю секунды, от боли майор потерял сознание, и как в какой-то дымке, опавшей парным молоком и чем-то неуловимо близким и родным, увидел Владимир всех умерших близких своих, и маму свою увидел, а с ней всех девчат, парящих на облаке белом, живых и радостно смотрящих на него. В ту же секунду сознание вернулось к нему, напоминая о себе дикой болью, скрутившей всё тело, и осознанием того, что не всё его дело исполнено до конца. Обернувшись назад, он посмотрел на окутанные сизым утренним туманом сосны и ели, за которыми угадывался такой близкий и одно-

временно такой далекий детский лагерь, за который они и положили жизни свои, и внезапно, словно бы вспомнив что-то, как-то печально и грустно улыбнулся.

После чего с усилием приподняв с земли внезапно ставший таким неподъёмным, пятикилограммовый «Шмайсер», уже не скрываясь, установив его на валуне, майор отстрелял оставшиеся патроны одной короткой сухой очередью.

С острова хлестнул прицельный одиночный автоматный выстрел.

Пуля раздробила ключицу на левом плече. Майор упал, кое-как вставая с колен, он заметил свой последний боезапас – две старые гранаты, подготовленные на этот самый, последний случай.

Кое-как, правой рукой, он закинул обе гранаты в карман брюк, вывесив шнуры с фарфоровыми шариками взрывателей наружу: – Амба, уроды! Пустой я!

– Правда, что ли, мент? – раздался с острова голос пахана, – Молодец, ментяра! Что ж, мы идём к тебе! Правда, миллиона долларов, ты уже не увидишь...

Не торопясь и пошатываясь, участковый пошёл по каменной гряде навстречу бандитам, которые тоже уже ничуть не скрываясь, вышли из леса, и пошли к нему.

И там где шел он, прибрежные камни обагрелись кровью, его кровью.

Дойдя до половины косы, главарь подобрал брошенный убитым нелюдем топор, и посмотрел на майора: – Да, мент, миллиона ты сегодня точно не получишь, а получишь то, что тебе обещал Шкет!

Подходя ближе к нечисти, и, словно бы видя таких впервые, майор остановился, пусть подходят сами.

Подойдя к участковому, пахан ощерился, зло поигрывая топором: – Ну что хочешь сказать или пожелать перед смертью, ментяра?!

– Я хочу, мразь, – холодно чеканил слова майор, – чтобы ты увидел, как умирает майор милиции, и напоследок, хочу передать тебе, нелюдь, привет от Кати, Маши, Оксаны, Светы, всех тех людей, мразь, которых ты загубила!

– Что ты говоришь, ментовская свинья? – ослабился второй бандит, поигрывая калашом, – Тебя уже нет, а мы здесь, будем жить и делать свои дела так, как считаем нужным!

– Не будете, мрази! – жестким пристальным взглядом ожёг нелюдей майор, и рванув шарики от гранат, спокойно протянул их на ладони опешившим бандитам.

Как эхо той далёкой войны, на каменной косе рванул чудовищный взрыв.

Эхо гулко пролетело над озером, отразившись в лесах, и на всех берегах водоёма.

Когда рассеялся дым, над каменной косой зависли, как огромные стрекозы, четыре боевых пятнистых вертолёта, с пушками и ракетами наготове, высаживающие десант из спецназа группы Альфа и голубых беретов десантуры.

Приземлившись на грешную землю, бойцы спецназа и десанта, недоумённо смотрели на затихшую в скорбном молчании каменную косу, освещённую лучами уверенно всходящего жизнерадостного утреннего солнца.

Утренняя звезда

В это же утро, когда уже достаточно рассвело, с противоположного берега озера Белавинское, к берегу пристала деревянная лодка, откуда вышли три крайне недовольных рыбака, и не торопясь пошли к стоявшей в кустах легковой автомашине, где их поджидал другой рыболов.

– Посуди, Петро, – обратился мужчина к вышедшему из лодки другу, – я к своей дочурке в детский лагерь на свой честно заработанный выходной приехал, надеялся её ушицей угостить, так какие-то уроды, не знаю с каких радостей, салютовали всю ночь и утро, а под конец не придумали ничего лучше, как глушить рыбу взрывпакетом! А после, на вертолётах улетели, богачи хреновы... Хорошо хоть связь появилась и мобильник ловит как ни странно, вот и хотел поначалу со злости ментам брякнуть, чтобы утихомирили покемонов, да плюнул, не люблю с ними связываться... В итоге, в «Зорьку», к дочурке еду пустой, ни рыбалки, ни рыбы, ни отдыха... Вот какие люди живут! И сами жить не могут и другим не дают!

– Да, живут, – устало и лениво, после принятого ночного «пуншика», равнодушно зевнул другой рыбак, – и что им всё неймётся, жили бы как все, и всё было бы хорошо... Как только такая земля носит... А в лагерь заедем, меня там тоже сынишки ждут...

Над приходящим в себя озером, застывшим в своей неподвижной красоте, при свете победившей утренней зари и радостно всходящего солнца, надрывно кричали утки, бойко и озабоченно переговаривались лягушки, а в чистых водах гуляла и била хвостом нерасторопных

мальков зубастая щука, раскачивая и шевеля, заросли кубышек, и прекрасных, как юные нимфы, водяных лилий.

А где-то рядом, совсем близко, начинал свою повседневную утреннюю жизнь, весёлым и беззаботным смехом и криком детворы, спасённый лагерь «Зорька», над которым вечным светом сияла утренняя звезда.

КАПИТАН ЗАРИ

*Народный роман-откровение
о судьбах России*

Часть первая

СУДЬБЫ

Глава первая

Йешуа

Над рекой Времени вечным Божественным пламенем полыхала светоносная алая Заря.

Бесшумно неся в себе мириады света, играя яркими лучиками и брызгами разноцветных огней, река словно бы проистекала из ниоткуда и уходила в никуда.

На каждом из берегов этой пресветлой реки стояли два Высших Ангела, исполняющих Волю Божию и с любовью созерцающих во времени и пространстве Дела Отца Всех.

Внезапно один из Ангелов улыбнулся и посмотрел на зеркально поблёскивающую воду Времени, потому что увидел Его.

Он смотрел на белоснежные облака с цветущей сияющей радугой и его губы беззвучно шевелились вместе с молитвой, рекой проистекающей внутри Его самого, и возносящейся до самого Неба.

Улыбнувшись в Самом Себе, Он вернулся в существующую реальность, услышав когда его позвали по имени.

– Йешуа!

Радуясь, Он посмотрел на подходящих к нему Андрея и Иоанна.

– Мир вам, дети божии!

Увидев множество народа, Йешуа взошёл на гору. Да, действительно, братья-иудеи зовут Его Йешуа, кто-то из греков назовёт его затем Иисус, а арабы – Иса.

Многие в народе называли его Мессией и Сыном Отца, что звучало красиво на их языке: бар – сын, авва – отец.

Впрочем, сейчас это было неважно.

Кротко улыбнувшись собравшимся людям и подошедшим ученикам Своим и, посмотрев ещё раз на народ, Он увидел множество глаз, пытливо и с любопытством смотрящих на Него. Ещё раз улыбнувшись людям и наполняясь музыкой Божественной Гармонии и Любви, Он учил их на арамейском и Глас Его медовыми колокольчиками звенел в произносимой Им Нагорной проповеди.

– Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

– Блаженны плачущие, ибо они утешаться.

– Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

– Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

– Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

– Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

– Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

– Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

– Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и

веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

– Вы – соль земли.

– Вы – свет мира...

Долго ещё гремел от земли до самого неба голос Иешуа, просветляющий людей Истиной Бога.

Закончив проповедь, Он кротко улыбнулся людям и сошёл с горы в окружении своих учеников и множества народа.

Над рекой Времени произошло какое-то волнение, она заискрила искрами вырывающегося из неё огня.

Ангел Господень, посмотрел на зеркальную гладь реки и нахмурился.

Над Ним в Свете Зари плакало Небо.

Казалось, на какое-то мгновение, Он потерял сознание, которое затем вернулось в резкой нестерпимой боли, окутавшей не только изувеченное тело, но и Его сознание.

Невыносимо болели пробитые старыми ржавыми гвоздями руки и ноги. Боль от тернового венца на голове постоянно напоминала о себе. От врезавшихся в голову шипов и колючек на лицо стекали горячие капли крови, которые соединяясь с кровью всех Его ран, орошали землю у креста, на котором Он был распят. Он смотрел на множество зевак и любопытствующих, собравшихся на этот бесплатный спектакль.

Некоторых из них Он узнавал, как бывших на Его проповедях в тех местах, где Он учил народ. Именно они кричали Ему славословия «осанна, аллилуйя!».

Сердце учащённо билось, когда проходящие злословили Его и смеялись.

– Разрушающий храм и в три дня Созидающий! Спаси Себя Самого, если Ты Сын Божий, сойди с креста.

Йешуа, плача в самом себе, молился за врагов своих, ведь не ведают, что творят! Если даже про Храм ничего не смогли уяснить себе, хоть всегда и объяснял Он, что истинный Храм Божий внутри каждого человека Есть! И от человека зависит, что будет в нём самом, будет ли он жилищем Бога Святого или нет.

От тягостных мыслей Его оторвали подошедшие первосвященники с книжниками, старейшинами и фарисеями, которые, насмехаясь, говорили: – Других спасал, а Себя Самого не может спасти, если он Царь Израилев, пусть теперь сойдёт с креста, и уверуем в Него, уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий сын.

Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его.

Он смотрел на народ и не хотел узнавать его: тот ли это народ, который учил Он Истинам Отца Своего?! Как быстро все отреклись от Него и предали, подобно Иуде, обменяв Его жизнь у Пилата на разбойника Баравву.

Йешуа грустно улыбнулся, вспоминая судилище у Пилата. Да, народ выбрал Баравву, имя которого также переводились с иудейского как сын отца. Но видимо, отцы у них были разные, потому что Баравва был закоренелым лиходеем и преступником. Но не осуждал Йешуа свой народ, не осуждал. Молча, про себя, Он кротко молился за всех врагов и обидчиков своих.

Он знал Сам в Себе, что произойдёт далее.

Знал, что когда остановится его разбитое и разорванное сердце от не милосердия и не справедливости осудивших Его, и когда копьё легионера Лонгина, дарящего «удар милосердия» вонзится в его правый бок, поражая уже остановившееся давно сердце, Он изойдёт из тела и исполнит то, что было уготовано Ему Отцом.

Да, будет пресветлое Воскресение Его из мёртвых, и ученики Его понесут Благою Весть по всей Земле, но

будет и ещё кое-что, то, что произойдёт до Его Победоносного Пришествия и Восстановления Истины Бога на Земле.

И это кое-что было связано с деревней Приречная, что затерялась на необъятных просторах Вологодской области бескрайней страны Россия.

Есть такая страна на Земле, о которой говорил Ему Андрей, ученик-Апостол.

И ещё знал Он от Отца Своего, что надлежит ему спасти ребёнка, Избранного как Сосуд Божий, для дел Самого Бога Всевышнего, и ребёнка этого попущено как погубить, так и спасти. Кто именно этот ребёнок будет, неведомо ни Ему, ни духу зла, стремящемуся дитя погубить.

Известно только, что будет Он у них на виду, хотя бы однажды.

Такой вот расклад получался.

Глава вторая

Андрей

Ох, и красива Сухона-река, принарядившаяся в багрянец солнечного заката!

Северная красавица неторопливо несла свои чистые незамутнённые воды по широко раскинувшейся Вологодской области необъятной матушки-России.

На изгибе поворота голубой ленты реки белой чайкой показался пассажирский теплоход «Заря» – скоростное глиссирующее речное судно с водомётным

двигателем. Ласковые волны от пролетевшей «Зари» белопенными барашками игриво соприкасаясь с дышащими нектарным разнотравьем заливными лугами, обнимали и целовали, как самое дорогое, прибрежную траву, тихонько, чуть слышно отвечающую на ласки играющих солнечной радугой волн. Как-то внезапно опечалилось небо, запасмурнело и, сменяя друг друга, как часовые на посту, над рекой зашлись кривые полосы дождя.

Впрочем, недолго плакала природа и над посвежевшей Сухоной восстала и расцвела во всей своей красе просиявшая всеми цветами разноцветная радуга-дуга.

Ничего не скажешь, интересная работа у участкового уполномоченного инспектора Марьинского РОВД лейтенанта милиции Андрея Вячеславовича Светлова!

Это и с гражданами постоянное общение, ведь по должности-то он и пожарный, и гаишник, и постовой, и спасатель на своём участке! Всех заботушек не перечислить!

Хотя на дворе и стояли беспокойные двухтысячные, работёнки действительно хватало. Правда, была у Андрея и гражданская профессия: столяр-плотник, но так получилось, что своим призванием он избрал служение народу в органах российской милиции.

Вот и сейчас лейтенант Светлов не торопясь шёл по вверенному ему административному участку в райцентре небольшого города Марьинск, что на самом севере Вологодской области. Тридцатилетний кареглазый моложавый и подтянутый лейтенант шёл, радостно шурясь на солнце, которое буквально заглядывало в его светло-карие глаза. Внезапно Светлов увидел, что из окон второго этажа большой деревянной двухэтажки валил густыми клубами дым.

Пожар!

Рванув манипулятор радиостанции, лейтенант сообщил в дежурную часть о возгорании и, попросив срочно вызвать пожарную охрану, наш офицер вбежал в подъезд старого дома. Барабания во все двери, где-то будя людей, он выводил и спасал народ из охваченного пламенем дома. Из квартиры, в которой участковый доподлинно знал, что там проживал старый инвалид-колясочник, доносились какие-то звуки и возня. Светлов, не мешкая ни секунды, ногой выбил двери квартиры старика и, зайдя внутрь жилого помещения, на руках вынес старого ветерана.

Форменная рубашка лейтенанта была вся в копоти и дырках от разгорающегося огромного костра. Откашлявшись от едкого и вонючего дыма, который казалось, проник даже в лёгкие, Светлов с тревогой осмотрел погорельцев: – Все вышли?

– Да, лейтенант, – отозвался ветеран Великой Отечественной войны дед Матвей, тот самый, которого Андрей вынес на руках, – кажись все вышли, ещё б немного... Спасибо, тебе, Андрей, спас ты нас сегодня...

– Ай, брось, дед Матвей, пустое, – отмахнулся от него участковый, – служба у меня такая...

– Хорошо служишь, сынок, – уважительно посмотрел на него ветеран войны и труда, – спасибо тебе.

Где-то вдалеке слышались автомобильные сирены и буквально через считанные минуты во двор въехали три пожарных машины, «Скорая помощь» и газовая служба.

Проехавшая рядом с ним тяжёлая спецмашина раздавила своими колёсами чёрную женскую сумочку, закатывая её в грязь. Совместно с прибывшим караулом огнеборцев наш лейтенант вступил в борьбу с пожаром, которая, надо сказать, увенчалась успехом: дом удалось отстоять и, в дальнейшем, он подлежал восстановлению.

Конечно, наш лейтенант не ждал после этого случая никаких победных фанфар и реляций в свою честь, но то, что случилось позже, удивило даже его.

На утреннем инструктаже нарядов, собранных на охрану общественного порядка, начальник штаба РОВД подполковник Гербарий Иванович Подёнкин, строго отчитал его, лейтенанта Светлова, за то, что он нарушил должностные инструкции и неправильно действовал на пожаре! Глядя на высокого сухощавого подполковника, участковый не верил своим ушам. Оказывается, по мнению начальника, он должен был стоять в стороне и охранять общественный порядок и имущество людей на пожаре! А то, видишь, у одной бабули сумочка пропала, сыщи её теперь, попробуй! И то верно, суматоха тогда была такая, что ого-го! Люди из окон вещи выбрасывали по разные стороны дома, и захотел бы – не углядел! А так получается, что надо было стоять, руки в брюки, охранять правопорядок и смотреть такими ясными глазами, как люди в огне гибнут до приезда пожарных!

Нет, ничего не сказал Андрей этому начальнику, потому что, знал, что не поймёт он его. Впрочем, и не надо.

Хотя, грех было жаловаться на судьбу участковому Светлову: дом с приусадебным участком есть, молодая красавица жена Шура тоже радовала его, что ещё надо для счастья человеку?! Правда, не было ещё детей у лейтенанта, но это, как говорится, со временем, да и жена смеялась, что, мол, будешь капитаном или майором, поговорим и о детях. Не обижался на неё Светлов и отшучивался, что у неё детей, как звёздочки – заслужить надо. Хотя, чудная, не за майора и выходила...

Под самый Новый Год приключилась и у него на участке заваруха: не вернулся с лыжни и пропал десятилетний мальчик Петя Иванов. Ну, пока отдел по тревоге

поднимали, то да сё, не выдержал наш лейтенант, плюнул в очередной раз на должностные приказы и инструкции, что называется, «лыжи навострил», и по раннему вечеру в лес и ушёл, парнишку, значит, разыскивать.

А морозец уже стоял хороший.

Сбился с ног наш лейтенант, ну нет парня, как сквозь землю провалился! Сел уставший лейтенант на снег, пригорюнился.

...Слова молитвы пришли внезапно.

Чистые и прозрачные, звенящие в своей простоте, они лились, исторгаемые из самого сердца нашего лейтенанта, из всей его уставшей и ищущей правды, души.

Раскалённые слёзы капали прямо в снег.

Одновременно с этим снизошло на Светлова какое-то тихое и спокойное умиротворение и радость. Встав на ноги, участковый продолжил свой поиск. Надо же было такому случиться, и как он этого раньше не замечал: на лыжне, проходящей через глухой лес, он заметил сломанные лыжи. Пройдя ещё немного, он нашёл на снегу замерзающего мальчика.

– Петя, Иванов! – тряс мальчугана наш герой. – Очнись, парень!

С трудом открывая глаза, мальчик увидел офицера милиции в зимней форме и как-то виновато улыбнулся.

– Нашли... а я вот лыжи сломал, да и ногу подвернул...

– Не бойся, малец, вынесу я тебя, – улыбнулся участковый, и сняв с себя форменный зимний бушлат, одел в него мальчугана.

После чего, взяв на руки ребёнка, с трудом стал выходить из леса, ища дорогу по темнянке домой.

Быстро темнело.

Жаль, правда, что фонарика нет.

Одно хорошо, что нашёл пацана вовремя он, потому что было так холодно, как это обычно и бывает в

эти зимние дни. Вынося дитя на руках, лейтенант даже вспотел. Завидев поблизости с лыжнёй старую охотничью избушку, участковый зашёл в неё, держа ребёнка на руках.

Посмотрев на мальчика, лейтенант довольно улыбнулся: спит, бродяга, поди, упетался, устал от переживаний своих... Мысленно похвалив охотников, лейтенант растопил небольшую печку-буржуйку, находившуюся в домишке. Жаль, что уйдя на поиск, лейтенант забыл дома свою мини-радиостанцию, хотя и не взяла бы она из этого места. Приняв решение переждать ночь в избушке, Светлов, прижав к себе ребёнка и согревая его своим телом, как-то незаметно для себя уснул сном праведника.

Снились нашему герою облака.

Как идёт он по ним, обдуваемый со всех сторон животворящим ветром дыхания Божия, по направлению к сверкающему белым золотом Небесному Городу-Храму, где встречает его сам Христос.

То, что это был Христос, Светлов по какой-то неизвестной ему причине, знал сразу и наверняка.

От Спасителя веяло величайшей кротостью и Милосердием Любви. Он повёл его, показав красоты не только Небесного Иерусалима, но и рая. Что было дальше, Светлов не помнил, словно бы его память с того момента была кем-то или чем-то заблокирована.

Проснувшись с чувством радостного умиротворения и благодати, наш лейтенант разбудил мальчонку: – Вставай, малец, пора в дорогу!

Открыв глаза, Петя Иванов уверенно встал на ноги и благодарно посмотрел на участкового: – Ничего и не болит, за ночь всё прошло.

– Вот и чудно, – улыбнулся офицер милиции и посмотрел на утренний белый снег, припорошивший всё вокруг, – пойдём, Пётр, домой, заждались тебя уже.

Выйдя из избушки, они опешили: к ним не торопясь подошли четыре волка, скалясь в своих беспощадных улыбках.

Мальчик Петя не выдержал и испуганно заплакал.

– Не бойся, Петя, я с тобой, – закрыл его своим телом участковый и пожалел, что не взял в отделе пистолет, торопился очень.

К Светлову подошёл вожак стаи и посмотрел ему прямо в глаза.

Андрей неожиданно для себя кротко и как-то с любовью посмотрел на матёрого волка и протянул ему руку: – Не бойся, серый, никто тебя не обидит.

Внезапно, подойдя к Светлову ещё ближе, волк доверчиво, как большой мохнатый щенок, лёг у его ног, и умиротворённо закрыл глаза. Волчий голодный блеск потух в его глазах.

Ласково поглаживая матёрого волка по его голове, Андрей сказал ему с любовью: – А теперь, мы пойдём, серый, домой нам пора... Ты тоже беги по своим делам...

Словно бы послушавшись Светлова, вожак стаи вскочил и, посмотрев на лейтенанта преданным собачьим взглядом, махнув хвостом, побежал в сторону леса, уводя за собой всю свою стаю.

– Ну, вот видишь, всё как хорошо, – ободряюще посмотрел на Петю Светлов, – пойдём домой, заждались нас уже.

Да, вернувшись в город и не встретив даже признаков поисково-спасательной операции, отведя мальчика домой, впоследствии немало услышал Светлов в свой адрес гневных эпитетов и выражений.

– Ну ты и дурак, – сердито выговаривала ему жена, – я же беспокоилась за тебя, а если бы что случилось?!

– Наказать тебя надо! – кипел от злости начальник РОВД, грозно смотря на лейтенанта. – Из-за тебя отдел по тревоге подняли, где наш герой, а нет его!

Ничего не отвечал на это Светлов, а только виновато улыбался в ответ, да и что скажешь людям, не желающим понимать тебя!

По весне опять-таки досталось нашему лейтенанту! Ничто, ну абсолютно ничто не предвещало никакой беды.

Участковый Светлов, как обычно, заступил на праздничное дежурство по охране правопорядка 9 Мая. Как всегда, патрулируя по своему участку, видя проходящего мимо него ветерана войны, лейтенант привычно отдавал воинское приветствие герою войны и труда. Так бы и прошла смена лейтенанта Светлова, тихо и незаметно, но на свою беду уже под вечер услышал наш участковый какой-то шум в городском парке.

Пройдя туда, Светлов увидел крайне неприглядную картину: трое подвыпивших юнцов лет так двадцати издевались над ветераном войны. Сорвав с его парадного офицерского кителя боевые ордена и медали, молодые подонки, смеясь, заставляли ветерана вскидывать руку в фашистском приветствии.

– Отдайте, отдайте награды, – плакал ветеран в свой праздник, – я за вас когда-то кровь свою проливал!

– За нас не надо! – смеялись пьяные негодяи. – Хочешь свои побрякушки обратно, кричи, деда, «хайль» и руку вскидывай!

В глазах у Светлова помутнело.

Не помня себя, он подскочил к старшему из подонков и вплеп ему от всей души звонкую пощёчину: – Не смей! Не смей, гадьё, над ветераном войны издеваться!

Каким-то образом в руках у милиционера блеснул воронёной сталью табельный пистолет.

– Ну, мрази! – холодно и презрительно командовал лейтенант. – На колени перед фронтовиком и просить прощения у него, живо!

Смотря на пляшущий в руках милиционера «Макаров», шпана нехотя встала на колени.

Заводила, размазывая пьяные слёзы по щекам, запричитал: – Извини нас деда, больше не будем!

Светлов с сочувствием посмотрел на ветерана: – Заявление писать будете?

– Нет, нет, – как-то испуганно и одновременно благодарно посмотрел на него фронтовик, – чего уж теперь... жаль дураков, молодые, посадят ещё, не дай бог! Как они не понимают... А тебе спасибо, лейтенант, выручил ты меня.

– Не за что, – посмотрел на него Светлов, – это вам спасибо, за Победу, и за жизнь, которую вы дали нам!

Короче, на этом и разошлись.

И думал наш лейтенант, что всё хорошо и пушисто.

Да вот нет.

Оказался главный заводила-подонок сынком главы местной администрации и, написал такую жалобу-филюгу на лейтенанта, что мало не покажется!

В итоге стоял наш лейтенант на суде офицерской чести и бледнел, когда разносили в пух и прах его начальники и коллеги по службе.

– Вот, – зло шипел на него начальник РОВД, – благодари бога, что не просит сын уважаемых родителей привлечь тебя к уголовной ответственности за побои, а лишь ставит вопрос о невозможности твоего дальнейшего прохождения службы в органах МВД! Ты должен у него прощение просить да в ногах валяться!

– Не буду! – отчеканил Светлов, холодно посмотрев на полковника. – Я считаю, что честь свою офицерскую я не измарал!

– Это ты так считаешь! – нехорошо посмотрел на него начальник. – А представь, парню каково?! Переживает, лечится, поправляя нервы и здоровье!

Зал довольно ухмыльнулся, зная, что папаша отправил своего недоросля-сынка отдохнуть на тропические острова.

Знал это и Светлов, поэтому невольно улыбнулся.

– Смотрите, а он улыбается на наши замечания! – вскипел начальник штаба, подполковник Подёнкин. – Считаю, товарищи, что суду всё ясно! Вношу предложение об увольнении из органов МВД лейтенанта Светлова! Ставлю вопрос на голосование.

Короче, проголосовали все почти единогласно, а кто пытался в защиту Андрея высказаться, господа полковники тем рты быстро позакрывали.

Хуже всего, что бросила его после всех этих передраг его Шурка.

Ушла к новомодному хлыщу из «новых русских» – предпринимателей. Видимо давно имела этот вариант у себя в голове. Ну и ушлая же, тьявря, оказалась!

Перед тем как уйти, подошла к Светлову и поцеловала его в щёку: мол, извини, дорогой, не я, жизнь такая!

На что горько сказал ей участковый: – И меня, значит, через целование предаёшь?

Ничего не ответила ему любимая и навсегда ушла из жизни Светлова, словно бы вычеркнув его раз и навсегда из своей жизни.

Впрочем, простил свою бывшую возлюбленную Светлов и даже молился за неё, как-то незаметно для себя придя к вере.

В поисках истины и смысла жизни прибился он сначала к местной Марьинской церкви и монастырю, но затем, не найдя себя там, ушёл на длительное богомолье по святым местам Руси. Много ещё таких мест в Расее!

И как-то незаметно для себя июль 2015 года и встретил наш Андрей в своей родной деревне Приречной, что на самом севере Вологодской области.

Правда, звали его уже, Андрей-юродивый.

Вячеслав

Родился Вячеслав Иванович Меленков, как он сам шутил, ещё во времена Царя Гороха.

Первую мировую он, естественно, не застал, а вот в Великой Отечественной ему пришлось повоевать с первого дня войны до последнего.

Славно потрудился фронтовик Меленков, освобождая землю от фашистской заразы. Об этом говорили четыре нашивки за ранения на его парадно-выходном пиджаке, три медали «За отвагу», три ордена Славы и три Красной Звезды. Была даже рапортчика-ходотайство на Меленкова от его командования за совершённый подвиг на присвоение ему звания Героя Советского Союза. Да видно, то ли потерялась она где-то, то ли какой большой и важный начальник не подписал бумагу, делов-то! Воевал наш Вячеслав Иванович не за медали и ордена, а за Родину.

В семейной жизни у ветерана тоже всё было в полном порядке: жена Алёна, двое сыновей, трое дочерей, множество внучат и правнуков окружали его в праздничные дни. Он вспоминал, как познакомился со своей Алёнушкой. На память приходили их встречи под луной у реки, когда серебристая дорожка света от ночного светила бежала по волнистой глади реки. Их первый поцелуй на сеновале: губы Алёны пьянили мёдом счастья и неги и неожиданной и непознанной пока ещё любви. Их первую брачную ночь, когда они сбежали от гостей на свадьбе и познали друг друга, как мужчина познаёт женщину, а женщина мужчину. Любил Вячеслав Иванович свою супруженицу и детей, которых она подарила ему, равно как его Алёнушка любила его и не представляла свою жизнь без него.

И жил наш Вячеслав Иванович в своей родной деревне Приречная, что в Марьинском районе Вологодской области. Много раз предлагали фронтовику-герою переселиться по выбору либо в райцентр, либо даже в саму Вологду, но всё отказывался наш ветеран. Приречная не просто какая-то деревня, а Родина его, хоть и называют её малой. Малая или большая, как тут рассудишь, Родину не поделишь на части и с собой не унесёшь. Одна она, её не продашь и не сдашь в аренду по частям, потому что земля она родная, кровью потомков политая – Россия, Родина, значит, если яснее и короче говоря. Верно же сказано, что Россия без деревни, что птица без оперения. Правда, за последние десятилетия пришла в полный упадок его родная Приречная, и там, где раньше кипела жизнь, совсем не стало ничего, тишина и мерзость запустения. Даже начальной школы не стало, где он учительствовал когда-то много-много лет, оптимизаторы, мать их об колено! А что поделать, на дворе стоял «великий и ужасный» июль 2015 года, и телевизор постоянно трубил об успехах и свершениях новой чудо-экономики.

Реформы, блин, однако.

Глава четвёртая

Валентин

Был Валентин Петрович Новоторов самым что ни на есть всамаделишним судебным приставом. Если быть более точным, то его должность звучала как судебный пристав-исполнитель Федеральной службы судебных приставов по Вологодской области.

Работа Валентина Петровича состояла в том числе и в исполнении исполнительных действий того или иного характера, а впрочем была не особо трудной и хлопотной. Хотя, конечно, как и в любом ведомстве волокиты хватало и здесь.

Считал себя Новоторов вполне успешным и в меру обеспеченным мужчиной. Ранее служил он в десантных войсках и прошёл, как говорится, и огонь, и воду, и медные трубы. Что и говорить, бывал и в различных горячих точках и успел даже дослужиться до звания майора, а это, сами понимаете, чего-нибудь да стоит. Даже имел боевую медаль, одну правда, зато «За отвагу», ведь не штабист же. Те же из тыловиков, кто не бывал на боевых, все сплошь в орденах и медалях ходили, вот так!

Имел к выходу в отставку наш гвардии майор и прекрасную дружную семью, красавицу жену Настёну, да трёх красотулечек дочек. Поэтому считал себя Валентин Петрович не обиженным ни Богом, ни судьбой. И когда подвернулась в принципе неплохая работёнка у них в местном отделе ФССП, охотно согласился вчерашний гвардии майор на такую вот работу. При этом успевал Новоторов и по дому, и по саду-огороду хозяйничать, благо Бог здоровьем не обидел. Да и работёнка у него была в основном городская, выездов куда-либо далеко, как правило, не бывало.

Правда вот сейчас собирался наш судебный пристав-исполнитель Новоторов на исполнение исполнительных действий и не куда-нибудь, а в дальнюю деревушку Приречная, что находилась на окраине их Марьинского района. До неё, почитай, вёрст немеряно, да и те лесные. Вот и пришлось Новоторову топтать на речной вокзал, ждять «Зарю» и, как говорится, вперёд!

Дело не обещало быть сложным, просто одного приреченского мужичка окрутил лиходей-сосед и, поверив

ему, взял несчастный бедолага кредит для него, правда, на своё имя, а тот не будь дурак, и с крупной заёмной суммой подался в бега. Ну а банк, что банк, тот дело туго знает, подал на нашего мужичка в суд. Процесс, естественно, банк выиграл, и вот теперь едет он, Новоторов, к тому бедолаге-мужичку имущество у него описывать да арестовывать по решению суда.

Вот такие кренделя, братцы.

С судом и банком дела плохи, с ними не забалуешь.

Глава пятая

Анатолий

Стукнуло Анатолию Ивановичу Святогорову на июль 2015 года сорок годков.

Симпатичный, моложавый ещё мужчина, невысокого роста, с тёмными волосами и карими глазами и какой-то по-детски застенчивой улыбкой, светившейся на его загорелом лице. И работал он там, где и мечтал: на реке!

Был Святогоров потомственный речник, родом с деревни Приречная, что в Марьинском районе Вологодской области на самом берегу матушки Сухоны-реки стоит. Дом Анатолию достался ещё от родителей: хороший дом, справный и крепкий. А родителей у Анатолия Ивановича уже и не было на этом свете, померли давно.

Отучившись в школе, поступил в своё время наш герой в речное училище, где овладел профессиями мо-

ториста-рулевого, а затем и капитана речного судна. Отслужив срочную в пехоте, подался Святогоров в речной флот Вологодчины, так как не мыслил себя без реки. С личной жизнью не сложилось у нашего героя. Была у него девушка Катя, но как-то не получилось у них, не склеилось. Вот и куковал холостяком наш «речной волк». А что, реку он знал, как свои пять пальцев. Поэтому и поручали ему разные ответственные дела. На каких только речных судах не ходил наш герой! От тяжёлых и неповоротливых речных тягачей до пассажирских теплоходов «Заря», «Метеор», «Комета» – скоростных глиссирующих речных судов с водомётным двигателем.

Особенно ему нравилась «Заря».

Какие радостные чувства он испытывал, ведя по сверкающей речной глади скоростную белоснежную красавицу «Зарю»! С нежностью относился он к своей «Зорьке», как он ласково её называл. Женским утренним именем «Зорька», хотя многие из речников и смеялись, мол так бурёнок кличут. Но не обижался на шутки и приколы своих коллег наш речник.

А так всё шло как всегда. И вроде бы не на что было жаловаться Анатолию Ивановичу. Правда, вот, беспокоила его одна «проблемка».

«Проблемка» та заключалась в том, что в своё время поверил наш герой своему земляку-приреченцу Фролке Акиндинову, попросившему у него помощи, что, мол, в городе у него жёнка больная, а с ней болящие детки малые. И требуются им всем деньги на лечение, причём немалые, потому что курс лечения надо было проходить за рубежом – сейчас любые болячки посложней в России не лечат! Все за бугор едут, а там, как и в России, в глазах у врачей кассовый аппарат поблёскивает, и все требуют: доллары, доллары, доллары!

Любил речник Святогоров детей, любил, да и людям верил, потому как заверил его Фрол, что все денежки вернёт, до последней копеечки. И хоть Бог ему своих детей, равно как и преданной и верной жены не дал, пошёл ради земляка наш Анатолий Иванович в банк, дом заложил, всё имущество и хозяйство, и взял большущий кредит на своё имя для земляка.

Дети – дело святое!

И передал Акиндинову все эти деньжищи. А тот не будь дурак и усвистал куда-то! Ищи его, свищи – Россия большая! Долг же тот непомерный на нашем герое повис, как дамоклов меч.

Вот тебе и верь людям!

Надеялся Святогоров, что как и обещал ему земляк Акиндинов, будет тот отдавать деньги, да куда там!

Полиция проверку провела, и оказалось, что не было у Фролки Акиндинова ни жены, ни малых болящих детушек, не было! И оказался он самым обыкновенным мошенником-кидалой, жуликом, проще говоря. Да и обидел он на Вологодчине не только Святогорова. Таких, как он, сердобольных и верящих, оказалось ещё не менее десятка! Что поделать, развелось жулья в России, один на другом сидит и подгоняет!

Эх, Россия!

А банк на него в суд подал и пока то да сё, получилось, что все эти денежки банк по закону и взыщет с него сердобольного бедняги нашего. Так было обидно речнику, что поспорил он с судьёй. Тот малый обидчивым оказался и отсидел в итоге за неуважение к суду и за мелкое хулиганство капитан Святогоров аж несколько суток в изоляторе, где нахватался слов и выражений не только присущих великому и могучему русскому языку.

С деньгами же у Святогорова на тот период была напряжёнка: на реке вместо пароходства частники те-

перь флотом заправляют. Вот и задерживают зарплаты. А банк ждать не стал. По судебному решению к судебным приставам обратился.

Что ж поделаться тут?

Банк есть банк, ему палец в рот не клади, всю руку откусит!

Такие вот дела, братцы.

Над матушкой Сухоной-рекой после серых унылых и кривых полос дождя при свете утренней зари раскинулась широкая и пресветлая радуга, играя своим величием на зеркальной глади воды.

Словно бы ничего и не случилось и не происходило.

Проходили годы и десятилетия, а река жила своей жизнью и, так же, как и вчера, рассекая серебро вод по речной глади летела белоснежная красавица «Заря», дарящая барашки волн обнимающим реку берегам.

Глава шестая

Григорий

В большом и просторном кабинете с видом на центр Москвы требовательно зазвонил телефон. Не торопясь, с лёгкой ленцой и вальяжностью молодой импозантный мужчина поднял телефонную трубку.

– Ало, кто говорит? – вкрадчивым голосом спросил он.

– Слон, ты понимаешь, – раздался в трубке знакомый до боли голос первого президента России, – Гриша, не узнал что ли?

Григорий Викторович Островков, один из министров правительства России, невольно встал по стойке смирно говоря со своим шефом.

– Извините, не узнал вас, товарищ президент, – отпартовал в своё извинение Островков, – да и позвонили вы не по кремлёвке!

– Ну, я звоню, понимаешь, с того телефона, с которого удобнее на данный момент, – усмехнулся на другом конце провода президент, – надеюсь, ты не против?

– Нет, что вы, – залебезил министр, – конечно, нет, ваше право...

– Да, понимаешь, право-то моё. – поскущел голос главы государства. – Вот, ты, понимаешь, реформы на нулевые готовишь. Оптимизация здравоохранения, образования, малых городов, деревень России...

В трубке зависла неприятная пауза.

– Вот что, – сказал внезапно решившись на открытый, жёсткий и прямой разговор, президент, – смотрю я на вас, Григорий Викторович, и вашу команду, и поражаюсь... Полстраны уже скоммуниздили, понимаешь... Хотя и я не свят! А вам Россию не жаль?! Вы сами родом из вологодской деревни, вам её не жаль?! Как жить-то она будет без ничего... А реформа здравоохранения?! Дети у вас с деревень и малых городов где лечится-то будут, а?! На каждого ребёнка Англий и Америк не напасть, да и денег у родителей российской детворы на такие поездочки не будет! Вот что, пока я президент, такие реформы и такой ценой я проводить не дам. Вы меня поняли, Григорий Викторович?! Не дам!

В трубке раздались короткие сердитые гудки.

Островков положил телефонную трубку и улыбнулся: ну мы это посмотрим, господин президент, чья возьмёт.

Время стремительно бежало, и на излёте был уже июль 1999 года.

Зная весь властный бульон и набор специй к нему, который заранее бешено, раскручивал следующую президентскую компанию, министр не сомневался, что и со следующим «большим боссом» он будет в центре событий и окажет влияние на них.

А что до оптимизации, что ж, подождём, как говорится, ещё не время пить мартини...

Островков считал себя государственным и не разделял нужды России на свои и чужие. Он искренне верил, что то, что он делал и к чему стремился, необходимо не только для его блага, но и всей России. Правда, некоторые ругали его за отсутствие духовности, но это уж как у Булгакова – если не любишь Бога, то может, подружишься с сатаной?!

Внезапно он вспомнил свою родную деревню Приречную, что затерялась где-то на просторах Вологодчины и усмехнулся. Да, в чём-то и прав президент, но для России жизненно необходимо провести оптимизацию. Сократить, отсечь всё лишнее, неудобное, и зарабатывать деньги исключительно продажей энергоносителей за рубеж.

Ну а Приречная?

Конечно, жаль родную деревушку, но всегда приходится решать, что важнее...

Что ж, мы устроим всем лишним голодные игры!

В этот момент он ненавидел всех: и президента, и оптимизируемую им Россию, и даже Приречную, иногда всплывавшую в его памяти и будящую в нём что-то далёкое, глубинное и сокровенное, чему ужасался и сокрушался министр.

Вспомнив известную фразу из знаменитого фильма, министр зло улыбнулся: действительно, Боливар не выдержит двоих!

Александр

Родился Саша Мутин в простой крестьянской семье в небольшой деревне Приречная, что на севере Вологодской области необъятной матушки России.

К знаниям тянулся необычайно, потому что понимал, что, не имея связей и возможностей в Первопрестольную просто так не попасть. Таких там и без него пруд пруди. Поэтому осваивал он школьную науку и первые рабочие специальности исключительно на отлично. Закончив школу с золотой медалью, он удачно поступил в один из московских вузов, где словил-таки птицу-удачу за хвост: училась с ним на одном курсе хоть и невзрачная и страшненькая, как смерть вождя, но всё-таки дочка ну очень большого московского начальника. Грех было упускать такой шанс. Вот Александр и не растерялся. А любовь, нелюбовь, какая разница, главное – идти вперёд и вверх до тех пор, пока это только возможно... Правда, была у Сашки Мутина влюблённая в него пассия-студентка... Дурёха. Когда узнала, что обрюхатил её Сашок, да ещё и бросил, не выдержала, малохольная, и под поезд бросилась...

А раз замутил дела, то по трупам ты идёшь или по живым людям, какая разница...

...Дорогуший правительственный лимузин слегка качнуло на повороте.

Словно бы проснувшись, Александр открыл глаза и посмотрел на водителя: – Ты это, поосторожней, Михаил, а то знаешь, какой сон перебил?!

– Ой, извините, Александр Петрович, на тряске это, – как-то извинительно произнёс водила, – сейчас дорога лучше пойдёт, к Вологде подъезжаем.

Посмотрев в зеркало в своём пассажирском салоне, Александр улыбнулся – да, всё у него хорошо.

Хотя на дворе и стоял суетливый июль 2015 года и работы было невпроворот, но у него, Александра Петровича Мутина, губернатора одного из регионов России, всё было исключительно хорошо. Ещё бы, он направлялся этаким инкогнито в свою родную деревушку, в которой не был сто лет. Причём, решил он съездить на свою малую родину в одиночку, отказавшись от своей привычной охраны и элитного транспорта. Был до губернаторства у него момент, когда он «работал» олигархом и даже занимал какие-то там строчки Форбс и прочей жёлтой прессы, падкой до богатых и знаменитых.

Впрочем, и на губернию он «пришёл» с тем, чтобы зарабатывать, а не созидать. Хотя, конечно, можно было и остановиться: крупнейшие производства в его области давно принадлежали ему и немалые денежки постоянно переводились на оффшорные счета, прибавляя к его золотой пене всё новые и новые потоки бабла, которого сейчас стало модно считать и иметь в долларах США, как вы понимаете. А так, на жизнь хватало, был у него и собственный тропический остров на Бали с парой молоденьких местных любовниц, даже моложе его собственных дочерей. Короче, всё было и на всё хватало!

Машину ещё немного трягнуло.

«Да, дороги», – подумал губернатор, презрительно поглядывая на вологодскую трассу, – «когда и научатся их делать, наверное, никогда...»

Конечно, можно было взять личный вертолёт или даже прогулочную яхту и эдаким «прынцем» подкатить в Приречную, мол, смотри, любуйся, родная деревня, кто к тебе приехал. Но Мутину было тупо жаль хоть своих, хоть государственных денег, которые в дальнейшем можно было пустить на дело.

Коротко звякнул мобильный телефон.

Губернатор-олигарх уважительно посмотрел на высветившийся номер: ого, сам Григорий Викторович Островков звонит, землячок, который сейчас такими делами управляет, что ему и не снилось. Многие даже называли его «серый кардинал-оптимизатор Всея Руси».

– Ало? – чуть дрогнувшим голосом спросил олигарх, хорошо понимая, кто ему звонит. – Это вы, Григорий Викторович?

– Я, – небрежно прозвучал в трубке голос земляка, – извини, Александр Петрович, дел невпроворот, хоть и хотел с тобой, землячок, в Приречной повидаться, но, увы... А планы были, на вертушке долго ли? Так что кланяйся родной стороне. Будешь в Москве, заглядывай по старой-новой дружбе...

В трубке раздались короткие гудки.

«Да», – с облегчением подумал губернатор Мутин, – «когда такие люди тебе звонят, это что-нибудь да стоит! Куда моим делам до дел землячка. По сравнению с ним все мои дела – делишки. Один замок у моря в Испании, который прикупил землячок, вместе с аэродромом и береговой инфраструктурой со всеми вертолётами, самолётами, яхтами и катерами, покруче, чем у короля Испании. А дворец в Англии, прикупленный удачливым землячком, заставлял бледнеть от зависти даже английскую королеву! А сделка по продаже Забайкалья и Сибири китайцам?! Классика жанра! Чего стоит оптимизация всего здравоохранения страны посредством компьютерного оптоволоконна в дальние деревни! Впрочем, то, что ранее считалось госизменой, сегодня считается нормальным бизнесом с раздачей наиболее удачливым орденков и звёздочек».

Вот такой вот непростой человек позвонил ему.

Ему вспоминался крайне неприятный инцидент, когда на предвыборной кампании в гонке за губернатор-

ское кресло к нему под зоркими прицелами телекамер на встрече с избирателями подошла заплаканная молодая женщина и попросила у него денег на операцию умирающему маленькому сыну. Любой чиновник постарался бы, хотя бы для вида, изобразить бурную деятельность в духе «спасите Вилли». Но в тот момент Мутин неприятно поразился своему ледящему и презрительному чувству отвращения и брезгливости к этой молодой плачущей мамочке и её умирающему сыну. Пробормотав что-то вроде «свяжитесь с моим секретарём» он буквально убежал со своей предвыборной встречи с избирателями.

– Как распорядитесь, Александр Петрович, – услужливо улыбался ему в машине секретарь-помощник, – сумму та девушка просит смехотворную, ей на карту или наличкой выдать? Изобразим так, что все тележурналисты увидят это и расхвалят вас.

– Вот что, Ефремов, – ледяным взором посмотрел на него олигарх, – денег я ей не дам, Россия большая, на всех не хватит. А придёт к тебе, нашу методу знаешь, заволокнуть всё, время протяни, а там, глядишь... Деньги, они счёт любят. И по остальным детишкам: много у нас просящих?

– Много, ой, много, – ответил ему секретарь Ефремов, – и все просят, надеются на вас.

– Вот что, – жестко посмотрел на своего помощника олигарх, – всем без исключения отказать! Команду я футбольную куплю из-за бугра, да и стадион построю, чемпионат на носу. Да и президентских амбиций я не лишён, чем я не президент?!

– Вас понял, – сделал себе пометки Ефремов и замолчал.

Сейчас же тот же самый Ефремов, едущий с ним, обрадовано посмотрел в окно машины: – В Вологду въезжаем, Александр Петрович, приехали, наконец.

За окном мелькали картинки провинциальной старой Вологды с вкраплениями строек сегодняшнего дня.

– Где же моя темноглазая, где? – радостно пропел губернатор-олигарх и выдохнул. – Ну, здравствуй, Вологда, край берёз и резных палисадов.

Колёса лимузина глотали ямы и неровности дорожного покрытия столицы северного края.

– Так, – скомандовал водителю олигарх, – давай на речной вокзал, хочу на «Заре», как когда-то в детстве прокатиться. Там меня и местный полицейский ждёт, прикомандировали-таки его ко мне по просьбе местного губернатора! Вы ребята, на пару-другую суток с машиной в Вологде остаётесь. Меня ждать, смотрите, не расслабляйтесь, а то накажу!

Важный чёрный лимузин подъезжал к речному вокзалу «Вологда», где к ним подошёл мужчина в чёрной полицейской форме с погонами подполковника, встречающий их.

Глава восьмая

Денис

Подполковник Кораблёв нетерпеливо поглядывал на часы.

«Запаздывают, гости дорогие», – укоризненно думал он, – «давно бы уже пора подъехать».

Впрочем, никуда без этого почётного гостя «Заря» не пойдёт, одно слово: vip-персона.

Тёплое июльское солнце 2015 года заливало своим светом давно проснувшуюся красавицу Вологду. За-

меститель начальника штаба Марьинского РОВД подполковник полиции Денис Васильевич Кораблёв, получивший от своего руководства приказ сопровождать от Вологды до деревни Приречной и обратно дорогого гостя, вновь посмотрел на часы: да, начальство задерживается, но на то оно и начальство, чтобы задерживаться! Денис задумался и посмотрел на реку Вологду, тихо играющую своими волнами на водной глади.

Всё у него хорошо: и должность, и звание, и выслуга поднакопилась приличная. Даже в командировках в горячие точки наш штабист успел побывать. В боях, конечно, не участвовал, упаси бог, но государственные награды за то, что был там, он имел. Впрочем, как и многие побывавшие там сослуживцы.

С семьёй у него тоже вроде всё хорошо: у шикарного трёхэтажного коттеджа на большом приусадебном участке был разбит плодовый сад и огород. Во дворе возились поблёскивавшие своё чистотой поросятки, и разномастная домашняя птица, а в стойле солидно мычала корова Дуська, да бил копытом на небольшой конферме его верный конь Максим. Хозяйство приносило вполне определённый доход. Посудите сами, всё своё, так что впереди маячила хорошая сытая и обеспеченная старость, поэтому Денису Васильевичу было куда торопиться после его нелёгкой службы. Да и денег Денис Васильевич успел скопить, потому что мужичок он был тёртый и сообразительный, и не только в бумажках разбирался. Поэтому ему было что сохранять и приумножать.

– Наконец-то! – обрадовано выдохнул подполковник, завидев лимузин с известными ему номерами. – Приехали!

После чего бравый полицейский, подбежав к поблёскивающей машине, открыл двери выходящему на-

чальнику и лихо, знай, мол, наших, представился: – Подполковник Кораблёв! Прибыл в ваше распоряжение, господин губернатор!

Ему небрежно и вальяжно махнул рукой вышедший из машины олигарх.

В свете утреннего рассвета над рекой на небольшой высоте летел, словно бы плыл, большой прозрачный светящийся шар, несущий в себе пламя Неба. Пламя это неспешно и беззвучно отражалось на зеркальной глади реки, не вступая в контакт с чуждой реальностью. И когда неопознанный летающий объект словно бы раздувался как шар, наполненный неведомой космической энергией или плазмой, он вспыхивал, как яркая небесная звезда, и съёживался до размеров крохотной булавки, словно показывая слияние микро и макромира. Но и при этом он вёл себя весьма разумно и рационально.

Как и многие сегодня, таинственный шар держал свой путь в деревню Приречная, что затерялась на севере бескрайней Вологодской области необъятной матушки России.

ДЕРЕВНЯ ПРИРЕЧНАЯ

Заря!

Анатолий Иванович Святогоров с любовью смотрел на свою «Зарю» – пассажирский скоростной теплоход белоснежной окраски, плавно покачивающийся на небольших волнах у речного вокзала «Вологда».

Теплоход этот был сделан ещё при советской власти и являлся скоростным глиссирующим речным судном с дизельным двигателем и водомётным движителем. Святогоровская «Заря» могла запросто развивать скорость до пятидесяти километров в час и перевозить до девяноста человек, имела на борту коротковолновую

радиостанцию. Кроме капитана, в экипаже у Анатолия Ивановича был один подчинённый, хотя и полагалось два. Впрочем, у них была полная взаимозаменяемость, каждый при случае мог быть и мотористом и рулевым. Речник Святогоров уже много лет хаживал по Сухоне на своей «Заре», поэтому любил и лелеял её как любимую женщину, свою Зорьку-Зорюшку.

Диспетчер по громкоговорителю, установленному на их речном вокзале, дал объявление о посадке на его «Зарю». Немногочисленные пассажиры проходили на его речное судно и рассаживались по своим местам в пассажирском салоне автобусного типа с трёхместными сидениями вдоль каждого борта.

«Да», – подумал капитан Святогоров, – «немного сегодня пассажиров, немного...»

Впрочем, сегодня была среда, и день был рабочий, поэтому немногие могли совершить плавание на его теплоходе. Зоркий глаз Святогорова заметил в числе пассажиров грузного важного и вальяжного мужчину, сидевшего в салоне вместе с сопровождавшим его подполковником полиции. Это же заметил и наблюдательный моторист Бубенцов: – Смотри, Анатолий Иванович, какую-то важную шишку полицейский сопровождает.

Капитан невозмутимо посмотрел на друга и коллегу.

– Вижу, Серёжа, вижу, – тихо улыбнулся речник Святогоров, – не иначе кого-нибудь из Москвы или администрации губернатора сопровождает, вишь, какой важный гоблин! Поэтому, поаккуратней, пожалуйста, в выражениях. Путь до Приречной, нашего конечного пункта, неблизкий, держи себя в руках!

– Хорошо! – уважительно посмотрел на Святогорова его подчинённый и не удержавшись спросил. – Ну, а что потом?

– Суп с котом! – как-то удачно и в тему пошутил капитан и посмотрел на свои часы. – Объявляй отправление, отходим!

Пеня воду, «Заря» на самом малом отошла от причала и, плавно набирая скорость, устремилась по реке, с каждым метром пути приближая себя к своей конечной цели – деревни Приречной!

– Ну что, господин подполковник, – посмотрел на сидящего рядом с ним Дениса Кораблёва олигарх-губернатор Мутин, – ты не против, если я немного покемарю? Устал, вымотался в дороге.

При этих словах Мутин выразительно зевнул и посмотрел на свои дорожные золотые часы, холодно поблёскивающие на его руке.

– Да, да, конечно, уважаемый Александр Петрович, – залебезил перед начальником полицейский, – сосните пару часиков, я так сказать, постерегу ваш покой. Тем более, до конечного пункта ещё ого-го сколько пилить! Поспите, я здесь побуду, на страже.

– Побудь, побудь, – снисходительно улыбнулся олигарх и, действительно, спустя некоторое время уже похрапывал убаюкиваемый монотонным движением «Зари».

«Упетался губернатор», – сочувственно посмотрел на Мутина подполковник, – «как дорога человека вымотала, вмиг заснул».

Впрочем, через некоторое время похрапывал уже и наш лихой подполковник, монотонный гул «Зари» погрузил в сон и его.

Быстро несло время.

«Заря» всё также летела по серебристой глади воды, оставляя после себя белопенные барашки волн.

– Вечереет, уже, Анатолий Иванович. – посмотрел на капитана его помощник Бубенцов, – успеть бы до темнянки!

– Скоро, Сергей, и наша Приречная, – как всегда улыбнулся Святогоров, – успеем.

– Движок чой-то барахлит, Иваныч, – рапортовал капитану речник, – боюсь, что придётся мне в этот раз заночевать на судне. Ремонт, то да сё, сам понимаешь, капитан.

– Понимаю, Серёжа, – глянул на Бубенцова капитан «Зари», – ремонтируй, раз такое дело. До завтра-то успеешь? Смотри, с утра рейс обратно в Вологду.

– Конечно, успею, Анатолий Иванович, – заверил своего начальника речник, – даже не сомневайтесь.

Из-за поворота реки показалась деревня, смотрящая, как где-то далеко бурлила и била ключом жизнь, не касающаяся её, и словно замершая в испуге своего преждевременного умирания.

Приречная!

Когда-то и она радовала селян, живущих в ней, своей бьющей, как родниковый ключ, жизнью. Но как-то тихо скрючилась, съёжилась и скукожилась она. Заснула, словно бы умерла тихой и негромкой смертью. И не было пышных проводов и застолий по умершей деревне.

Словно бы её и не было никогда.

И то правда, сколько таких деревень, как Приречная, умерло в лихие девяностые и продолжает умирать, и по сей день.

– Приехали! – обрадовано расталкивал спящего полицейского олигарх-губернатор. – Вставай, служба, иначе всё проспичь!

Зевая и протирая спросонья глаза, просыпался наш браваый полицейский, смотря как «Заря» лихо вползла на травянистый пологий берег у деревни, раскинувшей свои старые дома по всему берегу реки.

Когда все пассажиры вышли, заторопился к выходу и капитан Святогоров, дав на прощание свои краткие ин-

струкции мотористу Бубенцову. Подойдя к своему дому, Святогоров заметил на крыльце спортивного вида крепкого здорового мужичка, городского. Его он ещё запомнил в числе своих пассажиров на «Заре».

Капитан вопросительно глянул на незнакомца: – Вы ко мне?

– Извините, – начал свою речь неизвестный мужчина и, достав из кармана рубашки служебное удостоверение, предъявил его Святогорову, – судебный пристав-исполнитель Новоторов Валентин Петрович! Извините, это вы Святогоров Анатолий Иванович?

– Да, я, – коротко ответил Анатолий и поинтересовался, – простите, а в чём дело?

– Не могу вас порадовать, Анатолий Иванович, – сочувственно посмотрел на капитана «Зари» пристав, – у меня исполнительное действие. Помните: кредит, банк, суд?

– Да, конечно, – покачал головой Святогоров, – поверил я тогда одному проходимцу.

– По служебным материалам я обязан описать и арестовать у вас дом и имущество, – извиняющимся тоном начал пристав Новоторов, – правда, пользоваться всем этим вы сможете под вашу сохранныую расписку.

– Обнадёжил, мил человек, – грустно улыбнулся капитан, – проходи, работай. Служба есть служба.

Зайдя в дом, пристав принялся исполнять свою рутинную работу. Как в кино, знаете: свидетели, протокола и прочая ерундистика.

– Так, Анатолий Иванович, – спрашивал пристав-исполнитель, поглядывая на холодильник, – какой марки, давайте посмотрим.

Осмотрев холодильный агрегат, пристав записал его в свои бумаги: – Так, холодильник «Свияга». Что ещё у вас есть?

Заметив прыгнувшего на холодильник кота, Святогоров смахнул его на пол и грустно пошутил: – Убегай, Барсик, а то тебя ещё опишут, что тогда делать будем?

Пристав Новоторов оценивающе посмотрел на внутреннее убранство дома: описывать нечего, беднота, голь перекатная! Холодильник, телевизор, микроволновку и даже старый мотоцикл он описал и внёс в свои документы.

Что ещё описать?

Пристав, тяжело вздохнув, продолжил свою нелёгкую работу.

В это самое время олигарх-губернатор Мутин в сопровождении полицейского Кораблёва шёл по родной деревне.

Да, изменилась его деревенька и далеко не в лучшую сторону!

В бликах заходящего солнца чернели покосившиеся купола полуразвалившейся церкви, где он когда-то ещё мальчонкой лазал и играл. Удивлённый Мутин шёл мимо развалившегося здания сельского медицинского ФАПа – фельдшерско-акушерского пункта. На дверях начальной школы с зияющими бойницами окон висел огромный амбарный замок. А ведь когда-то он учился в этой школе!

Грустный олигарх, проходя мимо сельмага – сельского магазина, заметил, что двери магазинчика закрыты на замок, впрочем, как и их сельский клуб и библиотека, тропки к которым густо поросли бурьяном.

«До чего страну, сволочи, довели!» – грустно подумал Мутин и горько улыбнулся, – «А кто довёл-то? Такие же как и я сам... Эх, сам себе лгать не будешь...»

За ним не торопясь шёл подполковник Кораблёв, несший в руках свёрнутый дорогой пиджак и портфель губернатора.

Ещё раз сокрушённо остановившись возле разбитой церкви на не менее убогой, страшной и разбитой сельской дороге, они и не заметили, как к ним подошёл молодой священник в тёмной рясе.

– Здравствуйте! – приветливо поздоровался с ними священнослужитель. – Меня зовут отец Олег, я здешний настоятель, окормляю свой приход.

– Привет, привет, – посмотрел на священника олигарх Мутин, – только, смотрю, батюшка, чего-то ты хреново окормляешь, посмотри, как церковь порушена! Я её ещё мальчонкой помню, такая красавица была! Такой колокольный благовест по всей округе звенел!

– А вы из местных будете? – оживился как-то молодой настоятель. – Кто, если не секрет?

– Не секрет, – усмехнулся олигарх-губернатор, – Мутин я, слышал про такого?!

– Ну а как же! – расплылся в улыбке священник. – Вот и дядя ваш двоюродный Вячеслав Иванович Меленков, кстати, наш староста, частенько рассказывал о вас, как вы высоко поднялись!

– Жив, что ль дядька? – удивился Мутин. – Ему годков, почитай, как японскому годзилле! Не ожидал!

– Жив, жив, – радостно заверил губернатора настоятель, – да и дом его неподалёку, если помните. Заходите. Я и сам к нему собирался. Да, вы надолго к нам?

– Конечно, зайду, обязательно зайду, а приехал на сутки максимум, – как-то растрогавшись, посмотрел на собеседника Мутин и спросил. – Ну, а тебе, батюшка, коли я здесь, могу ли чем помочь?

– Ой, – растерялся священник и с надеждой посмотрел на чиновника, – какой храм у нас вы и сами видите, вот бы восстановить его, правда, вопрос, где взять деньги? А то вера в народе порушена: на днях по телевизору наблюдал, как малый ребёнок тонет, а на его фоне делают селфи здоровенные подростки!

– Деньги, деньги, всем нужны деньги, – проворчал, как проскрипел, Мутин, и спросил, – сколько же тебе надо, настоятель?

Священник назвал точную сумму.

Олигарх-губернатор презрительно поморщился: – Всего-то! Такие копейки и даже больше, чем просишь, дам я тебе! А сейчас пошли к дядьке, у него заночуем, если не выгонит. А по утранке обратно, сам понимаешь, дела одолели, забери их холера.

В это же самое время пристав Новоторов, закончив исполнительное производство, гостевал у того же самого Анатолия Ивановича Святогорова, потому как идти ему было некуда на ночь глядя, не к «Заре» же на берег реки ползти! А гостиницы и дома колхозника в деревне не было, не советские, чай, времена! Вот и пришлось ему воспользоваться великодушием и благородством хозяина и сидеть, как говорится, на хозяйских харчах за его кухонным столом.

– Что, Валентин Петрович, – смеялся Святогорov, доставая из холодильника бутылку «Столичной» и еду, – это ты у меня не арестовал? Нет, чай, водки-то в описи?

– Нет, – виноватился пристав Новоторов, – продовольствие не описываем, ещё до такой жизни не докатились...

– Эх, Петрович, – вздохнул капитан «Зари», – боюсь, что не только докатились, но и перекатились.

– Жизнь такая, Анатолий Иванович, – мудро заметил Новоторов, – а жизнь наша бекова, нас трясут, а нам некого!

– Жизнь люди делают, – не согласился с приставом речник и молча разлил водку по рюмкам, – хотя временами кажется, что жизнь это сон, от которого хочется проснуться. А так, если делаешь что-либо справедливое и праведное – иди до конца! Ну что, пристав, за нечаянное знакомство выпьем, что ли?

– Выпьем, речной капитан, обязательно выпьем, – понимающе посмотрел на Святогорова пристав. – Хороший ты человек, не злобивый, как я посмотрю, настоящий. Поверь, я на своей службе разных навидался. Другой меня давно бы турнул!

– Да, что я, человека на ночь глядя, как собаку, из дома погоню? – удивился речник и замолчал.

Звонко чокнувшись рюмками и выпив, мужички закусили маринованными огурчиками и солёными грибочками.

В это же самое время Мутин, Кораблёв и священник подходили к дому Меленковых.

Дом у Вячеслава Ивановича Меленкова был небольшой, но справный и уютный. Вот и сейчас старик сидел в своём доме и смотрел телевизор, благо электричество в деревне ещё не отключили. Внезапно в дверь коротко постучали.

– Алёна, – невозмутимо посмотрел на прихорашивающуюся у зеркала супругу дед Слава, – хватит причапуриваться, и так баская. Кажись, стучат. Посмотри, кого нелёгкая глядя на вечер принесла?

– Иду, – послушно отозвалась его жена и плавно, как лебёдушка, пошла к дверям, – сейчас, открою.

Открыв двери, жена Меленкова увидела троих мужчин, одного из них она знала, это был настоятель их сельского церковного прихода.

– Здравствуйте, здравствуйте, – приветливо приглашала она в дом гостей, – кого это вы привели к нам на ночь глядя, отец Олег?

– Чай, не признаёте, тетя Алёна? – вместо священника ответил весь-весь моднявый и не старый ещё представительный мужчина. – Не узнали племяша-то вашего, Сашку? Да это я – Александр Петрович Мутин!

– Ой, – растерялась и в самом деле Меленкова, подслеповато разглядывая дородного племянша, – Слава, ты только посмотри, кто к нам приехал! Саша Мутин!

Встав с дивана, Вячеслав Иванович Меленков подошёл к ним и, поздоровавшись, обнял своего племянника: – Господи, тебя и не узнать, Сашок, какой ты стал, такой большой, видный. А это кто с тобой, милиция что ли?

Мутин снисходительно улыбнулся безграмотности родственника.

– Не милиция это, а полиция, – поучительно ответил он и представил полицейского своему двоюродному дяде, – охрана это моя, подполковник полиции Кораблёв Денис!

– Милиция, пилиция, один леший разберёт, что сейчас творится, – вздохнул его дядя и посмотрел на офицера полиции, – хоть твоё дело и служивое, сынок, а ты проходи, садись, мил человек, и не обращай внимания, если я что-нибудь не то брякну.

Гости проходили и рассаживались за стоящий по деревенским традициям в центре комнаты, стол, на который по указанию Меленкова гостеприимная хозяйка приносила различные закуски, соленья и разносолы.

– Ты уж меня извиняй, Петров сын, – сокрушался о своей бедноте дед Слава, – всё что в доме из еды есть, всё на столе будет! А уж самогонка у меня самый что ни на есть первач! Да, Сашок, надолго ли в наших палестинах удержишься?

– Погоди, дядя Слава, в самом деле, не гоношись, – поднял упреждающе руку Мутин, – помню я твою самогонку, чересчур ядрёная вещь! У меня есть кое-что получше, то, что ты никогда не пивал и не пробовал. А приехал малую родину вспомнить, завтра же обратно на «Заре», всё дела. На ночлег-то примете, надеюсь?

– Хорошо, – согласился Вячеслав Иванович, – мы не против, хотя жаль, что не надолго ты. По такому случаю и пиджак парадный не грех одеть. Я его на майские, поди, только и одеваю.

– Правильно, дядя Слава, – по-заговорщески улыбнулся его племянник, – и я свой пиджачок и бутылочку достану!

Посмотрев, как Меленков ушёл в другую комнату надевать свой парадный пиджак, олигарх-губернатор небрежно посмотрел на полицейского: – Вот ты, Денис, мою одёжку и кейс носишь, давай-ка их сюда.

Полицейский передал барское имущество губернатору.

Смотря, как губернатор одевал на себя «пиджачок» от Кардена, подполковник не выдержал и от удивления тихо присвистнул: на могучей груди олигарха грозно поблёскивали Золотая Звезда Героя России и несколько орденов Почёта и За заслуги перед Отечеством. Впрочем, напоминал его «пиджачок» с наградами одёжку огламуренных кинодив хищного века сего, оцетинившегося своими госнаградами не хуже чем парадный мундир генералиссимуса Суворова при встрече с императрицей. Открыв кейс с кодовым замком, Мутин небрежно достал и поставил на стол три бутылки иностранного вина. Одну из таких бутылок подполковник Кораблёв видел впервые, в двух других, знакомых на вид, он прочитал названия: французское шампанское «Вдова Клико» и иностранный «Мартель».

Из комнаты вышел Вячеслав Иванович Меленков, на парадном пиджаке которого кроме нашивок за ранения, красовались бантами ордена Славы, Красной Звезды и медали «За отвагу».

Увидев Звезду Героя и незнакомые ему награды на одежде олигарха, Меленков смутился: – Не ожидал, Сашок, что ты так порадуешь старика! Герой ты у нас! Мне

со своими наградами к тебе теперь и подходить-то боязно. Воевал что ли где, сынок? Али спас кого самолично?

– Нет, – смущённо потупил свой взор олигарх-губернатор, – это мне за общее руководство дали, сам понимаешь, во многих регионах я губернаторствовал, Россию-матушку поднимал! Ведь люблю я её, Россию-матушку, как и народ наш многострадальный, с которым един!

– Ну и ладно, лямоня ты мой тороватый, – согласился миролюбиво так со своим разговорчивым племянником его дядя и посмотрел на окружающих, – так, вижу все за столом, наливай, племяш, накатим по одной!

Смотря, как Мутин открыл чудную бутылку и налил из неё вина только ему, себе и своей тёте, Меленков невольно улыбнулся, смотря, как остальным олигарх разливал из других бутылок.

Посмотрев ещё раз на Александра Мутина, старик осторожно спросил: – Баю я, вино у тебя чудное, заморское, не нашенское, как звать-то его?

Розлив по фужерам дорогущее французское вино, олигарх горделиво улыбнулся: – Такого винца и вправду ты не пил никогда, это французское, урожая «Монополь» 1907 года, его сам царь Николай второй любил пить! Представь, дядя Слава, ты сейчас будешь пить вино небожителей и царей!

– Боюсь спросить, племяш, а сколько стоит оно, чай не дороже «Пшеничной»? – спросил Меленков у своего племянника. – Ась?

– Ну, ты это загнул, дядя Слава! – от всей души рассмеялся вдруг Мутин. – Коллекционное штучное вино по цене русской «Пшеничной»! Ладно, цену скажу, но только смотрите, не говорите никому о ценах таких, народ не поймёт. Так вот, бутылочка эта, которую вы сейчас видите, стоит двести семьдесят пять тысяч долларов! А?!

Гости изумлённо охнули, и в доме воцарилась странная какая-то пауза и тишина.

Впрочем, она длилась недолго. Подняв фужеры за здоровье хозяев, все выпили.

– Скажи, пожалуй, – озадаченно вымолвил дед, осушив фужер «Монополь», – какая ехидная штука! Слышь, племяш, не обижайся, одно скажу, я хоть и солощій, но мой яблочный сидр лучше! Правда вот, по осени его готовлю из Мичуринской «Сладкой фунтовки», яблоки есть такие, старый сорт. Баские! Лучше не бывает!

– И правда, винцо это на любителя, – вмешалась в разговор Алёна Меленкова, – по мне так стакан ядрёного первача не хуже! Что нам эти французы-лягушатники, и вино их – бормотуха!

– Ну, вам не угодить, господа миллиардеры, – усмехнулся Саша Мутин, налегая на домашнюю деревенскую колбаску.

В дверь кто-то робко и несмело постучал, как поцарапал.

– Кого ещё на ночь несёт? – заворчала хозяйка дома и пошла открывать дверь.

Увидев гостя, она, вздохнув, пригласила его в дом: – Заходи, заходи, Андрюша.

В дом Меленковых зашёл плохо и бедно одетый, в потрёпанной, но чистой одежде, седой как лунь, с белоснежной бородой и усами Андрей-юродивый.

– А, Андрюша к нам пожаловал, – обрадовано встретил гостя хозяин дома, – присаживайся к нам. Не смотрите, что одет он как отребок, это Андрюша, юродивый наш, странник божий. Дом у него в деревне от родителей остался. Как батюшки нет, так Андрюша нам про боженьку и дела его рассказывает...

Войдя в дом, Андрей трижды поклонился в пояс иконе Девы Марии и гостям и несмотря на все приглашения,

сел на пол под иконой. Поняв, что им не удастся усадить юродивого за стол и накормить его, поскольку от еды он отказался, гости вернулись к своему застолью.

– Вы не смотрите на него так, Александр Петрович, – горячо нашёптывал Мутину на ушко священник, – Андрияша, он не опасный, мухи не обидит, только языком чесать горазд... Да и замечали мы в приходе, что старается он старым людям помогать. Да так, чтобы те не знали. А когда ловят за этим добрым и богоугодным делом люди-то его, копеечку свою предлагают, так он не берёт никогда и ни у кого. А раз был случай, кирпичи на ремонт церкви привезли, смотрим, а кто-то по ночам, складывает их под навес от дождя, чтоб не портились. Гадали, гадали, кто ж это? А оказалось, это Андрей-юродивый на такое дело сподобился. Бесплатно, конечно...

– Дурачок, что с него возьмёшь, – улыбнулся в ответ Мутин, – а России трезвомыслящие нужны! Хотя весь народ наш, как юродивые: назначишь им подать-налог с марсианской росы, и тот заплатят!

После юродивого заглянул к ним на огонёк вечно не просыхающий от спиртного внук Меленковых, безработный Васёк Меленков, житель их деревушки.

Как это бывает по обыкновению, но в разгаре веселья, спиртное закончилось. Гости и даже Мутин, почувствовавший уже пьяную деревенскую удаль, вопросительно посмотрели на хозяев дома.

– Васёк, – обратился старший Меленков к внуку, – сам видишь, вся хмельная бутетень у нас кончилась. Сто-няй к Святогорову, это близко, Анатолий свою «Зарю» пригнал, а у него я знаю запасец «Пшеничной» имеется. Слышь, внучок, и его приглашай в гости-то к нам, только поторапливайся, мы чай не анчутки малахольные, чтобы за пустым столом сидеть, давай мигом, уколочень ты наш медлительный!

Обрадовано кивнув, Васёк Меленков вышел из дома и скрылся в наступающей тьме.

– Вот так вот и живём, – грустно подытожил старый Меленков, – супермаркета, как в городе, не имеем...

Впрочем, через какие-то пятнадцать-двадцать минут спустя, он вернулся, и не один, приведя с собой двоих мужчин. Одним из них был Анатолий Иванович Святогоров, ну а вторым, как вы и сами уже правильно догадались, пристав Валентин Петрович Новоторов. С собой мужички принесли ещё пять бутылок водки и закуску. Познакомившись друг с другом, новоявленные знакомые сели за стол. Усадили за стол даже Андриюшу-юродивого, который, правда, не прикасался, ни к еде, ни к питью.

Гулянка продолжилась!

За знакомство поднял фужер с водкой капитан Святогоров: – Ну вот что, мужики, честна компания, и ты тётя Алёна! Спасибо за то, что пригласили и гостя моего приняли. Помните, как у Шукшина: народ к разврату собрался! Так выпьем же за то, чтобы не всю Россию развратили и испохабили!

– Выпьем за это, капитан Руси, – уважительно встал за столом пристав Новоторов, – обязательно выпьем, и за Русь святую, и берёзки белые её, обязательно выпьем!

Гости и хозяйева дружно поддержали тост, лихо опрокинув содержимое фужеров с водкой в себя.

– А ещё я предложу второй тост за знакомство, – продолжил Новоторов, – помните, как у нашего праведника и пророка Александра свет Исаевича Солженицына звучало, что нравственность, справедливость и духовность должны стоять над законами юридическими! Так выпьем же за это, друзья, чтобы слова эти не расходились с нашими делами! А ещё выпьем за то, чтобы и нами правил справедливый правитель, подобный мудрому князю Владимиру, служащему не кучке богачей, а собственному народу!

Собравшиеся охотно поддержали и этот тост.

Русская водка медленно и неуклонно делала своё чёрное дело: гости и хозяева становились всё смелее, раскованнее и развязнее прямо на глазах.

– Ты смотри, – жаловался всем на жизнь ветеран Меленков, – раньше была деревня более восьмисот дворов, а теперь нет и двадцати! Нет колхоза, работы нет, народ спивается, робить никто не хочет! Нет ни почты, ни клуба, ни магазина, начальную школу и ФАП закрыли! Ни фершалов, ни участковых, ни дороги, ничего нет! Деревня убита и разгромлена, как и вся страна! О чём баю-то я?!

Вячеслав Иванович обвёл всех своим взором и продолжил: – Вся земля бурьяном поросла. Посмотришь на поля, и слёзы наворачиваются. Посмотришь на бывшую центральную усадьбу колхоза, и плачешь... Церкви порушены, в народе веры нет, хоть ложись и умирай! Разве это жизнь?! Хотя, надеюсь я, что проснутся люди, ведь люди же! Вот недавно с городу была комиссия. Посчитала так и вывела справку-картинку, мол, живёт деревня, а то, что население убывает, так на работу в города они переезжают... Эх, переезжают... на кладбище! Мрёт деревня-то, господа хорошие, мрёт... Тихо так и безмолвно... А по телику что показывают: живём лучше некуда! Господи! Как надоела вся эта показуха! Что нам остаётся? Пить за Россию, которую мы потеряли?!

По щекам фронтовика текли гневные слёзы боли и отчаяния.

Тяжело вздохнув, он продолжил: – Вот что я хочу сказать, там, на верхах, что сбрендили окончательно?! Неужто не понимают, что убив деревню, они убили и часть Родины и своей души в самих себе! И если они отвергли Царствие Небесное, как и Родину, то, что в них?! У соседуски мово, что мучился в болях и непонятках своих,

рак обнаружили... Поехал в город, а там смеются: запустил болезнью-то! А как быть, если фершалов в деревнях нигде нет! А городские насмеваются, давай мильон на лечение, тогда поговорим, а откуда у крестьянина миллион?!! Так вот и мучался, сердешный, пока по весне богу душу не отдал, тихо так, незаметно... А ведь фронтовик был, такой же как я. А в райцентре – лучше?! Вон, все районки пестрели объявлениями, когда всем народом в городе собирали недостающие пять миллионов на лечение умирающей девочки! Это когда такое бывало, чтобы у великой страны денег на лечение своих детей не было?! Эх, люди перестали быть людьми, а ведь воевал я когда-то и за эту девочку!!! И так везде!

Мутин сочувственно положил руку на плечо своего дяди: – Не расстраивайся, Иваныч, оно тебе надо? Вот у меня писатель в Москве знакомый есть, не слащавый, не правильный, не удобный такой, одно слово – не придворный. Так вот, он всё правду пишет! Всё у него не как у людей, мнение, вишь, у него имеется особое! Правда вот, читателей на его книги не находится, даже в интернете! Людям что надо: попроще... Вот, Булгакова, Анну Каренину читают, а то, что там герои делами своими злу поклонились, ерунда, написано-то дьявольски красиво! Или вот, мужик пол сменил, так у него вмиг миллионы электронных одобрямс! Забавно! Раньше были люди, а сейчас – одобрямс! И вообще, наша жизнь смешная штука, как в народе треплют, что раньше была Россия, а сейчас «рашка»! Вон, по телику показывают, взяли одного заграничного тренера на наш спорт, кто-то денежку ха-а-рошую отмыл! А после не знали, как от него избавиться. Говорят, почти миллиард отвалили неустойки-то! Или вот, один орёл с падругеей своей баблища столько распилил, вам и не снилось! И что! Герой России! Ох, рашка, рашка, ты как чебурашка!

Мутин цинично посмотрел на своего дядю и продолжил: – Жизнь, что? Поезд, летящий на станцию по имени смерть! И везде хорошо, там, где нас нет! В безумном мире безумен я! Так выпьем же за то, чтобы наш поезд не торопился на конечную станцию и выпьем за то, чтобы наши корабли бороздили космические океаны, ища эту... как там её... истину!

Сказав тост, олигарх-губернатор и все присутствующие за исключением юродивого, лихо залили водку в себя.

Словно бы не выдержав, встал Андрей-юродивый.

– О, смотрите, наша египетская пирамида ожила, – пьяно ухмыльнулся Мутин, – посмотрим, что она сейчас изречёт.

– Мир вам, братия мои! – так начал свою речь Андрей. – Да, мы рвёмся в космос, стремясь познать неизведанное и непознанное. Но, отходя от себя и удаляясь от земли, мы удаляемся не только от познания самих себя и вселенной, но и от истины, которую извечно ищем, и не замечаем, что та истина, которую мы пытаемся найти, давно найдена, и она в нас, и это – любовь!

– О! – вскочил уже хороший пьяненький Васёк Меленков, держа фужер с водкой в руке. – Ну, за любовь!

Присутствующие дружно поддержали этот тост.

– Чегой-то по телику интересное кажутъ? – подал свой голос хозяин. – Включи погромче, Васёк, чай помоложе всех будешь.

Вышедший из-за стола Василий небрежно включил телевизор.

На экране телевизора, сменяя друг друга, шли сюжеты, то о газовиках, отключивших за неуплату Вечный Огонь, то о молодёжи, которая танцует в церкви, или записывается в террористическую группировку ИГИЛ.

Телеведущий вопрошал: но почему?

– В самом деле, почему? – высказал общее мнение капитан Святогоров. – Чего им не хватает?!

Юродивый посмотрел на него: – А разве дети ваши не видят лицемерия, в котором тонет всё общество, взывая к правде и истине?! И многие, ведомые змием, сбиваются на неправый путь, так и не открыв двери истине, а лишь закрыв её плотнее.

– Да-а-а, – протянул пристав Новоторов, – обессилела Россия, даже петухи скурвились, и те бесплатно не кукарекают!

Тем временем, телевизионщики бойко показывали по «зомбоящику» очередной сюжет, суть которого заключалась в следующем: внук одного олигарха, издеваясь над людьми под снимающую его камеру, проводит эксперимент. Так, одной молодой девчужке он предлагает полностью раздеться за десять тысяч рублей, и та покорно исполняет его требования, оголяясь на людях под ведущуюся видеосъёмку. Далее поддонок за эти же деньги предлагает пить свою мочу пожилому мужчине, и тот... О, ужас, исполняет это...

Вперившись мутным взором в экран телевизора, олигарх пьяно рассмеялся, узнав молодого подонка: – Ну ты и подгадил же, Максимка, своему деду... Теперь тендер мой будет! Наше дело воровское, тихое... Большие деньги шума не любят... Прикинь, не будет же вор, перед тем как влезть к кому-нибудь в карман, предварительно рекламировать свою кражу! Делай всё втихую: землю – китайцам, оружейный уран – американцам! Это раньше говорили: возлюби ближнего своего, а сейчас – обдери его как липку! Нет, наше дело тихое! Из-за чего даже Звёзды Героев и ордены нам раздают закрытыми указами!

– За что звёзды-то?! – осуждающе посмотрел на него старый фронтовик Меленков. – Вот мы воевали, гордились фронтовыми медалями и орденами своими, герой-

ских звёзд за так просто не давали! Цена у них была настоящая, а не такая как сейчас!

– Звёзды за что? А за общее руководство всеми вами, – пьяно ухмыльнулся олигарх и, вспомнив что-то, сдохмил, – да, нам, царям, за такую работу, за вредность, молоко надо давать!

– Так вы и сосёте, – сверкнул глазами фронтовик, – присосались к титьке матери-Родины и сосёте, сосёте, когда уж и насытитесь!

– Appetit приходит во время еды, а он у нас безграничен, – отшутился Мутин и замахал руками. – Ерунда все эти звёзды! Вот у меня на хозяйстве работник элитных жеребцов спас с моей конефермы, так я ему Звёздочку выбил! Цена ей, правда, небольшая. Да ты не обижайся, давай лучше выпьем на мировую, Иваныч, правда, нечем, водка кончилась. Помнишь, ты грозился первачом угостить?

– Эх, да когда это было, – тяжело вздохнул Меленков, – впрочем, не жаль. Алёна, подай пару бутылок первача! Только вот что, аккуратней пейте его, очень крепкий он, больше закусывайте, а то крышу враз снесёт.

Скоро в фужерах забулькал первач-самогон хозяина дома.

В какой-то грустной паузе, посмотрев друг на друга, уже не чокаясь, словно на чьих-то поминках, мужики выпили ядрёный напиток, который был действительно ну очень хорош и крепок.

– Да, – посмотрел на Мутина пристав Новоторов, – такого таракана, как ты, никакой дихлофос не возьмёт! Действительно, время сейчас какое-то мутное...

– Попрошу без высказываний, – пьяно глянул на Новоторова олигарх, – потому что известно, что я прав, потому что у меня больше прав! И вообще, такие как я – звёзды нации!

– А ты уверен в этом, дядя олигубр? – усмехнулся капитан Святогоров, – Забыл, что настоящие звёзды на небесах?! Эх, олигозавр, и чего гоношишься-то?! Поросёнок, поросёнок, и почему ты не кабан?

– Свинья это животное, ну совсем как человек, – парировал его насмешку Мутин и пьяно выкрикнул, – эх, хорошо живу, далеко гляжу, салют, нищebroды!

– Ну ты и окабанел, член несправедливой России! – не удержался Новоторов. – Такие как ты, забыли свои корни, и любовь к родной земле в них уже не живёт, осталось только потребление!

– Да ну вас, черти, – отмахнулся пьяный олигарх и посмотрел по сторонам, словно бы вспомнив что-то. – Батюшка... отец наш... святейший...поп... ты где?!

К богачу услужливо подсел священник: – Здесь я, вы что-то хотели, Александр Петрович?

– Да, – шарил у себя по карманам олигарх, доставая дорожную золотую авторучку, усыпанную бриллиантами и сапфирами, – ты хотел у меня денег на церкву, давай бумагу, подпишу любую сумму! И никогда не забывай, кому ты служишь, кто твой настоящий благодетель и спонсор! Хочешь миллион... а может лучше сразу... миллиард?!

– Нет у меня бумаг, Александр Петрович, – испуганно запричитал священник, – завтра в Вологду с вами на «Заре» поеду, там в областном центре я всё в лучшем виде вам представлю.

– Блин, не пишет, зараза, – почиркав авторучкой по столу, посмотрел на всех олигарх. Затем, ухмыльнувшись, пренебрежительно откинул ручку в сторону и, заметив удивлённые взоры людей, пробормотал, – ... вы это, не беспокойтесь, у меня ещё такие есть...

Наступила такая тишина, что даже было слышно, как сонная муха беспомощно бьётся об оконное стекло.

Юродивый посмотрел на священника: – Скажи мне, брат, вот когда богатый, взяв себе всё, обрекает на смерти от болезней и лишений не своих детей, имеет ли он к ним любовь?

– Нет, не имеет, конечно, – уверенно ответил священник и осторожно так посмотрел на олигарха.

– Правильно ответил, – невозмутимо посмотрел Андрей на настоятеля и спросил во второй раз, – а раз так, имеет ли он милосердие к детям сим?

– Нет, не имеет, – ужаснулся собственному ответу священник и боязливо посмотрел себе под ноги, словно бы потерял что-то важное и искал там ответы на все вопросы.

– Хорошо, – не унимался юродивый и в третий раз вопрошал священника, – а справедливо ли всё это?

– Нет, не справедливо, – почти прошептал свой ответ настоятель и потупил свой взор.

– И ещё ответь мне, брат мой, – продолжал божий странник, – если бы ты знал, что Святой придёт с Небес на землю, показав все дела свои и ища милосердие в людях, в каком теле придёт Он – в Божественном и Светоносном, или в теле грешника?

– Грешника, – стыдливо посмотрев на Андрея, и в самом деле правильно отвечал священник.

– Хорошо, – улыбнулся юродивый и продолжил, – и, зная все добрые и славные дела Его, как встретят Его люди? Воздадут ли ему подобающие почести, или будут гнать, как последнюю собаку?!

– Гнать будут! – ужаснулся собственному ответу служитель церкви и замолчал.

– Тогда в чём же цена искупления и сколько же церквей надо построить богатею, чтобы примириться с Богом и своей собственной совестью? – словно бы сам себя спросил юродивый и уверенно ответил, как бы всем, – Ровно одну – Храм в своей душе и быть справедливым,

милосердным и любить ближних своих как самого себя. Только так человек будет иметь Бога в самом себе и Храмом Божиим будет!

– Уймись, дурак! – ослоловевшими глазами брезгливо посмотрел на юродивого олигарх и, не выдержав его взгляда, отвернулся от него. – Святой отец, святейший... как ты сносишь его оскорбления?! А ну давай быстро... отлучай его от церкви... а ещё лучше распни его, вам не привыкать... А хочешь, мы его сейчас как еретика на костре сожжем, как кабана запалим, посадим на газовую плиту и сожжем... Я тебе это как персональное божество приказываю, потому что я сам как бог...

– Сашенька, – жалостливо посмотрела на него Алёна Меленкова, – газа у нас нет, да и выпил ты шибко лишнего. Шёл бы спать...

– Заткнись, дура старая! – сверкнул гневным взором олигарх на старую женщину. – Жалиться мне удумала, газа у них нет! Правильно, нет... и не будет никогда, поняла!

В ярости олигарх стукнул кулаком по столу.

– Цыц, тараканы, забыли кто ваш хозяин?! – грозно посмотрел на всех олигарх. – Сталина на вас нет, уроды! Я бы быстро с вами всеми в тридцатые разобрался! Какие могут быть перспективы для этой страны и её миллионов подёнщиков?! Правильно, никакие! Все перспективы у нас, а всё остальное игра в доброго и злого полицейского, вот так! Полицейский, ты где? А-а-а... вот ты где спрятался, ментокрылый мусоршмит! Ты меня держись... не пропадёшь...

Робко посмотревший на него Кораблёв, промямлил что-то пьяное и невразумительное.

– Я ещё не закончил, слушать сюда! – пьяный олигарх стукнул кулаком по столу. – Вы что, правда, не понимаете, что всё, что есть в России, давно уже наше, кстати с вашего рабского молчаливого согласия! И если даже

произойдёт какая-нибудь буча типа войнушки, мы на наших тропических островах со своими близкими будем наблюдать, как ваши дети и внуки будут умирать за нашу приватизированную Россию, ибо по определению в этой стране для вас уже ничего не осталось! Скажу прямо, а если станет ещё хуже, откажусь и от близких и от всего, ибо я для себя единственное божество, служить которому я рад! А у вас одно право, право продажных душ – служить нам! Ну как, нравится, съели?!! А если хочешь подняться – воруй или пей мочу! Только не забывай заносить и делиться! Мы оптимизируем Россию и всех вас! Мы – элита нации!

– Молчать! – не выдержал и стукнул кулаком по столу фронтовик, грозно смотря на олигарха. – Я понял, в чём наша проблема! У нас в стране сегодня любое вороватое ничтожество ставится им же самим или ему подобными в ранг национальной элиты, штампуя и воспроизводя себе подобных! Но это неправда! Ведь нельзя же жить во лжи! Труженики, мастера своего дела, те, кто делает сверх того, что ему поручено, для блага людей, вот она элита и гордость России! А за вами, господа, нет будущего ни в России, ни где-либо ещё, потому что вы ядите, как жуки навозники, и убиваете, подобно злой саранче, народ и землю, на которой живёте! С такими как вы, люди перестали быть людьми, и любовь в них больше не живёт! Одно обидно, неужели за таких как вы, мы воевали и проливали свою кровь?!

Олигарх сытно икнул и посмотрел на фронтовика.

– А мы благодарны вам за наше счастливое настоящее, – презрительно ухмыльнулся Мутин, – вон какие праздники на 9 мая закатываем! А то, что счастье не коснулось ни ваших детей, ни ваших внуков, то уж извините... Счастья, как и бабла, много не бывает! Вот поэтому и не хватает на всех, его, счастья-то!

Юродивый сурово посмотрел на говорящего: – Живёте вы так, потому что забыли все Законы Божии – убиваете, крадёте, прелюбодействуете, берёте лихву. Люди, одумайтесь! Или не знаете из Писаний, чем побивают земную грешницу?!

– Что ты вякаешь, дурак, о жизни-то?! – осуждающе посмотрел на божьего странника олигарх. – Вот, плачут: Украина кровью заливается, ну и что?! Глазоньки-то свои сонные продерите, наконец! Для чего зомбоящик-то трещит воплями шутов да событиями разными?! А всё для того, чтобы народ картинками соседских жизней отвлечь! Там такие же олигархи как и мы. Россия, Новороссия, какая разница?! Это как зеркало – отношение к вам-нищebroдам. Для нас одна задача – успеть урвать и свалить! Ты хоть что-нибудь понял, святоша?!!

– Я раньше думал, – не выдержал фронтовик, – что таких как вы, утративших совесть свою, как и Бога, надо в зоопарках показывать или расстреливать без суда и следствия. А теперь вижу: вас судить надо и пороть принародно на самых больших площадях! Но что для вас суд?! Вы купите его на корню, да и купили давно! На вас только один суд возможен – Божий!

– Божий? – пьяно ухмыльнулся и икнул олигарх. – Где он, скажите мне, и я куплю его... да и где ваш бог, покажите мне его... Ау-у, бог! Ну, поймите же, наконец, мы настолько могущественны, что даже влияем на весь мир, помогая правителям дружественных нам стран!

– Пойдите! – вмешался в разговор Святогоров, – А может быть стоит помочь собственному народу?!

– А зачем? – тупо посмотрел на спросившего богатей и искренне рассмеялся как над очень смешной шуткой. – Вас кормить, так вы всю страну своими фекалиями изгадите, никаких полей не хватит, чтобы ваши отходы переработать. Вы кто? Да никто! Пыль под но-

гами сильных мира сего! Вас много, а нас, имевших смелость взять власть в свои руки и распределять национальные богатства – мало! И поэтому все мы живём, соблюдая негласный договор: вам позволено работать на нас в этой стране, а нам – имитировать заботу о вас! Вот смотри, у моего друга на похоронном бизнесе вот что братва учудила: перед кремацией догадались сдирать золотые коронки и кольца с трупов. Вот молодцы! Добытчики! И вообще, что вы навалились на меня, я вам не какадрищев!

– Я таких добытчиков в сорок пятом... без суда и следствия, – жёстко посмотрел на олигарха фронтовик. – Не думал я о тебе так плохо, Саша, как сейчас... Да твой отец в гробу переворачивается от стыда за тебя... Эх, Сашок!

На эти слова ничего не сказал ему Мутин, лишь пренебрежительно махнув на него рукой.

– Да, Мутин, ты просто реинкарнация гиппопотама, – нехорошо посмотрел на него Новоторов, – у нас с такими в десанте разбирались просто и быстро.

– Что ты хочешь сказать этим? – посмотрел на него олигарх. – Кто так разумен, как не я? Я готов служить хоть дядюшке Сэму, хоть чёрту лысому. И вообще, зачем искать мысли и деньги там, где их нет?! Выпьешь со мной? А-а-а, не хочешь... А я тебе говорю, пей! Я... обожду...

– Ну, ваше благородие, ты и нажрался, – усмехнулся Святогоров, – этому чинушезавру больше не наливать!

– Мне? Не наливать?! – грозно посмотрел на всех Мутин. – Да я знаете, какой, море выпью... особенно когда на НЛО чертей погоняю...

– Что, белочку, схватила, мышь ты енотовидная? – презрительно усмехнулся пристав Новоторов. – Не всё тебе воду мутить! И почему бог напустил на Россию всю эту заразу?!

– Спрашиваешь, почему Бог попустил беды на Россию и на мир? – пытливо глянул на пристава юродивый. – Не с целью ли исцеления болящих?

Олигарх тупо посмотрел на говорящих и блеснул-таки своей эрудицией: – Ещё Бисмарк говорил, что славяне сильны ограниченностью потребления! А на мой взгляд, он ошибся! Наши потребности – безграничны!

Фронтвик искоса посмотрел на говорящего: – Какие же вы славяне, инсургенты вы!

В доме раздавался храп уснувшего прямо за столом полицейского.

– И вообще, – приподнял фужер с недопитым первачом Мутин, – нам не нужны мыслящие люди, которые смогут задасться вопросом: почему всё так паршиво и что можно изменить в лучшую сторону?

Словно бы желая разрядить очередную неловкую паузу за столом, молодой священник посмотрел на божьего странника: – В чём твоя вера, брат мой?

Улыбнувшись в самом себе, юродивый посмотрел на вопрошавшего.

– В чём вера моя? – буквально на глазах светлел лицом Андрей. – А разве не знаешь, брат мой возлюбленный, что Царствие Божие и Церкви Христовой внутри нас есть?! Вот идёт человек, неприметный такой, даже вовсе скажем непримечательный. А в нём веры, Духа Божия, Того, которого снаружи и не видно, столько, что тысячу церквушек и монастырей перетянет запросто. Так-то вот, мой брат. А кого избирают сегодня в новую элиту свою, не сатану ли?! И может, хватит тлеть, может пора и светить?! Впрочем, остерегайся соблазнов века сего, ибо даже бесы веруют и трепещут!

– Я согласен с тобой, брат мой, – робко молвил священник, – а что ты думаешь о выгорании в путях служению Господу Великому?

– Выгораний? – переспросил, не сразу поняв его, юродивый, – А разве можно выгореть в путях служения истине?

– А что скажешь о святости, брат мой, – осмелел совсем священник, – расскажи...

– На каких же весах взвесить святость твою? – отвечал ему странник, – Если скажешь, что ты свят, вмиг с Богом себя уравнивать захочешь, Который Один только Свят, всё остальное многобожие языческое. Но если любишь Бога и людей, продай всё, что имеешь,ними последнюю одежду с себя и отдай нищему. Не только ты, но и дом твой да поступит также! Иначе, о какой любви к Богу и человеку ты говоришь?! Поэтому брать будешь от людей то, что сам получить желаешь, ты, но не Бог!

– Это я понял, – согласился с ним настоятель и полюбопытствовал, – а что ты знаешь о пророчествах, предшествующих последнему дню Земли?

Юродивый мягко посмотрел на него: – Вот, время сие уже близко, при дверях, и шаги входящего уже слышны. А разве не знаешь ты от пророков, прежде живших и сказавших про последние времена, что если люди не остановятся и не образумятся от безумия своего Великий Уравнитель, Единый для христиан, мусульман, иудеев и прочих вер и народов, Уравняет страны и города, вознёсшиеся друг над другом. Уничтожит современные Содом и Гоморру в стране северной, так, что одна в огонь сойдёт, а другую потоп погубит. И не будет одновременно на земле и государства, которое пядю свою горделиво возложило на народы иные, а иные народы Господь в своём святом гневе потрясёт и повергнет! И там, где земля была, вода будет! И молят святители земли русской и не только, и Патриарх молит о продлении времён, но не только от молитв их зависит продление, а от искупительных подвигов людей, которые, увы, иссякают... Да если и знаете об этом, то верите ли?! И даже если вера ваша

была в исполнении, как остановите Гнев Господа Неба и Земли?! Не любовью ли, которой в вас нет!

От места, где сидел олигарх, донеслось какое-то злование и повеяло каким-то зловещим холодом. Посмотрев на него, люди увидели, что богачу резко поплошало: лоя невидимых крылатых чертей, он отгонял их, кричал и вопил от ужаса.

Внезапно олигарх подскочил к священнику: – Отец святейший, батюшка, освободи меня от чертей, совсем спасу от них нет!

Взяв Мутина за плечо, настоятель стал читать молитву, но, увы, нечистый дух не сдавался, и явно не хотел отдавать слугителю церкви так понравившееся ему тело своей жертвы. Молча так встал Андрей-юродивый и, подойдя к иконе Девы Марии, аккуратно и с любовью взял её в руки и подошёл к беснующемуся страдальцу. При подходе к олигарху как-то вдруг неожиданно и внезапно икона со Святым Ликом полыхнула ярким светом.

Такое бывает, когда одновременно зажигают множество сверхярких прожекторов.

– Дотронись до иконы, – властно приказал юродивый олигарху, – и молись!

Дрожащими руками Мутин попытался прикоснуться к ней, как тут же отдернул свои пальцы от сияющей ослепительным светом иконы.

– Жжёт, жжёт, – плакал богатея, – не могу прикоснуться!

– Это потому что бес в тебе, – сурово посмотрел на него божий странник, – молись, как знаешь!

И посмотрел на олигарха, властно спрашивая: – Как тебе имя, дух зла?

– Имя мне – легион, – раздался зловещий, явно не человеческий голос, словно бы исходивший из чрева олигарха, – и нас много, все как один едины!

– Изыди, нечисть, из сего тела! – грозно приказал юродивый. – Изыди!

С этими словами он подошёл ещё ближе к богачу, поднося к нему светоносную икону. Словно бы не выдержав света неведомой энергии, с пиджака олигарха, горя и тлея, спадали его незаслуженные награды, и он, плача и смеясь одновременно, топтал их на полу своими ногами. Вдруг какая-то чёрная тень, подобная летучей мыши, вылетела изо рта олигарха и скрылась в подтопке русской печи.

– Всё, – с облегчением вздохнул Андрей-юродивый, – изгнан бес!

И посмотрел на олигарха: – Молись, сильно молись, брат мой, чист ты теперь, как дом подметённый! Не впускай больше эту нечисть в себя.

– Спасибо, – посмотрел на него протрезвевший Мутин, – сколько я тебе должен? Помог ты мне... Миллион... Миллиард? Любую сумму, только назови...

– Не нужно мне от тебя ничего, – улыбнулся странник, – а помог не я, а Бог, Он творит дела! А ты меняйся в покаянии своём, где можешь одарить – одари, где можешь спасти – спаси! Только не убегай от Судьбы, от неё не убежишь!

С этими словами добрый странник поцеловал икону, поставил её на прежнее место и, трижды поклонившись ей, вышел из дома.

Потрясённые люди молчали: ещё бы, не каждый день видишь чудо рук Господних, не каждый!

...В небе над Приречной плотной свинцовой стеной мрачно сгущались тучи.

– За что?! – плакал Всевышний, сотворивший род людской и землю – За что...

В тёмных облаках над деревней сумрачно мелькали всполохи зарниц.

Снился ночью олигарху Мутину ужасный сон.

В нём Сам Бог сурово спрашивал его: – На что ты свою бессмертную душу променял?! На замки и дворцы на тропических островах, построенные на краденые деньги, на юных любовниц?!!

И видел себя Мутин в пламени огня неугасаемого и грыз его червь великий и ужасный. В ужасе проснулся олигарх от видения своего и горько плакал.

Наутро же нашли его спящим на полу под святой иконой.

СПАСТИ ЗАРЮ

С криками первых редких уцелевших петухов вставала деревня Приречная.

Пробуждение у олигарха Мутина было неприятным. Сильно болела голова после вчерашнего застолья, и самым неприятным фактом было то, что он помнил всё из вчерашнего дня, ну решительно всё.

Поэтому он подошёл к хозяевам дома и, заглядывая как-то по-собачьи им в глаза, извинительно улыбнулся: – Вы уж простите меня, окаянного, и забудьте то, что я вчера наговорил, потому что так перебрал, что жив на силу остался! Воистину, бес попутал. Особенно, ты, тётя Алёна, прости, каюсь, грешен.

– Да что уж говорить, – глянула на него понимающе Меленкова, – конечно, прощаю, только ты так не пей больше никогда, люди-то, они разные бывают, поостерегись, однако. Эвона, как тебя шает ещё и штормит...

– Ну а ты, Вячеслав Иванович, прощаешь грешника? – глянул на Меленкова олигарх, – Прости, а?

Посмотрев на покаянную физиономию олигарха-губернатора, фронтовик не выдержал и улыбнулся: – Ладно, сын Петров, повинную голову меч не сечёт. Но задумайся над своей жизнью, Саша, пожалуйста, задумайся. Ведь вправду говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! Эх, инсургент ты наш инсургентович!

– Прощаете, значит, – радостно посмотрел Мутин на стариков и радостно улыбнулся.

– Прощаем, Саша, прощаем, – заулыбался Меленков, – Бог велел прощать, куда уж нам грешникам до его всепрощения. Только изменись, Саша, и жизнь свою измени!

– Обязательно изменюсь и исправлюсь, – пообещал олигарх и отойдя от стариков, растолкал и разбудил спавшего за столом полицейского.

Отказавшись от предложенного завтрака, они на пару с Кораблёвым, слегка покачиваясь, словно от невидимого шторма, пошли к поджидавшей их «Заре».

И штормило их так, будто бы сам Сиверко-ветер с ледяной северной удалью и прохладой играл с ними.

В это же раннее утро проснулись и в доме Святогорова. Разбудив пристава Новоторова, спавшего на диванчике, капитан Святогоров не торопясь приготовил приставу и себе свой утренний завтрак.

– Ну, как, служивый, – сочувственно смотрел на Новоторова капитан, – не болит головушка после вчерашнего? Я-то деревенский, и не к такому привык.

– Болит, ох как болит, – отвечал Валентин Петрович, – спасу нет, гудит, окаянная!

– Ну, это мы вмиг поправим, – усмехнулся Анатолий Иванович и, доставая банку с ядрёным деревенским рас-соллом, щедро плеснул целительную жидкость приставу и себе в большие гранёные стаканы, – поправляйся, Петрович, эта штука быстро тебя на ноги поставит, целебная она, на травах здешних. Матушка-то моя травницей была, от неё я многому научился.

Действительно, выпив по паре стаканов волшебного напитка, Новоторов и Святогоров почувствовали себя полностью протрезвевшими и здоровыми. Уплетая деревенскую яичницу с колбасой под пение утренних петухов, победоносно прославлявших рассвет божий, наши герои дружелюбно посматривали друг на друга.

Перед тем как выйти на улицу, пристав остановил капитана «Зари».

– Слушай, Анатолий Иванович, – пытливо заглядывая речнику в глаза, сказал Новоторов, – ты уж меня прости за вчерашнее.

– За что? – не понял собеседника капитан, – За что прощать-то тебя? Всё ладом.

– Ну, как за что? – удивился Новоторов, – За то, что я вчера всё имущество твоё описал и арестовал!

– А-а, ерунда, – отмахнулся как от назойливой мухи Святогоров, – служба у тебя такая, понимаешь.

– Да, служба... – как-то расстроился пристав и неожиданно для себя предложил, – а знаешь, Анатолий Иванович, порву я сейчас все эти бумажки к едрене фене, ну ей-богу, порву, потому как вижу, что ты настоящий мужик! А я в жизни не подличал и подличать не буду!

– Я тебе порву! – погрозил ему кулаком Святогоров, – У каждого своя служба! У меня вот – пассажиров на вроде тебя по реке катать, у тебя – должников к ответу призывать! А то, что я должен, то нешто я не понимаю, что должен! И платить по счетам жизни я буду,

пусть даже в них не виноват! А ты не суйся, не твоё это дело, брат, не твоё, но как говорят в спорте, за попытку спасибо. Большое спасибо тебе от меня, брателло Валентин свет Петрович!

Так и не придя к общему знаменателю, они вышли из дома Святогорова и пошли к реке. За речным капитаном не торопясь шёл пристав Новоторов, держа в руках заветную папочку с описью арестованного имущества и дома так неожиданно приобретённого друга.

Вскоре из-за деревенских домов голубой лентой блеснула красавица река. На травянистом берегу реки Сухоны их поджидала белоснежная красавица «Заря», над которой летали чайки.

Подойдя к теплоходу, капитан Святогоров шутовски крикнул: – Экипаж, подъём! Свистать всех наверх!

Из «Зари» показался моторист Бубенцов, который спросонья зевал и протирал заспанные глаза.

– Ну как, Серёжа? – посмотрел на коллегу по речной службе капитан Святогоров, – Рапортуй как дела на судне, движок починил? Моя помощь нужна?

– Ох, капитан, – посмотрел на него моторист, – возился с ним, окаянным, едва ли не до ночи! Практически починил, осталось там по мелочам совсем немного, сам справлюсь. Сейчас позавтракаю и доделаю. Постараюсь побыстрее, Иваныч, ты же меня знаешь.

– Знаю, Серёжа, знаю, моторист ты от бога, – улыбнулся капитан, – только делай быстрее. Пассажиры ведь ждут, а мы на бережку подождём.

Ну раз такое дело, сели на бережок капитан с приставом и стали ожидать завершения ремонта. К этому времени к ним подтянулись и тоже сели отдыхать олигарх Мутин с полицейским Кораблёвым. Чуть позднее подошёл священнослужитель, также направившийся в Вологду по делам своего прихода. Немного погода по-

дошёл к ним и Андрей-юродивый. Как вы понимаете, беседа после вчерашнего застолья не ладилась и не клеилась, лишь изредка люди посматривали с уважением на божьего странника словно бы пришедшего проводить их в дальний путь.

Солнце припекало уже не по-утреннему, поэтому дневной зной, треск кузнечиков в траве и ласковое дыхание реки убаюкивало всех. Священник с какой-то теплотой в сердце, впрочем, как и остальные, посматривал на ребёнка, играющего на речном плоту, на котором местные бабы бельё стирают. Видимо отпустила своего сынишку его мамочка погулять, расслабилась.

Вдруг истошно как-то завопила, закричала молодая мать мальчика. И действительно, посмотрев на воду, ни священник, ни ожидающие рейса пассажиры, не увидели на плоту ребёнка.

Утоп, шалунишка!

Находящиеся на берегу охнули и застыли в растерянном изумлении. Хотел было дёрнуться к воде священник, и вдруг что-то словно бы остановило его. Он посмотрел на своё новое церковнослужительское одеяние, свою новехонькую рясу: как такую замочишь, коли он к самому владыке митрополиту собрался!

Из всех собравшихся не помешкал лишь Андрей-юродивый. В своей одежке, как был, бросился божий странник в воду прямо с этого плотика, как говорится, с головой.

На какое-то мгновение на речном берегу зависла тихая в своём ужасе тишина. Водная гладь была безмолвна.

Вдруг показалась из глубины речной рука Андрея-странника, которая с силой, видимо последней, вытолкнула ребёнка на плот, да вот под воду и ушла. Подбежавшие люди привели в чувство спасённого ребёнка и отвели прочь его, плачущего, от этого опасного места.

А где же Андрей?

Лишь только чайки летали над водой и кричали свои поминальные грустные-грустные песни.

Где же ты, Андрей?

А нет его более, утоп, бедолага!

Пока шумели и галдели люди на берегу, которые крича что-то пытались доказать или рассказать друг другу, плакал наш священник горькими слезами.

Плакал и молился, молился и плакал.

– Ты прости меня, брат Андрей, – стоя на коленях перед рекой, рыдал наш священнослужитель, – и молись за меня, опоздавшего, и всех нас, многогрешных. Каюсь, каюсь, перед тобой и Господом Нашим! Прости меня, брат, прости... И ты, Господи, в милосердии своём и любви, прости и помилуй всех нас, согрешивших!

Из «Зари» выглянул радостный моторист Бубенцов: – Сделал я, капитан, всё исправил!

Увидев на лицах людей смятение и горе, удивлённо спросил у Святогорова: – Что произошло, капитан?

Посмотрев на речника, капитан теплохода горестно вздохнул: – Только что на наших глазах спасая ребёнка погиб настоящий человек, каких мало сейчас. Андрей погиб, странник божий...

И сокрушённо посмотрел на воду.

– Да-а, – протянул Сергей Бубенцов, – место здесь глубокое, да и течение подводное на Сухоне сумасшедшее, не достать уже...

Тем не менее, опомнившиеся мужички баграми и «кошками»-верёвками с якорьками на концах, взятыми с теплохода, долго и безуспешно пытались выловить тело погибшего святого человека.

– Нет, капитан, – выдохнул пристав Новоторов, с усилием достающий из воды свой багор, – не достанем, и

правда, течение здесь под водой сумасшедшее, аж багор из руки вырывает!

– Ладно, – коротко ответил капитан, доставая свою «кошку», – ребята, отбой, не достать его!

Постояв в почтительной и поминальной тишине пару минут, уважительно смотря на безмолвную воду, пассажиры по команде капитана Святогорова, прошли на посадку в «Зарю».

– А что же бедалага? – спросил олигарх Мутин у капитана, – как его искать? Если надо, я любые деньги заплачу, все свои связи подниму, но найду!

– Да кто его сейчас найдёт, – сокрушённо ответил капитан «Зари», – никто не найдёт, пока сам не всплывёт, а это может быть ой как далеко от этого места.

– Но надо же искать! – искренне недоумевал и сокрушался губернатор Мутин, – Такого человека потеряли, настоящего!

– Найдём, обязательно найдём, – заверил собеседника Святогоров и мысленно улыбнулся: «Неужели человеком стал наш олигарх-губернатор? Воистину, чудны дела твои, Господи!»

Дав над рекой, словно прощальный салют, длинный продолжительный гудок-сирену, белоснежная «Заря», пеня воду, осторожно сползла с травянистого берега, развернулась в сторону областного центра и, набирая обороты, белой чайкой полетела в свой путь.

Как-то незаметно сморила дневная жара и быстрый бег «Зари» многих пассажиров, которые не спеша погрузились в объятия Морфея.

Спал и наш священник, и снилось ему, как погибший Андрей, подошедший к нему, говорил с легким укором, полным любви и милосердия: – Что, Олег, одежду свою пожалел и душу свою сберёг для себя. А что же ты оставил мне?!

В ужасе и трепете великого горя, сокрушаясь, смотрел наш Олег на Спасителя, потому что уже не Андрей смотрел на него, а Христос.

«Зарю» заметно тряхнуло.

– Ерунда, капитан, – усмехнулся моторист Бубенцов, – на бревно-топляк наскочили! Для нашей «Зари» это не препятствие.

– Ладно, Серёжа, – ответно улыбнулся капитан Святогоров, – к детскому оздоровительному лагерю «Чайка» подходим, вон сколько детворы нас ждёт. Даю сирену!

Взвыв сиреной, «Заря» величаво подходила к пристани-барже с плакатом на ней: ДОЛ «Чайка». Пристав к барже, Святогоров отмахивался руками от наседавшей на него директрисы детского лагеря, тоже, кстати, землячки из Приречной, Ирки Селезнёвой: – Ну не могу я взять всех, Ириша! Ты посмотри, у меня уже с десяток пассажиров в салоне, а у тебя не меньше восьмидесяти детей.

– Восемьдесят два ребёнок, – уточнила для порядка Селезнёва, – да ты возьми их, Анатолий Иванович. Сам понимаешь, смена их закончилась, их уже в Вологде родители на речном вокзале заждались, а отсюда на Вологду один путь – на «Заре».

– Ладно, Ириш, уговорила, – подняв руки вверх, сдался капитан, – сади своих молодогвардейцев в салон. Да, из провожатых кого дашь? Одних детишек без воспитателя нежелательно на борт брать, сама понимаешь, дети есть дети, мало ли что!

– Так сама и поеду, – улыбнулась Селезнёва, – да и дела у меня в Вологде.

– Вот и ладно, – одобрил капитан, смотря, как детишки быстро заполнили его теплоход.

Отойдя от «Чайки» наша «Заря» взяла свой курс на областную столицу.

В очередной раз днище теплохода сотряслось от тупого удара бревна-топляка.

– Странно, Серёжа, странно, – удивлённо посмотрел капитан на Бубенцова, – что-то подозрительно много топляка!

– Согласен с вами, Анатолий Иванович, – кивнул ему головой речник, – подозрительно всё это.

Да, на реке неожиданно всё чаще и чаще стали попадаться не только топляки, но и брёвна, не успевшие ещё затонуть, превратившиеся при этом в своеобразные ловушки.

– Что-то много топляка и брёвен пошло, Серёжа, – озабоченно посмотрел на моториста Святогоров, – непонятно всё это.

– Да, капитан, непонятно, – согласился с капитаном Бубенцов.

Внезапно от реки опухнуло какой-то далёкой гарью. К своему ужасу капитан увидел, как у него по правому борту абсолютно никем не ведомые, рассыпаясь буквально у него на глазах, дорогу назад преградили большие плоты-боны. Летящая на всей скорости «Заря» продвигалась вперёд, лавируя между брёвнами неведомо откуда взявшихся рассыпающихся плотов. Было видно, что освобождённые от ранее связывавших их тросов, связки плотов мокрыми рассеянными спичками плыли по реке. Днище «зари» постоянно содрогалось от невидимых ударов брёвен-топляков.

– Да, командир, – прокричал капитану Бубенцов, – попали мы с тобой в заваруху, смотри, какая катавасия, и обратно не повернёшь!

– Ничего, Серёжа, прорвёмся, – успокаивал речника капитан, – на нашей «Заре» мы всё преодолеем и пройдем. Надеюсь я, дальше будет лучше.

Но нет, дальше было хуже!

Запах гари и огня чувствовался всё больше и ближе. Заметив спереди перегородившую всю реку узкую плотовую обоновку, так называемого «ерша», шириной около метра, зацепившуюся за небольшой речной остров посередине реки, капитан резко сбавил ход теплохода. Ужасаясь, капитан увидел, как по правому борту горели брошенные экипажами два речных тягача «РТ», которые, видимо и вели, все эти рассыпавшиеся плоты. Топливо и масло, вытекшее из горящих тягачей, только придавало силы зарождающемуся чудовищному костру.

Святогоров связался по радиостанции с портом: – ЧП у нас, Михалыч! У меня борт, полный детей, а близ Раме-нья два «РТ» горят, помощь высылайте, все пути и вперёд и назад перекрыты рассыпавшимися плотами!

– Спасай детей, Иваныч! – отозвался по рации диспетчер Михалыч. – От капитанов «РТ» был доклад, что повреждён газопровод на реке, из-за чего и полыхнули наши речные тягачи. Экипажи спасены. Вертушка у нас «МИ-8» в вашем районе, направляю к вам! Спасай детей, капитан, не знаю как, но спасай!

– Вот что, Михалыч, – сухо ответил по рации Святогоров, – назад пути у меня нет, спереди путь закрыт, буду на берег детишек высаживать...

Не успел он договорить этих слов, как реку потряс чудовищный взрыв. Левый и правый берега реки полыхнули в пламени огромного адского костра.

– Газ рванул, капитан, – побелевшими губами прошептал моторист Бубенцов, – всё, хана нам, Иваныч, приплыли...

Святогоров глянул на побелевшее лицо своего помощника.

– Прорвёмся, Серёжа, – подбодрил его капитан, – на нашей Зорьке прорвёмся, выручит она нас.

– Смотри, Иваныч, – ужаснулся моторист, – река загорелась!

Посмотревший вокруг себя, капитан побледнел: горели уже не только брёвна, но и как в каком-то страшном чудовищном сне воспламенилась и река. Густой чёрный дым от пламени страшного костра клубами поднимался до самого неба, мешая дышать и смотреть на эту страшную, как в фильме-катастрофе, картину. Как сухие спички, прямо на воде горели брёвна.

В салоне плакали дети.

– Так, Сергей, – глянул на Бубенцова капитан, – пристаю к островку, видишь, на нём обоновка повисла. Высаживаю детей и всех пассажиров, их у нас около ста. Сам отойду и буду прыгать через обоновку, если не получится, один сгорю! Ты, если что... веди детей на берег, хоть и горит он...

– Не получится, капитан, – коротко посмотрел на Святогорова моторист, – боюсь я, Иваныч...

– И я боюсь, Серёжа, – просветлел лицом капитан, – боюсь, а делать надо, детей надо спасать... любой ценой... В общем, за старшего ты, Серёжа...

Пеня воду, обходя горящие брёвна, идя по кипящей пылающей воде, разрывая воздух своей сиреной, «Заря» подошла к небольшому речному острову посреди реки, на котором застряла и повисла бревенчатая обоновка, безнадёжно перекрывшая всю реку, от правого до левого берега.

– Выходим, ребята, выходим, – командовали капитан и моторист, выводя людей на остров, – спокойно, всё будет хорошо!

– Куда вы нас выводите?! – заорал истошно так олигарх Мутин, – Везде огонь, я жить хочу! Любые деньги, всё отдам, лишь бы жить!

Не выдержав, капитан схватил Мутина за его рубашку: – Тише, шкура! Дети везде, не пугай их! Если человек хоть немного, детей помогай спасать!

Куда там!

Выскочив из «Зари», олигарх вместе с сопровождавшим его полицейским Кораблёвым, бросился бежать по горячей обонковке, направляясь к левому берегу, который чадил сухим дымом ужасного костра.

«Жить, жить!» – только одна мысль била и стучалась в голове олигарха. – «К чёрту вас всех, ваших детей, ваши порядки, и всю вашу обдолбанную Россию! Только жить!»

За ним трусливо бежал подполковник Кораблёв, выбравший для самого себя единственно правильное решение – жить и спастись любой ценой!

В это время продолжалось спасение детей и эвакуация их на остров. Вместе с Бубенцовым, Новоторовым и Селезнёвой, активно помогал в спасении детей и наш священник, ряса которого уже изрядно загрязнилась от копоти чадящего огня. Коротко и презрительно посмотрев на сбежавших дезертиров, капитан закончил высадку детей и взрослых пассажиров на остров под командой Бубенцова. После чего, наползавшая на остров «Заря», взыв сиреной, плавно отошла задним ходом от него, и пеня воду, на самом малом вступала в бушевавший позади неё огонь. Смотря как его «Заря» входит в огненное пламя чудовищного и дымного костра с ужасающим запахом гари и газа, капитан почувствовал, что он теряет сознание. Пары газа и копоть мешали дышать и буквально забивали лёгкие, но надо было делать то, что мог сделать он, и только он.

Он – капитан «Зари»!

В это время случилось страшное: теплоход зацепился за канат одного из погибших речных тягачей и застыл на своём месте, в пламени реки, воспламеняясь при этом.

В небе раздался гул от мощного вертолётного винта, и люди на островке увидели, как к ним стремительно при-

ближается спасательный вертолёт «МИ-8». Люди обрадовано смотрели вверх, на вертолёт, как на своё единственное спасение.

Как вдруг, буквально из самой реки, вырвался раскалённый столб огня и ударил по низко летящему вертолёту. Как спичка, полыхнул «МИ-8» и неуклюже падая на бок, ударился и взорвался на огненной глади полыхающей воды.

Люди охнули.

Разбившийся об воду и взорвавшийся вертолёт, раскалённым обломком своего винта ударил прямо в грудь стоящего на острове священника, с молитвой воздевшего руки вверх.

Служитель церкви умер моментально и, душа его вышла из тела.

И вдруг какой-то свет ослепил душу священника, и он увидел, возвращаясь в себя, незнакомого ему мальчика, вероятно из числа пассажиров «Зари».

Лицо малыша светилось ярче солнца Небесным Светом и невозможно было даже лицезреть Его Пресветлый Божественный Лик.

Дотронувшись до плеча настоятеля, Он молвил лишь одно: – Смотри!

И открылись глаза у священнослужителя, и ожил он.

Видел он, как Андрей странник Божий, идя, как Христос по пылающей воде, как посуху, одним движением освободил теплоход от зацепившего его каната. Видел, как из пламени огня реки вылетел чудовищный чёрный шипящий как змей, древний дракон и атаковал Святого Странника, пытаясь его поразить.

Как вдруг, преобразился Андрей, и вот уже не Андрей, а Христос в сияющих Ангельской красотой одеждах воспарил над рекой и дракон последовал за ним.

И произошла между ними битва.

Но не устоял дракон и поражённый щитом Святости Христовой, упал в огненную лаву реки и исчез, сгинул там, в парах собственного зловония и злобы.

Вмиг вернулось вместо духовного обычное зрение к священнику. Посмотрел он вокруг, ища божественного ребёнка, но нет, какое там, все дети как дети, да и лица ребёнка того не запомнил настоятель.

И видел священник, впрочем, как и все стоявшие на островке, как полыхающая огнём «Заря», набирая скорость, словно белокрылая птица, перелетела и перепрыгнула обоновку-ловушку, и на самом малом подходила к их островку.

Внезапно на небе произошло какое-то волнение: раздалась Гласы и сверкнули молнии. И внезапно с Неба ласковым летним дождём пролилась Божественная музыка, звучащая на одной единой прекрасной ноте и услышанная многими.

И пошёл тут сильный ливень, вмиг потушивший «Зарю» и всё вокруг, и над рекой небесным стягом растянулась вдруг победоносная радуга, словно бы заглянувшая каждому из спасённых ему в душу.

Теплоход медленно вполз на островок.

Пошатываясь и глотая воздух, как пойманная рыба, капитан Святогоров скомандовал людям на посадку. Посмотрев на капитана, пристав Новоторов, глянув на служебную папку, с каким-то внутренним облегчением достал из неё служебные бумаги и, изорвав их, бросил вместе с папкой в тёмную воду и как-то радостно вздохнул и улыбнулся.

«Уволюсь», – думал и тихо радовался своему решению Новоторов, – «вот ей-богу уволюсь, тошно мне всё это и противно!»

Поспешно посадив детей и взрослых на теплоход, капитан плавно повёл свою «Зарю» к недалёкой уже Вологде.

Подошедший к Святогорову моторист Бубенцов, глянув на осунувшееся, побледневшее лицо капитана, сочувственно произнёс: – Как ты, Иваныч?

– Всё нормально, Серёжа, – посмотрел на помощника каким-то отсутствующим взглядом капитан, – иди, успокой детей, до Вологды рукой подать.

– Хорошо, командир, сделаю, – улыбнулся моторист и уважительно посмотрел на Святогорова, – а ты всё-таки настоящий мужик, капитан, спасибо тебе за всё.

– Иди, Серёжа, иди, – тихо так улыбнулся капитан, – к пассажирам иди, говорил тебе, что всё будет хорошо. Вот, слава богу, и сбылось это.

Ещё раз с уважением посмотрев на капитана, моторист прошёл в пассажирский салон.

В это время, избежавшие огня олигарх Мутин и полицейский Кораблёв, шли по болоту, сиротливо окружённому редким кустарником.

– Что я тебе говорил, Денис, – воодушевлённо говорил олигарх, – держись меня и всё будет в порядке. Вернёмся в Вологду, я найду, как и чем вознаградить тебя! Жаль, когда бежал от огня, свой мобильник с навигатором потерял. А то бы уже давно на вертолёте в Вологду летели.

– Спасибо, господин губернатор, – преданно так, по-собачьи посмотрел на олигарха Кораблёв, – я не брошу вас, служба у меня такая!

– Со мной будешь жить! – радостно говорил олигарх. – К ордену тебя за моё спасение представлю, бабла отвалю – внукам хватит, ну и генералом сделаю, конечно!

– Спасибо вам, – посматривал собачьим взглядом на олигарха полицейский, – вы меня знаете, вас я не оставлю в беде.

– Ты молодец! – одобрительно посмотрел на полицейского олигарх, – Не то что этот дурачок капитан «Зари»!

Детей вздумал спасать, дубина стоеросовая, как они отблагодарят его, дети-то?! Родители у них нищebroды, только на водяру и могут скинуться. То ли дело я, тебя награжу по-царски...

Внезапно к вящему удивлению для себя олигарх провалился по пояс в бездонную яму трясины, которая жадно чавкая, стала засасывать свою жертву.

– Денис! – заорал испуганно олигарх. – Спаси меня, дай руку мне, видишь, гибну!

– Нет! – отшатнулся в сторону полицейский, в голове которого промелькнули его чистенькие поросятки с индюками, сулящие тихую обеспеченную старость. – Извини, губернатор, мне своя жизнь дороже!

С этими словами подполковник стал обходить погибающего Мутина.

– Стой, куда ты! – плакал олигарх, которого всё сильнее затягивала трясина. – Вернись, слышишь?! Я тебя генералом сделаю... миллион долларов... миллиард дам!

– Нужны мёртвому твои баксы и звёздочки, – презрительно усмехнулся полицейский, – я жить хочу, ты меня слышишь, губернатор, жить! А на остальное мне наплевать!

Но не успел он пройти и пару шагов, как сам ухнул в такую же бездонную яму трясины, которая стала медленно пожирать и засасывать свою жертву.

– Я хочу жить! – плакал в бессильной ярости подполковник Кораблёв, в голове которого мыльными пузырями лопались и исчезали его поросятки и несбывшиеся надежды на долгую и спокойную жизнь. – Жить...

Ему вторил такой же вопль умирающего и захлёбывавшегося в зловонной жиже олигарха.

Долго ещё звучал над мрачным, холодным и равнодушным болотом этот истошный вопль. Но затем пропал и он.

Солнце светило на золотые и серебряные купола областной столицы, которые виделись издалека и ласкали взор всем странникам, прибывающим в этот красивый древний город.

– Вологда! – сам себя обрадовал капитан.

И вдруг внезапно ему стало плохо: земля плавно стала уходить из-под его ног. И завидев малолюдный городской пляж, последним усилием Святогоров направил свою «Зарю» на этот исчезающий из его глаз песчаник.

Опешившие люди на берегу изумлённо смотрели как резко сменившая траекторию своего движения белоснежная и одновременно закопченная и обгорелая «Заря», подобно дельфину, выпрыгнула на песчаный берег их пляжа и застыла с работающим едва ли не на песке двигателем.

Над «Зарёй» тихо и плавно восстала в своём победоносном молчании разноцветная радуга, словно бы заглянувшая каждому из людей в его душу.

И был день похожий на утро, ибо просияла Заря.

РАСА ГОСПОД

Роман

*Даме Сердца –
Жене Елене Прекрасной
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Глава 1

Вступление

Я не скажу, в каком городе или поселке произошла эта история.

Потому как она могла произойти где угодно и когда угодно.

Скажу лишь, что речь пойдет о современной России нашего с вами просвященного двадцать первого века.

Сельское поместье олигарха Духалова располагалось на берегу красивой речки, которая поблескивая серебром своих вод, несла свои чистые и прозрачные воды неподалеку от шикарного дворца нового русского свежеиспеченного графа, как называли Духалова его современные крепостные – многочисленные работники и прислуга поместья, а также крестьяне из близ лежащих деревень.

Дворец тот возвышался над обступившим владения олигарха лесом, и горделиво поблескивал на солнце золотом своих крыш. Причудливые дворцовые башенки красовались ничуть не ниже церкви, стоящей рядом с ним.

И часто так было, что увидев церковные купола, рвущиеся в небо, люди привычно крестились и отдавали земной поклон не только им, но и дворцу олигарха Духалова, стоящего рядом.

Поблизости с дворцом щедро дарил свое богатство летний фруктовый сад.

А над всей этой неописуемой красотой раскинулось бескрайнее синее-синее небо,

словно отражающее множество васильков, цветущих на здешних полях.

И кротко стремилась к небу своими ветвями, как девичьими руками, одиноко растущая у реки, русская белоствольная красавица березка.

Красота!

И что тут скажешь – Россия!

Ну, а теперь друзья, если вы не против, предлагаю познакомиться с главными действующими лицами нашей истории.

Глава 2

Граф Духалов

И было Маммону Самуиловичу Духалову на момент нашего описания годков шестьдесят.

Крупный, дородный, почти стокилограммовый упитанный высокий мужчина, с копной темно-рыжих волос, смотрящихся довольно нелепо и несуразно и глубоко по-

саженными хитро и блудливо бегающими черными, как смоль, глазами.

По всей округе, и даже в области, считался Маммон Самуилович самым богатым и знатным человеком, вот и родители его не просчитались, дав ему такое странное и чудное имя, подмечая, как с измальства тянулся он к деньгам.

Одно слово-олигарх!

Из грязи, да в князи!

Был у него в жизни период, когда после своих удачных губернаторских и депутатских походов он и заделался самым настоящим и всамаделишным олигархом-владельцем заводов, газет, пароходов. И даже сам Президент вручая ему очередную незаслуженную правительственную бирюльку, говорил, что гордится и восхищается такими, как наш олигарх!

И хотя были в теплых морях и океанах его несметные богатства в виде купленных про запас виллах и дворцах на тропических островах, счетах в заграничных банках и оффшорах, яхтах, самолетах – вертолетах, но как то тянуло олигарха в родные края, в Россию-матушку.

Вот поэтому-то и отстроился Духалов в России, капитально так отстроился -в лесу, на берегу красивой реки стоял теперь возведенный по его планам шикарный и богатый дворец, с семейной церковью, пристроенной специально поближе к дворцу.

Вокруг его родового поместья раскинулись бескрайние русские леса и болота с нищенствующими, голодающими и умирающими деревнями.

И что поделывать тут?!

Капитализм, заказывали?!!

Ну так кушайте, не стесняйтесь!

Не то что пожалел голодающий и разбредающийся по окрестным городам народец наш новый русский барин, но смекнул он быстро-негоже барину без крепостных!

С этой целью он беспощадно скупил и приватизировал по дешевке все окрестные сельхозугодья – поля, леса, предприятия и даже речку умудрился прихватизировать!

И так получилось, что обеспечивал теперь Духалов работой, а стало быть и средствами к существованию всех крестьян своего огромного поместья.

Понимал Маммон Самуилович, что все его заграничное барахло и недвижимое-ерунда, так, запасной аэродром, не больше того.

Устраиваться, всеми когтями и клыками надо именно в России-матушке, где еще живет, вернее существует, ее слабый и кроткий бесхребетный русский народ.

Где еще найдешь такой?!!

На англичан и американцев попробуй-ка, сядь на шею, быстро слетишь!

Это тебе брат, не Россия, где все легко и просто, особенно если имеешь нужные связи и деньги.

Большие деньги.

Очень большие деньги.

Ведь понятно же всем, что плох тот чиновник, который не мечтает стать олигархом, ибо из шкурки чиновничьей, крысиной, мерзкой и коррупционной вылезли все.

Ну, абсолютно, все.

С тем, чтобы стать еще знатнее и могущественнее прикупил про запас предприимчивый олигарх

так нужные ему бумаги со всеми штампами, печатями и подписями царственных особ, что и он принадлежит к аристократической голубой крови.

И не просто к какой-то захудалой, а самой-самой наиглавнейшей, и так получалось по этим бумагам, что был он теперь графом, самым настоящим графом, со времен так сказать Царя-Гороха.

А если по правде, был Маммон Самуилович самого простого крестьянского рода -племени, и дальние роди-

чи его сами хаживали у бар в крепостных, но об этом наш олигарх старался забыть,

Ибо, что было, то прошло! Ведь жить надо настоящим!

Вот поэтому то и строил свежеиспеченный новый русский граф свою жизнь и своих новых крепостных по меркам старой русской дворянской и помещичьей усадьбы и даже велел именовать себя графом.

И что поделаешь тут ?

Граф и в Африке – граф !

И часто так бывало – провинится вот какой либо лакей или мужичок из местных, ну, украдет чтонибудь по мелочи, или созорничает до неприличия, что ж тут-полицию вызывать?!

Вот и приходилось бедолаге добровольно так сказать, приходиться к графу под охраной барских псарей-егерей и каяться ему во всем, униженно прося заслуженной экзекуции.

Прощал Маммон Самуилович таких бедолаг и полицию никакую не вызывал, но только самолично порол на псарне провинившихся розгами.

Бил, получая удовольствие и всыпав очередные десять горячих очередному мужичку, важно изрекал, что мол больше не шали, супротивник, а то хуже будет, гораздо хуже.

С этими словами важно подавал наказанному пятитысячную бумажку за оказанное удовольствие.

Мужичок же, получив свою порцию горячих, равно, как и денежку униженно кланялся барину и всячески благодарил его.

Кроме этого, любил еще наш барин пошалить и с этой целью периодически занимался сексуальными утехами с девицами и бабами, что помоложе, из многочисленной обслуги его крепостных.

Что еще ?

Ах, да!

Семья! Ну конечно же, как же без семьи новому русскому барину!

Духалов, как и многие из нас, имел и свою семью.

Семья, впрочем, была небольшой – младший брат Иннокентий да семнадцатилетний сын Петруша.

А родителей его давно уже не было на этом свете.

Жена у Маммона Самуиловича померла при родах их единственного ребенка-первенца.

Нет, не сказать, что яко ангел вдовствовал наш олигарх, женскую плоть он имел всегда.

Была у него и молодая длинноногая модель-любовница Ирен, которая парила сейчас свою задницу на его деньги на очередном тропическом острове.

Впрочем любил новый граф плотские утешения и на стороне, впрочем, как и его ветреная подруга.

Кроме этого, как всякий русский барин уважал Духалов и охоту и рыбалку, благо находился теперь на своем пожизненном пансионе, который и устроил он сам себе за деяния свои разные.

Вот такой вот он – современный граф и помещик земли русской.

Глава 3

Иннокентий

Ну уж коли познакомился наш читатель с современным графом – аристократом, элитой земли русской, впрямую хотя бы бегло взглянуть и на его младшего брата.

Было Иннокентию Самуиловичу Духалову годков этак пятьдесят.

Высокий, худощавый мужчина с седыми волосами и светло-кариими глазами и словно инеем посеребрёнными, красивыми, профессорскими усами и бородкой.

По профессии же был наш Иннокентий Самуилович филологом и заядлым литератором и даже любил своим тихим, дребезжающим немного голосом читать вслух стихи своих любимых поэтов, кротко и мечтательно смотря куда то вдаль поверх своих очков.

Скажем так, что пытался заняться стихосложением и он когда то, но не получилось, не срослось.

После института длительное время работал он преподавателем русского языка и литературы в сельской школе, и так получилось, что даже не женился он, не встретил той, которой можно было посвятить и душу и сердце.

Так бы и работал бы до сих пор наш литератор на своем культурном поприще, но вот пошел в гору его старший брат Маммон и когда отстроился он, дворец, поместье, сад, семейную церковь ладненько устроил, вот и пригласил его, младшенького братца-кролика к себе на постоянное житье-бытье и на хозяйство. Семья – она и есть семья, должна как и Русь Святая единой быть!

Так что не скучал теперь Иннокентий, взяв на себя хозяйственную и культурную сторону жизни барской усадьбы.

И даже так получилось, что успевал он учительствовать в местной церковно-приходской школе, вот она – братская любовь!

Хотя конечно, обижался иногда Иннокентий, когда приняв на грудь лишнюю чарку спиртного, старший со смешком называл его нищенкой и содержанкой.

Но терпел причуды богатого брата его младший брат. Ведь брат же!

Да и как измерить братскую любовь ?

Вот и жил, не тужил наш Иннокентий Самуилович, и даже робко поглядывал на будущее – что там за горизонтом?

Глава 4

Петруша

И было Петру Духалову 17 лет.

Радостно светились на его лице темно-серые глаза и игриво свисали на лоб его светло-рыжие кудряшки волос. Скажем так, жизнь у него была царская, ибо жил он в дворцовых покоях изумительного по красоте и богатству доме, соперничающем своим блеском и шиком с церковью, стоящей поблизости.

Потому как отец Петра, новоиспечённый граф Маммон Самуилович Духалов был богат до неприличия, совсем как Крез.

Юность Петра проистекала в полнейшей барственной неге и блаженстве.

Даже учился Петруша что называется на дому. Лучшие преподаватели обучали его, подготавливая юного барчука к поступлению в Кембридж или Оксфорд. Ну не в российских же университетах проходить дальнейшую учебу отпрыску такого знатного семейства!

Был у него даже учитель по фехтованию и конной езде, который не хуже королевского мушкетера, обучил его владению шпагой и тонкостям обращения с лошадьми из барской конюшни. А что до шпаг – много их было, самых разных и красовались они на стенах их оружейного зала. Поэтому уверенно смотрел на свою будущую жизнь наш барчук, зная что все у него будет хорошо и отлично.

А из увлечений у него были приключенческие романы и рыцарские саги о сражениях за сердца прекрасных дам.

Впрочем, была и у него тайна, с которой он бы не поделился ни с отцом ни даже с добрым и кротким по нраву дядей Иннокентием.

Жила в их дворцовой пристройке гувернантка Степанида с двумя дочками, одна другой краше!

Младшей, тринадцатилетней Марусей и старшей, пятнадцатилетней приемной дочерью красавицей Настей.

Вот и сох от неразделенной любви по Настене юный барин.

Такая красота пропадает!

Но словно не замечала Петрушиной любви юная красавица!

Как и ее младшая сестра, помогая матери по внутри дворцовым работам, она всякий раз сталкиваясь с Петром смотрела на него, как на пустое место и не заговаривая с ним, проходила мимо.

Ох, юная гордячка!

И это она так с ним -будущим владельцем и наследником несметных богатств своего отца!

– Но ничего, ничего, – бессонными ночами, плача в подушку размышлял наш барчук – отольются ей мои слезки!

Вот такая вот жизнь у нашего юного героя – разная.

Глава 5

Павел и Настя

–Тридцать девятый, тридцать девятый, на связь! – словно очнувшись от сна, грозно протрещала радиостан-

ция, установленная на полицейском УАЗ «Хантер» — Паша, ответь!

Молодой полицейский привычным жестом взял в руки манипулятор рации.

— Да, на приеме тридцать девятый! — коротко ответил молодой сержант — Слушаю вас!

На какое то мгновение в радиоэфире наступила тишина, после чего коротко покряхтев так, по-стариковски рация ожила голосом дежурного отдела полиции.

— Павел! — молодой сержант узнал голос лейтенанта Лысухина — У вас на Архангельской, тридцать семь опять Бедовкин дебоширит! Там целый букет — от краж и побоев до хулиганки! Опергруппу туда я уже отправил. Съезди туда, подстрахуй, ты чай, всегда вооружен, а Марь Иванна со следствия из оружия только папку свою с бумагами прихватила, ни ствола у нее, ни хрена нет.....

Помоги ей, сам знаешь, каково оно, со следачками работать.....

— Вызов принял! — молодежато доложил сержант — Не беспокойся лейтенант, помогу им, даже не сомневайся.....

Рация замолчала.

Сержант посмотрел на сиденье, на котором грозно поблескивал десантный автомат Калашникова, такой же, какой у него был во время прохождения службы в ВДВ, и улыбнулся — Не бойсь, лейтенант, обслуживу твой вызов, все будет ладушки-оладушки!

Молодой девятнадцати летний сержант патрульно-постовой службы Павел Светлов задумчиво потрогал кобурку своего верного пистолета Макарова — Да, год службы в спецназе воздушно-десантных войск не прошел даром для него.

Есть, что вспомнить — и оружием он владел любым, от огнестрельного до спортивной рапиры, ибо как говари-

вал их командир гвардии майор Сметанников десантник должен владеть абсолютно всем, даже шпагой.

А Сметанников был мастак, одно слово – Олимпийский чемпион по фехтованию!

Светлов посмотрел в зеркало заднего вида автомобиля, которое отразило внутри салона его самого – молодого симпатичного парня с непослушными черными волосами, упрямо выбивающимися из под служебной полицейской пилотки, карие глаза, в которых искрились юность и любовь к всему окружающему.

Вот такой он, молодец-огурец сержант Светлов!

Одно омрачало жизнь парню, что не было у него семьи. Совсем.

А потому как бросила его маманя, после смерти отца и осиротел наш Павел при живой-то матери, и вот поэтому с малолетства и мыкался он по детским домам и интернатам.

Но это было. Было, и прошло.

А сейчас – работа!

Павел привычно щелкнул тумблером СГУ – сигнально – громкоговорящего устройства, и взыв сиреной, как знаком очередной беды, пришедшей к людям и вспыхнув всеми проблесковыми маячками, полицейский УАЗ на всей скорости буквально полетел к месту вызова.

Туда, где его ждали люди, и где могло произойти нечто страшное и ужасное.

Подъехав к месту вызова, Павел увидел у большого двухэтажного деревянного многоквартирного дома кучу народа и несколько специальных машин – их оперативный УАЗ дежурной части райотдела, несколько машин пожарной и газовой служб, да стоящую поодаль автомашину «Скорой Помощи».

Умело закинув автомат за спину, Светлов подошел к породной и полной «Марь Иванне», как ее уважительно

звали в райотделе – следачке Ивакиной, которая стояла у дежурного авто.

Коротко козырнул майорше – Что у вас, Марь Иванна?

Майор Ивакина коротко кивнув на его приветствие, пытливо посмотрела на него.

– Как всегда, – тяжело вздохнула Ивакина-этот паразит Бедовкин пережрал, как обычно и творит беспредел. Мало того, что кучу статей уже на себя навесил, так сейчас забаррикадировался у себя в квартире на первом этаже, сожительницу с малым дитя взял в заложники.....

Бегают, орет, как ошалелый с двумя топорами в руках, что убьет их всех, газ откроет и взорвет весь дом!

Следователь посмотрела на Светлова и смахнула со своего лица назойливую муху.

Сержант молча посмотрел на нее и понимающе кивнул.

– Вот такие вот дела, Паша, – горестно покачала головой майорша – областной спецназ я уже вызвала, но пока едет он, этот паразит весь дом взорвет, да и заложников убьет, это точно....

Эвакуация то домовая была частичной... не все люди вышли из свои квартир.....

– Что же делать, Марь Иванна? – уважительно спросил сержант внимательно посмотрел на следователя-Спецназ и вправду может опоздать.....

– Вот, что, – словно набравшись духа, сказала майор Ивакина, морщась и темнея лицом прямо на глазах – застрели ты его, Паша, прямо через окно...Возьми и застрели....Вон, у тебя и автомат за спиной топорщится....Как старшая оперативной группы беру на себя грех, живым его все равно не взять, даже спецназу.....

– Посмотрим, – сочувственно глянул на вмиг постаревшую от своего решения следачку, и заторопился к бойцам противопожарной и газовой служб.

Вкратце объяснив ребятам, что надо шумнуть в окнах квартиры Бедовкина выходящих на противоположную сторону дома, наш сержант незаметно подошел к окну квартиры лиходея, готовясь к отчаянному десантному прыжку

На какое то время наступила тишина.

Услышав шум и грохот выбиваемых окон квартиры преступника с задней стороны дома, сержант лихим десантным прыжком, как когда-то – в спецназе, разбивая своим телом стекла больших оконных рам, подобно грозному соколу, влетел в квартиру негодяя.

Мягко, по-кошачьи, приземлившись на пол, сержант успел увидеть на диване избитую молодую женщину с плачущим ребенком на руках, и не успел даже подумать или сказать что-либо, как в комнату ворвался здоровущий пьяный детина, в ярости размахивающий над своей головой двумя большими заточенными топорами.

Молниеносная реакция и на этот раз не подвела сержанта Светлова.

Как в замедленной съемке, подобно птице, патрульный взлетел и в коротком прыжке, ударом боевого карате – ногой в звериный оскал нелюдя, буквально впечатал негодяя в стенку квартиры.

Звонко щелкнув браслетами наручников на запястьях преступника. Павел с состраданием посмотрел на притихшую женщину с грустными-грустными глазами, держащую, как Мадонна, малого ребенка на руках – С вами как?

Порядок ?

– Спасибо, все хорошо... – благодарно глянула на патрульного спасенная им женщина и как то робко так, улыбнулась ему – выручил ты нас, от смерти лютой спас, спасибо тебе.....

– Было бы за что! – лихо так, по-гвардейски улыбнулся в ответ сержант и крикнул в окно-Марь Иванна! Все! Отбой спецназу.....

Вот такой вот наш герой, гвардии сержант Светлов, простой русский парень.

И хоть служил он в полиции всего – ничего – полгода, но разные доставались на долю нашего героя беды и неприятности.

.....Как то шел он уже по вечерянке, сдав дежурство после дискотеки, к себе домой.

Да вот незадача – услышал из ближайшей лесополосы какой то шум, писк и возню.

Другой бы шел бы мимо, как шел, но только не Светлов!

И только подошел поближе к кустарникам наш сержант, как тонкую тишину пронзил отчаянный девичий крик.

Бросился патрульный на помощь и перемахнув через колючие кусты, очутился на небольшой лесной полянке.

Картина, которую увидел сержант была ужасной и отвратительной даже для него, много чего уже успевшего повидать в своей жизни.

При тусклом и обманчивом свете луны, он увидел, как отчаянно боролась и барахталась на земле молодая школьница лет этак пятнадцати, пытаясь стряхнуть с себя четырех озверевших подонков.

Двое нелюдей держали ее за ноги, раздирая и раздвигая их, один нелюдь навалился всем телом на голову несчастной, заламывая ей руки и душа задранная на ее голову платьем.

Другой подонок срывал девичьи трусики с ее заголенного тела, одновременно снимая свои портки. С такой мразью у сержанта был разговор короткий.

Безжалостными приемами боевого карате и дзю-до, подбежавший сержант отправил в долгий сон всю эту стаю людей, до одурения так похожих на зверей.

После чего, помог спасенной девушке встать с земли.

Бедняжку трясло, и от ужаса перенесенного, она содрогалась всем телом и молча плакала.

Лишь успокоившись, она благодарно посмотрела на сержанта и кивнула ему, не в силах видимо, произнести даже одно слово.

– Бедняжка, – сочувственно посмотрел на пострадавшую Светлов – таких страстей натерпелась....

По сотовому телефону сержант вызвал оперативную группу полиции.

Затем глянул на девушку.

– Наши сейчас подъедут, – бесхитростно и просто сказал Павел – успокойся, самое страшное уже позади.....

И лишь сейчас Светлов рассмотрел свою спасенную.

Боже, какая красавица!

Молодая девушка, на вид пятнадцати лет была удивительно хорошо сложена и хороша собой – светлые курчавые волосы ниспадали с ее головы до плеч. Утонченно красивое лицо с печальными светло-синими, как небо, глазами, дождающимися сейчас осенней непогодой.

А под тонким и изорванным голубым платьицем, спелыми яблоками наливались юные девичьи груди.

– Как звать-то тебя, красавица? – прервав затянувшееся молчание спросил Светлов и почему-то покраснел.

Девушка робко глянула на своего спасителя.

– Настя, – робко представилась спасенная – друзья меня Настенкой кличут.....

– А, Настенька, – улыбнулся сержант, называя себя в свою очередь – а я вот Павел.... Светлов я....

Сержант Светлов!

– Ну, вот и познакомились, – грустно как-то улыбнулась девушка – Настя я....Иванова....

Где-то вдалеке послышался шум полицейской сирены, и буквально через пару минут к ним подъехал полицейский УАЗ дежурной части райотдела.

Задержанных преступников поместили в машину, и прибывшая опергруппа во главе со следачкой

Марь Ивановой приступила к своему привычному делу – осмотру места происшествия и прочим необходимым делам, которые проводятся в данном случае.

Вот такое вот и было знакомство нашего героя с Настенькой.

И так получилось, что ни на миг, ни на секунду уже не мог не думать о своей Настеньке наш сержант. Стоило лишь закрыть глаза, и вот – она, ее лицо постоянно виделось ему.

Хоть и гнал свою страсть Светлов от себя – ведь школьница же, но ничего не мог с собой поделать.

А что поделать, любовь, она и есть любовь!

Вот и встречались тайком от всех у заветной березки на реке наш Павел и его возлюбленная, которая, надо сказать разделяла нежные чувства к нему.

И ломал голову вчерашний гвардеец, что же будет дальше?

Ведь пятнадцать ей всего!

Поэтому даже пальцем не трогал свою возлюбленную Павел, не то что поцеловать, а даже притронуться к ней не смел.

И зачастую сидели они у него дома на диване, как голубь с голубкой и напрасно ждала Настена, когда к ней прикоснется и приголубит ее любимый.

Вроде и рядом, а так – далеко.....

Хотя видела и чувствовала Настя, как пылает и бьется сердце нашего героя, снесаемого любовью к ней, но испытывая такие же нежные чувства, не смела даже прикоснуться к нему, слушая как стук их сердец перепле-

тался в одну мелодию, полную чувственных нот страсти неги и любви.

И встречались они не только в доме у Павла, но и у красавицы березки, что у реки стоит неподалеку от дворца Духалова.

А березке этой, как матушке своей родной поверяла все тайны наша юная красавица.

И часто плакала наша юная дева, неся в откровениях своих все невзгоды и любовь своей матушке-березке. Так уж получилось у Настеньки, что не было у нее с самого детства своей семьи.

Отказалась от нее ее родная мать еще в роддоме, без объяснения причин.

А удочерила ее приемная мать Степанида Иванова, у которой ни мужа, ни кола, ни двора, лишь дочь молодая от очередного молодого хахаля-полюбовника, Маруся, детинушка – кровинушка, на два года моложе Настеньки

Работала же сейчас Степанида у олигарха Духалова гувернанткой, так что и дочери были пристроены и помогали ей по различным служебным делам.

Вот такая вот жизнь и планида у нашей Насти Ивановой замечательная получилась.

Правда вот, в последнее время приставал к ней и не давал проходу сын Духалова – Петр, или как его полупрезрительно называли местные – барчук.

Приставал, да все в любви изъяснялся, мол так и так, выходи за меня, отдайся, озолочу.....

Только тусклая позолота-то ей с барчуком быть, ибо не любила она Петрушу, ну вот, совсем.

А любила она Павла и все ждала от него слов. тех слов, которых ждет любая девушка от своего любимого.....

Вот и ждала Настенька, когда скажет ей Павлуша те самые заветные слова.

Охота

Как и было сказано ранее, одним из увлечений олигарха Духалова была охота, настоящая, графская. Вот и сейчас довели до его сведения услужливые псарии-егеря, особо верные ему люди из его «Золотой десятки», что есть в близлежащем лесочке медведица с малыми медвежатами.

А раз так, то собирался спозаранку барин со своими верными, как псы, слугами – нукерами на охоту.

Взял с собой сына, скоро уже восемнадцать, пора мужиком быть!

Ну, а брата своего худосочного и малахольного, двинутого на литературе и саде, решил граф с собой не брать.

Как в старину когда-то, на лошадях выехали все.

Все, как полагается, загонщики, охрана по периметру на номерах, ну а к месту загона, барин стало быть с барчуком поскакали. Грозно болтались у них за спиной нарезные карабины, а у нукеров охраны мрачно чернели автоматы Калашникова.

Кроме этого, в охоте, как всегда участвовали и с десятков его элитных мощных псов его псарни – мастифы, бульмастифы, ротвейлеры и кане – корсо.

Впрочем, охота и все действия, сопряженные с ней были не долгими.

Как и планировалось, подогнали медведицу с медвежатами загонщики прямо под прицел барских карабинов.

Едва завидев медведицу и подпустив ее поближе, с хладнокровной улыбкой на устах, Духалов – старший разрядил в нее весь свой карабин.

При этом, недовольно посмотрел в сторону сына, что ж не стрелял. оробел. салага ?

После чего, рывкнул псарям – Спускайте собак!

Почувывая кровь, озверевшая свора огромных собак рвала и грызла на части погибающую животину, которая прерывисто стонала и обреченно редела от боли.

– Пусть, пусть порвут! – кровожадно кричал граф. Охота она и есть охота!

Впрочем, через некоторое время лесной зверь затих.

Полупьяные псари с огромным трудом оттащили кровожадных бестий от загрызенной ими туши лесной великанши.

Духалов подошел к умирающей медведице и вытащив из ножен большой охотничий нож, несколькими точными ударами добил несчастное животное.

Затем приказал прислуге забрать с собой разбежавшихся медвежат, ибо тешил себя мыслью старый барин, сделать на территории поместья небольшой зоопарк.

Небрежно посмотрев на сына, велел подойти ему к себе.

На ватных ногах, подошел к нему, довольно таки испуганный молодой барин.

– Чего ж не стрелял? – не одобрительно глянул на Петрушу его отец – Испужался что ли?

– Да, – виновато потупился Петр – впервые так близко зверюгу увидел.....

Духалов понимающе улыбнулся в ответ.

– Ну это ничего, – произнес он, обращаясь к сыну – с кем не бывает, все бывает в первый раз!

Ты хоть девок-то любил, али как ?

– Нет папа, – застенчиво улыбнулся Петр – этого еще у меня не было.....

– Ну и дурак, – беззлобно ругнулся граф – вон сколько дворовых девок то у меня! Одна другой краше, бери любую, никто не откажет!

Петруша с сомнением посмотрел на отца.

Уловив его взгляд, Духалов – старший помрачнел и авторитетно добавил – Говорю тебе, никто не откажет! А кто и откажет, тех – силой бери, бурундук ты домашний! Понял?!!

– Понял, – послушно согласился Петруша и замолчал.

Олигарх выжидающе посмотрел на старшего из обслуги, тот понимающе кивнул и подал барину большой золотой кубок.

Вскрыв ножом горло медведицы, олигарх налил кубок до краев теплой пузырящейся, как шампанское, кровью и подал его своему сыну.

– Пей! – строго приказал он ему – Отпей половину!

Повинуясь жесткому взгляду отца, молодой барчук судорожно вздохнув, отпил половину кубка с пенистой кровавой, отвратительно пахнувшей жидкостью.

Духалов холодным неподвижным змеиным взглядом посмотрел на своего сына.

– Ну ладно, – смягчился вдруг он – подойди ко мне, мой юный бандерлог!

Петруша подошел к своему отцу.

Олигарх окунул свой палец в кубок и нанес сыну кровью неведомые знаки на лбу, щеках и губах, проведя инициацию охотника.

– Вот! – торжественно произнес Духалов – старший, обращаясь к Петру – Теперь ты стал одним из нас! Теперь ты охотник! Бери от жизни все, что нравится и забудь навсегда нелепые человеческие предрассудки, связанные с честью, совестью и справедливостью!

Молодой барин заворожено посмотрел на отца и улыбнулся.

День рождения Петруши

Несколько недель пролетели незаметно.

И вот настал он – день восемнадцатилетия Петруши.

По такому случаю приукрасился дворец и все поместье Духаловых. Крепостным же был дан выходной день с бесплатным застольем на домах за счет хозяина!

Знай мол наших – сам барин гуляет!

Впрочем, за праздничный ужин, по странному хотению олигарха Духалова были приглашены немногие. Кроме именинника и его отца за богатым столом сидели Иннокентий Духалов, настоятель их Церкви отец Олег и племянник барина – солидный депутат Государственной Думы России Иван Семенович Лихарев.

В большой тронной зале был расставлен шикарный стол, сервированный всевозможными явствами и самыми дорогими спиртными напитками.

Обслуживали этих пятерых избранных десятки слуг и официантов.

– Так! – постукал вилкой по бокалу искрящегося пеннистого шампанского «Вдова Клико» олигарх Духалов, привлекая к себе внимание – Прощу тишины!

Слуги замерли в почтительном умилении.

– Ну что, Петруша, – начал свою речь Маммон Самуилович-сегодня тебе исполнилось восемнадцать лет..... Дата такая, интересная..... С этой датой ты вступаешь во взрослую жизнь! Подойди ко мне!

Именинник подошел к своему отцу.

Тот пошарил в подарочной коробке и достал какую-то маленькую коробочку.

Все с интересом посмотрели на графа.

– Так, – начал свою речь Маммон Самуилович – к этому знаменательному дню ты награждаешься орденом «За заслуги перед Отечеством»! Прими сынок свою первую государственную награду!

И пусть она будет достойна тебя!

Под дружные аплодисменты Духалов прикрепил к груди сына орденской знак.

– Но это еще не все! – горделиво продолжил олигарх – На Кавказе отцы дарят своим сыновьям оружие, посвящая их в мужчины! Прими и ты сынок оружие от своего отца и стань мужчиной!

С этими словами Духалов достал разноцветную коробку и достал оттуда золотой пистолет, тускло сверкнувший на свету дворцовых люстр.

– Прими сынок первое в своей жизни личное наградное именное оружие и будь достоин его!

Запомни, пусть первая пуля из твоего оружия поразит самого заклятого твоего врага!

Под аплодисменты собравшихся Петруша принял и этот подарок.

Духалов небрежно посмотрел на собравшихся и медленно поднял свою руку, обрывая аплодисменты.

– Но и это еще не все! – торжественно заявил Духалов, горделиво красуясь перед молодыми официанточками из прислуги – Прими сын свою первую в жизни банковскую карту на предъявителя, на счету которой один миллион долларов! И будь мужиком и ни в чем себе не отказывай!

– Спасибо, папа! – в порыве чувств поцеловал своего отца Петр – Я никогда не забуду этого!

– Не забывай, – согласился Духалов – старший и поднял бокал – так, господа, за это надо выпить!

Предлагаю – стоя!

Все встали и подходя к имениннику, соприкасаясь бокалами, уважительно выпили с ним свое шампанское.

Время за столом летело незаметно.

Буквально через пару часов все уже были изрядно навеселе.

– Вот что я скажу, – горячился депутат Иван Лихарев-справедливость! Во всем должна быть справедливость, иначе вся наша реальность не стоит и ломаного гроша!

– Справедливость? – иронично смотрел на депутата олигарх – Тю! Где она справедливость?!

Говорю тебе. как избранному сидеть за моим столом, что всем миром давным давно управляет тайное мировое правительство, состоящее из таких, как я. А чинуши, что поумней у нас в шестерках бегают..... Так вот, мы – новая раса господ! Цель же наша резко сократить число ненужных нам людей, проживающих на этой планете сейчас..... Вдвое уничтожить количество проживающих в России людей, тех кого вы зовете простыми и не знатными..... По моим прикидкам справедливо будет оставить только обслугу и служащих естественных монополий и заводов-гигантов.....

Так я понимаю вашу гребаную справедливость! А иначе, зачем плодить нищету?!

– Это.....справедливо?! – не нашелся даже что ответить депутат – Какая же в этом справедливость?!

– Как какая?! – презрительно оборвал его старый граф – А ты ради справедливости явленной хотя бы для одного своего избирателя пойдешь ли против системы, которая тебя кормит, одевает и обувает и нехилую зарплатку между прочим дает?! Пойдешь ли ты супротив меня и таких же, как я?! Укусишь ли руку, кормящую тебя, ась?!!

Стушевался и покраснел депутат и ничего не ответил Духалову, лишь опустил голову свою, низко так опустил, словно искал под столом что-то неведомое для себя.

– Зато у нас стабильность! – робко вставил свое слово его младший брат Иннокентий.

Маммон Самуилович не без ехидства посмотрел на своего младшенького – Ох, не смешите мои тапки, они и так устали! Стабильность у нас! Конечно-тихая, как на кладбище!

Посмотрев на старшего брата, Иннокентий сконфуженно замолчал.

– Вот что я скажу всем вам, прямо, не таясь.... Ибо здесь те, кого я считаю своими! – лихо так, не без вызова посмотрел на своих гостей олигарх – Вот и пришло наше время, которого мы так долго ждали. Мы – новая раса господ! Ибо никто из недочеловеков, как говаривал наш вождь, не равен нам. И не равенство наше проистекает даже не по крови или национальной принадлежности, а по силе, которую даровал нам наш бог! Не тот жалкий, с сыном своим человеческим и его никчемной Нагорной проповедью! Нет!!!

В запале олигарх оглядел собравшихся и одним движением опустошил бокал дорогого французского коньяка, после чего, яростно посмотрел на собравшихся – Наш бог, в отличие от вашего, разрешает все, абсолютно все! Это ваш говорит: не убей, не укради, не прелюбодействуй!

Наш же разрешает нам, и поэтому я говорю вам – хорошо это – убить, украсть и прелюбодействовать, ибо нет выше наслаждения нарушить Заповеди, данные вам вашим Богом!

Поэтому, по законам нашего вождя и бога, мы есть раса господ, а все те, кто ниже нас – недочеловеки, низшая раса, и даже скот гораздо лучше их! И мы проживаем их жизнь за них и вместо их!

Все сидели, молча опустив свои головы.

Робко так посмотрел на олигарха молодой настоятель их прихода – Да разве возможные для слуха че-

ловеческого вещи вы говорите?! Опомнитесь и покайтесь, брат мой во Христе! Как слышать это русскому человеку?!!

– А вы и вправду себя русскими считаете? – хитро так улыбнулся граф – Знал я русских, тех, кто воевал с Гитлером в сороковых... Вот эти знали, за что умирают! Родина у них была, понимаешь....

А что есть у вас ? Смотрел я телик на 9 мая и со смеху умирал, глядя на современную пьяную шелупонь, мол можем повторить! А ты только посмотри на этих повторителей! Запомните, у вас ничего не украли, просто у вас ничего не было!

Не государство для вас, а вы для государства!

Духалов выжидательно посмотрел на священника и продолжил: Как говаривал наш незабвенный классик: За-граница нам поможет! А то вы и делать то толком ничего не можете и не умеете, эх, вы, бивни слоновьи! Вот обмануть вас всех не трудно, и вас обманывать я рад!

Запомните: для нас бабло и все богатство России, для народа – патриотизм, духовность и закон, а также святая обязанность умереть за нас и наши деньги!

На какое-то время наступила тишина.

– Ох, не было в России подлее времен, чем теперешние! – горестно охнул священник – А как же Бог, как же справедливость, любовь и милосердие? Где они у вас?!

– Где-где, – отшутился Духалов – старший – в Каранде, вот где! Да и покажи мне своего Бога, где он, ау, Бог! Покажи мне, и я со своих щедрот батюшка хоть миллион, хоть миллиард зелени тебе самолично отвалю! Что, брат во Христе, слабо?!

Олигарх презрительно посмотрел на церковного настоятеля:

– Ну а если бы ты мог видеть и попросить что либо у своего Бога, о чем бы ты просил Его?

Глянув на богача своим кротким взором, священник словно осиял неведомым светом.

– Что бы я сказал Создателю?! – молитвенно приподнял свои руки настоятель – я сказал бы Ему: вижу, вижу чудеса Твои, Господи и молю пред Святым Образом Твоим: Не спаси, но покарай Праведным Судом Своим всех нас грешных, и покарав нас – спаси Любовью Своей, ибо без Нее мы – ничто !

Люди за столом переглянулись.

– Вот что, – зло продолжил свою исповедь собравшимся уже хорошо набравшийся олигарх – Да, я безобразно богат, до неприличия! Богат, как Скрудж Мак Дак, помните диснеевского утенка – супербогача ? Вот, у меня золотишка, платины да бриллиантов в подвале не меряно...Тонны три..

А может, и четыре, кто же считал?!

Все молчали.

– Так вот, – широко, по-купчески, усмехнулся Духалов – сам не знаю уже, на что оно мне, богатство это... Но так получилось, что дороже оно мне всех людей и ценностей на свете....

Попробуй, отбери! Любого загрызу, не хуже чем матерый волк, загрызу! Только подойди!

Люди настороженно молчали.

– А я вот, березки русские люблю, – тихо, кротко целомудренно нарушил тишину Иннокентий Духалов, – и душу нашего северного человека все понять стремлюсь... Да вот, как понять, чем измерить душу русскую, человеческую?

– Деньгами ее измерь, дядя Иннокентий, – как-то тупо и неудачно пошутил племянник – и люди будут всегда добры к тебе...

– Нет, – не согласился с Петрушей его дядя – люди злы и безжалостны к себе подобным и иногда, ужасаясь, я ду-

маю: А есть ли в них Бог?! Смотрю на современных военных и поражаюсь: молят они Бога о прощении своем и погибших товарищей, полагая, что в доблести убили они врагов своих! Так ведь и враги их молят также об этом одного и того же Бога-Отца нашего Всевышнего, не понимая, что ВСЕ являются детьми Его, и убивая себе подобных, позорят Святое Имя Его!

И как исправить тьму бездны ошибок души человеческой, если не Светом, Который Любовь Есть!

А по богатству, так я думаю, что все уже должны понять, что даже самый высоко поставленный вор, пусть даже царь – всего лишь навсего – вор!

– Ах ты приживалка, ессунтетка гребаная! – вскипел внезапно олигарх – не меня ли вором называешь, содержанец, мой возлюбленный младший брат?!!

– Успокойтесь, господа! Не надо ссориться! – вскочил со своего места Депутат Государственной Думы – Немедленно помиритесь!

Братья посмотрели друг на друга и выдавили из себя некое подобие улыбок.

– Ладно, мир, – как-то натянуто улыбнулся старший брат и посмотрел на младшего.

Тот согласно кивнул, мол худой мир лучше доброй войны.

После чего, застолье продолжилось, правда его, тихо так и незаметно покинул именинник и удалился куда-то по своим делам.

Захмелев, правду-матку рубил уже народный избранник.

– Вот смотрите, – нервно всплескивал руками депутат – не пора ли нам, россиянам, башкой своей чугуновой и тупой задуматься: а не пора ли взор внутрь самой России обратить? А то ведь, как игрища какие-то бесовские и бесстыжие творим! Все в липовые рейтинги играем да над своим же народом издеваемся! Весь на-

род алкоголем самопальным травим и трещим: гордитесь самобытностью Российский и парой лишних высоко духовных хромосом! Уж лучше бы пара лишних извилин в мозгу была! Вдумайтесь: где самобытность – в вине?! В пойле этом адовом?! Вы только подумайте, что творим: деньги миллиардами и триллионами за границу раздаем всем налево и направо без разбору, кто бы не попросил, даже враг! Хотя оно понятно, откаты совесть не жмут, но ведь нас уже ненавидят и смеются над нами за это во всем мире!

Доколе же?! В Америке государственное бабло держим: это же курам на смех!

Собственный же народ от голода пухнет, дети и старики от болезней и лишений, как мухи мрут! Дожили: по телевизору и в интернете деньги умирающим детям, да замерзающим старикам в деревнях на дрова собираем и скидываемся всем миром!

То космодромы ненужные строим, то деньги на потеху толпе на олимпиады-спартакиады спускаем! Вон потешаются: Украина погибается, а у нас что?! Даже Надя Савченко прозрела и против властей пошла, уразумев, что зря паны и господа братские народы развели! Поняла, что честь нации в Справедливости, Любви и Милосердии есть! А все кто примазался к героям – пауки и членовредители есть! И где наши бессмертные Герои, где наша гордость нации?! А Жанну жаль: склюют ее пауки-оборотни мира сего! Ладно, Украина..... а что в глубинке-то творится в Расее – матушке, а?! Это ж какую – такую совестью надо придумать, чтобы грабить и нещадно обирать собственный народ!

– А вы не задумывались, – поддержал пылкую речь депутата священник – что беды, которые от гордецов Россия имеет, все от греха ее горе – управителей страны, за которых и наказует ее Всемогущий Бог!

– Хм, – не согласился с ним олигарх – все ругают власти, а все беды в народе, который туп и забит до беспредела!

– Нет! – вскипел священник – Быть может Сам Господь попустил невероятное терпение и кротость русскому народу, испытывая его святость – до конца терпеть мучения, принимаемые от своих извергов и истязателей?! А?!! Как знать, может в искушении Божиим, даваемом властям мира сего, воплощаются замыслы Его?! Или дело в том, что если не выдержит человечество испытаний сих, то и приговорит себя к истреблению с лица Земли, а?!! Вспомните, и Христос, Сын Божий был послан Богом спасти заблудший дом Израилев, а кому подобен отец семейства раздающий общие богатства семьи всем соседям своим, и держащим близких своих в голоде и холоде?!

Олигарх с отвращением посмотрел на священника.

– Смотрите! – грозно обратился он к нему – вот придут окончательно наши времена, которые уже наступают, и мы будем отмечать вас всех печатью нашей, отметиной нашего вождя и бога, и будете вы все, подобно скоту клеймены этой нашей адовой печатью!

Как ошпаренный вскочил настоятель со своего места, пятясь и крестясь, и поспешно вышел из-за стола, покинув дворец олигарха Духалова.

– Стойте! – остановил рукой, пытавшихся разойтись восвояси участников пиршества обозлённый богач – Я еще не договорил! Всё на нашей стороне, и даже пропаганда нашего образа жизни!

Все вы поверите, если скажут вам по телевизору, что снег зеленый, а трава белая, лишь бы была команда и указ, а вы поверите, обязательно поверите! Или завтра скажут, что я волшебник Гудвин, великий и ужасный, вы и в это поверите, все схаваете, если пропоют соловьи

из зомбоящика, ибо верить привыкли! Вот поэтому я утверждаю, что русский народ лежковерен, шкодлив и труслив....

Духалов зло улыбнулся.

– Поверите, – по-волчьи блеснул глазами олигарх – потому что так вам легче и удобней....

Даже одна мысль, чтобы восстать против неправды приводит вас в чувство панического страха и ужаса! И вот поэтому, все вы в моих глазах трусливое быдло и холопы, не имеющие права, ну, абсолютно ни на что!

– А не боишься революций Маммон Самуилович? – с вызовом посмотрел на богатея депутат – А?!! Вот придут и отберут твоё золотишко в подвале.....

– Пусть попробуют, – угрожающе встал из за стола олигарх и в пьяной ярости ударил кулаком по столу – Зубы рвать буду, все жилы вытяну, каленым железом выжгу, но своего не дам!

Ибо, то что было ваше, все стало моим! А инакомыслия я не потерплю! Да и что вы сделаете мне и мне подобным?!! Рываляцию устройте, ишо раз с Авроры пукните, ась?! Так нет....

Обмельчал народец наш, испаскудился, в быту погряз, каждый норовит нагадить на голову ближнему своему.... Кто революцию-то делать будет?!! Вы что ли, охламоны несусветные?!! Кончился народ-то, потерял мечту свою, как и цель жизни, идею общую, а как же без нее, без цели -то?!

Духалов хитро улыбнулся и выжидающе посмотрел на собеседников.

Те молчали, потупив головы.

– То-то вот, – усмехнулся богач – того народа, что был, уже нет. Умер народ-то русский, нема его более..... Те, кто сейчас, это уже не народ, так, быдло, рабочий скот.....За пайку ближнего своего удавят, не пожалеют....

Теперь каждый за себя, разобщен народец-то, на баррикады никто не пойдет..... А на тех, кто правды и лучшей доли добивается, кстати, для них же самих, смотрят как на юродивых дурачков..... Так то, вот судари мои, а вы говорите – революция.....

Молча и сконфуженно сидели гости за столом, понимая, что прав, как никогда их друг и брат олигарх Духалов.

В это время находящийся в изрядном подпитии именинник Петр Духалов стучался в маленькую комнату, где жила его возлюбленная Настена.

Двери ему открыла Настя, уже заспанная, ибо время приближалось уже к ночи, одетая наспех в соблазнительно облегающий ее стройную фигурку, заношенный короткий халатик.

– А, Настенька, – пьяно ухмыльнулся именинник – еще не спишь? Молодца! А я тебе с дня своего рождения бутылку шампанского принес!

С этими словами Петр показал своей избраннице бутылку элитного французского вина.

После чего, бесцеремонно, по-хозяйски зашел в комнату Настёны и натянуто улыбнулся, увидев поразительно бедную обстановку и убранство ее комнаты. При этом плотоядно посмотрел на халатик, облегающий тонкую талию девушки, затем перевел взгляд на ее молодые груди, так и просящиеся на волю из плена плотно облегающих их старой ткани.

Господи, как она хороша!

Петруша даже застонал, представляя свою возлюбленную в обнаженном виде.

О, боже, как он хотел ее!

– Что тебе? – холодно спросила его Настя – Час поздний, прими мои поздравления, конечно, и иди к себе.

Сын олигарха жадно посмотрел на неё.

– Знаешь, а на дни рождений принято дарить подарки, – пьяно ухмыльнулся он – а лучший мой подарочек, это ты!

С этими словами он сделал попытку обнять девушку и повалить ее на кровать, которая стояла поблизости. Но гибкая девушка, как опытная гимнастка извернулась, и не рассчитав своих движений, Петр упал на ее кровать, уткнувшись лицом в подушку.

Сев на кровать, он неожиданно заплакал – Сегодня такой день, а я даже матери своей не знал, слышишь, Настя, хоть ты утешь меня сегодня...Сядь ко мне... поближе....

– Нет! – холодно отрезала его возлюбленная – пьяным даже подходить ко мне не смей!

В уме Петруши промелькнула какая-то мысль.

Театрально он встал перед ней на колени и протянул ей свою руку: Тогда, о прекрасная дама, услышь своего рыцаря! Прошу: выходи за меня замуж, прямо сейчас! А залогом нашей любви пусть будет мой подарок тебе – эта золотая банковская карта на которой миллион долларов! Пусть это будет моим свадебным подарком тебе!

Сказав это, он замолчал и с надеждой посмотрел на девушку, словно желая убедиться какое впечатление произвели на нее его слова.

Но девушка была непреклонна.

– Нет! – холодно посмотрела Настя на сына олигарха – Говорят тебе, выметайся отсюда, или я уйду!

– Куда же ты уйдешь сударыня на ночь глядя? И чего ты гонишь меня из моего собственного дома?! Напомнить тебе, что здесь все мое, и даже ты.....Ну, хорошо.... Свадьбу отложим.....А сейчас...раздаться для меня, о моя прекрасная наложница! Покажи себя во всей красе.....я и пальцем тебя не трону, обещаю.....

– Сказала же, нет! – в отчаянии выпалила девушка и выбежала из своей комнаты.

– Блин, вот чудная, – разочарованно произнес Петруша и в глубокой печали удалился в свои покои.

В эту ночь как-то не спалось сержанту Светлову.

Посмотрев на часы, и грустно покачав головой, он уже было собирался отправиться на покой, как в дверь коротко постучали.

Он открыл двери.

За порогом стояла облаченная в старый домашний халатик, озябшая и продрогшая Настёна, благо ночь выдалась холодной.

Покачав головой, Павел пригласил ночную гостью зайти к нему.

Глава 8

Заветные слова

Зайдя внутрь помещения, Настя улыбнулась своему возлюбленному.

– Что случилось? – коротко спросил Павел и посмотрел на нее.

– Все бы хорошо, Павлуша, – объяснила свой поздний визит Настёна – да вот барчук совсем жизни не даёт, пристаёт...проходу не даёт, окаянный, вот и пришлось придти к тебе.....

– Ладно, – примирительно посмотрел на возлюбленную Светлов – завтра я поговорю с ним, объясню, что как делает он, это не по мужски..... А сейчас, чаю тебе предложу с малиновым вареньем, если хочешь, конечно.....

– Спасибо, я уже ужинала, – отшутилась Настя и внезапно подошла к нему, близко-близко.

Их глаза встретились.

– Ты ничего не хочешь сказать мне ? – прошептала Настя, прислонившись к Павлу всем своим жарким телом, из которого буквально выпрыгивало сердце – Только скажи.....

Что-то дрогнуло и сломалось в душе сержанта Светлова.

Посмотрев в свое отражение в ее бездонных любящих глазах, Павел произнес такие простые заветные слова, которых так долго ждала его Настя: Просто...я люблю тебя....

– И я... – эхом отозвалась Настёна – люблю тебя....

Как-то неожиданно их губы соприкоснулись в их первом для каждого поцелуе.

Целуя своего любимого и отдаваясь ему в этом чувственном поцелуе, Настёна медленно скинула свой халатик и только попыталась снять с себя свое нижнее девичье белье, как Павел нежно остановил ее: Нет! Тебе еще нет даже шестнадцати! Давай подождем хотя бы год–другой, а я буду ждать тебя, и женой своей назову только тебя.... Ибо жизнь моя в тебе....

– Любовь моя, – нежно и грустно ответила Настя – и я твоя...безраздельно....и если хочешь....возьми меня сейчас, такой какая я есть.....ибо кто знает, что будет завтра.....

– Нет, – ласково поцеловал в губы свою возлюбленную Павел – все у нас хорошо, и время еще у нас будет....впереди целая жизнь! Клянусь, что умру с тобой в тот день, когда не станет тебя....

Молодые люди нежно поцеловались.

– Клянусь! – эхом прошептала его возлюбленная – Умереть в тот день, когда не станет тебя, любимый.....

На следующий день, Павел отвел свою возлюбленную к её матери и сестре, а сам через охранников попросил выйти к нему Духалова – младшего.

Выйдя, сын олигарха с любопытством посмотрел на молодого сержанта полиции.

– Что у вас ко мне? – вопросительно посмотрел он на Светлова – Могу ли чем помочь ?

– Можете, – коротко ответил Павел – мой разговор о Насте, которая живет в вашем поместье...

Мне бы очень хотелось настоятельно рекомендовать вам, сударь отстать от моей девушки, ибо мы в дальнейшем планируем связать свои судьбы вместе...

– О, рыцарь с пылающим взором! – с удивлением посмотрел на полицейского сын олигарха –

Что вижу я? Защитника обездоленных и униженных! В таком случае, разрешите вас, как своего соперника вызвать на рыцарскую дуэль! До первой крови!!! Сударь, вы фехтуете?

– Да, – коротко ответил Павел и усмехнулся – что ж, я принимаю ваш вызов, и также объявляю вам, что я готов драться за честь своей дамы до конца!

– Отлично! – галантно поклонился ему Петр и пригласил пройти в поместье – Скрестим же шпаги, сэр рыцарь!

Молодые люди не торопясь прошли в зал фехтования, где сын олигарха снял со стены две одинаковых изящных шпаги, одну из которых подал сержанту полиции.

– Вы готовы сударь защитить честь своей дамы? – посмотрел на Павла сын олигарха – Каюсь, я вчера был не прав, поэтому не против хорошей взбучки.... Правда у меня большие сомнения, что вы хоть что-то смыслите в искусстве фехтования!

– Посмотрим, сэр! – улыбнулся Светлов и взмахнув шпагой, встал в защитную стойку.

– Начнем же наш поединок! – бодро крикнул Петр и их шпаги скрестились.

– Ого! – воскликнул Духалов – младший – Где обучались вы, сэр, этому почтенному искусству?

– В армии! – выкрикнул сержант Светлов и лихо отбил атаку противника.

– В какой же это армии, так искусно обучают фехтованию?! – искренне удивился Петр, перейдя в контратаку на противника, надеясь поразить его школой французского владения шпагой.

Но увы, и ах!

Видать школа гвардии майора – Олимпионика была на голову выше и сильнее секретов старого француза, все это на себе понял Петр, когда неуловимым движением мастерской руки, Павел миг обезоружил его и нанес ему легкий колющий удар, и тут же остановил бой.

– Кровь! – прокричал Светлов – Первая кровь ваша, сударь! И поэтому по законам рыцарских ристалищ и поединков вы обязаны принести извинения моей даме и впредь так грязно не добиваться ее! Согласны ли вы с моими требованиями, сэр рыцарь ?

– Да! – как побежденный, поднял вверх руки Петр – Полностью согласен и повинуюсь им, сэр рыцарь! Вы удовлетворены моей кровью ?

– Полностью удовлетворен! – шпага Павла молниеносно прочертила знак «Зорро» в воздухе, затем была вручена в руки ее настоящего хозяина – Надеюсь, ваше скверное поведение больше не повторится, мой сударь?!

– Нет, никогда! – поклонился ему Петр, и пожал другу руку, они разошлись, весьма довольные собой.

К слову сказать, буквально через час после их поединка, Петр лично подошел к Настёне и принес ей свои самые искренние извинения, добавив впрочем, что будет любить ее и бороться за неё всю свою жизнь.

«Невинные» забавы графа Духалова

Конечно же, о проделках своего сына и даже о его рыцарской дуэли бдительная охрана не замедлила доложить олигарху.

Взбешенный богатей вызвал сына в свой кабинет и строго отчитал его.

– Хорошо, – жестко смотрел Духалов – старший на своего сына – то, что с девкой дворовой связался, молодец! Настька-баба ничего, смазливая, сам бы ее поимел, но раз твоя, то смотри....И против дуэли вашей дурацкой я не имею ничего против, одно правда коробит... Ты пойми, тот сержант, он не ровня тебе, в старину рыцари, чай с холопами не дрались! А по девке, смотри...возьми ее силой, если заартачится....Силы и ума не хватает, что ж.....дам я тебе пару крепких мужичков, подержат её.....

– Ты что?! – с изумлением посмотрел на старшего графа его сын – Даже не смей так думать, я запрещаю тебе! Просто....я люблю ее....

– Любишь! – холодно посмотрел на сына олигарх – Она не ровня тебе! Без роду и племени, служанка, рабыня.... У тебя еще много таких будет! Хочешь испортить девку, мужиком стать – так будь им, разрешаю! А теперь иди...утомил ты меня....не вводи во грех...

Петр грустно покачав головой, вышел из кабинета отца.

Старый граф задумался: Ох, уж эта Настя! Видимо придется заняться и ей, но чуть позднее, ибо запал похотливый барин на младшую сестру Настёны – Марусю, которая на два года была моложе её и выглядела ну просто ребенком.

В дверь постучал лакей.

Зайдя в помещение, он кратко доложил: К вам, Маммон Самуилович, местная бабёнка, смазливая, между прочим...

– Хорошо, зови, – оживился граф, предвкушая развлечение – только называй меня соответствующе...

– Слушаю вас, господин граф! – почтительно поклонился своему барину прислужник и вышел.

Через несколько минут в его кабинет зашла молодая женщина, лет этак двадцати пяти.

Действительно, красивая.

– Что у тебя ко мне? – ворчливо спросил олигарх у вошедшей – И как тебя звать, величать?

Женщина остановилась у его стола и неожиданно рыдалась: Анна я, Исакова жена, вашего бригадира – полевода... Сынок у нас приболел.... а за операцию такую сумму врачи выставляют, что просто ужас! Зная вашу доброту решила я попросить у вас денег на операцию, а мы отработаем, обязательно...отработаем! Только мужу не говорите...не знает он, что я к вам пошла!

Услышав требуемую сумму олигарх презрительно улыбнулся: стоило слезы разводить из за такой мелочи!

Цепким раздевающим взглядом олигарх посмотрел на молодую женщину: Но, понимаешь, Аннушка, хотя сумма для меня и небольшая, но пойми, за всё в этой жизни надо платить!

– Так я заплачу, – с надеждой посмотрела на него Анна Исакова – положение у меня безвыходное...я на все согласна.....

– На все? – скептически и оценивающе посмотрел на неё старый граф и демонстративно поднял телефонную трубку: Так, Михалыч, покупай для моих собак новый самолет, старый уже устарел.... А мои собачки на международных выставках честь России защищать будут!

После чего, страшно довольный собой, повесил телефонную трубку.

Словно бы вспомнив что-то, он вновь задумчиво и оценивающе посмотрел на женщину.

Усмехнувшись чему-то он открыл ящик стола и доставая толстые пачки евро и долларов стал бросать их под ноги понравившейся ему молодой.

– Деньги, деньги, – ворчал, как скрипел олигарх – вот они твои деньги, даже намного больше, чем просишь... И я подарю тебе их с одним условием! Помнишь, ты говорила, что на все согласна ради денег ?

Да, – испуганно и торопливо согласилась мать больного ребенка – я на все согласна, лишь бы вылечить сына!

Духалов испытующе посмотрел на неё.

– Хорошо, – милостиво согласился он – ты забереешь все эти деньги, как я и говорил, без отдачи, но перед этим ты разденешься и ляжешь на этот стол и будешь улыбаться, когда я поимею тебя, как захочу.....

Как то внезапно заплакав, медленно, целомудренно и девственно молодая женщина стала раздеваться перед ним и сев на стол, словно бы очнулась от какого-то гипнотического сна.

Поспешно закрывая свои голые коленки и пытаясь хоть как-то закрыть свою обнаженную грудь, она зарыдала во весь голос: Не могу! Вы слышите меня, не могу!

И вскочив со стола, поспешно привела себя в порядок, и как ошпаренная выскочила из кабинета старого графа, который успел на прощание запустить в неё чернильницей и обругать её самыми грязными матерными словами.

Возбужденный Духалов в ярости ходил по кабинету: Ишь ты, недотрога какая, целку из себя строит! Ну и пошла вон, нищелюбка, гордячка! У неё ребёнок умирает, а она тут представление разыгрывает!

Но надо было что-то делать, ибо мужская сила олигарха требовала удовлетворения своей похоти и разрядки.

Внезапно граф вспомнил о своей вожделенной дочке гувернантки Степаниды, тринадцатилетней Марусе.

А что, идея!

Сняв телефон, барин велел соединить его со Степанидой. Коротко поговорив с ней, и подкупив её, посулами невиданных материальных благ, он велел тотчас же отправить Марусю вместе с её сестрой Настёной в его спальную комнату с бутылочкой коньяка и коробкой конфет.

Понятливая Степанида охотно согласилась с предложением барина, особенно когда он озвучил сумму за услуги её дочерей.

Действительно, Степанида была ушлой и тертой во всех смыслах, умудрённой дамой.

Так и не выйдя замуж, и родив дочь Марусю от залетнего хахаля, который затем бросил её, Степанида растила и лелеяла как свой домашний цветок свою Марусю, надеясь впрочем, что дочка когданибудь удачно выйдет замуж и все старания матери окупятся полностью, раз и навсегда. Ибо деньги – вот что самое главное в жизни!

И когда подвернулся случай, удовлетворяя своё не полностью прочувствованное материнское счастье она удочерила маленькую девочку, всего то на два года старше её родной дочери, и назвала её Настей. Но в то же время понимала ушлая гувернантка Степанида, что короток, ох, как короток алый девичий цвет и чтобы не растратить его на какогонибудь молодого забулдыгу – алкаша, требуется продать себя, как можно дороже.

Вот поэтому – то хитромудрая мать действовала так, как хотелось ей самой, только самой.

Степаниде не пришлось долго уговаривать свою родную дочь, младшенькую Марусю, мол надень халатик,

подносик с винцом и конфетамихвати и к старому графу в его опочивальню занеси, чай не обидит, не съест.

Пыталась предложить это и приёмной дочери красавице Настёне, но та к её удивлению, наотрез отказалась.

– Что же ты мама, мне предлагаешь?! – с горечью спрашивала Настя у Степаниды – Ты под старика мне велишь лечь?!! И даже родную свою дочь не жалеешь?!

– Да пойми ты, дурёха, – с искренним удивлением смотрела на неё приёмная мать – то что ты молодому графу отказала, сама виновата, глупышка! Так хоть старого не упусти....

Будешь, как сыр в масле кататься, в шоколаде будешь, озолотит тебя старый граф! Что, не было у тебя ни с кем? Так это по первянке, больно и неудобно, а привыкнешь, втянешься, так понравится даже...А старый граф-кавалер хоть куда! Верно же говорят, что старый конь борозды не портит! А он умелец по женской части еще тот, пискнуть не успеешь, как женщиной станешь!

Что такого, легла, ножки раздвинула...и тебе хорошо, не убудет, и мужику приятно.....

А то что с ментом твоим было, Павлом, так ты забудь его! Он такой же нищоброд, как и мы.....

Что даст он тебе в жизни своей?!! Будь же дура в шоколаде, граф он и есть граф!

– Ой, что вы говорите мама?! – не выдержав, плакала Настёна – Шоколад ваш горький будет для меня! Уж лучше руки на себя наложить! Вот вы дочку младшенькую посылаете, а она глупышка, дурёха, не понимает ещё ничего! Одни куклы в голове! Совсем ребёнок ещё.... Как хотите мама, я к барину не пойду!

С этими словами Настя выбежала из комнаты и убежала к реке, где обняв ствол русской березки горько плакала, жалуясь ей на свою нелёгкую судьбу: Матушка ты моя, защити меня от врага лютого, похотливого!

Но тихо молчала берёзка, грустно глядя на ветру плачущую девушку своими ветвями.

В двери опочивальни графа кто-то робко и нерешительно постучал.

– Войдите! – бодро разрешил олигарх и встав с кровати, посмотрел на большую ванну, наполненную теплой водой с ароматическим маслом.

Открылась дверь и на пороге появилась дочь Степаниды, Маруся, но почему-то одна, без сестры.

В руках у неё был поднос с бутылкой дорогущего коньяка и коробкой шикарных конфет.

Точеную талию юной девушки облегал миниатюрный халатик, который не скрывал девичьи прелести этой вожделённой красотки.

Подойдя к кровати, Маруся поставила поднос на небольшой журнальный стол.

Олигарх оценивающе и плотоядно посмотрел на девушку и подойдя к двери, закрыл её.

Вернувшись, он небрежно открыл коньяк и конфеты, затем взяв в руки два больших бокала, щедро, до краёв наполнил их.

После чего пристальным немигающим взором старой змеи, посмотрел на юную школьницу: Ну, что стоишь, дурёха? Не бойся, я не съем тебя..... Подойди ближе.....

Робко и застенчиво девчушка подошла к олигарху.

– А теперь, – подал бокал с коньяком девушке олигарх Духалов – пей! Приказываю – пей до дна!

И сам поднял свой бокал с коньяком.

Повинуясь жесткому и ехидному взору графа, девушка не посмела перечить ему и медленно выпила темную обжигающую жидкость до дна. Граф мигом залил в себя свой бокал и плотоядно, взором бывалого хищника посмотрел на Марусю, словно желая, чтобы она созрела быстреей.

Крепкий коньяк подействовал на девушку весьма быстро, и она покачнулася.

– Съешь конфетку, моя сладость, – поощрительно улыбнулся старый ловелас – она шоколадная, вкусная, силы тебе придаст...знаешь, свежесть моя, они тебе сейчас понадобятся.....

Смотря как школьница съела конфету, старый развратник моментально скинул с себя всю одежду и подвёл изрядно захмелевшую Марусю к ванной.

Не торопясь, желая продлить своё удовольствие, барин медленно снял с девушки её крохотный халатик и нижнее девичье бельё и легко, как пушинку приподняв её, поставил её на ноги в ванну, и сам не торопясь зашёл в пенистую жидкость.

Нежно глядя ее везде, старый граф с вожделением стал намыливать детским шампунем юную красотку, и чувственно, не торопясь, смывать шампунь рукой.

Какая красавица!

Граф даже застонал от возбуждения и не удержавшись, поцеловал Марусю в её плоский девичий животик, а затем и ниже, рукой поглаживая и трогая её там.

Девочка встрепенулася и содрогнулася всем телом, когда граф сделал ЭТО.

Ласково поглаживая её, как норовистого жеребёнка, олигарх продолжал делать своё грязное дело. По щекам девицы беззвучно текли слёзы, и в её горле застрял, так и не вырвавшийся наружу крик. Все тело несчастной буквально корчилось и передергивалось от проникновения в неё этого грязного во всех отношениях скота, и ванна быстро краснела от тёмной девичей крови.

Наконец все кончилось, и граф устало и победоносно улыбнулся.

– Молодец, моя девочка, ты очень хорошо постаралась, – влажной ладонкой поощрительно похлопал её

по мокрой попке старый извращенец – За девственность твою я вознагражу! Знаешь, что я тебе подарю за это? Машину! Ты хочешь иномарку, киска моя?

И плотоядно посмотрел на неё, как старый облезлый кот на пойманную синичку.

– Ничего я не хочу! – не выдержав, громко, в голос, заплакала девица – Отпустите меня! Я не могу так!!!

Граф скептически посмотрел на неё.

– Поздно, птичка! Ты теперь всегда будешь приходить ко мне! Каждую ночь или день, когда я захочу тебя! И не одна, а с сестрой! Вот славно развлечёмся втроём! А сейчас – свободна! – изрек вердикт своей жертве старый хищник – Выметайся! И чтобы – молчок! А иначе... сама знаешь.....

Ни слова ни сказав, девочка схватила своё бельё и выскочила за дверь.

Но не домой, побежала Маруся, жаловаться на боль и оскорбление предавшей её матери.

Быстрые ножки принесли её к реке, где заметив глубокий омут, девочка с разбегу бросилась в воды, послушно принявшей её тело реки.

Какое-то время пузырьки выбивались на поверхность реки, но затем пропали и они.

Глава 10

Развязка

Поразмыслив немного, граф вспомнил о красавице Настёне, о её роковой красоте, которая так манила и притягивала к себе.

Были резоны заняться этой девушкой плотнее, ибо сделал её своей любовницей, граф навсегда бы отвратил сердце своего сына от этой неприступной простушки.

Еще раз подумав, граф поднял телефонную трубку и приказал своей личной охране из «золотой десятки» чтобы Настю немедленно доставили к нему в опочивальню.

На свою беду, несчастная девушка вернулась в свою комнату, чтобы забрать свои вещи.

После чего, она планировала уйти к Павлу и все рассказать ему.

Предварительно, Настёна позвонила своему возлюбленному и вкратце объяснив ситуацию, попросила забрать её примерно через час у их заветной приречной березки, где они так любили встречаться под луной.

В дверь постучали.

Девушка открыла двери и тут же пожалела об этом.

В комнату ворвались два здоровущих охранника, которые безжалостно заломив ей руки, доставили её в опочивальню графа.

– Ну, что, красавя, убежала? – скептически посмотрел на неё граф и выждав когда охранники уйдут, подошел к двери, намереваясь закрыть их.

Но не успел он этого сделать, как в опочивальню без стука зашел его младший брат Иннокентий.

Зайдя, он долгим взглядом посмотрел на своего старшего брата.

– Брат! – хриплым голосом выдохнул Иннокентий – Очнись, брат! Как же ты можешь на ребёнка этого, на деву младую такое удумать?! Остановись!

– А разве эта самочка – человек?! – презрительно усмехнулся его старший брат – Так, холопка приبلудная, для которой огромная честь доставить удовольствие своему барину! Шалава...да она должна быть рада, если барин осчастливит её! Пойми же, брат, все они просто наш

рабочий скот и права выбора не имеют, ибо полностью отдали его нам и подчинили нам полностью!

– Остановись, брат! – горестно и изумленно вздохнул Иннокентий – Пока не поздно, остановись! Ты слышишь?!! Я не дам свершится злодеянию!

– Ты?! Тю-ю, – презрительно сгримасничал граф – шел бы ты отсюда, содержанка! А хочешь, я при тебе её возьму, а ты к нам присоединишься, идет?

Младший брат с гневом посмотрел на старшего.

– Молчать, мразь! – вскипел внезапно Иннокентий – Ты просто скот, и не имеешь права называться человеком! Когда же ты стал таким?!!

При этом он посмотрел на Настю: – А ты девочка, уходи отсюда! Пока не поздно, уходи.....

– Я – мразь?!! – ответно вспылил олигарх и в порыве ярости схватил тяжелую чернильницу со стола и подскочив к своему младшему брату изо всех сил ударил его в висок.

Бедный Иннокентий умер быстро и безболезненно, так ничего и не успев понять.

В гневе закрыв дверь, олигарх со злостью пнул ногой тело брата и подошел к девушке.

– Раздевайся! – сурово и жестко приказал он ей – Сейчас я сделаю с тобой, все что хочу! И это все будет намного круче и жестче, чем то, что делает султан с рабынями из своего гарема! Я покажу тебе темную сторону плотской любви и сделаю с тобой то, о чем ты не забудешь никогда! Раздевайся, быстро! Твой господин ждет тебя!

– Не буду! – ожгла нелюдя своим взглядом юная девушка – Отойти от меня, мразь!

Сильной рукой олигарх цепко ухватил за грудь девушки и больно сдавил её, сдирая при этом с неё халат. Каким то гимнастическим и ловким движением Настя извернулась и с размаху, наотмашь ударила старого графа ладонью по лицу.

Звонкая пощёчина заметно отрезвила прыть графа.

Зло посмотрев на неё, олигарх вызвал охрану.

Когда в кабинет вошли четверо самых здоровых полупьяных мужиков из «золотой десятки» графа, девушка поняла, что всякое сопротивление уже бессмысленно.

Но тем не менее, с отвагой львицы она пыталась защитить свою девичью честь и достоинство.

Да куда там!

Пятеро здоровущих мужиков вмиг скрутили её, и донага раздев, по приказу графа бросили её на широкую барскую постель, привязав её руки к кровати. Затем, широко раздвинув ноги, верёвками растянули её, как лягушонка, плотно зафиксировав её.

Здоровущие, стокилограммовые, гориллообразные мужики, ухмыляясь, пожелали своему хозяину спокойной ночи и хотели было удалиться, как граф небрежно остановил их.

Ибо все мысли графа были теперь сосредоточены только на мщении, поэтому подойдя к девушке и наклонившись к ней, старый негодяй угрожающе прошипел: – Ну, что теперь? Я вижу, ты на все согласна? Таможня даёт добро?

Ничего не сказала ему девушка, а лишь презрительно плюнула ему в лицо.

– Ах так! – вскипел олигарх и посмотрел на своих нукеров – Она ваша! Делайте с ней, что хотите, даю полчасика, управитесь? Хотя постойте, свой последний привет я передам ей лично.... Нагайку!

Здоровущий амбал – охранник передал своему хозяину оружие пытки.

С наслаждением, изо всех сил, старый подонок нанес удар по животу беззащитной девушки, от которого на теле несчастной моментально вспух кровавый рубец, затем еще и еще.....

Остановился и опомнился он лишь тогда, когда его руку цепко ухватил старший охранник: Пошто добро переводишь барин, мы так и так её закопаем, не при- выкать..... Дай хоть порадовать девку напоследок, а то братва изголодалась совсем по молоденьким! Пусть вку- сит мужской силушки по полной, по самое не балуй.....

Граф согласно кивнул.

Словно стая голодных гигантских серых крыс окру- жила Настёну, хищно лязгая зубами и пуская слюни в предвкушении совершенного непотребства, дергая и тро- гая её везде.

И получив одобрительную отмашку графа, зверолюди скопом накинулись на неё и принялись терзать.

Буквально через минуту милосердное сознание от- ключилось, и свет померк в Настиных глазах.

Удовлетворив все свои чудовищные прихоти и самые гнусные фантазии, зверолюди отвязали девушку и бро- сили её безжизненное тело на пол.

При этом, один из скотов глянув на залитую кровью кровать, удивленно процедил:

– Блин, первоходка была.....

.....Очнулась Настя от нестерпимой боли.

С трудом открывая глаза, она увидела, как её пытает- ся привести в чувство её приемная мать.

В глазах у Степаниды стояли слезы ужаса: Боже! Что я наделала!!! Что они сделали с тобой?!!!

И куда девали изверги мою младшеньку?!!

Но ничего ей не ответила Настена, лишь слезы бежа- ли из широко раскрытых глаз, в которых плакало небо.

– Ты беги, дочка, – одевала пришедшую в себя На- стю её приемная мать – твоему Павлу я уже позвонила.... А сюда из города полиция едет с прокуратурой... Ты беги, доча... к березке беги....

Паша туда подъедет, хороший он у тебя.... Здесь тебе нельзя... найдут ироды..... к Паше беги, с ним живи.....

Настя подняла свое исполозованное нагайкой лицо и посмотрела на мать: Поздно уже.... Зачем я ему такая.... грязная.....ты хоть знаешь, что эти скоты сотворили со мной?!!! Грязная я для него...

Посмотрев на дочь, Степанида зарыдала в голос: Все равно иди к Павлу! Любит он тебя....все простит.....а винить тебя не в чем...не сама пошла.....Тело они твое запятнали, но не душу! Беги доча, пока ироды не спохватились...водку они сейчас все жрут на псарне, тебя хоронить готовятся!

А ты беги...если понадобится, задержу я их, сколько смогу...задержу! И ради всего святого заклинаю тебя доча: ты прости дуру старую, окаянную! На шоколад барский польстилась, на деньги кровавые змия поганого!!!

С этими словами Степанида незаметно вывела свою дочь из дворца и кое-как, пошатываясь и спотыкаясь, словно пьяная, Настя побрела к заветной березе.

В это время, Павел, возвращавшийся с райцентра на дежурном УАЗе, получив дурное известие от Степаниды, на огромной скорости, с сиреной и включенными проблемными маячками летел к их заветной березке у реки, где должна ждать его любимая.

И до березки этой оставалось так мало.....

Лишь бы успеть!

Тускло поблескивал на переднем сиденье его десантный автомат.

Но увы и ах!

К несчастью, пропажу беглянки, злодеи обнаружили гораздо раньше, чем Павел успел подъехать к березке у реки.

В бешенстве оттолкнув Степаниду пытавшуюся помешать им, взбесившийся граф тремя короткими пистолетными выстрелами в упор застрелил, кажется, потерявшую от горя рассудок безутешную мать. Водка играла в жилах графа и его нукеров, подсказывая наиболее страшные методы расправы над беглянкой.

Скомандовав своей пьяной «золотой десятке» опричников вывести из псарни его боевых охотничьих псов, он велел им поставить свирепую свору на след беглянки.

– В живых не оставляйте! – жестко приказал граф-убийца своим подельникам – Там, где найдете, там и закопайте, если после моих людоедов останется хоть что-нибудь!

Согласно кивнув головами, зверолоуди с радостью принялись исполнять прихоть своего барина.

Отвязав огромных, бешено лающих собак, старший охранник, пьяно ощерившись, достал из своего кармана и жадно понюхал окровавленные трусики Насти, после чего, ткнул их под нос каждому псу, и свирепая стая бросилась по следу своей жертвы.

В это время, услышав про ужасные события в поместье и узнав, что из реки выловили труп Маруси, младшей дочери Степаниды, сын графа Духалова, вооружившись золотым пистолетом, заходил в опочивальню своего отца.

С ужасом посмотрев на трупы родного дяди и Степаниды, посмотрев на кровать отца, залитую чьей-то кровью и увидев обрывки веревок и нижнего окровавленного девичьего белья, графский отпрыск понял все, абсолютно все.

Дрогнувшей рукой он передернул затвор оружия, загоня патрон в патронник, и направил пистолет в сторону своего отца.

Лишь одна фраза приглушенным стоном вырвалась из его груди: За что?!... Что ты наделал....

Я же любил её!

Неожиданно лицо старого барина исказила гримаса ненависти: За что?! Да я спасал тебя от этой мрази, от этой непокорной холопки....

– Молчи! – не выдержав, закричал Петр, злые слезы бежали по его щекам—Где она?! Я спасу ее!!!

– Нет её более, – коротко и безучастно ответил граф—собачки её разорвали и съели...ты же знаешь моих собак!

– Замолчи, чудовище! – закричал Петр, ствол пистолета судорожно дрожал в его руке -Ты не человек! Ты – монстр! И я стыжусь, что я твой сын!!! Скажи....что тебе, хоть немного её жаль!

– Нет! – в исступлении заорал олигарх – Я никого не люблю! Ни тебя, ни тем более её, твою грязную потаскуху!!! Я убил бы её с удовольствием еще не раз!!!

Договорить граф не успел, потому что золотой подарочный пистолет нашел свою цель и выплюнул в него раскаленную пулю.

Олигарх пошатнулся и упал на пол.

Из его живота грязным кровавым родничком текла и пузырилась кровь.

Входная дырка от пули была маленькая, зато со спины зияла огромная открытая рана.

Старик Духалов чересчур хорошо разбирался в оружии и понял, что это конец.

В открытую дверь зашла какая-то незнакомая молодая женщина, которая на какой-то миг показалась олигарху знакомой.

С ужасом посмотрев на трупы людей, и презрительно глянув на богача, женщина подошла поближе.

– Что ? – холодно спросила она его – Не узнаёшь меня, падаль?!

– Кто ты? – прошептал умирающий граф – Я не знаю тебя.....

– Знаешь, очень хорошо знаешь! – с отвращением посмотрела на него незнакомка – Помнишь Ирочку Тотмакову, которую ты изнасиловал когда-то?! Так вот, это я! Знай, падаль от насилия твоего родилась дочь, от которой отказалась я еще в роддоме.... Не смогла принять плод насилия твоего! Отследила я её сейчас.... Дочь она приёмная у вашей Степаниды, Настенькой её зовут!

Твоей дочери, падаль, пятнадцать лет уже! Так что доживай в радости, дочь у тебя есть!

Сказав это, женщина с отвращением плюнула в лицо олигарха и вышла.

– Дочь, доча.... – плакал потрясенный олигарх – Боже! Что я наделал, что натворил!!! И нет мне места в аду, ибо даже ада я не достоин!

Оглушенный и убитый горем стоял на коленях перед своим отцом его сын Петр.

И вдруг, граф тонко и визгливо, как-то по-бабьи завизжал, ибо явственно увидел зависших над ним страшных, черных, вонючих и крылатых ужасных бесов ада, которые своими когтистыми лапами принялись выдирать из тела олигарха его грешную душу.

Старый граф умер в ужасающих мучениях.

Посмотрев на мертвое и безжизненное тело убитого им отца, Петр поднес дуло пистолета к своему виску.

Звонко хлопнул выстрел.

В это время Настенька успела подбежать к заветной березке, где её и настигла свирепая свора псов-людоедов. Крепко, как родную мать, обняла белоствольную березку девушка и в этот миг вся свора накинулась на неё.

Подбежавшие зверолоды сладострастно наблюдали, как огромные мастифы, бульмастифы, ротвейлеры и

кане – корсо буквально раздирали на части несчастную, но лишь подбадривали собак, продлевая мучительную агонию девушки.

И взмолилась тогда Настенька, уже не в силах превозмочь дикую боль от клыков разрывавших ее на части собак: Помоги мне, Господи!

И вмиг ушла куда-то боль, и Настя вознеслась, подобно белому голубю, смотря откуда-то сверху на свое поруганное и терзаемое собаками безжизненное тело.....

Далее, возносясь все выше и выше, она увидела Свет и Его Самого, Того, Которого не знала, но любила ВСЕГДА!

– Хватит! – недовольно пробурчал старший охранник – Откинулась девка.... Вон, собаки уже березу грызут!

В самом деле, в неистовой ярости разбушевавшиеся псы грызли тонкий ствол березки, от которой то и дело отлетали щепки, и наконец, поверженная русская береза жалобно всплакнув, упала к лапам чудовищных взбесившихся псов.

Пробовали зверолоды оторвать Настеньку от березы, да куда там!

До того были сильны мертвые девичьи объятия, что даже расцепить руки нелюди не смогли.

Да впрочем, и не успели.

Совсем близко, музыкой запоздалой победы и справедливого Божественного отмщения прозвучала полицейская сирена, и к месту трагедии, на огромной скорости, скрипнув тормозами, подлетел патрульный УАЗ.

Моментально оценив ситуацию, сержант Светлов сдернул автомат и длинной безжалостной очередью расстрелял всех нукеров-охранников и собак-людоедов.

После чего, отбросив в сторону ненужный автомат, спотыкаясь и падая, он подошел к срубленной собачьи-

ми челюстями березке и заглянул в мертвое лицо своей любимой.

По щекам Павла градом текли слезы невыносимой боли Любви и Разлуки.

Вспомнив свою клятву, он посмотрел на широко открытые глаза своей Любимой, отразившие синее-синее безоблачное Небо и попросил: Боже, прости меня.....но я не могу без неё.....

С этими словами он достал из кобуры свой верный «Макаров» и передернув затвор, выстрелил себе прямо в сердце и замертво упал на свою Любимую, обнимая её.

Последнее, что успел увидеть сержант Павел Светлов, как в сиянии ласкового, живого и вечного Света, Его встречает несущая в себе весь этот Свет, Его Любимая.

АНГЕЛЫ УЛИЦ

Новелла

*Ангелам во плоти
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

А медалей «За отвагу» у лейтенанта Славина было целых три.

Был еще орден, вернее два – «Красной Звезды» и «Боевого Красного Знамени», правда не любил наш лейтенант красоваться своими наградами, впрочем, как и многие настоящие бывалые фронтовики.

Ибо, как учил их комбат, которого уважительно за возраст, и не только, звали «Батей», что мол снайпера любят то, что блестит, да на солнышке играет.

И надо сказать, что прав был «Батя» как никогда, и ему, командиру второго пехотного взвода гвардии лейтенанту Вячеславу Ивановичу Славину это объяснять уже не надо.

Хотя, скажем так, по молодости своей и горячности удалецкой пулям Вячеслав не особо кланялся и поэтому частенько комбат поругивал его за это.

Вот и сейчас лейтенант Славин стоял перед комбатом и виновато посматривал на майора, «песочившего» его в очередной раз.

Дверь в штабную комнату была плотно прикрыта и занавешана плащ-палаткой, поэтому даже при всем желании разговор их подслушать никто не мог.

– Это ты того, не геройствуй тут мне! – сердито, потечески выговаривал Славину пожилой майор. – Что давеча учудил, а?! Сам на дзот с гранатой полез! У тебя, что, подчиненных нет?!!

Славин грустно покачал головой, словно бы соглашаясь во всем с комбатом.

– Так ведь ..., – неожиданно улыбнулся лейтенант, – пополнение у меня все молодое и не обстрелянное... . Кого послать на убой-то, пацанву эту зеленую?! И сами погибнут и дела не сделают... .

– Ты мне это брось, свою философию втирать! – грозно посмотрел на него комбат. – Давно я с тобой, чертенька, привык... . Да и в Берлин вступили, май сорок пятого на дворе! Соседи-то уже рейхстаг штурмуют! До победы пол-шага, не боишься погибнуть в самый-то конец войны, а?!!

Молодой лейтенант посмотрел на комбата и улыбка, немного не уместная для подобного случая появилась на его лице.

– Нет, Петр Сергеевич, не боюсь! – лихо, по-молодецки так, глянул на майора Славин. – Я заговоренный! Вот недавно цыганка мне нагадала и всем бойцам моим, что мы, как ангелы улиц, а ангелы разве погибают?! Помните, товарищ майор, это когда мы концлагерь освободили... много там узников было: русских, поляков, евреев... вот и цыганочка эта там была.... Ужасов там насмотрелись, страсть!!! Да, страшная сила – война, и будь проклят тот, кто захочет ее повторить!

– Ангелы... – с недоверием посмотрел на Славина комбат. – Ангелы, чай, на небе, а не на земле обитают...

Хотя, если наш советский солдат и Ангел, то Ангел он фронтовых стёжек-дорожек на освобожденной нами Земле!

Комбат Селиверстов на секунду задумался, затем серьезно так посмотрел на молодого офицера.

– Дома-то как дела? – спросил он, – Пишут хоть?

– Ну а как же! – улыбнулся Славин. – Вот на днях почта была от жены, все хорошо у них, сынок Колька подрастает....

Где-то поблизости ахнул минометный взрыв, и с потолка посыпалась облезшая побелка.

– Стреляют, черти, – беззлобно чертыхнулся комбат и продолжил, – к чему это я все говорю, Вячеслав Иванович, а к тому, что война кончается, ты уж побереги себя, не геройствуй понапрасну.... Помни, что тебя жинка с малым дитя дожидается....

– Все будет хорошо, – заверил майора Славин и кратко отчитавшись перед своим начальником об оперативной обстановке на вверенном ему участке фронта, привычно козырнув, вышел из служебного помещения.

Торопился наш лейтенант на свою боевую позицию: как же, зеленая пацанва ожидала его.

Прибыв на место, и приняв устный рапорт от заместителя командира взвода, что, мол, все нормально, Славин облегченно вздохнул.

Перед его глазами была всё та же берлинская площадь с размещённой по центру большой скульптурой ангела и стоящими поблизости несколькими полуразрушенными старыми домами.

Внезапно внимание лейтенанта было привлечено молодой немецкой женщиной с маленьким ребёнком на руках, которая вступила на площадь и, боязливо озираясь, шла в их направлении.

И не успел Вячеслав Иванович даже подумать, насколько опасно всё это для незнакомой ему немки, как из окна дома, размещённого на противоположной стороне площади, гулко ударил и заговорил пулемёт.

Басовито набирая обороты, подобно циркулярной пиле, немецкий МГ-42 прошёлся длинной очередью по всей площади, настигая своим безжалостным огнём женщину с ребёнком. Покачнувшись от нестерпимой боли, женщина осела на колени, и, умирая, из последних сил бережно положила на берлинский асфальт своего ребёнка.

Одним взглядом Славин осёк своих бойцов, попытавшихся выскочить из укрытия и броситься на помощь крохе. Приказав подчинённым прикрыть его огнём из всех стволов, наш лейтенант, петляя под огнём немецкого пулемёта, приближался к плачущему ребёнку – маленькой немецкой девочке. Подбежав к ней и схватив её в охапку, геройский комвзвода изо всех сил бросился назад.

И их укрытие было так близко, так желанно!

Проскрипев в последний раз, в звериной ярости немецкий пулемет хлестнул раскаленной очередью по спине бегущего лейтенанта, и это было последнее, что успел в своей жизни пулеметчик – гауптштурмфюрер СС Ганс

Вайс, ибо появившийся на площади советский танк Т-34 первым же метким выстрелом подавил огневую точку противника.

Плавно опускаясь на землю, советский офицер успел передать невредимую девчушку в руки подбежавших бойцов, и уже умирая, гвардии лейтенант Славин услышал ликующую канонаду от рейхстага, и последнее, что он видел, это победные ракеты, воспарившие в небе над побежденным Берлином.

Затем свет померк в его глазах и он умер. В то же время, словно бы по мановению чьей-то волшебной руки, яркий Свет осиял над ним и ему явился Ангел Божий, раскрывший свои огромные белоснежные крылья, просиявшие в Радуге Неба. Наклонившись над Славиным, Божий Посланник легко поставил его на ноги и поцеловал переходящего в Вечность Героя.

– Кто ты? – робко спросил Небесного Посланника лейтенант, наверняка зная ответ. – И почему ты пришел ко мне?

В глазах Ангела ласковым светом сиял Огонь Вечной Любви.

– Я – Михаил, Ангел Божий, – медовыми колокольчиками прозвучал ангельский голос, и шум ветра, и Глас какой-то трубный послышался в нём, – и Сам Господь послал меня к тебе, ибо нет выше жертвы, которую явил ты! Знай же: на Небе все радуются подвигу твоему!

И в тот же миг лейтенант Славин был в раю, но как говорится, это уже другая история, ибо Небесная Награда нашла своего Героя.

А теперь друзья давайте перенесемся в наше время и посетим славный праздник 9 мая 2017 года в маленьком городке Приреченск, что расположен на самом севере стуженой Вологодской области и заодно познакомимся

с нашим героем: командиром взвода патрульно-постовой службы полиции лейтенантом Вячеславом Николаевичем Славиным.

Да, правильно догадался наш читатель, что Вячеслав Николаевич и есть внук того самого героически погибшего в мае сорок пятого при освобождении Берлина лейтенанта Славина и в честь деда названного Вячеславом.

Просто интересно автору, и надеюсь нашему уважаемому читателю узнать судьбу не только деда-фронтовика, но и его внука, живущего в современной России.

Итак, приняв участие в параде в честь Дня Победы и само собой в «Бессмертном Полку», уже на городском кладбище, где планировалась официальная церемония Памяти всех павших за освобождение Родины, наш лейтенант повстречал старого знакомого Кольку Иванова, по слухам, здорово поднявшегося в материальном плане в последнее время. Действительно людская молва не обманула никого, ибо был его бывший друган – одноклассник и депутатом и крупным предпринимателем. А раз так, обнявшись тепло и по дружески, наши друзья проследовали на кладбище.

Заметив у памятника Героям рыжего, бомжеватого вида, пожилого мужчину, сидевшего на земле со страдальчески протянутой рукой, лейтенант Славин, не выдержав, подошел к нему и вложил ему в руку несколько смятых бумажек Банка России. Увидев щедрое пожертвование, мужичок сей радостно ощерился, показав редкие гнилые зубы: – Да возблагодарит тебя Бог за жертву твою! Спасибо, земля.... Будет возможность, и я отблагодарю тебя.....как смогу....

Николай Иванов скептически смотрел на Славина и на бомжика, изливающегося в похвальбе.

– Знаешь, что, – неожиданно сказал предприниматель и депутат, обращаясь к своему однокласснику, – зря ты

ему деньги дал! Ведь известно, не делай добра и не получишь зла!

– Ну-у, – опешил Славин, – на хлеб ему дал, видно, что нелёгкая судьба у человека, жаль мне его!

Предприниматель Иванов не без иронии глянул на друга.

– Эх, – с лёгкой тенью ехидства и сарказма улыбнулся Иванов, – пропъет он твои деньги! Да и кому этим сделаешь лучше?!

При этих словах, бомжик, а это и был Агафрен Иванович Гудыма, понимающе улыбнулся: «Конечно пропью, на хлеб что ли тратить?! Вот придду домой и напьюсь, ой как напьюсь, тем паче, праздник-то какой!»

Но мыслей этих наши друзья естественно не узнали, поэтому далее все разошлись по своим делам: Славин с Ивановым прошествовали к центральному памятнику, где собрался едва ли не весь город, а Агафрен Гудыма хитромудро усмехнувшись, побежал к заветному ларьку, где его ждали так желанные ему флакончики с боярышником и одеколоном.

После памятного митинга, Славин и Иванов вышли вместе с народом с территории кладбища и пошли домой. Пройдя немного и лукаво улыбнувшись, Николай остановил Вячеслава.

– Стой! – дружески приподнял свою руку Иванов, – Пешком не пойдем!

С этими словами он подвёл его к стоящему на обочине дороги и сверкающему на солнце новенькому автомобилю.

– Ого! – присвистнул лейтенант, разглядывая заморское чудо. – Это что же за машинка-то такая?! У нас таких в городке нет!

– Майбах это! – горделиво так ответил Иванов, – Сам понимаешь, не шивые Жигули! Садись давай, на настоящей машине покатаю!

С этими словами друзья заняли свое место в чуде иностранного автомобилестроения и не торопясь отъехали от городского кладбища.

В это же самое время радостный и довольный Агафрен Гудыма, закупившись «фанфуриками» боярышника и одеколona, поспешал домой. Придя к себе, Агафрен Иванович первым делом включил телевизор, а затем, сев за стол перед голубым оком экрана, ловким движением руки откупорил столь желанный для него «фанфурик». Опасаться было некого да и нечего, потому и блаженствовал и сибитарил в своей квартире на пятом этаже стандартной пятиэтажной «хрущовки» наш мужичок абсолютно один, ибо женушка перезаняв где-то деньжат, укатила в первопрестольную, чтобы поклониться мощам очередного святого, привезенного в Россию.

Ведь понятно же, что жизнь это не прямая линия с Президентом, который один запросто осчастливливал всех везунчиков, дозвонившихся до него! Здесь, как понимал Агафрен, посерьезнее штука будет, ибо даже Президент не ровня святому, которому, по крайней мере, можно было верить и надеяться на него.

Ибо верно сказано, что по вере вашей и дано будет вам. Впрочем, Гудыма скептически относился ко всему, поскольку считал себя умудренным и битым жизнью человеком. Хотя сейчас он был просто счастлив и горд тем, что занимался своим любим делом: погружением в алкогольную нирвану, когда растворялись и забывались все беды и невзгоды, и сама жизнь становилась лёгкой и безоблачной.

Откуда-то от соседей послышался страшный хрип и тяжёлый кашель задыхающегося ребёнка.

Гудыма сочувственно прислушался к хрипам и стонам умирающей крохи-девчушки из соседней квартиры.

– Мучается ребенок-то, – сокрушённо подумал Агафрен Иванович, и скупая мужская слеза покати­лась по его небритой щеке, – вот до чего довели страну, ироды! Ну почему нет добрых людей, исцеливших бы её и давших крохе на лечение?!! Хотя понятно, Россия боль­шая, на всех не хватит...

Желая приглушить внезапно налетевшую на него тоску и уныние, Агафрен сделал звук телевизора погромче и залпом выпил очередной «фанфурик».

На голубом глазу современной живой иконы – теле­визора то и дело мелькали детали отснятого телевизи­онщиками празднования Дня Победы в России, затем в новостях, под не прекращающийся хрип и кашель из-за соседней стенки, столичный диктор бравурным голосом талдычил сколько миллиардов прощено очередным брат­ским странам-должникам, и как всё таки здорово жить в современной России, вставшей с колен!

Под праздничный грохот бравурной музыки телевизор внушал распалившемуся мозгу мужичка, что да, и за це­ной не постоим, и если надо повторим, и в Берлине будем!

Агафрен криво улыбнувшись, открыл флакон одеко­лона и одним махом осушил его.

Эх, хорошо сидим!

Гуляй, рванина!!!

Хрип и надрывный кашель как-то внезапно прекра­тился.

Прошло какое-то время, где-то внизу, отключив вою­щую, как зверь, сирену, скрипнула изношенной подве­ской «Скорая помощь». Затем еще какое то время было тихо. После чего в дверь позвонили.

Пошатываясь от принятой дозы алкогольного дурма­на, Гудыма открыл дверь и увидел заплаканную соседку.

Комкая в руках черный платок, женщина как-то груст­но и виновато посмотрела на него: – Всё... Отмучилась моя

Ириша, умерла... Царствие ей Небесное, ангелочку моему! Так и не дожидила до прямой линии Президента! А она так верила в неё!!! Слышь, Иваныч, деньги всем миром собрать надо, проводить по-людски.....сам понимаешь, что даже на похороны в этой проклятущей жизни денег нет! Знаешь, что не работаю я, а Ирин отец давно уже спился и умер... Пыталась я лечить дочурку, ты же знаешь, да денег на операцию всё не было...Обращалась к чиновникам, а те что?! Баяли в ответ, что двери поплотнее закрывай, что бы людей стопами умирающей не беспокоить... улыбались так: молись мол, постоянно молись, да к мощам чудотворным припади.... А где они деньги, на мощи-то?! Ну что сосед, сможешь подсобить в беде моей?!

В глазах женщины чернела мгла полнейшей безнадеги и отчаяния.

Агафрен Иванович сокрушенно покачал головой.

– Эх, соседушка, – огорчительно посмотрел он на неё, – были бы деньги, помог бы ... но не работаю я, а на пенсию мою, кот удавится... да и работы в нашем городе нет, так что извиняй меня по немочи моей....

С этими словами он тихо закрыл дверь и вернувшись в комнату, продолжил свое застолье.

Одновременно, в это же время, в соседней пятиэтажной «хрущовке», за наскоро накрытым в квартире лейтенанта Славина не богатым праздничным столом, сидел сам Вячеслав Славин и его однокашник Николай Иванов. Отмечали праздник вдвоем, ибо Иванов прибыл из первопрестольной на побывку в родной город один, а жена Славина с их малолетним ребёнком гостевала у своей мамани.

Шикарный «Майбах» предпринимателя и депутата был припаркован у дома, у цветущих яблонь, поблизости с детской площадкой.

И к этому моменту всё уже знал об однокашнике наш лейтенант: что и депутат и предприниматель он весьма богатый, как говорят, владелец заводов, газет, пароходов.

В двухкомнатной квартире Славина работал телевизор, показывая картинки праздничного дня: вот, к большой церкви подъезжают на дорогущих немецких машинах Президент и Патриарх, кротко и жеманно улыбаясь под сверканием фальшивых солнц фотовспышек. А вот нескончаемая очередь к святым мощам в этот же храм, далее телевизор показывает нескончаемые колонны «Бессмертного полка» и военный парад в различных городах.

– Ну, – махнув рукой на телевизор, произнес Николай Иванов, – хоть у тебя, друган, стол и попроще, чем у меня в Москве, давай по-нашему, по-русски, накатим водочки в День Победы! С праздником тебя, с Днём Великой Победы! И спасибо павшим за нас и нашу Родину!

С этими словами одноклассники звонко соприкоснувшись рюмками с водкой, залили сей драгоценный продукт в себя. Произнося второй тост, Славин выразительно посмотрел на портрет своего деда-фронтовика, размещенного в центре книжной полки, и с уважением произнес: – За тебя, деда! За нашу Победу!!!

И выпил содержимое рюмки до дна, его гость поддержал данный тост, после чего, полицейский глянул на Иванова.

– Знаешь, – стал рассказывать Славин, – дед то мой при освобождении Берлина погиб.... Представляли его на Геройскую Звездочку, впрочем, безуспешно... Такой вот дед у меня был – геройский! Эх, при жизни на таких вот молится надо... на настоящих и живых!

После этого все встали, произнося третий праздничный тост в честь павших.

Выпив, Славин и Иванов радостно переглянулись. Да, праздник удался!

Распив в итоге бутылочку «Путинки» под лёгкую закусочку, наскоро приготовленную лейтенантом Славиным, мужички довольно улыбались.

– Ох, хорошо сидим, – блаженно улыбнулся, как довольный котяра, предприниматель и депутат Николай Иванов, – вот хотел давно с тобой, друган, поговорить... Вот ты умный такой, честный, да и в школе завсегда отличником был... И на кой ляд в эту полицию пошел? Зарплаты у вас, как я знаю нищенские, как говорится, кот заплакал, а парень ты башковитый: шёл бы в предприниматели!

Славин понимающе улыбнулся в ответ и отрицательно покачал головой.

– Не моё это, – как то задушевно и кротко сказал он, – призвание мое: за людей стоять и Россию-матушку!

По телевизору вновь показывали огромную очередь поклоняющуюся мощам.

Предприниматель недобро как-то улыбнулся, смотря на экран телевизора.

– Интересно, – произнес богач, – а знают ли они хоть кому поклоняются, слабые и заблудшие люди века сего?! Уж не накликали бы бурю, как гнев Божий! Думаю я, что нет у них веры во власть, и надеясь на чудо, в язычестве упражняются, не понимая кто царь мёртвых есть!

– Ну-у, – протянул в ответ Славин, – что ты можешь знать про это?! Священству виднее... .

– Ой ли, – не согласился с ним предприниматель, – не согласен! По вере своей ядерную «Сатану» освящают, и где христианство, где любовь?! Даже здесь пустота запущения и чиновная имитация ... Везде пустота, даже во мне, слышишь?!!

В каком-то отчаянии, со злостью, Иванов стукнул кулаком по столу.

– Неправда всё! – с яростью выкрикнул он. – И церковники наши и даже я сам правды Божией не нёсем и

не ведаем! Помню, как-то в Москве подъезжаю к церкви, смотрю на машинке покруче моей даже подкатывает молодой такой, сытый, опьяневший от вина и чувства собственной безнаказанности священник. Весь в крестах золотых, как в орденах и медалях увешан.... И подходит к нему, понимаешь, старая бабуля и слёзно молит его, помоги батюшка, отец святой, помощь окажи.... Дом вишь, у нее сгорел со всем хозяйством и жить негде! И что ты думаешь?! Этот святоша раскрутил её отдать в церковную копилку последние ейные сто рублей, а ей сказал, что Бог подаст! Во как! А ты говоришь: им виднее!!! Впрочем, мы давно уже спелись с ними и не поймёшь, где они и где мы, и кто кому служит.... Хотя ясно, что править хочется по-старому, правда, жрать – по новому!

Ничего не сказал ему Славин и лишь грустно так покачал головой.

– Хорошо, слушай дальше, – продолжил свою исповедь богач, – вот помню себя с детства, всегда мечтал быть сильным и храбрым... Помнишь, наверное, был у нас в классе Валерка Пугачев, так вот, ещё с младших классов отнимал он у меня ириски мои, конфеты такие сладкие... любил я их жевать на школьных переменах! Ох, как любил! И вот вырос я, и уже теперь сам отобрал у всех свою принадлежащую только мне ириску, и не одну, а все, когда все вдруг захотели капитализма!

На какое то время наступила холодная тишина, впрочем, лейтенант Славин быстро прервал ее.

– Не захотели, и не мы, – укоризненно посмотрел на предпринимателя Вячеслав, – это вы сами придумали и исполнили то, что нужно было только вам самим, а не народу! Мы не отказывались от социализма и его справедливости! Капитализм-сатанизм, скажи, что умнее... Жить то мы хотим СЕЙЧАС, а не завтра, которого может и не быть! Все вы просто обманули и облапошили

народ в чудовищном лицемерии вашем, подменив завоевания Октября вашей беспредельной «свободой», где вор и мразь – достойные люди и элита ваша! Но забыли одно, предав народ свой, которому обязались служить, что Россия и Родина – это мы, а не вы!!! Да и по церкви не согласен я!

– Не согласен? – пьяно прищурился Иванов. – В чём непонятка твоя?! Я же все разъяснил, как на духу, исповедался, что не нужна она....

– Нужна! – хрипло выдохнул Вячеслав и укоризненно посмотрел на одноклассника. – Церковь для меня, как маяк в бушующем море, и идя на его свет капитан спасает гибнущее судно... Правда вот, в одном ты прав, что если маяк повредился в себе, и вместо света выдает тьму, показывая лукавую дорожку на скалы, что будет с кораблём тогда?! Разобьётся он, и люди его погибнут, вот поэтому и должен работать сей маяк исправно и хорошо! А по Богу и вере, так я думаю, что не в рабах нуждается Господь, а в детях Свободы: сыновьях и дочерях, любящих Его, как и Ангелы любят Отца Небесного! И Господь даёт каждому Себя в Любви, а не в ненависти, ибо Он Любовь Есть!

Не без ехидства Иванов посмотрел на Вячеслава.

– Не согласен! – пальчиком погрозил он ему, – Слушай сюда! Вот смотрю я на вас на всех и дивлюсь! Что вы за люди, терпилы окаянные?! Всем довольны, всё «одобрямс», на выборах за нас аж 666 процентов... Машины вот покупаете в кредит, а то что кредиты эти придётся детям и внукам отдавать, вас не волнует, потому что такие вы есть, кредитное и не только, рабство, форма жизни для вас и знаешь: хорошо управлять такими, легко знаешь как то... И вы живущие в кредит, прозябание свое трусливо жизнью все зовете! Да, и еще тайну открою, не погнушусь: пишем мы хрень всякую для вас не только

потому, что так надо, а потому что скучно нам! Ты помнишь: мне скучно, бес! Но ничего, мы еще православно-го императора, царя вам – Антихриста дадим, вот тогда заживём!!! Впрочем, чтобы не скучать, войнушку вам подарим, ведь известно – война все спишет!

Лейтенант глянул на предпринимателя.

– Так ведь вы, – упрямо смотрел на богатея офицер, – царедворцы не добитые, драные аники – воины, присвоили то, что принадлежит народу и нет вам извинения в деянии вашем!

– Народу! – передразнил его предприниматель и авторитетно заявил. – Нельзя считать деньги в чужих карманах, не культурно это!

– Не культурно?!! – презрительно поморщился, как от зубной боли лейтенант. – А хорошо ли забирать последнее у детей и стариков своей страны и перекачивать награбленное у народов России бабло на Запад, а?!! Зная при этом, что они будут умирать, как и страна, над которой посмеялись и надругались вы все!

– Не согласен! – повторился в своем ответе Иванов. – Голосуя за нас, и наш образ жизни, вы голосуете и за убийства собственных детей... На мой взгляд, вы – звери, господа! И даже хуже их, ибо даже зверь лесной ради сохранения потомства своего пойдёт на всё, в отличие от вас! Так что, дети ваши давно уже стали чужими для вас, и кто же тогда виноват?!! Себя вините, больше некого, ибо хищниками и убийцами вы стали для детей своих! И если поразмыслить, то большие хриstopродавцы это вы, а не мы, ибо нас понять можно всегда, потому как заботимся мы о детях своих, а не о ваших, и кровь детей ваших на вас будет! А по стране, так неужто ты не видишь мой слепоглухонемой друг, что Рашка давно уже страна-донор, и она должна всем, при том, что ей никто и никогда ничего не должен! И такой её сделали все вы, в без-

различии и тупости своей, избрав нас – своих губителей! А впрочем, что понимаешь ты и тебе подобные, служащие нам супротив своего народа?! Скажи мне, я – прав?!

– Нет! – грозно посмотрел на богача лейтенант, – На этом мы расходимся во взглядах! Жива Россия и Герои наши оживляют ее!

– Герои! – презрительно отмахнулся от него, как от надоедливой мухи депутат Иванов, – Да знаешь ли ты, что даже по героям, придуманным вашим, то бишь народным, задумали мы и исполнили так, что только тот, кто погиб за нас, за наши идеи и наши деньги, будет считаться героем, пусть даже не явит дела во благо народа своего, ибо простой народ для нас давно уже пустое место и расходный материал! Так вот, тот, кто положит душу свою за други своя – не получит ничего! И будь он даже Христом, без нашего решения и Указа, как был никем, тем и останется! Ибо своим – всё, остальным – закон! Да и по народу твоему, скажу: ну совершишь ты подвиг во спасение, даже погибая за них и что с того?! Плунут и забудут тебя на следующий день, а поминать будут тех, кого мы назначим в герои и никак иначе! Понял, валенок ты сибирский?! Никто не забыт, ничто не забыто?! Ха! Всё забыто и травой поросло! И вообще, что пенять на зеркало, коли рожа кривая?! Неужели не понимаете, что самое хорошее, доброе, настоящее для всех вас уже кончилось... Всё в прошлом, а впереди у вас ничто, пустота, зоро, яма, днище! Видно же, что всё общество разложилось, как труп... Смердит уже и некому поправить и не находится ИСПРАВЛЯЮЩИЙ!

– Не бойсь! – упрямо посмотрел на богача лейтенант, – просыпается народ наш и не обманешь уже его врагами на Западе, где все детки и ближние ваши с награбленным барахлом жируют, как скользкие налимы, любители мертвечины и протухшей крови! Дай срок, всё

исправим, и наш подлинный русский мир восстановим, как и прежде! И Герои у нас будут настоящие – народные, как и награды, ибо награды ваши, как навоз, коровьи лепёхи, что вы лепите на грудь ближним своим!

– Ой ли! – в запале ответил ему Иванов, – Русский мир! Когда же он был русским?! Его гнобили и унижали в угоду кого угодно и чего угодно, но только не народа, населяющего страну! И вообще, думается мне, что надобно принять такой закон, что даже думать, мыслить простому человеку было запрещено! Ведь и ежу ясно, что все беды от вас – вольнодумцев! И пока мы у власти, у нас всегда будет наш максимум, так же как у вас – свой минимум!

На какое то время наступила тишина.

– Нет! – жёстко заявил Славин, с вызовом смотря на Иванова, – Мы никогда не подчинимся и не покоримся воле вашей, мать-Россия проснётся, и отряхнувшись от вас, как от кровососущих блох, станет свободной!

– Ух! – восхищенно воскликнул предприниматель и депутат Иванов, – Да вы батенька, либераст! Гребаная сойка – пересмешница!

– Нет! – осадил богатея Славин, – И вы – псевдопатриоты, и в равной степени либералы поклоняетесь одному богу – культу бабла и американскому доллару, и в игрищах ваших весь народ наш – биомусор и расходный материал! Ибо вы и супротивники ваши, как сатана, разделившийся в себе! Семьи за бугром, а шкурные интересы в России! А по героям вашим скажу – безумцы! Именами чиновников и олигархов ваших называть мосты и улицы! И заставлять народ поклоняться им!!! Тьма в вас, ироды, тьма! И имя вам – легион!!!

Выстрел прозвучал неожиданно и хлётко, как гром среди ясного неба.

Незадолго до этого, дошедший уже до полной кондиции Агафрен Гудыма, допив последний «фанфурик» с ужасом смотрел на экран своего телевизора, постепенно сходя с ума. Видел он, как человек похожий на Президента, бубнящий что-то своё с телеэкрана, превратился вдруг в ужасного карлика, ставшего внезапно уродливой плешивой крысой. После того, эта крыса трансформировалась в огромного чёрта с ветвистыми рогами на голове, который выскочил из телевизора и важно прошёлся по комнате и ловко так, по-кошачьи спрыгнул с балкона пятого этажа на улицу. С ужасом видел мужичок, как на детской площадке этот чёрт прикасался к играющим там детям и их родителям, которые, вмиг превращались в страшных монстров-фашистов с рогатыми касками на головах и почему-то окровавленными топорами в их крысиных лапках.

– Так вот оно что, Иваныч! – подумал вслух Агафрен и ясно понял, что наступила и его очередь спасти этот погибающий мир.

Неловко качнувшись, неуверенной, шаткой походкой Гудыма подошел к старому шкафу и трясущимися руками схватил спрятанное там «до лучших времён» оставшееся еще от деда старенькое ружье. Заряжая его патронами с убойной картечью, мужичок блаженно улыбался, пуская пьяную слюну по подбородку: как же и его день и час настал! Вот уж он сейчас послужит Родине!

Широко распахнув дверь, вооруженный стрелок вышел на балкон и посмотрел вниз. Вот они, страшные эсэсовцы – все собрались на детской площадке и готовятся штурмовать его! С перекошенной улыбкой на лице, Гудыма разрядил свое ружье по собравшимся фашистам на дворе, выкрикивая пьяное: Русские не сдаются! Все на Берлин! Все...повторяем!!!

В ужасе метались под градом картечи на детской площадке женщины и дети.

Было видно, как упала замертво пораженная прямо в сердце молодая женщина, и у её остывающего тела плакала кроха-ребёнок: маленькая девочка.

Услышав выстрел, лейтенант Славин быстро подскочил к окну и похолодел: с балкона соседней пятиэтажки вел огонь из ружья по женщинам и детям на детской площадке какой-то невменяемый мужик. Было видно, как упала пораженная его выстрелом молодая мамаша, у головы которой заходила в плаче маленькая девочка, совсем еще ребёнок.

Подскочив к телефону, Славин вызвал спецназ и оперативную группу, после чего, не обращая внимания на вопли Иванова, что эта пьянь может повредить его роскошный «Майбах», выскочил на улицу.

Как вы понимаете, предприниматель не последовал за ним.

Одним броском, под ружейными выстрелами, Славин подскочил к девочке, плачущей у трупя своей матери. Схватив кроху, наш лейтенант бросился к своему подъезду. Уже открывая входную дверь, он почувствовал острую боль в спине, разрывающую его сердце, и уже умирая, последним движением передал ребенка на руки своим встревоженным соседям.

Где-то вдалеке послышался плач полицейских сирен.

– Наши! – как-то блаженно подумал лейтенант Славин и провалился в теплую липкую мглу.

Впрочем, тьма была недолгой, ибо Свет просиял весьма сильный и Славин увидел Ангела Божия, в глазах которого неугасимым Светом горел Огонь Вечной Любви.

Михаил, всё тот же Ангел Божий пришел за ним, ласково и кротко улыбаясь ему, ибо Небесная Награда уже ждала своего Героя.

Спустя некоторое время наступила тишина.

Прибывший полицейский спецназ застрелил стрелка Гудыму, и подъехавшие оперативные и городские службы споро принявшись за свое привычное дело, весьма быстро закончили его.

Белизною яблонь цвёл месяц май, а люди равнодушно проходили и перешагивали через багряные лужицы крови, на поверхности которых искрилось ласковое майское солнце.

УДЕРЖИВАТЕЛЬ

Роман-предупреждение

*Отцу небесному –
Святому Всевышнему Богу
Посвящается*

*Отче мой! Если возможно,
да минует Меня чаша сия;
впрочем, не как Я хочу, но как Ты.
Иисус Христос.
Евангелие от Матфея.*

Часть 1

Послезавтра

Глава 1

Крыса

Из грязной подсобки, дурно пахнувшей испортившейся селёдкой и ещё чем-то отвратительным и вонючим, не торопясь вышла крыса.

Большая такая, метровая.

С огромной лысой плешинной между ушей и круглыми пучеглазыми совиными пятаками глаз. Озабоченно принюхавшись и почувствовав какой-то посторонний запах, крыса приподняла свою отвратительную морду с большими и ужасными жёлтыми клыками и вперилась своим тяжёлым взглядом в чужака, осмелившегося вторгнуться в её владения.

– Не вовремя ты, Лариска, не вовремя, – тяжело вздохнул чужак, и осторожно передвинув предохранитель на автомате, направил своё оружие на хозяйку этого небольшого продовольственного магазина.

Внезапно он вспомнил, что было недавно, ещё вчера...

Вчера

Глава 1

Солнцеликий и его империя

Небольшой город Зарайск, что расположен на севере Вологодской области бескрайней Российской Империи, был так и скажем небольшим.

В центре города находилась огромная церковь городского управления всех дел, такая же, как и во всех населённых пунктах страны, построенная для вместилца бескрайней души Солнцеликого Святейшего Императора Всея Руси – Жутина и души его очередной принцессы-наложницы, как правило, избираемой из народа путём свободного волеизъявления на выборах.

Правда, злые языки поговаривали, что не может душа Императора и его принцессы находиться одновременно во всех храмах и церквях бескрайней России, да и по количеству сменяемых наложниц, съедал не иначе Солнцеликий своих принцесс, как дракон, ибо менялись они у него весьма часто. Стоит напомнить, что до восшествия на Святейший трон Государем-Императором, Россию, как и многие другие страны, раздирали междоусобные войны и межнациональные конфликты.

И зачастую даже доблестная российская полиция не справлялась, пуляя из гранатомётов и огнемётов по разъярённой голодной толпе «электората», требующей мифи-

ческой справедливости и наведения элементарного порядка в стране.

Всё изменилось, когда к власти пришёл жестокий диктатор Жутин, огнём и мечом укротивший Россию и её народ. И там, где ещё недавно был бардак, сейчас воцарился порядок, жёсткий стальной порядок нового лидера страны.

Стоит ли говорить, что с подачи своих чиновных олигарх-прокураторов и новых русских бояр и купцов, и взшёл на московский трон сей лидер нации. И поэтому именовался он теперь никак иначе как Государь Великий Солнцецеликий Император Всея Руси. А Российская Федерация, которая была до этого лишь формально на бумаге, стала называться Российской Империей.

Вот и сейчас старый лысеющий Император, восседающий в своих московских покоях, ласково погладил по голове очередную юную наложницу – принцессу из народа, возлётшую у его трона, и задумался.

На вид Императору было лет шестьдесят.

Но на самом деле он был старше своих лет, гораздо старше.

Небольшим секретом Императора было то, что чудомедики, современные придворные колдуны и алхимики, периодически собирали тело царствующей особы из человеческих органов молодых людей, периодически пропадавших без вести в огромной перенаселённой Москве.

Впрочем, их особо никто и не искал.

Потому что многие, имеющие доступ конечно, понимали, что все эти потеряшки – всего лишь жертвы, принесённые к ногам стареющего Императора.

Вот поэтому – то, всё тело Жутина, было практически собрано из тел других людей, и он ничем не отличался от современных роботов-киборгов, сделанных на основе человеческого геномодифицированного материала.

Конечно, в окружении Императора считали, что он обладает высокой божественной душой и духом, а также великими помыслами, способными привести Россию к процветанию.

Впрочем, все они ошибались.

Молился царствующий киборг лишь одному своему божеству – имя которому власть, абсолютная власть и деньги, много денег – рублей ли, долларов или юаней, скрепленных в единую современную мировую валюту – золото.

И вот этому золоту и власти своей, в которой он был сам, и поклонялся наш Император. А духовной скрепой его был продажный чиновный олигархат – современные новые русские бояре и купцы. И даже так получилось в Империи, что люди были благодарны обворовавшему их обманщику-царю и всячески восхваляли его за это. Поскольку сверх умелой игрой Императора было то, что он заострил все внимание людей на проблемах соседей, дабы они не замечали, что творится в их стране.

А что?!

Порядок был наведён в России теперь такой, что залобуешься!

По всем городам и посёлкам Империи правопорядок, кроме полиции, поддерживали инквизиторы святой инквизиции, жёстко карающие любых нарушителей порядка и указов нынешнего царя.

Над всеми окрестностями страны патрулировали небо подобно сказочным Змеям-Горынычам боевые летающие дроны, с ракетами и пулемётами, управляемые особым корпусом имперской полиции – дознавателями-опознавателями, также как инквизиция, имеющими право вынесения смертных приговоров и их исполнения на месте, по собственному усмотрению. И горе было тому россиянину, которого инквизиция или дознаватели, приговари-

вали к смерти, тотчас же звучало обвинение и вердикт: – Приговариваешься к освобождению!

В переводе это звучало как смертная казнь и не только: ведь многие люди верили, что по воле Святейшего Императора душа приговорённого к смерти, освобождаясь от тела, становилась свободна, и освобождённая от пут греха, переходила в славянский рай – место для прощённых волей Императора смертников. Ибо, кроме своего императорства, Жутин был Святейшим Патриархом церкви всех вер.

Существовало лишь три вида казни.

Первая, наиболее распространённая: побивание камнями толпой на улицах очередного грешника-правонарушителя.

Вторая – всеожжение, когда виновного сжигали на костре.

Третья, особо мучительная, распятие на кресте и оставление жертвы на предмете смерти, вплоть до разложения трупя.

После чего все умерщвленные немедленно кремировались и прах их разносился по болотам и прочим нечистым местам.

С целью поддержания порядка, а все помнили, какой бардак царил на Земле до прихода Солнцеликого на престол, – страны воевали между собой, и даже были моменты, когда баллистические термоядерные ракеты запускались из шахт друг по другу.

Знаете как?

Россия по Америке, Америка по России, а Китай, чтобы видимо не обидно было никому, по обеим странам сразу! Правда вот, чудеса какие-то происходили в шахтах тех. Зависали над ними разноцветные плазменные шары, и вмиг вся электроника выходила из строя, и отказывались повиноваться своим хозяевам грозные раке-

ты, самолёты и подводные лодки, стремящиеся уничтожить всё живое на планете сей.

Поняли затем лидеры наций, что не пришло ещё время уничтожения Земли и людей, населяющих её. И принялись наводить порядки в своих странах, жесткие такие порядки.

Поэтому в каждой стране, и в России, и в Америке, и в Китае правили несменяемые императоры-президенты, поклоняющиеся только одному своему богу – культу золота, наживы и потребления.

И всё чаще звучали в городах и весях необъятной России зловещие приговоры: – Приговариваешься к освобождению!

И всё чаще горели на площадях костры святой инквизиции, освобождающие от пут земных очередного грешника.

А порядок был: в постные дни, установленные Святейшим Императором, мужчинам было запрещено смотреть на женщин, а женщинам на мужчин, и категорически воспрещалось зачинать детей. Ибо даже за этим следили отряды корпуса святой инквизиции, и поэтому в каждой спальне гражданина Империи были вмонтированы камеры скрытого видеонаблюдения, а у окон спален сограждан зачастую дежурили вездесущие дроны, подглядывающие за личной жизнью людей и записывающие их разговоры.

Особенно жёстко каралось прелюбодеяние, расплата за него была лишь одна – побивание камнями вплоть до смерти грешника.

С целью удобства управления страной и её подданными Святейшим Императором, по сути объявившим себя живым воплощением божества на земле, высочайшим Указом было объявлено, что все люди от мала до велика обязаны иметь под кожей на правой руке или на лбу имплантированные электронные чипы со штрих-кодами самого Императора с нумерологической расшифровкой имени Императора – числа 666.

И без этих чипов-имплантов человеку нельзя ничего ни купить, ни продать, ибо в начертаниях этих, наносимых абсолютно безболезненно современной электроникой, было всё: от электронного паспорта и кредитки до водительских прав!

И хотя многим гражданам Империи не нравилось, что их метили и клеймили как животных, но делать было нечего-приходилось подчиняться.

В особых случаях россияне освобождались от электронных чипов, в первую очередь сотрудники полицейского дознания, которым зачастую приходилось внедряться в народ с тем, чтобы выявить тех, у кого этих чипов не было, и тех, кто замышлял что-либо дурное против Императора и его Империи.

А так, для любого вольнодумца, не установившего имплант, жизнь представлялась сплошным мучением. Ведь даже при походе в магазин он рисковал жизнью, потому что бдительные кассиры-продавцы немедленно сигнализировали в полицию и инквизицию о приходе в их магазин такого вот правонарушителя, так как установить сей факт было несложно – во всех магазинах и учреждениях Империи находились устройства для считывания чипов-имплантов. И вживлялись эти импланты согласно Указу Императора сразу же после рождения человека. Поэтому по телевидению и во всех электронных СМИ шла активная пропаганда этих новейших операций по имплантации электронных чипов для тех, кто ещё не прошёл данную процедуру. А за отказ от имплантации могла быть только одна мера наказания – смерть.

Большим достоинством признавалось то, что сделав операцию, человек по сути становился биокиборгом – симбиозом человека с роботом. И этим человеком было легко управлять на расстоянии, как простым рабочим скотом, поскольку в импланте находилась и секрет-

ная программа подчинения и управления. А так, подавляющее большинство граждан Империи, вжививших микрочип не могло не нарадоваться данному устройству: теперь человек мог управлять машиной, компьютером, мобильной связью, всевозможными гаджетами не прибегая к старым приёмам управления и работы с ними. Он мог открывать двери с магнитными замками. В чипах были заложены абсолютно все документы и все виды носителей. И подавались они под соусом заботы Императора о своих гражданах.

Вот такой вот была Россия времён Солнцеликого и Святейшего Императора Жутина. Сытость, потребление и равнодушие царили в обществе, и люди были довольны и счастливы, жуя свою повседневную жвачку бытия. Вера в Бога и Христа была запрещена, ибо сам Жутин объявил себя абсолютным воплощением божества на Земле.

Впрочем, сейчас разговор пойдёт не о нём.

Нет, совсем не о нём.

Отойдём же, друзья, от дел Солнцеликого и его империи и удалимся в маленький Зарайск, с которого мы и начали повествование в сей части.

Глава 2

Андрей

Как уже было сказано выше, Зарайск был вовсе небольшим городком на севере имперской Вологодчины. Но даже не о городе пойдёт сейчас речь, а о нашем главном герое, жителе сего населённого пункта – Андрее Мальцеве.

Был Андрей Мальцев к 25 годам уже целым старшим дознавателем-опознавателем корпуса дознания имперской России в их городском отделе полиции.

Симпатичный, темноволосый, с большими светло-кариими глазами, наш герой несомненно нравился многим девушкам Зарайска, но к настоящему времени так и не был женат.

Вот и сейчас наш герой уверенно шёл по своим служебным делам по любимому городу. Тёмная полицейская куртка ладно сидела на старшем лейтенанте полиции. На левой руке поблёскивал электронный браслет с вмонтированным в него пультом дистанционного мыслеуправления персональным боевым летающим дроном.

Сам дрон, закреплённый за старшим дознавателем-опознавателем Мальцевым, незаметно парил над ним на небольшой высоте. Грозно поблёскивали на дроне установленные мини-ракеты и пулемёты.

Что и говорить, ответственная работа у старшего лейтенанта Мальцева!

В исполнение служебных обязанностей у Андрея входили пресечения и расследования правонарушений и преступлений, наказанием за которые, как правило, был смертный приговор с вердиктом «Приговаривается к освобождению!». А также опознание неизвестных погибших людей, которых, скажем, хватало по причине того, что зачастую отделение корпуса их городской инквизиции, не справлялось с уборкой трупов наказанных людей. И поэтому зачастую приговорённые к освобождению люди, побитые камнями, валялись на улицах их города. Вот из-за чего в должности Мальцева значился не только старший дознаватель, но и опознаватель, потому как любому ясно, что погибших необходимо было опознать и убрать с городских улиц.

Но хоть и служил Андрей в элитном подразделении дознавателей-опознавателей, но иногда внутренне он ло-

вил себя на мысли, что далеко не всё нравится ему в имперской России, а в частности даже в самом Солнцеликом Императоре!

И ужасался таким вот своим мыслям Мальцев! Ибо не по должности такие думы ему.

Да и что ещё надо человеку?!

В городе, как и во всей стране, царил жёсткий стальной правопорядок, установленный самим Святейшим Императором.

Полки магазинов изобиловали различными яствами и продуктами всевозможного потребления – вот она эпоха счастливого человеческого благоденствия и потребления!

Даже думать людям было необязательно, потому что за них думал Великий Император, и жить в России становилось с каждым днём всё лучше и лучше! Так что жизнь была ключом, и не всегда даже по голове!

Одно слово, Империя!

Глава 3

Михаил

Был Михаил Светлов самым обычным дознавателем-опознавателем Зарайского городского отдела полиции, что на севере Вологодской области.

И было ему 25 человеческих лет, и ни жены у него не было, и ни родни.

Так уж получилось в жизни у него благодаря Господу.

Служил же наш лейтенант полиции Светлов в том самом отделении, которым и руководил старший лейтенант Мальцев.

А так жизнь была ничего, такая же, как у всех, одинаковая.

Впрочем, была у него тайна, о которой знал только он, да ещё двое.

Глава 4

Гаврила

Был Гаврила Светиков самым обычным дознавателем-опознавателем Зарайского городского отдела полиции, что на севере Вологодской области.

И было ему 25 человеческих лет, и ни жены у него не было, и ни родни.

Так уж получилось в жизни у него благодаря Господу.

Служил же наш лейтенант полиции Светиков в том самом отделении, которым и руководил старший лейтенант Мальцев.

А так жизнь была ничего, такая же, как у всех, одинаковая.

Впрочем, была у него тайна, о которой знал только он, да ещё двое.

Глава 5

Рафик

Был Рафик Светадзе самым обычным дознавателем-опознавателем Зарайского городского отдела полиции, что на севере Вологодской области.

И было ему 25 человеческих лет, и хоть женой его Бог не наградил, но родни у него было много, весьма много.

Так уж получилось в жизни у него благодаря Господу.

Служил же наш лейтенант полиции Светадзе в том самом отделении, которым и руководил старший лейтенант Мальцев.

А так жизнь была ничего, такая же, как у всех, одинаковая.

Впрочем, была у него тайна, о которой знал только он, да ещё двое.

Глава 6

Иван

Исполнилось Ивану Боголюбову в это лето аж 40 годков, и жил он в городе Зарайске, что на самом севере Вологодской области некогда великой и прекрасной России.

Работал Иван Васильевич в районной редакции газеты «Зарайская правда», газеты, прославляющей, как вы понимаете, дела самого Государя Императора – Солнцеликого и Святейшего Жутина, авторитет которого не мог быть подвергнут сомнениям или критике. Впрочем, был Иван Боголюбов, не простым журналюгой и писателем, пишущим заметки и вирши, прославляющие Императора.

Нет, кое-что, было у него ещё.

И это кое-что было частью его секрета от многих: верил наш Иван Васильевич в Бога, и в Христа Его верил, потому как читал запрещённые ныне Евангелия и Святое

Писание, и отказывался верить, что Император – Солнцеликий и Святейший.

Потому как читал он не только Евангелия, но и запрещенного ныне и заставляющего думать Льва Николаевича Толстого-классика земли Русской. Хотя и освободить могли за такое вот чтение, ибо даже книги были запрещены в Империи и все чаще горели костры святой инквизиции из сжигаемых ими книг.

И понимал Иван что искал того самого таинственно-го Бога и Лев Толстой, осудивший лицемерие церковников, подменивших живого Бога преданиями своими, но сам ввапший в ошибку и заменивший Его словом своим, которое впрочем не от Бога было, а от плоти земной. Ведь писатель, тем более настоящий, честно отражает, как зеркало действительность, и не только прошлое и настоящее, но и будущее. Отражать то отражает, но всегда ли?! Потому как хорошо понимал Иван, что в их обществе, где мерилом всего являлись деньги, будь ты даже самим Христом и спасти людей желаешь, но вначале заплати, а потом излагай и печатай, если тебе позволят, конечно. Видел Иван Васильевич на людях, а особенно раньше, как бы некую защитную пленочку и понимал, что ты сорви с человека эту тонкую защиту и все, нет больше человека, а есть зверь, лютый такой зверь, о двух руках, о двух ногах, и хуже этого зверя нет ничего.

И не верил тому, что Государь Жутин есть воплощённое божество на Земле, хотя тот всех заверял об этом неоднократно со всех телеэкранов страны. Не мог поверить, видя какие страшные дела и злодеяния творятся нынче на земле, и как необратимо изменился человек.

А верил Боголюбов тому, что рано или поздно, но придётся человечеству, и даже императору, держать ответ за все свои злодеяния перед Всевышним Богом, ибо справедливо это.

И поэтому зачитывался он запрещённым ныне Святым Писанием и особенно откровением апостола Иоанна Богослова.

Вот такой вот человек наш Иван Васильевич, искатель правды, или сектант-смутьян, как назвали бы его инквизиторы, если бы прознали про увлечения его. Хотя как всякий журналист видел Иван Боголюбов несправедливости и в их маленьком Зарайске. Вот взять к примеру того же главного редактора «Зарайской правды» Ваську Дрищенко. Тот ещё фрукт – трусливый имперский подхалим и ретроград, возглавлявший помимо газеты местный писательский союз, он лихо воровал и расхищал членские взносы союза и общую кассу взаимопомощи, отзываясь крайне презрительно о своих коллегах, как неудачниках и нищелюдах. И ещё, как ни крути, но не нравился Ивану Васильевичу их Император.

Вот и сейчас смотрел на экран своего домашнего телевизора Боголюбов и видел, как бегал перед Императором, льстиво заглядывая ему в глаза, вечно молодой, тёмно-рыжий, как лиса, с огромными, как у таракана, рыжими усищами, с плутовской ехидной блудливой полуулыбкой, его новый русский боярин – пресс-секретарь Бесков, то и дело горделиво поглядывая на свои дорожные, явно не по зарплате, золотые часы, сопоставимые по своей цене с управлением всеми космическими спутниками и кораблями Империи, никак не меньше.

А что поделаться, если Государь служил своим новым боярам, равно как и они ревностно служили ему. Так уж получилось, что всю страну поделили между собой его друзья олигархи и чиновники – новые русские бояре и купцы: и дороги, и недра, и промышленность. Даже чистый воздух и воду продавали теперь в специальных магазинах, принадлежащих Императору и его мно-

гочисленным кланам и тейпам. И были они как змеи, прелюбодействовавшие друг с другом на куче золотого тельца.

Да одни малолетние наложницы чего стоили!

Вот поэтому и метко шутил народ, видя на экранах очередное бракосочетание Императора-киборга с новенькой молодой девицей, что мол, не иначе съедает император своих школьниц!

Но как заявлял сам Святейший и Солнцеликий, что женат он был исключительно на своей империи.

Правда вот, хотелось народу, в том числе Ивану Васильевичу, правителя не такого жуткого, как нынешний Император, но где нынче сыщешь путёвого и путного?! Вот и приходилось современной России терпеть Жутина!

А что?!

Какой-никакой, а свой – самодержец российский Солнцеликий!

Но вот именно поэтому-то и не мог больше молчать наш Иван Васильевич, потому что, убив и истоптав его страну – Россию, убили и изуродовали душу самого Ивана Васильевича – гражданина Великой Российской Империи!

Глава 7

Владимир

Был Владимир Люцин самым обычным дознавателем-опознавателем Зарайского городского отдела полиции, что на севере Вологодской области.

И было ему 25 человеческих лет.

Женился он в своё время на чернявой красавице Лике Гадецкой, да вот и жил с тех пор с ней. А какой-либо другой родни у него и не было вовсе, кроме тестя своего.

Служил же наш лейтенант полиции Люцин в том самом отделении, которым и руководил старший лейтенант Мальцев.

А так жизнь была ничего, такая же, как у всех, одинаковая.

Впрочем, была у него тайна, о которой знал только он и его жена.

Глава 8

Лика

Была Лика Люцина женой самого обычного полицейского дознавателя-опознавателя Владимира Люцина, что служил в Зарайском городском отделе полиции северной Вологодской области.

И было ей 24 года.

Молодая черноволосая красавица, схожая по своей красоте с восточной принцессой Ясмин, приковывала взгляды многих молодых мужчин, и надо сказать, ей льстило такое мужское внимание.

Служила Лика в том же самом отделе полиции, в том же самом отделе дознания, которым и руководил старший лейтенант Мальцев, самым обычным дознавателем-опознавателем, лейтенантом полиции.

И кроме этого, нечего сказать о молодой красавице-полицейском, так как жизнь была у неё, как у всех, одинаковая.

Впрочем, была у неё тайна, о которой знала только она и её муж.

Глава 9

Джессика

В небе за иллюминатором самолёта быстро темнело.

– Что читаете? – внимание молодой красавицы блондинки привлёк вопрос импозантного мужчины, сидящего рядом с ней в самолёте.

Джессика Юнг оторвалась от своей книги и приветливо улыбнулась незнакомцу: – Вальтер Скотт, он такой интересный.

– Да, конечно, – поддержал её незнакомец и оценивающе посмотрел на молодую девушку: красивая двадцатилетняя блондинка с правильными чертами лица, светло-зелёные глаза которой излучали доброту и понимание.

Джессика ещё раз улыбнулась молодому мужчине и, приветливо кивнув ему головой, углубилась в чтение своей книги. Но отвлёк её незнакомец от чтения, и поэтому Джессика, пытаясь сосредоточиться на тексте, слегка хмурилась, размышляя.

И размышления её были явно не о Вальтере Скотте.

Внезапно ей пришли мысли: что она делает в этом переполненном аэробусе рейса Вашингтон-Москва? И тут же мысленно улыбнулась: она, в своё время удочерённая американской семьёй Юнг ещё ребёнком из России, без имени и роду, и названная Джессикой её приёмными родителями, как это ни парадоксально, летит сейчас в ту самую Россию к русскому другу по электронной переписке Андрею Мальцеву.

И живёт Андрей ни где-нибудь, а в городе Зарайске северной Вологодской области необъятной Российской Империи.

Глава 10

Инквизитор

К моменту нашего повествования было Льву Гадецкому 60 годков.

И служил он в городском корпусе стражей святой инквизиции в городе Зарайске северной Вологодской области Имперской России.

При этом был он ни кем-то, а главным городским инквизитором, на долю которого приходились, кроме охраны правопорядка и служб в церкви городского управления всех дел, карательные акции устрашения над редкими верующими в таинственного Единого Бога и инакомыслящими вольнодумцами, восхотевшими прав и свобод.

Сами понимаете, что у него, как у главного инквизитора города, было право карать и миловать. Впрочем, миловал Лев Гадецкий исключительно редко, практически – никогда, всё чаще и чаще вынося приговор очередному нарушителю законов Императора, он, надувая свой большой живот от значительности происходящего и потея лысиной от напряжения и важности момента, визгливо кричал, переходя едва ли не на фальцет, показывая пальцем на виновного: – Приговаривается к освобождению!

После чего жертву освобождали от брэнного тела либо побиванием камнями насмерть, либо сжигали на костре, или распинали на городской площади на потеху горожанам.

А так, всё было хорошо у него, главного городского инквизитора: дочь Лика удачно вышла замуж за Вовку Люцина, офицера-дознателя городской полиции, и даже так повезло дочурке, что и она устроилась дознавателем-опознавателем в их отдел!

В общем, всё было хорошо, сытно и спокойно, поэтому часто, отходя на ночной покой, инквизитор с улыбкой смотрел на икону с изображением Императора и радостно кланялся ему и благодарил.

Воистину, за всё слава Императору.

Джессика

Находился сегодня старший лейтенант полиции Мальцев, в своём служебном кабинете на оперативном дежурстве в их городском отделе полиции. Коротко звякнул телефон внутренней связи с дежурной части. Не торопясь, старший дознаватель снял телефонную трубку.

– Андрей! – услышал Мальцев знакомый голос дежурного офицера. – На перекрёстке дорог имени Вечной Славы Императора лежит неопознанный труп. Собирайся, это твоя работа – опознавать.

– Моя, – грустно согласился дознаватель и распорядился, – дежурную машину и тележку к отделу!

– Уже у подъезда, – коротко проинформировал Андрея дежурный, – тебя дожидается. Труповозку уже прицепили, иди давай.

– Хорошо, – согласился старший дознаватель и, повесив телефонную трубку, взяв с собой папку с необходимыми протоколами, засобирался на выход.

Выйдя на улицу, Мальцев увидел стоящий у парадного входа в отдел полиции старый потрепанный УАЗ «Хантер», за которым была прицеплена древняя ржавая железная тележка для перевозки в морг неопознанных трупов.

Коротко поздоровавшись с водителем, наш дознаватель сел в машину и, жалобно скрипнув убитой подвеской, полицейский УАЗ двинулся к месту происшествия.

Прибыв на место, Мальцев увидел сиротливо лежащий на дороге труп неизвестного пожилого человека.

И не надо было быть большим экспертом, чтобы понять по какой причине ушёл из жизни этот седоволосый мужчина. Голова и тело погибшего были разбиты до не-

узнаваемости камнями и булыжниками, которые небольшими кучками валялись рядом с погибшим.

– Что за хрень! – не выдержав, ругнулся вслух старший дознаватель. – Опять инквизиция за собой не убирает!

Осмотрев труп и заметив, что изо рта погибшего торчит какая-то скомканная бумага, дознаватель осторожно достал её и развернув, нахмурился, узнав в ней протокол городской инквизиции со стандартным вердиктом, соответствующим данной казни – «Приговаривается к освобождению!».

Обыскав карманы погибшего, Мальцев нашёл то, что искал – бумажный паспорт гражданина Империи, причём старого образца. Стало ясно, за что был казнён бедолага: по какой-то причине он не удосужился имплантировать себе электронный чип – определитель личности человека. Вот за это и поплатилось его брэнное тело, освободив душу несчастного от физических уз. А что поделать тут? Указ Императора жёстко повелевал всем заменить старые паспорта на электронные чипы.

Поместив тело опознанного человека в тележку, полицейские сели в автомобиль и не торопясь поехали к моргу, совмещенному с крематорием.

– Не гони, – попросил Мальцев водителя, заметив как трясётся в старой ржавой тележке тело погибшего человека, как бессильно и беспомощно бьётся о казённое железо голова, – опять целым не довезём, всё лицо будет разбито, как родня опознает его?!

– Да ты что, старлей! – удивился водитель УАЗа. – Его же камнями побили, он и без нас изуродован, причём тут мы?

– Всё равно, не гони, – укоризненно посмотрел дознаватель на полицейского, – самим будет спокойней.

– Ну ты, даёшь! – восхитился водитель и не без сарказма глянул на Мальцева. – Что таких жалеть! Инкви-

зиция зря не наказывает, небось, гадости какие про Императора говорил, никак иначе. Бунтовщика сразу видно. Хорош гусь неочипованный!

– Да импланта у него не было, прапорщик, – с каким-то сожалением ответил Андрей, – вот за это и освободили его.

– Ну и правильно, что освободили, – ехидно улыбнулся водитель, – я бы таких лично освобождал, если бы были полномочия! Не подчиниться Указу Святейшего и Солнцеликого об имплантах! Да это же открытый бунт! Да и как жил этот несчастный без своего электронного паспорта?! И не купить ничего, и не продать, и на работу не устроиться! Дурачок какой-то городской... Как думаешь, лейтенант, дурачок, да?

– Не знаю, – холодно как-то и отстранённо ответил Андрей и замолчал.

Прибыв в криминальный морг и оформив погибшего по всем правилам, Мальцев, глянув на свои часы, вмонтированные в пульт дистанционного управления дроном, улыбнулся: время дежурства подошло к концу. Поэтому, отпустив водителя, наш герой не торопясь пошёл домой, попутно так сказать, патрулируя улицы родного города пешком.

Не пройдя и километра, Мальцев услышал какой-то шум на городской улице имени Вечного Торжества Императора. Подойдя туда, дознаватель увидел неприглядную картину: небольшая толпа гражданских грозно приставала к молодой симпатичной блондинке, которая на какой-то миг показалась Андрею знакомой. Некоторые из особо разъярившихся людей пытались сорвать с неё одежду громко вопя и улюлюкая на всю улицу.

– Что здесь происходит?! – грозно спросил старший дознаватель у толпы. – как вы смеете нарушать тишину и правопорядок, установленные самим Императором?!

На какое-то мгновение толпа присмирела, увидев на чёрной полицейской куртке Мальцева эмблемы корпуса имперского дознания и опознания, но затем вновь как-то недовольно зашумела.

– Господин полицейский! – обратился к Андрею один из толпы. – Эта тварь, падшая потаскуха, так сказать девушка, осмелилась спросить у меня как пройти к центру города! И это в постный день !!! Вот, я официально заявляю, что она заигрывала со мной и посему требую вызова святой инквизиции и побития этой прелюбодейной твари камнями вплоть до полного освобождения!

Говорящий посмотрел на толпу, которая одобрительно зашумела.

– Освободить прелюбодейку! – угрожающе заревела толпа и стала надвигаться на несчастную, которая, не выдержав, заплакала.

– Я не приставала ни к кому, – рыдала юная красавица, – я просто спросила адрес.

– Стойте! – поднял руку старший дознаватель. – Правом, предоставленным мне Императором, я сопровожу эту девушку в отдел для проведения дальнейшего дознания, поскольку в данный момент я не нахожу возможным приговорить её к освобождению!

– Мы изобъём её камнями! – яростно и кровожадно шумела толпа. – Императору угодно освободить её!

Дознаватель грозно посмотрел на собравшихся: – Как вы смеете трактовать Указы Императора! Приказываю немедленно разойтись! Иначе все вы будете приговорены мной к немедленному освобождению!

– Да кто ты такой?! – разухабисто начал было свою речь заводила и внезапно осёкся: над правым плечом Мальцева бесшумно завис боевой летающий дрон, на корпусе которого волнами перемигивались цветные индикаторы, показывающие, что ракеты и пулемёты готовы к работе.

– Мы всё поняли, господин дознаватель, – льстиво заулыбался заводила и согнулся перед полицейским в глубоком почтительном поклоне.

Увидев это, извинительно поклонилась Мальцеву и вся толпа.

– Разойтись! – коротко приказал Андрей и, увидев, как люди стали разбредаться по своим делам, посмотрел на спасённую им девушку. – А вот теперь, здравствуйте! Примите от меня, как официального лица, мои извинения. Не обижайтесь на них, так бывает иногда, просто не разобрались люди. Сами понимаете, порядок есть порядок!

– Спасибо вам за всё, – приветливо улыбнулась красавица и внезапно с изумлением посмотрела на него, – извините, это вы? Андрей Мальцев?!

Словно пелена спала с глаз дознавателя.

– Джессика! – радостно выдохнул Андрей, неожиданно узнав в спасённой американскую подругу по переписке. – Вот это встреча! Я ждал тебя, хотя и думал, что приедешь позднее, но никак не ожидал, что наша встреча будет такой...

– Какой? – с любовью посмотрела на офицера юная американка.

– Неожиданной, – не сразу нашел, что ответить наш герой, потом словно бы спохватился, – время моего дежурства закончилось, пойдём ко мне.

– Конечно, пойдём, – согласилась Джессика и с нежностью посмотрела на него, – а то, что приехала раньше, так это сюрприз... А ты у меня – настоящий, спас вот меня, спасибо тебе, Андрей.

– Было бы за что, – галантно козырнул своей даме Мальцев и широко улыбнулся. – Добро пожаловать в Россию, Джессика Юнг!

После чего молодые люди не торопясь пошли к дому Мальцева, который находился не так далеко от того места, где они встретились.

Придя к себе домой, Мальцев по привычке, всё-таки служба есть служба, проверил въездные документы своей подруги. Всё было хорошо: все штампы и отметки находились там, где им и положено было находиться. Улыбнувшись в самом себе, дознаватель щёлкнул секретным выключателем, отключив всю систему видеонаблюдения в квартире, таким образом, что у желающих посмотреть видео из его дома, была бы на экране неподвижная картинка, свидетельствующая о том, что хозяев нет дома.

Встав под душ после тяжелой изматывающей смены, Мальцев, выйдя из ванной комнаты, предложил освежиться и Джессике. После чего, накрыв праздничный стол и сервировав его различными блюдами с различной вкуснятиной, Андрей, выключив свет и задернув шторы от своего назойливого электронного друга-дрона, вставшего, как верная собака на охрану дома хозяина, не торопясь зажёл старинные свечи на столе и откупорил бутылку шампанского. Разливая таинственно пузырящуюся жидкость по бокалам, он задумался: да, первый тост в Империи всегда положено было произносить во славу Императора, никак иначе. Но сейчас, соприкоснувшись с Джессикой бокалами, Андрей произнёс: – За тебя, Джесс! За нашу с тобой долгожданную встречу, как я ждал её...

Выпитое шампанское приятно ударило в голову. Мальцев включил музыкальный центр. Плавная медленная музыка тягуче заполонила комнату.

– Потанцуем? – встал из-за стола Андрей, – Ты не против, Джесс?

– Конечно, нет, – улыбнулась очаровательной улыбкой юная американка и подошла к нему.

Пара закружилась под ласковую музыку медленно-го танца. Неожиданно Джессика коснулась своими губами его губ и как-то неумело и неожиданно поцеловала Андрея.

– За мной должок, – призывно посмотрела на него красавица, – и ты нравишься мне...

– Ты тоже..., -посмотрел на американку наш герой, – нравишься мне...

Приняв своё решение, Андрей нежно поцеловав Джессику, взял её на руки и положил на диван.

– Я сама, – чарующе и зазывно улыбнулась Джессика и грациозно освободилась от своего белья, сверкнув наготой обнажённого юного женского тела.

В какой-то томной неге, затуманившей всё естество Андрея, он соединился со своей возлюбленной, познав её всю, до конца, без утайки и какого-либо стеснения.

– Спасибо, любимый, – нежно поцеловала его Джесс затяжным поцелуем в губы, – я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, – ответил поцелуем на поцелуй наш герой и как-то счастливо улыбнулся.

На следующий день, оставив Джессику у себя дома, наш герой прибыл в свой отдел. В большом кабинете он провёл свой ежедневный служебный инструктаж-планёрку с подчинёнными, где зачитал им новые Указы и Постановления Императора и прочие каждодневные ориентировки и задания. При этом заметил, что их показатели по количеству освобождённых отличаются в худшую сторону от инквизиции, что несомненно скажется на премиривании личного состава.

Ещё раз внимательно осмотрев собравшихся, он непонимающе нахмурился: на планёрке не хватало двух человек. На своих местах находилась неразлучная троица его друзей – дознавателей: Михаил Светлов, Гаврила Светиков, Рафик Светадзе. Не хватало супругов Люциных – Владимира и его жены Лики.

– Где эти бродяги Люцины? – вопросительно посмотрел на своих друзей-неразлучников наш герой, – Почему не на планёрке?

– Так ведь, Андрей, – не торопясь ответил Михаил Светлов, – Вовка на оперативном выезде, а Лика в кабинете психофизиологической разгрузки, кстати, тебя просила зайти туда.

– Ладно, – согласно кивнул головой Мальцев, – зайду, чего ей там надо? Так, ребята, свободны, можете работать по своим служебным делам, или, как всегда, меня ждать будете?

– Ну, куда мы без тебя? – рассмеялся Рафик Светадзе, – Мы с тобой, как нитка с иглой, всегда вместе будем!

– И что вам без меня не работается? – искренне удивился старший дознаватель и пошёл в кабинет психофизиологической разгрузки, находившийся на втором этаже их городского отдела полиции.

Щёлкнув магнитным ключом, встроенным в универсальный пульт дистанционного мыслеуправления, Мальцев зашёл в затемнённое и зашторенное помещение служебного кабинета, в котором, надо сказать, отсутствовали камеры видеонаблюдения. Посмотрев вокруг в полутьмоте, он коротко выдохнул: – Свет!

В помещении зажётся мягкий матовый успокаивающий свет. Пройдя вглубь кабинета, Мальцев увидел жену Вовки Люцину, дознавателя Лику, которая лежала на мягком пушистом диванчике абсолютно обнажённая, прикрытая лишь мягкой белой простышкой. Увидев зашедшего Андрея, Лика медленно стащила с себя свою белоснежную накидку и, сверкнув своими зовущими и просящими мужской ласки маленькими грудями, абсолютно нагая, бесстыже и призывно раздвинула перед ним свои ноги, показывая тёмный пушок волос своего сокровенного женского таинства и естества.

– Войди в меня! – в кабинете раздался хриплый и срывающийся от волнения голос Лики, – И люби меня до смерти! Ибо только ты мне люб, и никто другой!

– Лица, ты что?! Сдурела совсем?! – ужаснулся Мальцев и почувствовал, как густая горячая кровь прилила красной краской к его лицу. – Одевайся, как ты смеешь?!

Конечно, Андрей, как и многие мужчины, частенько провожал внимательным мужским взглядом сверкающую своей какой-то южной и неземной красотой Лику Люцину.

Но чтобы такое?!

Да у неё муж в отделе работает, что ещё за служебный роман?! Да за такое к освобождению приговариваются без всякого снисхождения! Вот так!

– Возьми меня, я Лилит! – не успокаивалась в своём бесстыдстве, Люцина. – Неужели я не нравлюсь тебе?

– Нет! – сказал, как отрезал наш герой, чувствуя, как закипает гневом и презрением всё его естество. – Одевайся и выметайся!

– А может быть ты передумаешь, Андрюша? – не сдавалась молодая бесстыдница, изогнувшись дикой кошкой на диване и показывая себя со всех сторон. – Посмотри, как я дивно хороша!

– Дознаватель Люцина! – сухо посмотрел на неё Мальцев. – Давай быстро одевайся и ко мне в кабинет на разбор полётов! Ты хоть понимаешь, что сделали бы с тобой, если бы я доложил руководству?!

В какое-то мгновение до Люциной видимо дошло то, что она натворила. словно бы проснувшись, она стыдливо натянула на себя простынь, закрыв себя до подбородка.

– Извините меня, – просяще посмотрела на него южная красавица, – такого больше не повториться никогда!

Мальцев посмотрел на свою подчинённую.

– Ладно, – смягчился он, – одевайся и работай. И запомни, того, что сейчас было, – никогда не было. Мужа люби! Забыла что ли, что у нас за прелюбодеяние освобождают?!

Ещё раз укоризненно посмотрев на Люцину, её начальник, грустно покачав головой, вышел из служебного кабинета.

Летний жаркий день пролетел незаметно.

Придя домой, поцеловав Джессику, приготовившую шикарный ужин на двоих, наш герой, скинув пропотевшую потом служебную куртку, принял ванну. Смотря, как причудливо играет и струится вода с шампунем в лучах электрического света и как быстро набирается ванна, Андрей блаженно улыбнулся – да, всё у него хорошо, но может быть и лучше, потому что вечер таил в себе много нового и интересного в их отношениях с его Джесс.

Дверь ванной комнаты бесшумно отворилась и внутрь вошла Джессика Юнг, облачённая в лёгкий и просвечивающий халатик, под которым виднелись алые ягодки её молодых острых девичьих грудей. Грациозно скинув халатик и оставшись в чём мать родила, Джессика закрыла воду, льющуюся из крана и осторожно, как трепетная лань Афродиты, коснулась ножкой тёплой воды и мягко улыбнувшись, погрузилась в нежную пену ванны.

В каком-то неопишемом блаженстве и томной неге Андрей целовал юные груди Джессики, и на самой высокой ноте слияния их в любовной страсти, стал единым целым со своей любимой и полностью растворился в ней.

И стали они едины: она в нём, а он в ней.

Время, отданное любви, пролетело незаметно...

Выходя из ванной, Андрей ещё раз поцеловал свою Джесс: – Спасибо, любимая, я люблю тебя!

– Я тоже, – сверкнула светло-зелёными прекрасными глазами его возлюбленная, – люблю тебя!

После чего молодые люди сели за праздничный стол, с любовью накрытый и сервированный Джессикой Юнг.

Сон героя

(Исповедь Всевышнего)

И снился Андрею Мальцеву в эту ночь удивительный сон, как идёт он по белым пушистым облакам, поднимаясь всё выше и выше по сияющему Небу.

И Престол стоял на Небе, и на Престоле был Сидящий, который сиял подобно драгоценному камню, и радуга была вокруг престола.

От престола исходили молнии и громы и гласы и семь светильников огненных горели перед Ним.

И громом небесным гремел Голос Сидящего на Престоле:

*– Я творил миры, галактики, вселенную.
И наконец, Я сотворил человека.
Сущность равную Мне по образу и подобию,
Созданную для познания себя во Мне и Меня в себе.
Как мечтал Я, чтобы он стал равным Мне,
Мною сотворённый человек.
Как мечтал, как желал этого!
Но люди извратили сущность Мою,
И там, где был Свет, наступила тьма, крошечная тьма.
И тьму эту люди назвали светом,
А Свет тьмой, исказив все стремления Мои.
Как же исправить её, тьму человеческую, если не Светом?!
Светом – который Любовь Есть!*

Сон Ивана Боголюбова

(Видения Иоанна Богослова и Иисуса Христа)

И снился в эту ночь Ивану Боголюбову интересный сон.

Как стал он вдруг светом единым, в котором растворились все сущности мира и все создания его. И Свет был в нём, и он был Светом, и Свет был Им.

И видел он в Свете мужа сияющего, великолепного.

И когда подошёл сей муж к нему, не удержавшись, спросил его: – Кто ты?

Отвечал ему муж тот с честью и достоинством: – Я апостол Христа Иоанн Богослов. Кто же ты, мне ведомо, так что не представляйся, не трудись. Знаю, есть вопросы, и есть у меня ответы. Так что выслушай правду сию.

Апостол мягко глянул на Ивана своими небесными очами и светоносно улыбнулся.

– Вот, – продолжил свою речь апостол, – царство зла усиливается весьма на земле, и брань великая ещё предстоит. И от выбора Одного зависят будут судьбы многих. И зло антихриста сатаны будет творить великое знамение и огонь низвергать с неба на землю перед людьми, обольщая людей, чтобы сделали образ зверя и поклонились ему. И убиваем будет всякий, кто не поклониться образу зверя. И людям будет положено начертание на правую руку или чело их. И без этого начертания никому нельзя ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его – 666.

Сказав это, апостол грустно улыбнулся: – Впрочем, дела эти уже творятся в ваше время, брат мой. Так ли это?

– Да, так, – содрогнувшись, ответил Иван, – всё это происходит у нас, но что же будет дальше?

Иоанн Богослов внимательно посмотрел на вопрошавшего.

– Что будет дальше? – вопросом на вопрос ответил апостол и продолжал, – Вот, как и говорил ранее я, все, поклонившиеся зверю и образу его и имеющие начертания его, те будут наказаны! И, истинно говорю тебе, что Агнец – Христос уже снимает семь печатей книги, бывшей в деснице Божией! И семь Божиих Ангелов вострубят, и семь чаш гнева Божиего будут излиты.

– Позволь узнать у тебя, апостол, – робко вопрошал Иван, – какие это чаши будут и что произойдёт при излитии их?

На какое-то время наступила тишина, прерываемая пением неведомых райских птиц.

– Слушай, брат мой, – продолжил своё откровение Иоанн Богослов, – первая чаша наказания будет излита на людей, имеющих начертание зверя и поклоняющихся ему, и появятся у них страшные раны и язвы. При излитии второй чаши море станет, как кровь мертвеца, и всё живое умрёт в нём. После третьей чаши реки и все источники вод сделаются как кровь. При излитии четвёртой чаши пострадают неверные от небывалого солнечного зноя. Когда же будет излита пятая чаша, престол зверя и царство его сделается мрачным и страдающим весьма. При шестой чаше высохнет великая река и соберутся воинства в Армагеддоне. И когда же будет излита седьмая чаша, то вот, от Престола Божия раздастся Божий Голос «Свершилось!» и произойдут тут молнии, громы и голоса, и сделается великое землетрясение, какого не было никогда. Город великий распадётся на части и города языческие падут и Вавилон падёт, и будет град подобный камнями, падающими с небес на землю. И те, кто раскается в грехах своих, те спасутся.

И увидел тут Иван, как на высоком Небе восседал Не-кто, подобный Сыну Человеческому, облачённый в оде-жду длинную с золотым поясом.

Голова Его и волосы были белы как снег, чисты, как родниковая вода, очи Его как пламень огненный, и голос Его как шум водопада.

И лицо Его сияло как солнце.

И звучал Голос Его на Небе:

*– Я есмь испытующий сердца и внутренности
и воздам каждому из вас по делам вашим.*

А побеждающему дам звезду утреннюю.

И будет Он ходить со Мною в белых одеждах, ибо достоин.

И не изгладится имя его из книги жизни

И исповедую имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его.

Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю.

Итак, будь ревностен и покайся.

Я, Иисус есмь корень и потомок Давида,

Звезда светлая и утренняя.

Жаждающий пусть приходит, и желающий

пусть берёт воды жизни даром.

Внезапно очи Христа встретились с глазами Ивана и лучезарно улыбнувшись, спрашивал Спаситель у видящего Его: – Ждёшь ли ты Меня, возлюбленный Мой?

Море счастья, кротости и любви охватили Ивана, прежде чем он вымолвил: – Ей, гряди, Господи Иисусе!

Казнь пророка

Заступив на оперативное дежурство ответственным дознавателем, Андрей Мальцев недолго скучал в своём кабинете.

– Андрей! – заглянул к нему в кабинет дежурный офицер, – Давай ноги в руки и дуй на площадь, срочно!

– Что там? – посмотрел на дежурного по отделу старший дознаватель. – Опять какая-нибудь ерунда или очередной неопознанный труп?

– Да нет! – с жаром ответил дежурный, – Там чисто цирк на площади, толпу, полгорода, не меньше, собрал какой-то чудак, и толкает свои речи о каком-то боге! Чудик! Неужели не понимает, что у нас один бог – Император! Поспешай, Андрюша, если инквизиторы первые подъедут, останутся от твоего говоруна, как говорится, ножки да рожки, поспешай. Сам знаешь, как у них: всё побыстрей, да поскорей, без всякого дознания и опознания – освобождён и всё тут! Поторопись, Андрей.

С этими словами дежурный офицер закрыл дверь и удалился.

Поспешно собрав необходимые протокола и бумаги, старший дознаватель Мальцев вышел из отдела полиции и, сев в старенький дежурный УАЗ «Хантер», убыл на место происшествия.

И вовремя!

Прибыв на площадь, он увидел огромную взбудораженную толпу народа и уже прибывшее подразделение городской инквизиции. С центра площади доносился голос говорящего какую-то речь человека.

Поздоровавшись за руку с главным инквизитором Львом Гадецким, наш дознаватель вежливо поинтере-

совался у него, что происходит и в чём причина нарушения общественного правопорядка, ибо собранная масса людей противоречила Указу Святейшего Императора о порядке нахождения людей в общественных местах и запрете собираться в массивные скопления и толпы.

– Ничего интересного, Андрей, – равнодушно и сытно зевнул, как лев, главный инквизитор, – очередной чудик, возомнивший себя мессией или пророком, выступает. Подожди немного, пусть посмеётся народ, потешится, а уж потом мои ребята освободят его. Камнями, думаю, в самый раз.

Мальцев с лёгким раздражением глянул на инквизитора.

– Как вы не понимаете, – сухо смотрел на Гадецкого старший дознаватель-опознаватель, – я, как официальное лицо, уполномоченное Святейшим Солнцеликим Императором, не имею права допускать подобные сборища и обязан пресечь это. А вину этого больного человека установит дознание, что вы всё торопитесь освободить гражданина!

С этими словами Мальцев, расталкивая толпу, пахнущую каким-то липким потом зла, ярости и раздражения, кое-как вышел в центр площади и посмотрел на говорящего человека.

Ба, знакомые всё лица!

В возмутителе спокойствия дознаватель узнал Ивана Боголюбова, местного писателя и журналиста, говорящего сейчас с жаром и уверенностью в своей правоте, о неведомом и непознанном людьми Боге.

Подойдя к Боголюбову, старший дознаватель властно поднял вверх руку, заставляя притихнуть шумящую толпу.

– Прощу разойтись и не нарушать общественный порядок! – повелительно гремел голос Мальцева, – Надеюсь на ваше понимание!

– Слава Императору! – восторженно взревела разъярённая толпа, всё ближе и ближе подступая к говорящему пророку и офицеру полиции. – Приговор только один, приговорённого – к освобождению!

Первый камень, запущенный в пророка, пролетел мимо его головы, зато второй и третий уверенно достигли своей цели.

– Прекратить бунт! – уже закричал Мальцев, – Я, как старший дознаватель Империи, требую проведения дознания по всей форме!

– Отойди от нас и не мешай! – загикала и заржала толпа, – Мы его сами приговорили к освобождению! Или ты не друг Императору?!!

Андрей посмотрел на группу инквизиторов, одетых во всё чёрное и заметил, как главный инквизитор довольно ухмылялся, глядя на него.

– Чем же я плох и что натворил такого?! – воскликнул побиваемый камнями пророк, – Или то, что напомнил вам всем, что вы люди?! Опомнитесь и проснитесь! Ибо наступает время, когда живые будут завидовать мёртвым, а вечно живые скорбеть о судьбе живых мертвецов! И всё тайное станет явным! И не бойтесь же императора, а бойтесь того, кто не только тело, но и душу может отправить в геенну огненную! Помните же о Боге!

– У нас один бог – Император! – угрожающе ревела толпа. – И нам не надо иных богов!

Прилетевший камень, выпущенный меткой рукой подростка, смачно просвистев, разбил в кровь лицо святого человека.

Грустно так посмотрев на убивающих его, Иван Боголюбов горестно улыбнулся и сплюнул кровь на землю: – И если говорил я и делал хорошо, за что убиваете меня?! За свет правды, которую я несу вам?! За вас самих, обманутых злом?! Горе вам, равнодушные и обма-

нутые дети хищного века сего, горе! Но за вас умираю я, и не страшусь сего, ибо даже смерть за людей я принимаю с радостью!

– Свободен! – в ярости завизжал главный инквизитор и зло посмотрел на озверевшую толпу, – Да убейте же его скорей!

Град камней посыпался на голову и тело несчастного. Святая кровь брызнула на асфальт, образуя небольшие лужицы под ногами не сломленного пророка.

Несколько камней, случайно видимо, попали и по нашему дознавателю.

Разъярённая толпа оттеснила Андрея от святого человека.

– Стойте! – заверещал, оскалив и показав гнилые зубы, главный инквизитор, – Побивание камнями чересчур лёгкая смерть для него! Повелеваю – распять его!

– Вы не смеете творить беззаконие! – едва не плача кричал Андрей, – Император указал, что человека можно освободить только одним видом казни!

Толпа восторженно ревела.

– Не слушайте его, люди! – вопил инквизитор Гадецкий, – Сейчас я исполняю волю Императора, и приказываю вам – распните его!

На спешно принесенные и сколоченные крестовины в форме деревянного креста, люди радостно положили истекающего кровью святого человека и, привязав его руки и ноги к кресту, с наслаждением стали вбивать старые ржавые гвозди в руки и ноги силящегося ещё говорить и увещевать их пророка.

Наконец крест с распятым установили в центре площади.

Подойдя к кресту, главный инквизитор, глянув на казнимого им человека, радостно ощерился: – Ну и что скажешь теперь о своем боге, святоша?!

Кровь заливала разбитое лицо Боголюбова.

С трудом открывая изувеченные окровавленные глаза, распятый едва слышно прошептал: – Бог есть Любовь! И я прощаю тебя, брат мой, и молюсь за тебя!

– Что ты сказал?! – взревел, как зверь инквизитор, – У нас нет иного бога, кроме Императора!

Яростно оглянувшись вокруг, инквизитор Гадецкий зло прошипел: – В огонь богохульника! Огнемёты, живо!

От толпы отделилось двое чёрных, как вороньё, рядовых инквизиторов. В руках у них были приготовленные для казни огнемёты, снаряженные страшной адовой смесью.

– Вы не смеете! – крикнул, что есть силы, Андрей. – Именем Императора, я запрещаю это! Нельзя человека казнить трижды...

Договорить он не успел, толпа в дикой ярости повалила его на асфальт и, сдирая с него погоны и знаки различия, осыпала его градом ударов.

– Инквизитор творит волю Солнцеликого! – в неистовой ярости шумела толпа. – Только ему подчиняемся мы!

Подбежавшие инквизиторы направили огнемёты в сторону распятого и воспламенили его. Крест полыхнул вместе с телом пригвождённого к нему святого человека.

– Братья мои! – возвысил свой голос в пламени огня сжигаемый заживо пророк Боголюбов, – Помните о Боге, любящем вас, покайтесь в грехах своих, пока не поздно... покайтесь...

Вскоре разгоревшийся огонь буквально испепелил святого пророка, заставляя его замолчать. Брызги огня стекали с горящего креста, и пламя зачарованно отсвечивалось в глазах притихших людей.

В воздухе ощутимо пахло цветочным каким-то райским благоуханием розы, ладана и смирны.

Люди недоверчиво переглядывались: им, привыкшим при подобных казнях жадно ловить ноздрями такой вкус-

ный и будоражающий все их естество сладковатый запах человеческой прожаренной плоти, было непонятно, почему именно этот освобождённый после своей мучительной смерти на костре, пах так божественно и возвышенно.

К месту казни подошёл старший дознаватель Мальцев.

Вся его служебная одежда была изорвана в клочья, раскалённые слёзы текли по его щекам и падали на оплавленный городской асфальт. Сердце стучало и билось так, что от этого даже темнело в глазах...

«Пепел Клааса стучит в моё сердце!» – где же он слышал или читал пришедшие ему сейчас в голову эти простые слова?

Впрочем, сейчас это было уже неважно.

– Так значит?! – каким-то отчуждённым взглядом посмотрел на толпу и инквизиторов Андрей. – Убили ближнего своего, радуетесь... Но зря радуетесь вы... огнём, которым вы сожгли его, сами будете гореть!

При этих словах Мальцев посмотрел на обуглившуюся чёрную фигуру сожженного пророка на кресте.

Над ним бесшумно завис его боевой летающий дрон с перемигивающимися на его корпусе разноцветными индикаторами.

– И вас пожрёт огонь ярости моей! – жёстко посмотрел Андрей на притихшую толпу и инквизиторов. – Огонь страшный и очистительный! Огонь!!!

Зависший над дознавателем боевой дрон с тихим шипением выпустил ракеты по толпе, которые, разрываясь, убивали и сжигали всё живое на своём пути. Грозным соколом зависнув над толпой, дрон расстрелял её из всех своих пулёмётов.

Минуты не прошло, как перед ногами Андрея была площадь, полностью усеянная людскими трупами.

– Вот и всё, – мрачно посмотрел на убитых старший дознаватель, – теперь точно, всё...

Над площадью серыми тенями промелькнули три дрона городской инквизиции, направленные к месту чрезвычайного происшествия дежурным по инквизиции.

Дрон Мальцева вступил в бой с противником.

Поражаемые ракетами, один за другим, полыхнули и взорвались прямо в воздухе два дрона инквизиции. И в этот момент у боевого дрона дознавателя закончился боезапас. Уверенно отклонившись и сманеврировав от ракет выпущенных по нему дроном инквизиции, боевой дрон Мальцева на всей скорости таранил большой чёрный дрон неприятеля

В небе полыхнул чудовищный взрыв.

Догорая в небе, падал на город погибший дрон дознавателя Мальцева, до конца исполнив свой долг.

Андрей горестно посмотрел на свой бесполезный пульт управления на руке: – Всё...теперь точно, всё...

На площадь влетел дежурный УАЗ отдела дознания и опознания, из которого выпрыгнули вооружённые автоматами дознаватели его подразделения: Михаил Светлов, Гаврила Светиков и Рафик Светадзе.

Троица его неразлучных друзей-хранителей.

– Наши! – посмотрел на прибывшую помощь Андрей и блаженно как-то улыбнулся.

Катастрофа

– Быстро в машину! – крикнул Андрею Михаил Светлов. – На твой поиск уже всю инквизицию и наш отдел отрядили!

Не мешкая ни секунды Мальцев запрыгнул в машину, и сердито рывкнув двигателем и жалобно проскрипев старой подвеской, УАЗ уверенно направился к дому старшего дознавателя.

Спешно взяв ничего не понимающую Джессику на борт, полицейские на своей машине быстро поехали, направляясь к дальним родственникам Рафика Светадзе, заранее предупреждённым им по видеотелефону.

– На какое-то время отсидитесь там, – смотрел на Мальцева его верный друг дознаватель Светадзе, – квартира там пустует, и о вашем местонахождении будем знать только мы.

Сказав это, он замолчал.

– Да-а, – не выдержал Гаврила Светиков, – ты и отчудил, командир! Неужели нельзя было смолчать и сделать вид, что тебя это не касается?!

– Меня всё касается! – упрямо посмотрел на друга Андрей, – И тогда, и тем более, сейчас! Ты бы видел сам, как люди превратились в зверей.

– Видел, Андрей, видел, – грустно как-то ответил Гаврила, – поверь мне, и не такое видел в жизни своей.

Тем временем автомобиль с Андреем, Джессикой и неразлучной тройцей прибыл к пункту назначения. Выйдя из машины, Андрей окинул взором место своего убежища: стандартная древняя панельная пятиэтажка, построенная бог знает как давно.

Пройдя в подъезд и зайдя в обычную двухкомнатную квартиру, Мальцев поразился простой и скромной обстановке. Ничего лишнего: диван, три кровати, стол, телевизор. Правда, холодильник на кухне отнюдь не пустовал и под завязку был набит разной снедью и продовольствием.

– Ну что, друзья мои, – обратился к Андрею и его подруге на правах хозяина Рафик Светадзе, – это квартира родственников и о ней никто не знает, да и сами они тут не покажутся. Как говорится, бог вам в помощь! Располагайтесь, обживайтесь, но на улицу не смейте показываться!

Посмотрев на друга, Мальцев благодарно кивнул головой: конечно, никто и не думает подставляться и выходить во двор. Почитай, их теперь как особо важных имперских преступников, полгорода разыскивает!

– Не скучайте, ребятки, – посмотрел на беглецов Гаврила, – вечерочком и мы к вам заглянем, скучать не дадим. Кстати, Андрей, вот тебе пистолет и автомат с боезапасом, надеюсь, пригодятся.

С этими словами Светиков передал боевое оружие своему другу. После чего, пожелав им ещё раз обживаться на новом месте, троица друзей-дознавателей, вышла из квартиры. Закрыв за ними дверь на все замки, Андрей не торопясь подошёл к большому плазменному телевизору и включил его.

О, все новости были посвящены исключительно ему!

Взахлёб на разных телеканалах передавались новости об изменившем Императору спятившем дознавателе. Показывались фото Мальцева, его приметы.

При этом сообщалось о крупном денежном вознаграждении за голову беглого старшего дознавателя. И вознаграждение это исчислялось огромной суммой в золотых имперских рублях.

Незаметно вечерело.

В дверь позвонили.

Оконце плазменного телевизора услужливо показало на весь экран звонящих.

Слава Богу, это была его неразлучная троица.

Зайдя, пришедшие делились новостями со своими друзьями.

– Ты не поверишь, – рассказывал Рафик Светадзе, – на твой поиск боевые киборги из самой столицы прибыли! Небо над городом буквально кишит от имперских дронов! Говорят, о твоём поступке, узнал сам Император, распорядившийся принести ему твою голову на золотом блюде.

– Да-а, – грустно улыбнулся Андрей, – ставки растут. Я сейчас, как никогда, нарасхват! Того и гляди найдётся какая-нибудь иуда и стуканёт на меня инквизиции!

– Среди нас таких точно не будет, – строго посмотрел на него Михаил Светлов, – даже не сомневайся.

– Хватит, ребята говорить, – вмешалась в их разговор подошедшая красавица Джессика, – стол накрыт, идите ужинать.

Дружно переглянувшись и улыбнувшись, они все вместе прошли за стол, и, дружно хваля хозяйку, приступили к вечерней трапезе.

За окном быстро темнело. Стремительно наступала ночь. Разместив и уложив друзей, Андрей с Джессикой устроились на диване. Сон был беспокойным.

Пробуждение у всех наших героев было неприятным. Землю сильно трясло, и весь дом ходил, буквально, ходуном.

– Что это?! – недоумённо спросил Андрей, слетевший с дивана от сильнейшего толчка, который исходил буквально из недр и глубин внезапно проснувшейся земли.

Джессика с удивлением пожала плечами и посмотрела на вошедших в их комнату друзей.

– Что это?! – вновь переспросил Андрей и вопросительно глянул на друзей, державшихся за ожившие от сильных толчков стены комнаты.

То и дело раздавался страшный, как бы металлический зов и скрежет, словно бы земля плакала под гнѐтом греха населявших её людей.

– Землетрясение, командир! – выдохнул Михаил, с трудом державшийся на ногах, – Да такое сильное!

Небо за окном быстро темнело. То и дело мелькали молнии, слышались неведомые голоса и громы.

Всю землю трясло, как никогда!

И внезапно, подобно граду, с неба стали падать камни и булыжники, побивая и разбивая на земле всё на своём страшном и неотвратимом пути.

Неожиданно, так же как и началось, прекратилось вдруг великое землетрясение.

И выглянуло вдруг солнце, но не такое ласковое и нежное, как прежде, а яростно жгущее небывалым зноем, как огнѐм.

Словно бы сорвавшись с резьбы, самопроизвольно открылись все водопроводные краны, и на кухне, и в ванной комнате.

Но, увы, не вода уже текла из них, а мутная, отвратительно пахнувшая кровь, подобная крови земного мертвеца.

И воздух был сух, как никогда.

– Господи, что происходит?! – ужаснулся Андрей и посмотрел на Джессику и своих друзей.

Молча так и вопросительно переглянулись между собой его друзья.

– Исход, – прервал короткую паузу Михаил, – человечество его знает как Апокалипсис или Армагеддон!

– Что за хрень библейская! – не выдержал Мальцев и укоризненно посмотрел на Светлова, – Не знаешь, так не говори!

– Всё в руках Господа, – выразительно глянул на Андрея Михаил и коротко улыбнулся, – а ты включи телевизор, посмотри новостишки и сам познаешь.

Мальцев посмотрел на Джессику, которая согласно кивнув, подошла к телевизору и включила его.

Увы, большинство каналов не работало, и на экране застыла чёрная заставка профилактики телеэфира. Пощелкав пультом, Джессика таки нашла один из спутниковых телеканалов, ведущих трансляцию с орбиты Земли. Заходясь в истерике, телеведущий новостей, буквально кричал с экрана, что в результате страшного и небывалого землетрясения, сопровождавшегося падением астероида и метеорита, разрушены и полностью ушли под воду Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Япония, часть Канады и Китая. Уничтожены мировые столицы: Вашингтон, Токио, Лондон, Нью-Йорк.

В России в огненный котёл полностью ушла Москва, водой был затоплен Санкт-Петербург.

Во всех мировых столицах погибли объявившие себя боговоплощениями на земле императоры и президенты России, Америки, Китая и многих других стран.

Число человеческих жертв и разрушений не поддаётся исчислению.

В их комнате тихо плакала Джесс, понимая, что её приёмные родители уже мертвы и вряд ли она когда вступит на землю удочерившей её страны.

Молча плакал и наш герой, рядом с которым почтительно стояли его друзья. Весь день пролетел в скорби и ожидании чего-то худшего.

Но одно уже было хорошо: их никто уже не разыскивал, городское управление всех дел и инквизиции лежало в руинах, как и их отдел полиции. Многие административные здания и жилые дома были разрушены и не подлежали восстановлению.

Уцелевшим людям было глубоко безразлично, кто он такой, старший дознаватель Мальцев и зачем он нужен хоть кому-нибудь.

Люди предпочитали спасать только самих себя.

И вот ещё что удивительное подметил Андрей, когда выходил на улицы, заходя в заброшенные хозяевами полуразрушенные магазины, что у людей, имевших электронные импланты, от какого-то неведомого кислотного дождя, появлялись отвратительные гнойные раны и язвы.

Лишь у него, Джессики и его троих друзей не было этих страшных ран по той простой причине, что оперативники дознания и Джесс не имели имплантов.

И надо сказать, что с каждым днём походы в продуктовые магазины с целью пополнения их опустевшего холодильника становились всё сложнее и опаснее. Потому что, словно в издѣвку над оставшимися в живых, из-под земли нахлынули на поверхность неведомые и ужасные твари. А в магазинах за каждую банку консервов и бутылку воды приходилось драться с неведомо откуда взявшимися огромными гигантскими крысами.

Вода же, покраснев, стала полностью непригодной для питья, и отдавала зловонной мертвячиной. Вот и приходилось Андрею с друзьями, оставив Джессику дома совершать рискованные вылазки и набеги на местные продуктовые магазины.

А что поделать тут?!

Голод – не тётка, и даже не дядька...

Хоть и говорили друзья, что всё надо делать сообща и держаться вместе, смеялся наш герой на эти слова, поясняя, что ещё в детстве ему цыганка нагадала, что у него не один, как у всех, а целых три Ангела-хранителя, и поэтому ему бояться нечего.

Улыбались так его друзья, светло так улыбались и переглядывались.

Вот и сейчас, подъехав к очередному продовольственному магазину на полицейской машине и разделившись с друзьями в поисках продуктов питания и воды, Андрей подходил к стеллажам, забитым тушенкой и сгущённым молоком в банках, расположенным у рабочего подсобного помещения.

Как вдруг из подсобки раздался какой-то шум и шорох, и дверь, противно скрипнув, отворилась.

После катастрофы

Вот мы и пришли к тому, с чего начинали.

...Огромная метровая крыса, подобная реинкарнации чего-то жуткого и ужасного, озадаченно смотрела на чужака, осмелившегося вторгнуться в её владения.

– Не вовремя ты, Лариска, не вовремя, – повторил Андрей, плавно переводя переводчик огня на автомате в режим «АВ», что значит автоматический, – уходила бы ты отсюда подобру-поздорову...

Словно бы послушавшись Мальцева, гигантская крыса, яростно сверкнув на него своими большущими глазами, удалилась туда, откуда и пришла – в свою подсобку.

– Вот и хорошо, – облегчённо выдохнул Андрей, – послушная крыска попалась...

Взяв стоявшую недалеко от подсобки большую металлическую тележку на колёсиках, Мальцев не торопясь пошёл вдоль продуктовых стеллажей, складывая в тележку понравившиеся ему консервы.

– А-а, «Имперская особая», и даже «Завтрак Солнцеликого», – улыбнулся дознаватель, увидев знаменитые торговые бренды элитной тушёнки, – так, давай сюда.

С этими словами Мальцев наполнил отборными консервами половину своей металлической тары. Пройдя дальше, он заметил на полке сгущённое молоко, кофе, какао, сливки в цельнометаллических банках и дополнил ими свою тележку. Заметив газированную и питьевую воду и взяв несколько больших пластиковых бутылей, он доверху загрузил ими тележку.

Пройдя мимо отдела алкогольных напитков, Мальцев не удержался и взял несколько бутылок отборного имперского коньяка «Грёзы Святейшего».

Входные двери жалобно скрипнули и в магазин зашли пятеро здоровущих мужиков с битами в руках. Такие же, как он – собиратели еды и воды. Чужаки недружелюбно посмотрели на дознавателя, демонстративно играя битами. Как бы в ответ, Мальцев приподнял свое оружие и направил в сторону вошедших дуло автомата: – Вот что, ребята... Давайте без ваших игр... Еды и воды в магазине на всех хватит, не будем драться за банку консервов...

Словно бы послушавшись его, мужики отошли от него и разбрелись в поисках пропитания и воды в этом так понравившемся всем магазине.

Выйдя на улицу, у полицейского УАЗа старший дознаватель увидел свою неразлучную троицу, уже загрузившую в автомашину найденные продукты питания и воду.

– Быстро вы, – заметил Мальцев, посмотрев на своих друзей, – а я вот подзадержался.

– Мы как всегда, быстрее ветра, – отшутился Михаил и, сообщая они помогли Андрею перегрузить продукты в машину.

После чего, сев в машину, наши друзья направились обратно к себе домой.

Путь проходил через раскинувшееся вдоль автодороги городское кладбище. Проезжая мимо мест вечного упокоения сограждан, Мальцев заметил, как с кладбища в панике бежала с воплями о помощи неизвестная молодая женщина.

Внезапно, что-то большое и темное грязной чёрной пантерой мелькнуло между деревьев, росших у могил, и фигура женщины пропала.

Крик стих.

– Стой! – распорядился старший дознаватель и Михаил, сидевший за рулём «Хантера», остановил машину.

Мальцев пытливо посмотрел на своих друзей.

– Вот что, ребята, – продолжил свою речь наш герой, – что-то здесь нечисто... Видели женщину? Надо бы помочь ей, всё-таки мы с вами полицейские, стражи порядка, одним словом.

– Подумай ещё раз, Андрей, – почтительно посмотрел на него Светиков, – наша служба завершилась вместе с гибелью империи, не полицейские мы больше. Да и что там, на кладбище? Ты и вправду хочешь туда пойти?! Смотри, найдёшь себе приключений на одно место!

– Вот что, – жёстко распорядился Мальцев, – не спору, всё это может быть и подстава с целью вынудить нас покинуть машину, тем более полную продовольствия и воды. Ничего страшного в этой ситуации я не вижу. В общем, вы втроем оставайтесь в машине, я только гляну и сразу же обратно вернусь. Как поняли?

– Ясно, поняли, командир, – уважительно глянул на него Светадзе, – а можно я с тобой пойду, Андрей?

– Нет, – заупрямившись, сказал, как отрезал, старший дознаватель, – дождись меня в машине.

С этими словами наш герой вышел из машины и пошёл по направлению к тому месту, где прервался женский крик и исчезла неизвестная.

Троица друзей дружно переглянулась.

Ох, и весёлые же эти парни – вологодские зомби!

Зайдя на территорию кладбища, Андрей остановился и прислушался.

Нет, ничего не слышно и не видно, тишина. Тихая кладбищенская тишина, обволакивающая как паутиной, мягким душным облаком окружила и окутала героя.

Но что это?

Где-то поблизости раздавался зловеший хруст и чавканье. Пройдя немного вперёд и миновав очередные массивные плиты могильных надгробий, дознаватель ужаснулся: у небольшой русской берёзы, росшей на кладбищенской земле, лежало два мёртвых тела – мужчины и женщины. Но не такая находка в виде обнаружения мёртвых тел так испугала дознавателя, на своей службе он насмотрелся вдоволь на холодных и равнодушных изувеченных тел людей. Нет, не это ужаснуло и заставило содрогнуться нашего героя.

Над телами погибших склонились и жадно рвали, грызли и ели их, как бешенные дворовые собаки, множество оживших мертвецов. Страшные и ужасные, только что вылезшие из своих могил, распространяющие вокруг отвратительное зловоние, зверолюди-зомби сейчас поглощали свою добычу. Внезапно один из страшилищ вперил свой безумный взгляд в стоящего поблизости дознавателя.

– Вот он! – восторженно проревел он, как раненый зверь, – Хватайте его, ребята, он сам пришёл!

Резко сдёрнув автомат с плеча, Мальцев направил своё оружие в сторону зомби и полоснул по ожившим мертвецам длинной очередью, моментально опустошив весь свой магазин.

Но куда там!

Все пули, выпущенные из автомата, с лёгкостью прошивали костлявые скелеты оживших мертвецов и не причиняли им абсолютно никакого вреда!

Бросив бесполезный автомат в сторону страшилищ, которые ловко увернулись от него, Мальцев сшиб ногами окруживших его нескольких подошедших ближе мертвецов и быстро глянув на берёзу, как на своё единственное спасение, запрыгнул на нее и с ловкостью взбесившейся обезьянки, залез на неё едва ли не на самый верх.

Поняв, что они бесславно упустили свою добычу из-под самого носа, зомби нерешительно замялись. Из толпы оживших мертвецов степенно отделился наиболее важный зомбяк, одетый в лохмотья одежды государственного чиновника.

Подойдя к берёзе, на верху которой укрылся наш герой, предводитель мертвецов примиряюще улыбнулся дознавателю, оскалившись в своей безумной улыбке: – Вот что, уважаемый, мне кажется, все погорячились тут немного. Уважь, родимый, слезь с берёзы-то. Деревце тонкое, слабое, того и гляди, рухнешь оттуда. А ты нам живой нужен и здоровый по мере возможности.

– Не слезу! – выдохнул Андрей и как можно крепче, как свою любимую, обнял берёзу. – Отойдите от меня, проклятые!

– Ну почему же не слезешь? – почтительно уговаривал его старший зомбомертвец, – Ты пойми нас, дорогуша, мы что, мы ничего, мы – тихие весёлые вологодские зомби! А то, что нрав у нас такой, так не обижайся, проснулись-то мы жуть какие голодные, и пить и есть нам охота, что ого-го как! А насчёт себя не обижайся, просто Указ у нас такой с самого низа! Мы зомби тихие, подневольные, под указом ходим!

В это время один из зомбяков, увидев лежащую рядом с трупом полусъеденного мужчины большую сумку и пошарив в ней, довольно улыбнулся, доставая из неё бутылку водки и несколько бутылок пива.

– Старшой, а старшой! – обратился зомбяк к своему предводителю, – Чего нашёл-то! К закуске-то, однако и спиртное полагается!

При этом посмотрел на Андрея.

– Слезай, вместе выпьем, повеселимся!

С этими словами, открыв бутылку водки, он залил её содержимое в себя. Благородная жидкость, тихо побулькивая, просочилась сквозь кости мертвеца и благополучно достигла земли, образуя там маленькую лужицу. С радостными воплями зомби расхватили пиво и, распив его, полили свежевypитым кладбищенскую землю. Поняв, что ему не удалось уговорить полицейского покинуть спасительную берёзу, старший зомби буквально рассвирепел.

– Слезай! – угрожающе прошипел предводитель оживших мертвецов и уверенно качнул берёзку, на которую забрался наш герой.

– Не слезу! – не менее уверенно ответил Мальцев и ещё крепче обнял древесный ствол.

– Смотри, сами достанем! – проверещал зомбяк-любитель водки, – Неужели ты не понимаешь, что все мы – твои подданные!

– Уйдите в ад, мерзкие подданные! – с отвращением посмотрел вниз дознаватель, – Я не нуждаюсь в вас!

– Наш бог! – в каком-то экстазе ревели проснувшиеся зомби, – Люди отказались от тебя, прими всех нас, как новых людей, которые не отойдут от тебя!

– Вы не мой народ! – возопил в отчаянии наш герой, – Отойдите от меня, нелюди!

– Ах, нелюди?! – рассвирепели ожившие жители кладбища и, подбирая с земли пустые бутылки и камни, при-

нялись под оголтелое улюлюканье, свист и скрежетание зубов, закидывать ими Мальцева. – Если ты не наш бог, то прими мучения, достойные его!

Выпущенная меткой рукой ожившего мертвеца пустая бутылка из-под водки, угодила в голову Андрея. На какое-то мгновение, потеряв сознание от удара, наш герой, сжимающий дерево, ослабил свои объятья и под восторженные вопли мертвецов, рухнул им под ноги. Толпа разъярённых зомби набросилась на полицейского.

– Стойте! – повелительно поднял свою костлявую руку их предводитель, – Не смейте убивать его и причинять вред! Вы что, забыли про Указ?

Задумавшись на минуту, старший зомбьяк зловеще улыбнулся.

– Так, в могилку его, пусть там полежит, подумает! – зло выкрикнул предводитель, – Мы же в охране постоем, пока он не созреет.

Подхватив дознавателя за руки и за ноги, ожившие мертвецы, радостно и зловеще улыбаясь, скинули его в свежеразрытую могилу. Падая, Мальцев больно ударился о разбитый обветшалый гроб, в который бросили его ухмыляющиеся зомбьяки.

«Вот это я попал!» – ужаснулся Андрей и зажмурился, словно бы желая, что бы всё это ужасное действие прекратилось и исчезло навсегда. Но нет, как стояли наверху могилы его мучители и истязатели, так и стояли, никуда не отходя ни на шаг.

Но что это?!

Ярче солнечного света замелькали ослепительные вспышки какого-то неведомого светло-синего огня и молний. Несколько зомби, охранявших его могилу, вдруг полыхнули светло-синим пламенем и, быстро тлея и распавшись на части на глазах, упали к его ногам. С большим трудом Андрей вылез из могилы и огляделся по сторонам.

Это надо было видеть!

Стремительно подходя к нему, троица его неразлучных друзей атаковала оживших мертвецов молниями, исходящими из их глаз и огненными плазменными шарами, вылетающими у них из ладоней. Зомби, полыхая и рассыпаясь на части, буквально исчезали у него на глазах.

Скоротечен был тот бой.

Уничтожив всю нечисть, подходила к нему неразлучная троица его друзей.

Подойдя к Андрею, его друзья неожиданно поклонились ему и застыли в такой почтительной позе.

Мои друзья – Ангелы

– Хватит! – прервал затянувшееся молчание Андрей Мальцев, – Что здесь происходит?!!

Молча так переглянулись его друзья и как-то радостно и лучезарно улыбнулись.

– Хватит, я сказал! – рассердился старший дознаватель, – Довольно валять дурака! Кто вы или что вы?!

Вперёд вышел Михаил Светлов.

– Мы ангелы твои, Андрей, – подойдя к нему, кротко склонился перед ним Светлов, – Ангелы-хранители Божии. Я – Архангел Михаил.

К Мальцеву подошёл, излучая улыбку, Гаврила Светиков.

– Я – Архангел Гавриил, – просиял Светиков, – рад служить тебе.

Так же не торопясь к нему подошёл Рафик Светадзе, кротко улыбнувшись ему: – Я твой Архангел Рафаил, и я служу тебе!

Мальцев с недоверием посмотрел на своих друзей. Лишь одна мысль билась и стучалась в его голове: «Тоже мне, друзья называются, и что из меня дурака делают, ведь нельзя же так шутить».

Словно бы услышав его мысли, просияли его друзья Небесным Светом и миг сделались светлы, как небо, и глаза у них горели солнечным светом, а за плечами у них поднялись огромные белоснежные крылья

В воздухе приятно пахло розой, жасмином, ладаном и смирной, и словно бы какая-то божественная музыка прозвучала у Андрея в голове.

– Мы Ангелы Твои, – повторил Михаил и ещё раз кротко поклонился ему, – и рады служить Тебе.

– Мне? – немного как-то глуповато переспросил Андрей и вопросительно посмотрел на своего друга-ангела, – Тогда, как говорится, вопрос на миллион долларов, если вы Ангелы Божии и служите мне, то тогда кто я?!

Ангелы переглянулись в кроткой улыбке.

– Ты – Удерживатель Божий! Ты тот, с кем легко душу свою спасти, но и легко потерять. Ведь о тебе мечтал Иоанн, и царь, и пророк! – почтительно поклонился ему ангел Рафаил, – И мы здесь для того, чтобы служить Тебе и охранять Тебя! Ибо в теле своём, избранном изначально, Ты удерживаешь То, что Свято!

Мальцев недоверчиво посмотрел на Ангелов.

– Но если это так! – воскликнул он, – Неужели я не в силах предотвратить всё зло, что происходило и происходит на земле?!

– Хороший вопрос, – почтительно посмотрел на него Михаил, – но мы не сможем ответить на него. Понимаем лишь, что время ещё не пришло! Но Ты Благодатью Своей, создавшей религии Света – Тору, Евангелия, Коран и другие! Ты создал их и даже наукой своей люди объяснили и познали Тебя!

В святом умилении Ангелы преклонились перед ним.

Воздух благоухал розой, ладаном, смирной и жасмином одновременно. По белоснежным крыльям Ангелов словно струилась небесная радуга.

– Я не могу поверить, что создал злое! – в каком-то отчаянии Мальцев посмотрел на своих светоносных друзей, – Этого не может быть!

– Ты не создал ничего злого, и только плоть твоя удерживает Совершенное Божество, – успокоил его Михаил, – Бог, который в тебе, не создатель злого, но создатель доброго, настоящего, истинного!

– Но я знаю, как прекратить это, всё зло, которое живо и сейчас! – почти прокричал дознаватель и дрогнувшей рукой достал табельный пистолет из специальной кобуры.

И не успели Ангелы вмешаться, как Мальцев стремительно поднёс дуло пистолета к своему виску и нажал на спуск.

Грохнул выстрел.

Но, чудо!

Пуля, вылетевшая из ствола, словно в замедленной съёмке, застыла, зависнув в воздухе и, медленно вращаясь, словно споткнулась, ударившись о невидимый щит, закрывший Андрея, и жалобно звякнув, бессильно упала на землю.

– Что ты творишь! – укоризненно посмотрел на него Ангел Гавриил, – Это в тебе говорит человек, ты не волен и не можешь убить себя сам, и вряд ли кто сможет это сделать на Земле и на Небе. Ты, родивший Свет, если бы даже смог убить Себя, вмиг всё творение своё погрузил бы во тьму!

Речь Гавриила поддержал и Ангел Рафаил: – Ну пойми, Ты можешь быть кем угодно, хорошим или плохим, но в Тебе Дух Божий и Ты удерживаешь то, что Свято! Но и от Тебя зависит, как изойдёт Святой Божий Дух Истины! Ибо Вы с Ним едины! И Ты будешь судить народы!

– А Христос? – недоверчиво спросил Андрей, – Это Его епархия, если не ошибаюсь?

– А какая разница? – улыбнулся Михаил, – Вы же едины! Ты то, что мы есть! Поверь, это Высшее Таинство, когда Сам Бог перед исходом посетил Землю в теле грешника! Знай же, вся существующая реальность не стоит Тебя!

– Но люди гибнут, – горько посмотрел Мальцев на Архангела, – зачем удерживать то, чего уже нет?!

Ангелы вновь переглянулись.

– Но Ты пойми, – отвечал в кротости своей Михаил, – когда Бог забирает у людей близких, Он отдаёт себя им полностью и без остатка, ибо всё едино на Земле и на Небе! Как Небо является отражением земным, так и земля в истине своей отражает Небо. И если бы знали угнетатели рода людского, что порабощая и уничтожая ближних своих, они приближают и исход свой, ибо живая мыслеформа всех угнетённых взывает к всеобщему уничтожению и концу сущего на земле! А что Ты думал, что зло, придя воссядет в храме на земле и будет понукать людьми, говоря: «Вот я, всё зло мира, все подчиняйтесь мне!». Нет, враг рода человеческого гораздо хитрее и изобретательнее: даже не показывая свою подлую змеиную суть, он сковал человечество рабскими цепями порока и грехопадений, заставив поклониться себе через культ удовольствий златого тельца! И многие поставили себе в божество золото мира, которому поклонились и прелюбодействовали перед ним в похоти греха.

– Ну а природа вещей, миропорядок? – спрашивал у Михаила Мальцев, – Неужели нельзя изменить его и избавиться от зла?

– А что Ты хочешь? – вопросом на вопрос отвечал ему Ангел Михаил, – Зло стало гораздо хитрее и избирательнее, и там, где ждали князя тьмы, много их появилось, не князей, впрочем, а так, князьков. От Кремля до Белого Дома довлеют они судьбами человеческими, отравляя и

сталкивая народы свои в братоубийственной войне, конца которой и начала даже не видно! Даже Тебя зло, извратив сущность свою и оправдывая себя, попытается поставить царём мира сего! Знай же, не только Ангелы Неба, но и бесы трепещут, ожидая, что изберёшь Ты – Свет или тьму? Вопрос: удержишься ли Ты от искушения сего?

– Удержусь! – не мигнув и глазом, твёрдо ответил Андрей, – А иначе, как оправдаться мне перед самим собой?!

– Впрочем, – улыбнулся тихо так Михаил, – сегодня с Тебя и этого довольно! Поедем же домой, поздно уже, да и Джесс Тебя заждалась.

– Да, я всё понял, – согласился с Ангелом Андрей, – пора уже, только просьба, не говорите Джессике то, что я узнал и познал сейчас.

– Хорошо, – согласился от имени всех Михаил, и четверо друзей дружно проследовали к своей полицейской машине.

Плавно отъехал УАЗ от городского кладбища, и вскоре уже ничего не напоминало о произошедшей здесь светоносной битве и божественных откровениях.

Огненные шары

Подъехав к своему дому, друзья разгрузили машину и направились с тяжёлым грузом в квартиру, где их с нетерпением дожидалась Джессика Юнг.

– Господи, как вы долго, и как я переживала за вас, – открыв дверь, попрекнула их юная красавица, – как боялась, что не случилось ли что с вами.

– Не волнуйся, дорогая, пробки на дорогах, – не моргнув и глазом, отшутился Андрей и пропел, – всё хорошо, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо!

Зайдя в дом и занеся продукты на кухню, Мальцев включил телевизор и расположился с друзьями на диване.

Но увы, ни один канал не показывал и какое-либо телевещание отсутствовало напрочь.

– Что за ерунда, – не выдержал Андрей и посмотрел на Ангелов, – небось, ваши штучки, пернатые вы мои?

Ангелы, переглянувшись друг с другом, тихо как-то и спокойно улыбнулись.

– Если бы наши! – посмотрел на него Михаил и грустно покачал головой, – Всё, финиш. Телевидению конец, как и многому другому.

– Спутники что ли накрылись? – спросил у архангела Мальцев, – Чего ещё ждать?

– И спутники накрылись, и не только, – спокойно ответил Михаил, – впрочем, ждать осталось уже недолго, ибо время уже кончилось, совсем.

– Ну вот, опять ты говоришь загадками, Михаил? – вопросительно глянул Андрей на старшего из его Ангелов-хранителей, – Не надо притч и иносказаний.

– Так я говорю прямо, что знаю и вижу, – с доброй улыбкой ответил Михаил, – неужели Ты не веришь мне?

– Но что будет завтра? – спросил Мальцев, – К чему готовиться?

– Не знаю, Андрей, не знаю, – тихо отвечал его Архангел, – это мне неизвестно, что произойдёт в завтрашний день. То Бог знает.

В комнату зашла Джесс. Умело и быстро накрыла на стол и все сели ужинать. Как следует утолив голод на сон грядущий, наши друзья с какой-то неясной тревогой, разошлись по своим койкам и погрузились в объятия Морфея.

Утреннее пробуждение у них было неприятным.

Как и в первый день катастрофы, земля тряслась и гудела, издавая какой-то неприятный плачущий звук. Впрочем, недолго длилось это землетрясение и, после того как оно прекратилось, друзья быстро оделись и привели себя в порядок.

– Что это? – ужаснулась Джессика, выглянув в окно.

Подойдя к окну со своими друзьями-ангелами, Андрей неприятно поразился увиденной картине.

По всему небу, сияющему сказочной ожившей нарисованной картиной, на низкой бреющей высоте, подобно заходящим в атаку боевым самолётам, летели в строгом строю огромной космической эскадры огненные разноцветные шары: красные, белые, зелёные, синие.

Было видно, как эти неизвестные сияющие плазменные шары беззвучно проходили сквозь здания и предметы. Мальцев хорошо видел, как на улице редких прохожих преследовали эти огненные шары и настигнув их, раздувались подобно капюшону огромной гигантской кобры и заглатывали их, не оставляя от проглоченных буквально ничего.

– Что это? – ужаснувшись, повторил вопрос своей любимой Андрей.

– Ангельские воинства, собирающие жатву свою, – отвечал ему Михаил, – огненные красные шары для людей,

подлежащих наказанию. Забирая грешника, они сжигают его внутри себя, ибо человек сотворил будущее своё, как и вечность, в которой ему надлежит быть. Другие цвета шаров свидетельствуют об иных мирах людей, не ведущих к их наказанию.

Пока они говорили, к их окну подлетел небольшой, размером с баскетбольный мяч огненный тёмно-красный шар и беспрепятственно прошёл сквозь стену дома и оказался в их комнате. Андрей схватил автомат, лежащий на стуле у дивана, и привёл его в боевое положение.

– Не стоит, – посмотрел на него Михаил, – это шар силы или шар мщения духа, его этим оружием не испугаешь.

Не послушавший его Мальцев, дал короткую очередь по шару. Но, словно бы попав в невидимую силовую защиту, все пули беспомощно отскочили и попадали на пол.

Шар стал медленно увеличиваться прямо на их глазах. Раздувшись едва ли не в полкомнаты, застыл на месте, внезапно раскрывшись, словно цветок и обнажив чудовищную топку, в которой клокотал яростный плазменный огонь. Внутри шара Андрей увидел огромную крутящуюся, как центрифуга, спираль, втягивающую и засасывающую в себя окружающие предметы. Со стола взлетели кухонные приборы и исчезли в открытой пасти раскалённой топки этого гигантского космического плазмоида.

– Вот она, ваша машина времени! – прокричал ему Михаил, стремясь перекричать гулкой шум от раскрывшегося подобно цветку шара, – Вот оно слияние микро и макро мира, и возможностей перемещения в реальности.

– Так вот ты какой, цветочек аленький, – в ответ прокричал Андрей, не утративший чувства юмора, смотря на раскрывшийся огромный плазменный стусток, – и как же остановить его?

– Слово! – прокричал в ответ Архангел, – Вначале было слово!

Андрея осенило.

– Стой! – рукой остановил огненный шар Мальцев, –
Остановись!

Шар остановился и завис в воздухе как вкопанный.

– Исчезни с глаз моих долой! – повелительно приказал Андрей, – Изыди вон!

Словно бы послушавшись его слов, огромный огненный шар стал сдуваться подобно проколотой резиновой камере. Из внутренней горящей точки его спирали выпали какие-то подобные змеям отвратительные красные черви, которые попав на пол, беспомощно извиваясь, поползли к ногам Андрея и его друзей. Не выдержав, Мальцев раздавил маленьких гадов, и облегчённо улыбнулся, заметив как шар и черви растаяли в воздухе, словно бы их и не было.

Только сейчас Андрей заметил, что рядом с ним нет его Джесс, которую бесшумно поглотил большой чёрный шар, коварно влетевший незаметно к ним сзади. Воспользовавшись заминкой растерявшихся друзей, чёрный блестящий шар, пролетев сквозь стену, исчез из их глаз, став невидимым.

– Джесс! – закричал Андрей, смотря на стену, за которой исчез шар, поглотивший его любимую. – Вернись, слышишь!

Ангелы молча посмотрели на него.

– Где она?! – закричал Андрей, – Её нужно вернуть!

– Она там, где ей надлежит быть, – грустно посмотрел на него Архангел Михаил, – впрочем, и мы сейчас все присоединимся к ней.

– Так где же она, ангел? – только и спросил Мальцев.

– На площади, – тихо так ответил Ангел, – на городской площади.

Поединок

Андрей непонимающе посмотрел на друзей-ангелов.

– На площади? – переспросил он, – Что она делает там?

Михаил понимающе улыбнулся на его вопрос.

– Не только она ждёт там, – глянул на Андрея Архангел, – но и всё зло мира поджидает тебя... Готов ли Ты к поединку, который суть есть право выбора Твоего?

– Готов! – ответил Андрей и жёстко посмотрел на своего хранителя, – Чего ждём? Давайте к машине бегом, до площади ехать и ехать!

Ангелы дружно переглянулись в своих лучезарных улыбках.

– Ты забыл, что мы Ангелы Твои, – мягко напомнил о своих возможностях Рафаил, – и у нас есть крылья, и это, поверь нам, гораздо быстрее любой машины на свете.

– Но как же я, у меня нет крыльев? – пытался возразить им Мальцев, – Или вы меня с собой понесёте?

– И опять Ты забыл, что слово, вначале было слово, – улыбнулся Ангел Гавриил, – Ты, право, быстрее нас, вместе взятых.

– Ах, вот что, – догадался Андрей и, посмотрев на Ангелов, выдохнул, – что ж... летим!

Словно бы невидимые крылья раскрылись у него за плечами, и стены дома, повинаясь его взору, широко распахнулись, открывая им всем дорогу.

– Летим! – закричал Андрей и, подобно белоснежному голубю, вылетел из квартиры. За ним, широко раскрыв сияющие крылья, следовали его верные хранители.

Ну, вот и площадь.

Подлетая к ней, Андрей заметил огромное скопление людей и стоящих в центре толпы своих дознавателей су-

пругов Владимира и Лику Люциных. Рядом с ними находилась Джессика в окружении двух охранявших её отвратительных страшных существ с огненными глазами и чёрными когтистыми крыльями.

Подняв голову и увидев его, Джессика не удержалась и заплакала: – Спаси меня, Андрей!

Тихо, беззвучно и плавно в сопровождении Ангелов, приземлился Андрей недалеко от своей любимой.

– А-а-а, вот и ты, Господи! – глумливо хохотнула Лика Люцина, показывая всем на Андрея, – А мы уже тебя ждали! Хотела уже аггелов за тобой посылать: где наш Господь? А вот он!

– Дознаватель Люцина! – жёстко осёк её Андрей, – Ты что творишь, Лика? Что за чудища рядом с тобой?

Люцина ехидно посмотрела на Мальцева.

– Ты зови меня Лилит, – как-то по-змеиному прошипела она, – так ты меня звал изначально. Что, забыл уже?! А рядом со мной мои верные аггелы тьмы и бездны. Ну как, вспомнил уже?!

Мальцев посмотрел на её супруга непонимающим взглядом.

– Не смотри на меня так, Господи, не смотри, – не выдержал его взгляда Владимир Люцин, – я не тот, кем кажешь Тебе! Я не Люцин, и не Володя. Я есть падший ангел Люцифер, которого Ты изгнал с Неба!

Недоумённый Андрей вопросительно посмотрел на Архангела Михаила.

– Верно, они говорят сущую правду, – нахмурился Михаил, в глазах которого горел воинственный блеск, – видимо, он плохо усвоил старый урок, когда я по слову Твоему изгнал его с Неба! А не отправить ли его в преисподнюю, прямо сейчас, если Ты не будешь против? Армии Света ждут слова Твоего.

– Стойте! – остановила всех Лилит, мигом преобразившаяся в прекрасного и сверкающего тёмного аггела

бездны. – Михаил! Как ты смеешь настраивать Удерживателя против нас и лишать его права выбора?! Неужели ты не видишь, что человечество само приговорило себя бесстыдством своим к исходу в небытие?!

– Врёшь! Ведьма! – сверкнул очами небесного огня Архангел Михаил, – Или ты не знаешь, что если Он изойдёт из тела злым, тьма будет во вселенной, и если даже выбор свой не сделает Он, то всё застынет в безумии нынешнем своём!

Окинув презрительным взглядом Небесного Ангела, Лилит с чарующей улыбкой подошла к Удерживателю.

– Что, Андрей, – прошипела она, и длинный раздвоенный змеиный язычок показался из её прекрасных уст, – не нравлюсь я тебе такой? Ты посмотри, вот люди, которых создал Господь, который в Тебе есть. Вот, они злы и ненавидят друг друга, и сами себе они никто, и вместо света всегда избирают тьму, которая от начала моя есть. Ответь себе сам: неужели они достойны спасения, и что они сделали для того, чтобы спастись? Ты посмотри, как прекрасна и удивительна жизнь в физическом теле, неужели, когда я была женщиной, ты не желал обладать мной?! Остановись, обратись ко мне, войди в меня, и будем едины, ты во мне, и я в тебе, не так как на Небе, а как на земле, ибо и муж любит жену, и жена хочет мужа. Неужели ты не видишь, как прекрасен мир?!

Прошипев это, замолчала Лилит. Народ же на площади безмолвствовал.

– Ну, и как твой выбор? – вызывающе посмотрела на него великая блудница, – Со мной ты или против меня? Впрочем, постой, может мой муженёк скажет лучше меня и приведёт тебя к познанию тьмы, которая в Тебе есть?

К Андрею подошёл падший ангел.

– Ты помнишь меня, Отец наш, избравший сосудом своим человека? – посмотрел на него Люцин-Люцифер, – Ты помнишь, когда Ты создал человека, лишь я воспротивился поклониться ему, ибо посчитал его неравным прекрасному облику Твоему. И вот, я, самый верный и любящий Тебя сын Небес, был изгнан Тобой из нашего Небесного дома за то, что больше всех любил Тебя и поклонялся только Тебе! За что? Ответь мне, Сущий на Небесах?! За что Ты изгнал меня?!

Внезапно вся сущность Андрея полыхнула неведомым небесным светом, и он вспомнил всё, абсолютно всё.

– За что?! – прогремел голос Удерживателя, – А ты задумайся! Не тебе ли говорил Я, что вот, человек, создан-

ный по образу и подобию Моему. И если бы ты любил Меня, то и любил бы человека, которого создал Я по образу и подобию Моему. Ибо вдохнув в него жизнь, Я стал с ним Един !

Ничего не ответил ему падший ангел и отошёл от него, печалась в думах своих.

– Та-а-к, – прошипела Лилит, – твой выбор очевиден. Хорошо. Посмотри же на человека, которого создал Ты, полюбуйся творением своим!

С этими словами обольстительница, подняв руки к небу, прокричала: – Во славу мою, свершись предначертание!

Молнии полыхнули с неба, и гром прогремел весьма сильный, и огонь небесный низвергнулся сверху. Ладони Лилит вспыхнули и из них изошли огненные чёрные шары, великое множество, которыми она искусно жонглируя, играла и восхищала народ, собравшийся на площади.

– Вот твой народ, смотри на него! – прорычала демонесса, – А теперь я говорю: Люди! Поклонитесь, все поклонитесь образу моему и начертанию вашему, которое в вас есть! Ибо без явленного чуда любая вера мертва!

Толпа народа на площади дружно упала на колени, всячески восхваляя духа зла, как своё верховное божество.

– Люди, смотрите, люди! – шумела толпа. – Вот наш бог, который пришёл к нам и которому поклоняемся мы!

Торжествующая Лилит подошла к Удерживателю.

– Ну что, Андрей, – высокомерно произнесла она, обращаясь к нему, – я не жду от тебя такого же поклонения, ибо я не равна тебе. Но, давай править на Земле вместе, и верной супругой стану тебе, и царство наше царством тьмы назовётся, и везде будет стон и скрежет зубов в печали.

– Нет! – твёрдо ответил Андрей, – Царствие моё не от мира сего! Отойди от меня, сатана! Ибо зол ты и дух зла следует за тобой!

– А-а, – догадалась вдруг Лилит, – Джессика? Если хочешь, я стану такой же как она и будешь обладать обеими, что скажешь на это, рыцарь? Или мне убить её?

– Нет! – жёстко посмотрел на великую блудницу Андрей, – И ты была доброй, не злой, но извратила все пути свои и прелюбодействовала с миром похотью очей своих, становясь злой Поэтому, отойди от меня, дух зла, и не ищущай на злое!

– Так, – прошипела Лилит, – свой выбор ты уже подтвердил!

И посмотрела на падшего ангела.

– Люцифер! – прорычала она – Исполни же приговор тьмы, вынесенный ему изначально!

К Андрею подошёл падший ангел Люцифер, в руке у которого был горящий светоносный ангельский меч. Подойдя к Удерживателю, он остановился.

– Прости меня, Отец всех, за всё прости, – внезапно заплакал ангел, – прими покаяние моё на земле, как на Небе!

С этими словами Люцифер развернулся и подошёл к аггелам – бесам тьмы, держащим Джессику, и пронзил их своим светоносным мечом. Увидев, как бесы пали, молча подошёл к Удерживателю и, заплакав, встал перед ним на колени, положив свой светоносный меч у него перед ногами.

– Прости меня, Отче... – только и успел сказать ангел Люцифер, потому что подбежавшая Лилит с яростью воткнула ему в спину свой сияющий огнём меч.

Отбежав в сторону, она с вызовом посмотрела на Удерживателя.

– Значит так?! – зло прошипела Лилит, – Хочешь по-взрослому?! Получай!

С этими словами, демонесса мгновенно преобразилась в огромного, чёрного, как змей, огнедышащего древнего дракона.

Яростно полыхнув рекой испепеляющего огня по собравшимся людям на площади, словно бы забирая их в ад, чудовищный дракон вперил свой неподвижный змеиный взгляд в Андрея: – Равен ли ты мне, сын человеческий?! Не убоишься ли ты своего губителя?!

– Не убоюсь! – ожёг взглядом чудовище Удерживатель, и какая-то светоносная сущность изошла из его тела и мощной волной ударила по древнему обольстителю и губителю рода человеческого.

Плаваясь от ужасающего жара геенны огненной, полыхнул сей грозный дракон огнём и охватываемый озером раскалённого воздуха, дышащего огнём и серой, воспламенился весь и исчез полностью, навсегда!

На какое-то время в мире стало тихо.

– И что решишь Ты? – вопрошал Его верный Ангел Михаил, – Что избереешь из наказаний всем падшим людям века сего? Что явишь им?

– Любовь! – не моргнув и глазом отвечал ему Сын Человеческий, – Любовь, только Любовь!

Свет полыхнул везде и заполонил всё вокруг, поглощая собой миры, галактики, вселенную.

На этот раз – НАВСЕГДА!

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ

Не в словах Бог у человека, а в делах его

Отечество сильно своими героями. Один человек способен изменить очень многое, если он стоит на страже, оберегает сограждан не по приказу, не за материальные блага, а по велению души, всем сердцем болеет за настоящее и будущее не только страны, но людей, которым помогает, рискуя жизнью.

Вправе ли общество забывать об искренних и чистых в помыслах и действиях хранителях спокойствия. Когда такой герой жертвует всем личным, грудью поднимается на защиту слабых, обиженных, несчастных. Встает перед бандитами, закрывая своим телом беспомощных женщин и детей, вытаскивает людей из болот, находит в чащах, спасает от диких животных, из последних сил выносит из бескрайних лесных лабиринтов.

Можно конечно вообще не помнить ничьих заслуг, спрятать в глубинах памяти и времени все хорошее, что делает для страны и общества человек, помышляющий только о благе и процветании государства и каждого его жителя в отдельности. Но, может быть, зашевелится что-то в душе власть имущего, не все чиновники стали олицетворением безучастного бездушия. Новое поколение молодежи потеряло ориентиры в современной жизни. Куда идти, за кем следовать, кто является патриотическим ориентиром, кто встанет перед врагом в случае необходимости, если настоящих героев смешивают

с грязью или, в лучшем случае, не хотят замечать вообще. Молодежь должна знать, что искреннее желание служить обществу не будет безответным. Известный герой не должен быть забыт!

Андрей Валентинович Малышев оказался в органах правопорядка, потому что хотел служить и защищать – людей и идеалы патриота и гражданина. Не блага и деньги – нечто большее в душе привело его в ряды милиционеров. Во время службы в Сокольском ГОВД УВД Вологодской области много раз спасал людей в совершенно невообразимых обстоятельствах, когда еще не существовало поисково-спасательной службы, не было отрядов МЧС. Отыскивал пропавших, выносил живых и мертвых из болот и бескрайних лесов, обезвреживал опасных преступников, получал травмы и ранения, подвергался опасностям на грани жизни и смерти, загубил свое здоровье, но никогда не сдавался и не отступал, невзирая ни на что.

Милиционер это нечто большее, чем рядовой член общества. Он живет со знанием и чувством того, что жертвует собой во благо других. Это часть его внутреннего самосознания, долг становится его сутью и основой самовыражения. Таким человеком быть очень трудно. Он несет груз ответственности за все происходящее, его честность иногда кажется странной на фоне всеобщей неправедности и лживости. Такой человек – бесребренник. Он отдаст последнее, пожертвует всем материальным, он безвинно чувствует вину за чужие ошибки, всегда попытается помочь всем, кому плохо, отдать, что имеет.

Андрей Малышев никогда не считал, что совершает подвиг, когда одних спасал на пожарах, других вытаскивал из воды. Любыми способами, не думая о своей безо-

пасности, предотвращал гибель людей, потому что такая работа, таково состояние души, так бьется сердце.

Биография А. В. Малышева – развернутый атлас свершений, настоящая книга деяний гражданина, одной страницы которой хватило бы на десятки, сотни обычных жизней.

Обезоружить на центральной улице города вооруженного карабином пьяного агрессора, голыми руками, не находясь на работе, просто потому, что некому больше было это сделать, никто другой не оказался рядом и не пришел на помощь женщинам с детьми и старикам.

Кто еще может рассказать, что предотвратил радиационное заражение города с населением в пятьдесят тысяч человек. По тревожному вызову в одиночку противостоял банде пьяных бандитов, напавшей на детский лагерь, отказавшись от помощи прикомандированных к отделу девушек, не желая подвергать опасности их жизни. Нравственное благородство такая же составная часть его натуры, как мужество и стойкость.

За спасение людей Майор Малышев был представлен к высокой государственной награде.

Станным образом представление затерялось в неких кулуарах власти. Но по ходатайству тогдашнего вологодского губернатора Золотой Звездой Героя Российской Федерации была удостоена жительница Грязовца, принявшая участие в спасении скота с фермы-комплекса, принадлежащего родственникам того самого губернатора. Альтернатива и годы назад показалась землякам Малышева странной, кажется таковой и сегодня. Ведь Малышев не скот спасал, а людей. И не один раз, а много раз спасал, вытаскивал других, подвергая опасности свою жизнь. Но как была власть в руках чиновников, моющих друг другу руки, такой же она и остается по сей день.

К слову сказать, о честности работников ГУВД Вологодской области ходят легенды по всей России. Как известно, они не берут взятки на дорогах, в любых дорожных ситуациях всегда отстаивают закон и порядок.

Но сюжет развернулся в противостояние честного милиционера мэру города.

Ситуация выглядит достаточно странной, когда сотрудник милиции пытается бороться за законную справедливость, а чиновники начинают его за это преследовать. После того как в 1993 году Малышев А. В. отказался отозвать свой доклад об автомобильном наезде на женщину Главой района, пребывавшем в нетрезвом состоянии, было отозвано представление о награждении Малышева за спасение жизни людей. Милиционер пожертвовал собой, чтобы спасти нескольких человек, в том числе женщину. Представитель власти сбил другую женщину и скрылся с места преступления. Младший лейтенант, как неравнодушный свидетель и потому что это его обязанность и работа — попытался восстановить законность. После чего милиционер стал подвергаться гонениям и не только не получил награду, но был лишен всего, до чего смогли дотянуться нечистые чиновники от власти. Тот самый мэр, задержанный по факту ДТП, изощренно и умышленно довел до инфаркта мать Андрея Валентиновича. К самому лейтенанту Малышеву приезжала Скорая помощь не после его поединков с бандитами, а после объяснений с чиновниками, желающими оставить биографию запятнавшего себя Главы города незапятнанной.

За прошедшие годы многие депутаты различных партий ратовали за заслуженное награждение А. В. Малышева. Депутат Гос. Думы И. В. Пономарев, лидеры партий Миронов С. М., Жириновский В. В. также ходатайствовали за майора Малышева, но получили отказ. Чинов-

нический аппарат не видит и не считает, что Малышев А. В. имеет заслуги перед городом и страной.

Те, кто был у власти, когда Андрей Валентинович жертвовал собой для других, давно, с позором или мирно отстранены от кормил, спокойно почивают с хорошей пенсией или собственным бизнесом. А майор милиции в отставке, человек, заслуживший хотя бы благодарность, отброшен за ненадобностью.

**ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ-МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ
«НЕФОРМАТ»**

Депутат Государственной Думы РФ Пономарев
162130 Вологодская область

Город Сокол, улица Советская, дом 73.

Главам Администрации Сокольского Муниципального рай-
она и города Сокол Вологодской области.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Город Москва. 21.11.2013 года.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И. В. Пономарёв, в соответствии с Законодательством Российской Федерации, и ввиду того, что представление к награждению государственными наградами России осуществляют представительные органы муниципальных образований, ходатайствует о награждении высшей государственной наградой Российской Федерации — Малышева Андрея Валентиновича, 27.08.1963 года рождения, уроженца города Грязовец Вологодской области, проживающего по адресу: 162132 Вологодская область, город Сокол, улица Производственная, дом 20, кв. 58, ветерана МВД РФ, майора

милиции (в отставке), ветерана труда, ранее после службы в рядах Армии служившего в Сокольском ГОВД УВД Вологодской области с 29.12.1984 года по 07.05.2003, вышедшего в отставку по ограниченному состоянию здоровья, поощрявшегося руководством более 30 раз, в том числе награжденного: Знаками «Отличник милиции», «За заслуги в обеспечении правопорядка», медалями «За безупречную службу» и «За отличие в службе» всех трех степеней, медалью «Ветеран МВД России». За спасение людей по линии МЧС РФ – Личной Благодарностью Министра МВД РФ В. Колокольцева от 09.11.2012 года и медалью МЧС РФ «Маршал Василий Чуйков» приказом министра МЧС РФ В. А. Пучкова от 19.09.2013 года.

Учитывая факт, что имеются все основания к награждению А. В. Малышева высшей наградой РФ за следующее:

1. В 1993 году Сокольским районным судом Вологодской области по статье 206 частью 3 УК РФ к лишению свободы был осужден гражданин Падалка, при задержании которого работник милиции Сокольского ГОВД А. В. Малышев совершил геройский подвиг, а именно: осужденный Падалка в поселке Литега Сокольского района Вологодской области, забаррикадировавшись в квартире на первом этаже, захватил в заложницы ребенка – девочку, угрожал ее убить и расчленил топором. Учитывая экстренную ситуацию, до прибытия бойцов спецназа и группы захвата Малышев А. В. отказавшись от применения табельного оружия – пистолета «ПМ», ввиду того, что преступник закрылся девочкой как щитом, неоднократно рискуя собственной жизнью, под ударами топора бандита пробивая собой двойное стекло и разбиваясь при этом в кровь, запрыгнул в квартиру и приемом боевого каратэ обездвижил преступника и тем самым спас жизнь малолетнему ребенку. Малышев А.В. пошел

на самопожертвование чем совершил геройский подвиг, который до сих пор Родиной и Государством не отмечен.

2. В 1993 году Сокольским районным судом Вологодской области по ст. ст. 146, 206, 144, 193 УК РФ был осужден к лишению свободы гражданин Дедов, при задержании которого участковый инспектор Сокольского ГОВД Малышев А. В. находившийся на выходном и без оружия, совершил геройский подвиг, когда при штурме квартиры – притона по адресу: город Сокол, улица Вологодская дом 14 (1 этаж пятиэтажного здания, выходной день) опасный преступник Дедов с целью убийства участкового Малышева А. В. через выбитую дверь с силой метнул в него топор на поражение, но Малышев А. В. не ушел с линии атаки, так как сзади пробегали посторонние безнадзорные дети, и закрыл собою дверной проем, в результате чего получил серьезное ранение; преступник был задержан. Таким образом был совершен геройский подвиг, который Государством не был отмечен.

3. В период с 1995 по 2000 год, учитывая факт, что на территории города Сокол и города Кадников и всего Сокольского района Вологодской области не было своего поисково-спасательного отряда МЧС РФ, а люди бесследно пропадали без вести и гибли в лесах, на болотах, и водоемах, участковый инспектор Малышев А. В. создал внештатную объединенную поисково-спасательную группу и лично участвовал в ее работе постоянно, не освобождаясь от своей милицейской работы, а параллельно, за счет личного времени. Рискуя жизнью, проваливаясь по грудь в болотную жижу и холодную воду, Малышев А. В. и члены его группы разыскивали живыми и мертвыми, на себе вынесли и спасли более 100 человек!

Малышев А. В. за время многолетних поисково-спасательных операций серьезно повредил свое здоровье, в настоящее время не работает.

Чем в течении многих лет Малышев А. В. совершал геройский подвиг и иные описанные подвиги и другие особые заслуги в деле спасения без вести пропавших, которые до сих пор достойно не были отмечены Государством.

Исходя из вышеизложенного, ходатайствую:

Представить А. В. Малышева к награждению высшей государственной наградой Российской Федерации.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания – Парламента РФ И. В. Пономарев.

СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация	3
Гражданин Неба.....	8
Родина (Родом из детства).....	14
Монах.....	22
Елена Прекрасная	24
Лена	43
Ангел	46
Преображение.....	50
У костра.....	53
Бантик.....	67
Ефрейтор Сушёный.....	69
Бабуля.....	72
Щука.....	75
На Саланге-реке.....	81
Акула	86
Айк	90
Кузьминична	97
Тишина	106
Долг.....	114
Малолетки.....	121
Постовой.....	127
Пристав.....	131
Костерок.....	135
Колобок	138
Петька	140
Жертва	142
Истина лейтенанта Соколова	145
Зверь	200
Утренняя звезда	229
Капитан зари	277
Раса Господ	357
Ангелы улиц	413
Удерживатель	433
Забывтый Герой	507

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Андрей Малышев

Познавая Истину

ИЗБРАННОЕ

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

Подписано в печать 08.11.2018. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 32,5. Тираж 50 экз. Заказ 726.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»